

Союз писателей ЛНР

Время Донбасса

ЛИТЕРАТУРА НАРОДНЫХ РЕСПУБЛИК

Луганск
2016

УДК 821.161.1-822
ББК 84.4 ДНР-ЛНР-РОС 6
В81

В81 Время Донбасса. Литература народных республик. Альманах Союза писателей ЛНР. — Луганск. 2015. — 496 с.

Этот сборник — художественный итог еще одного года свободной жизни Донбасса. Стихи, проза, драматургия повествуют о человеческих судьбах, закалившихся в боях, о непростом выборе и цене свободы, о силе и слабости, о духовном единстве русского мира и непреходящей людской вере в лучшее будущее.


**ЛУГАНСКИЙ
ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ЦЕНТР**

око́рка . ru



*Альманах издан при финансовой поддержке:
Министерства информационной политики, печати и массовых
коммуникаций ЛНР, Государственного информационного
агентства «Луганский Информационный Центр», сайта
современной военной литературы око́рка.ru*

© Союз писателей ЛНР, издание, 2016
© Сурнин А. А., верстка, дизайн, 2016

В ЕДИНСТВЕ С ПРАВДОЙ

Выход очередного сборника Союза писателей ЛНР становится уже доброй традицией. В нем подводятся художественный итог еще одного года свободной жизни Донбасса после судьбоносного выбора. Еще один год, начавшийся с боев, с зимнего Дебальцевского «котла» и военной победы, а затем шедший долгой, трудной дорогой к миру. Главное же — за всеми сводками новостей и сообщениями информационных лент скрывался человек, стояли живые люди со своей болью и проблемами, принесенными войной, распадом некогда цельного мироздания и мучительного рождения нового. Вот эту человеческую рефлексю в своей полноте способно выразить только искусство. Особенно — искусство слова. Потому что литература — прежде всего сопереживание, способность взять на себя чужую боль и нести её, как крестную ношу. И донести, не расплескав и не исказив в процессе творческой работы.

Писателями, как и солдатами, не рождаются. Ими становятся. Когда невозможно не писать. Не от рафинированного сартровского отчуждения от действительности, а, наоборот, от экзистенциального давления внешних — предметных! осязаемых! — обстоятельств бытия, открывающих новое понимание привычных вещей. И тогда происходит переоценка ценностей — добро и зло, правда и ложь, большое и мелкое отчетливо занимают свои места в сознании, а мироздание обретает для человека ясность и устойчивость. Не шаблонов, но истины. И возникает понимание общих целей, объединяющих абсолютно разных людей в новую общность. Или — восстанавливающих утраченную. Борьба Донбасса за свою идентичность, за единство с цивилизационным пространством русского мира и стала идеей, соединившей творческое начало поэтов и прозаиков, драматургов и публицистов Луганска и Донецка,

Москвы и Питера, городов и поселков России и Новороссии, где живут талантливые неравнодушные люди.

Сборник «Время Донбасса» наполнен правдой жизни и художественной правдой. Они дополняют друг друга, создавая особое эстетическое качество достоверности и искренности. И при этом сборник «дышит» удивительным оптимизмом и осознанной верой в лучшее будущее. Потому что произошедший тектонический сдвиг «русской весны» явил на Донбассе примеры потрясающего мужества и силы духа, раскрыл безграничную возможность человеческого потенциала в созидательном плане. Постигание человека, глубины его внутреннего мира, осмысление мотивации действий и ясности видения перспектив — характерная особенность всех произведений сборника. Движение к усложнению образности и метафоричности при максимальной открытости содержания свидетельствует не только о качественном росте литературы Донбасса и о Донбассе, но и о неистребимости запроса на реализм. Запроса на правду, который раз за разом и возрождает к жизни негламурную литературу и подлинно народное творчество.

Сборник «Время Донбасса» аккумулировал в себе искренность и неравнодушие. И рожден был искренним движением человеческих душ, объединенных Союзом писателей ЛНР и авторами сайта Современной военной литературы <http://okorka.ru/> при искренней же поддержке «Луганского Информационного Центра» и Министерства информации, печати массовых коммуникаций ЛНР. Это сотрудничество, как и творчество, идет от реальной жизни и результатом своим возвращается к людям.

*Владимир Олейник,
кандидат пед. наук,
литературный редактор
сайта <http://okorka.ru/>*

Поэзия

ТАНЦОР БУТО

Здесь не страшно и здесь — не больно:
я забыла, где боли край,
в мирном Питере всё спокойно —
город выстрадал этот рай.

В мирном Питере — дождь, а дома...
дома — реки с кровавой пеной,
дома — поле не пахнет сеном,
дома — поле клубится паром
жаркой бойни, скосившей злак...

Дождь без устали — это знак:
кровь не высохнет, сель не кончится,
дом потоками унесёт.
Будут — грязные длиться игрища,
пепел — таять в скупой горсти,
будет — взрыто и будет — выжжено
поле маково до кости.

Пока зверем бездомным тащится
по дорогам моим АТО,
пока допьяна, всласть напляшется
смерть — незрячий танцор будто.

* * *

Двор мой ветхий, дом разбитый,
псинка старая моя,
видишь, папа, наши квитки
«стёрла» мёрзлая стерня,

чёрный ветер ночью грозной
выдул память из щелей,
видишь, папочка, берёзки
наклонились до корней,
стало холодно и жутко
в том краю, где пел наш птах,
в поле выжженном и жухлом —
человечьи кровь и прах.
Двор мой милый, дом мой отчий
кто хранит ваш детский сон?

Выйду босой, выйду ночью
на чужой хромой балкон —
вижу сквозь туман лохматый
край, измученный войной,
вижу — в поле ангел — папин —
ищет стежечку домой.

ДОНБАССОВЕЦ

Я снова убит...
Под Донецком,
 Донецком,
 Донецком
Из винтовки немецкой...
Александр Тиханов

Я не буду убит под Донецком
Из новой винтовки немецкой.
Я не буду убит под Луганском:
Воспитан движеньем стахановским.

Может быть, буду ранен... вполсилы.
Здесь хранят меня дедов могилы,
Берегут меня скифов курганы,
Где спят предки мои, великаны.

Здесь, на славной русской равнине,
Враг завязнет пусть, словно в трясине.
Не помогут ни пушки, ни танки,
Гнить в земле будут вражьи останки.

Дует ветер от Русского моря
И несёт до нас песню прибоя,
О Победе в которой поётся.
С этой песней мой голос сольётся.

ЛЕТО 2014

Не уйдёт бесследно это лето,
Не исчезнет пухом на ветру,
Нам ещё с тобой довольно света,
А не хватит — с окон пыль сотру.

Не исчезнет вмиг и не растает
То, что и случится не должно,
Ну а если света вдруг не станет,
Я возьму и выдавлю окно.

Закричу туда, где ходят люди:
— Люди, вы сейчас сошли с ума!
Не гоните свет, его не будет,
Будет только мерзкая зима!

Не слышали меня и не узнали,
Отвернулись, будто меня нет,
Гибли под снежинками из стали,
Убивали, но тушили свет.

Знаю, что один всегда неслышен,
Потому в окно и не кричу,
Я спокойно выхожу на крышу,
Я молчу, я жгу свою свечу.

РУССКОЕ ПОЛЕ

Тут можно рубли не менять,
не прятать во рту глагол.
Не надо на ять обзывать
поля, где бывал монгол.

Ты Бога в ночи попроси —
пусть Он не забудет про нас
в бескрайних просторах Руси,
где черное небо и квас.

Мы веруем в чудо всерьёз,
своих избираем вождей,
нас кутает зимний мороз
и летняя зелень полей.

Берёзовой зебры стада
стоят через ямы дорог,
их давят вокруг города
подошвой бетонных сапог.

Вот милая родина — дом,
вот церковь моя, а вот крест.
Сыграй мне сегодня о том...
Сыграй мне, военный оркестр.

СОН ПАУЛИНЫ

Ты остался в смолистых разливах весны
среди сосен, на дрожащих ладонях земли.
В редкой зелени — грубая сила.
Я напрасно к вознице ходила,
я напрасно стояла в сиротской Степи
рябь весеннюю в небе стелила.
Уезжает повозка по первой крови
тощих труб отрешенья от мира.
Сгинь, сердце, на Млечном пути!
Не нужно сто жизней, в одну все вмести!
Возница смеялся тогда надо мной:
— С дороги! Кедр умер! Теперь он не твой!

БАЛЛАДА

Любимая в ризах, незрелой пшеницей укрыта,
Невеста вечная скифской степи.
Твое отраженье собрал я
 в плавнях красных лиманов,
где зерна полыни как свечи горят.
Любимая! Строю мост над бездольем миров,
Над великой небесной купелью,
Опоясанный пьяною нитью дорог мирозданья,
Жду твоего возвращения, вечная странница.
Кольца обручального замкнутый круг,
Белых бинтов подвенечное платье —
Станет залогом любви.
Любимая, жив я! Прости...

С ДОБРЫМ УТРОМ...

Чуть дрожит рассвет. Разгоняя мрак,
солнце лезет вверх и слепит глаза:
— С добрым утром, мой недобитый враг.
Я в дозоре, значит, стрелять нельзя.

И не знаю, рад тому иль не рад,
что вчера тебя не поймал в прицел...
Нас прошедшей ночью утюжил «град» —
два «двухсотых» рядом, а я вот — цел.

Я лежу, оглохнув от тишины,
и жую травинку, чтоб не курить,
а на той, другой стороне войны,
мой заклятый враг продолжает жить.

С ним росли бок о бок, в одном дворе,
и играли в прятки, в войну, в футбол:
невдомёк играющей детворе,
что один «кацап», а другой «хохол».

Старый дом разрушил шальной снаряд,
там погибли дочь моя и сынок...
— С добрым утром мой недобитый враг.
Мне осталось только спустить курок.

СЕПАРАТИСТ

Когда осела пыль от взрыва,
над домом дым завис, когтист...
Мужик спокойно, без надрыва,
сказал, что он — сепаратист...
Что он до смерти неизбежной
отныне — ватник, колорад,
но он не примет незалежность,
которую вещает «град»,
в которой войско атакует
не вражий дот, а дом в саду...
Не примет неньку он такую —
ни подобру, ни по суду,
не примет ни за что на свете —
уж лучше сразу наповал...
Сказал мужик: вот Бог — свидетель,
и крест на этом целовал...

* * *

Мой сын уходит на войну,
а небо плачет над Говерлой,
и ветры, вспомнив старину,
уныло тянут «ще не вмерла»...
А сын и без горилки пьян,
хороший мальчик, но упрямый,
мне говорит: «Ну что ты, мам?» —
и, спохватившись: «Що ты, мамо?»
А что я, що я — кто поймёт,
когда и сын понять не хочет...
А над Говерлой — не налёт,
гроза раскатисто грохочет...

И я молчу, почти сомлев,
и на пол падает икона,
а ветры тянут свой напев
про «ще не вмерла» похоронно...

НА ДВОИХ

Нас с тобой не обманули —
все как обещали:
вот тебе хватило пули,
мне кусочка стали...
Оба мы легли, где вышло,
оба — небезгрешны,
над тобою плачет вишня,
надо мной — черешня...
Над тобой заплачет мати,
мама — надо мною...
Горе в доме, горе в хате —
черной полосою...

ХИМЕРА

Вот пуля пролетела и (помните?)
ага...

Один,
спасая тело, ударится в бега,
другой
(другим наука?
но боже, боже мой...)
ухватит
каменюку — и в бой (такой герой!)...

Он
самых честных правил
(а тот, кто там — не прав!),

дробит
брусчатку в гравий —
и в крик: «Героям слав...»

Горит майдан, пылает — и рушится страна...
Что говоришь — больная? И вылечит война?

ВЫШИВКА

Там, где нынче в полях вышивают узор
не стежком, а свинцовыми швами,
там «Игла», и для ангелов тоже резон
для отмены полётов над нами...
Но с нелётной погодой не могут они
примириться — и гибнут без счёта...
И идут по стране окаянные дни,
и на небе зияют пустоты,
а узоры, кровя, покрывают поля,
прошивают навывлет живое —
и глядит в небеса мертвым взглядом земля,
и молчанье её — гробовое...

СПАСЫ НА КРОВИ

На серой ткани мешковин,
как шрамы, грубые плетенья...
Кто звал вас, Спасы на Крови,
в когда-то мирные селенья?
Вихрастый хлопчик не встаёт,
ему июль уже не нужен —
он выпит смертью до краёв,
до ложа мягкого из стружек,
до каменеющих в слезах
отца и матери над сыном,
до слов, которых не сказать —
они из горла кровью хлынут...

* * *

А «скорая» меня не довезла,
напрасно била об асфальт колёса.
В единый миг я стала безголоса
среди руин и битого стекла.

Подумайте: молчать! А что осталось?!
Не видеть мир, не трогать и не слышать,
как бисер, дождь рассыпался
по крышам...
Опять не повезло — какая жалость.

* * *

Она близка и набирает силы,
Нешадно рушит семьи и дома.
Она копает свежие могилы,
Землёю засыпает их сама.
Имён ей много на планете дали.
Невежество моё прошу простить,
Одно я имя чётко знаю — Кали.
Его навряд ли можно позабыть.
Но как её вы там ни назовёте,
Страшна была в любые времена
В своей простой чудовищной работе,
Безжалостная женщина — Война.

МОЛИТВА

Услышь нас, Господи, мы — живы,
пошли на землю свой конвой
гуманитарный. Тянет жилы
сирены вой и ветра вой...

Поверь нам, Господи, мы — люди.
В братоубийственной войне
за всех солдат молиться будем
на той и этой стороне.

Прости нас, Господи, мы серы
и сиры в глупости своей.
В родной земле греша без меры,
мы просим процветанья ей...

Спаси нас, Господи, мы слабы:
от минометного огня,
стрельбы и ненасытных «градов»,
мы сами не спасем себя.

Спасибо, Господи, мы — живы...

* * *

Когда закончится война,
я упаду ничком на землю.
Пусть зарыдают в проводах
ветра — я больше не приемлю

испуга в солнечных глазах
бинтованных крест-накрест окон.

Теперь пусть радует гроза
оранжевым разрядом тока.

Пускай тяжелые идут
машины по вечерней трассе.
Мы забываем про войну —
их гул не страшен, не опасен...

Мы забываем о войне,
мы забываем, забываем...
О жесткой танковой броне,
о беженцах в июне-мае,

о развороченных телах
на площади кровавом блюде
и о безжалостных словах
должны забыть... но не забудем.

* * *

Боже, раскрой над домом моим
 синий зонт небосвода
и слезы смахни с окон-глаз радуги полотенцем.
Тот материк, где я есмь,
 открыто встречает восходы
и провожает беспечно составы со станции детства.
А писем не стоит ждать:
 листочками листопада
кружится моя печаль, чтобы заполнить сцену.
Есть вечера светлый час — и ничего не надо.
В мире царит покой — тих, одинок, бесценен...
До Вечности только миг.
 Качаются занавески.
Негромкий огонь свечи ещё вдыхает мой голос.
И беспокоит лишь взгляд
 мальчика с древней фрески,
что под прессом времён морщинами раскололась.

Ирина Горбань

* * *

И была в этот день война,
И горячими слёзы были.
Выли пули и бабы выли,
Исчерпав злую боль до дна.

А на дне был скупой мороз,
Или слёзы скупыми были,
Мы войне сто дорог закрыли,
Чёрт её в этот день принёс.

И была в мёртвых пулях злость
Или месть, только злости — больше.
От Донецка до самой Польши
Горя большего не нашлось.

Да и меньшего горя нет.
Плачет день. Или плачут бабы.
Если скажут: «Иди!» — пошла бы,
Отвела бы детей от бед...

ЗАКРИЧАТЬ В НЕБО

Если уши зажать ладонями
И зажмуриться очень-очень,
Закричать, чтобы люди поняли:
Нет рассветов, а только ночи.

Если жизнь в одночасье рушится
И не видно нигде просвета,
Где земля — голубая сушица —
Вдруг погрязла в чужих советах,

Захлебнулась слезами горькими,
Взорвалась, пошатнулась домом,
И судьба небольшими горками
След оставила, стала долом.

Знайте, люди, она не вертится,
Встала дыбом, скулит убого.
Все выносливы, если терпится,
До предела, до веры в Бога.

РАНЕНЬИЙ ЛАНДЫШ

Горе не знает границ,
Взрывы границы стирают,
А у Донецких окраин
Ландыши падают ниц.

Взорваны души и мир,
Взорвано всё первоцветье,
Криком заходятся дети,
Эхо взорвало эфир.

Нет ни конца, ни начал
Всепоглощающей боли,
А на окраине поля
Раненый ландыш молчал...

«ЕЖИ» И ЁЖИКИ В ТУМАНЕ

Моим ополченцам. Мужикам настоящим.

Ну, какая мечта
 о каком-то тумане?
Ни ступить, ни пройти —
 всё «ежи» да «ежи».
Под ногами трава
 без имён и названий.

Ночь.
 Луна.
 Снова ёж.
 И вокруг — миражи.

Где-то танк у обочины —
 дулом в Планету,
Где-то ров, по которому
 бродит Луна.

Это лето ушло,
 будто не было лета,
А вокруг — то ли мрак,
 то ли слёз пелена.

Бабье лето раскрасило
 лес и дубраву,
В паутине — растяжки.
 Осенний сезон.
А ежам всё равно,
 кто находится справа,
Если слева из церкви
 плывёт
 перезвон.

ЖИВЫЕ КАЛЕНДАРИ

Когда устали все календари
Листать за днями дни, за датой даты,
И вторник ни о чём не говорит,
Но четверги, слепые коменданты,

Последних дней открыли вдруг глаза,
Что жизнь людей — оторванные листья.
Я помню: кто-то грамотный сказал,
Что у войны предназначенье — лисье,

Но не поверю. Жёсткий здесь посыл:
Шакальи стаи по дорогам бродят.
У Смерти не забрать тупой косы,
Но ходят слухи о серпе в народе.

Спасибо — не о молоте жужжат.
Какой резон искать в глазу соринку?
Вдруг слышу: над погибшим, в гаражах,
Рыдает календарная картинка.

ГОРОД-ТЕЗКА

Донецку ДНР 2014 г.

Потерян страх, и детская рука
Видна из-под кровавой распашонки.
К чему, зачем и для кого война?
С оружием мальчишки и девчонки.

Под залпы сон, под канонаду ужин,
И черные от гари небеса.
Кому-то этот х<a>ос точно нужен,
Горят поля, стоят в дыму леса.

Потерян страх, и люди по привычке
Идут по тротуару под обстрелом.
А на газоне девочка с косичкой
И лужа крови — жизни под прицелом.

К чему, зачем и для кого война?
С оружием мальчишки и девчонки...
Потерян страх, и детская рука
Видна из-под кровавой распашонки.

* * *

Затихло. Дым повсюду веял,
Накрыв разрушенный квартал.
В проемах сорванные двери
Скребли металлом о металл.
В ушах еще звенели взрывы,
Во рту царапался песок,
Волны погибельной порывы
Ушли грозой на восток
И, встав спиной к далеким вспышкам,
Приладив сбоку пулемет,
Стихи читал седой мальчишка
О том, что в Киев он войдет.

* * *

Выросла ромашка-цвет на краю траншеи,
К солнцу потянулась, к синим небесам.
Лучики над облаком ярко заалели,
Посмотреть на это всё я б поднялся сам.
Я б поднялся, сбросив с ног сапоги истлевшие,
И шагнул бы радостно прямо в дождь грибной.
Где же вы — все павшие, заживо сгоревшие,
Сгинувшие без вести сразу вслед за мной?

Вслед за мною встали вы, рать единокровная,
Кто перекрестившись, кто и с матерком.
Так и полегли мы все в это поле ровное,
Где трава колышется свежим ветерком.
Выросла ромашка-цвет, золото душистое,
Ты не рви её в венок, дочка, подожди.
Видишь, лепестки её смотрят в небо чистое —
То медаль наградная на моей груди.

ПОДВАЛ

Нацизм — это дети в подвале!

Как кровь из незакрытой раны,
Из государственных речей
Польется «правда» палачей
От бесноватого Майдана.

Кто им сказал, что им по силам
Идти на Бога и людей,
А чтобы целиться в детей
Уж так бесила их Россия?

Покрыта язвами воронок
Вчера цветущая земля —
Убить любого москаля
Пришел майдановский подонок.

О, если б эти суки знали,
О, если б кто-то им сказал,
Как смотрят детские глаза
В глухом захлопнутом подвале.

Война — не новости с экрана,
Зовет к отмщению скорей
Плач почерневших матерей —
Проклятье буйного Майдана!

И если кто-нибудь попросит
Сказать, за что я сердце рвал,
Отвечу так — за тот подвал,
Где плачут дети Новороссии!

В ОГНЕ

Сорвала близкая родня
Семьи подношенное платье.
А кочковатая стерня
В предчувствии беды — пылать ей.
Горят посёлки и поля,
Рыдают окна изб и травы.
Огонь и дым. Сердца болят
От стрельб коричневой оравы.

Стащили платье у страны —
Никчемность оголилась сразу,
И оцетинились мослы
Без крепких и надёжных связок.
Пожарище со всех сторон.
Кто сможет и пожар потушит?
Беспомощно пылает дом,
Донбасс, и наши души.

Отары пастуха винят:
Не разумеет их, голодных.
Сменивший — сразу на коня
И убивать всех неугодных.
Но ярь огня пора унять,
Понять — овины в чём повинны?
Горит стерня от ячменя,
Луганск, Донецк, вся Украина.

Вадим Десятерик

* * *

Напишите стихи про войну,
Так, чтоб не было лишних фраз.
И молю, не порвите струну,
Ту, что соединяет нас.
Подберите такие слова,
Чтобы души смогли летать.
Чтобы вера осталась жива,
Не теряла ребенка мать.
Чтоб отец возвратился домой
Со щитом, на белом коне.
Чтоб не гибли на передовой,
Те, кто верен своей стране.
И свяжите весь буквенный ряд,
Так сподручнее изучить.
Может, пушки тогда замолчат
И дадут нам спокойно жить.
Я прошу, не порвите струну...
Это просьба, а не приказ.
Напишите стихи про войну,
Так, чтоб не было лишних фраз.

* * *

В этом крае каждую безымянную реку
называли Черной. И человеку
выживать было сложно. Выжили полукровки,
привыкшие жить в болотах, у черной кромки
неба с болотом. Проросли цветами,
желтыми, безымянными; и кустами
с красной кожей, растущими у дорог.
Черные реки и черные нити отмеряли каждому срок.

Я иду к тебе через каждую черную реку.
Сквозь закрытые веки, вбирая мартовский снег.
собирая боль, что отмерена этому веку,
каждой бабе, потерявшей любимого на войне.
Я иду к тебе, стирая железные сапоги,
изгрызая железные караваи, и я сильней,
чем вот эта тьма, в которой не видно ни зги,
чем вот эта боль, где теряют любимейших на войне.

Я иду к тебе по желтым цветам да по черным рекам,
я вобрала всю боль, что отмерена человеку,
я иду по болотам да через степь и холмы,
набегает с юга солнце волной лучевой.
там, за гранью, я тебя встречу, и будем мы,
я иду к тебе, и не кончено ничего,
ничего еще не кончено, ничего.

* * *

Как мы играли, не ведая, что творим,
как мы сочиняли, не ведая, что творим,
а теперь стоим перед ликом Твоим
посреди разрушенных городов,
небосвод широк, небосвод багров,

и стоим такие маленькие перед бу-ду-щим,
и, как новорожденные, пищим,

потому что это все мы тут наиграли,
а за нами не пришли, не убрали,
по попе не надавали, некому стало,
на кровати больше нет одеяла,
и стоишь тут в дыму, в мазуте и в сале:
это ж мы тут все наиграли,
я и Ванька из дома через дорогу,
да играли, вроде, совсем немного,
а у черных домов проломлены крыши,
и они дымят, и шныряют мыши
по развалам и, кажется, едят кого-то,
Ванька лег, не выпустив пулемета,
с вражеской нашивкою — как же мог,
надо маме его написать письмо.

И стоит Иван-дурак посреди войны,
и Ивасик-Телесик стоит посреди войны,
незасеянные степи обожжены,
города разрушены и черны.

Только в синем небе, большом и светлом,
бесконечно далеко от земли и смерти,
все летят гуси-лебеди, белоснежны у них крыла,
и, как раньше, песня у них светла,
и ложится небесный пух вместо зимних выюг,
укрывает землю искромсанную твою.

* * *

В город пришла война.
В город ложатся мины.
В городе разорвало водопровод,
и течет вода мутным потоком длинным,
и людская кровь, с ней смешиваясь, течет.

А Серега — не воин и не герой.
Серега обычный парень.
Просто делает свою работу, чинит водопровод.
Под обстрелом, под жарким и душным паром.
И вода, смешавшись с кровью, по улицам все течет.

И, конечно, одна из мин
становится для него последней.
И Серега встает, отряхиваясь от крови,
и идет, и сияние у него по следу,
и от осколка дырочка у брови.

И Серега приходит в рай — а куда еще?
Тень с земли силуэт у него чернит.
И говорит он: «Господи, у тебя тут течет,
кровавый дождь отсюда течет,
давай попробую починить».

* * *

На самом деле, Бог нас оставил всех,
в каждом селе и городе;
этот век объявлен отпуском Бога, и черный снег
замел в феврале поля и покровы рек.

Но этот город, партизаном засевавший в степи,
сказал, что к нему известия не дошли,
сказал, что лучше он превратится в пыль,
в траву, и пепел, и соль земли,
но будет жить весь город, и стар, и мал,
как будто Бог их ни разу не оставлял,
как будто никто их ни разу не предавал.

И с неба падают черные лепестки,
и воды отравлены здесь у каждой реки,
но город живет, обнимая детей своих,
как будто Бог никогда не оставил их,
и Бог никогда не оставил их.

ДОНБАСС-2015. ПОСЛЕ БОМБЁЖКИ

Пусты оконные глазницы,
обожжены глазниц ресницы,
немой укор густых дымов
из изувеченных домов.
Печаль руин людских идиллий —
по тем, кого они ютили
и чей светильник вмиг задут
в их райском ждущем их саду.
Совсем не мраморные стелы —
стоят обугленные стены,
от копоты вины смуглы:
не заслонили, не смогли...

ИСХОД ОТ ВОЙНЫ

У страха глаза — как жаркí:
ни черных, ни синих, ни карих;
в завязке кроссовок шнурки
по ходу сбивают пыль гари...

Бежит на вокзал марш-бросок
совсем не военных нарядов
с оглядкой на дом — хоть разок —
под гром несалютных снарядов:

кварталы безлюдных квартир
слезятся глазами окошек,
и воеет под грохот мортир
кортеж провожающих кошек.

ЛЕШКИНА ЛЕЖКА

Ах, как трель птичья громка
Над излучиной всей!..
Зной.

 Нейтралка.

 Зелёнка.

Где-то там — Алексей.

Улыбается Лёшка
С погонялом Шахтёр:
Вышла славною лёжка,
Не заметишь в упор.

За спиною крапивы
Непролазной пласты,
Слева — старая ива,
Справа — топь и кусты.

Он лежит, незамечен,
За пожухлой травой,
Утром даже кузнечик
Не учуял его:

Выгнул длинные ножки
И присел у лица.
Следом — жук мимо Лёшки,
Не взглянул на бойца.

Терпеливый он, Лёшка,
Целый день недвижим.
Муха, бабочка, мошка...
Безразличен он им.

Что ж, они не в разведке,
Как Шахтёр. Рядом чиж
Бойко скачет по ветке.
Ну чего ты свистишь?

Твои песни некстати
В этот час потому,
Что он нынче в засаде,
Не до песен ему!

Должен он, не филоня,
Передать в штаб о том,
Сколько пушек в колонне.
Ну а песни — потом.

...Резко вздрогнули плечи,
Стало сухо во рту...
Снайпер — он не кузнецик,
Углядит за версту.

Ночь.

Излучина.

Лёжка

Утопает в тиши.

Чиж умолк. Только мошка

Продолжает кружить.

* * *

Ядрён комбатов перегар:

«Брат, касок нет совсем.

Трофейный, вроде, был кевлар,

Поглянь у ПКМ.

Ну что, берёшь?»

Беру, комбат,

Кевлар бойцу броня.

А там три слова — где подклад:
«Христос храни меня».

И кто же, палец сняв с курка,
На каске жёг тавро?
Андрей, наводчик «василька»?
Телефонист Петро?

Максим ли, Ян крестили лоб
Под гуд свинцовых ос?
Шептали, падая в окоп:
«Храни меня Христос».

Витёк-танкист,
Тарас-начкар,
Корректировщик Стас...
Кому из них помог кевлар?
Кого из них не спас?

Где ты жужжишь, моя оса,
Отсчитывая дни?
Трофей надвину на глаза:
«Христос меня храни».

РАЗГОВОР С ПЛЕННЫМ

Он приткнулся в углу на матрасах —
Молодосенький, двадцать не дашь.
Бинт на шее, синяк возле глаза,
И в засохшей грязи камуфляж.

Миска с кашею.
Кружка с водою.
На часах — с карабином казак.
«Эй, герой! Со вчерашнего боя?»
Приподнялся малой:
«Точно так».

Неказиста у хлопца фатера,
Свет скупой из-под самых стропил...
«Получается, из БТРа
Ты по мне разрывными лупил?»

Дело прошлое — всей нашей роте
Было жарко от вашей брони».
Пожимает плечами:

«Выходит,
Я стрелял по тебе. Извини.

Но и вы наподдали рассолу,
С двух “шмелей” взяли нас на прицел.
Вот тогда и убило Миколу,
А Толян в БТРе сгорел».

Зуб за зуб или око за око...
Так, кажись, испокон говорят?
В том бою потеряли мы Дока
И трёхсотыми пару ребят.

Дать за Дока бы в лоб со всей дури,
Так домой Док хотел к декабрю!..
Держит что-то однако.

«Закурим?»
Виноватый смешок: «Не курю».

Не идёт разговор.

Между нами

Боль.

Война.

Окаянные дни...

«Мне б короткий звонок...

Мне бы маме...»

Достаю телефон:

«Позвони».

НОВОРОССИЯ

1

Нет вечности у нас в запасе.
Сразились запад и восток.
Все начинается в Донбассе.
Там бьется истины исток.
Трудились люди, но настигли
Огонь и бешеный свинец.
И выплавляется, как в тигле,
Сарматский доблестный боец.
Порой снаряды на исходе.
Герои бьются до конца.
И фронт безжалостно проходит
Сквозь души и через сердца.

2

Канонада, бомбежка, разруха.
Крепко держится русский «орех».
Не хватает всего, кроме духа.
Да отваги с избытком на всех.
В душах воинов злобе и мести
Места нет. Злобно воеет фугас.
Не хватает всего, кроме чести.
Честь России спасает Донбасс.
Бьют бесовскую шваль ополченцы.
Лики их и в крови и в пыли.
Не хватает всего, кроме сердца.
Новороссия — сердце Земли.

СЛАВА

Выкури мои стихи
С лучшим другом на двоих.
Если холодно рукам,
Для костра согдится стих...
И, душой перекрестясь,
Сердцем потянись к строке,
Слова чувственного власть
Вынянчи в своей руке.
Я до самого утра
Буду огоньком светить,
Прогревая до нутра
Обещаньями любить.
Пусть в руках сгорю дотла —
Значит, так тому и быть:
Посмотри, как я жила,
И поймёшь, как можно жить!
За нелепые грехи
Тихо жертвую собой:
Выкури мои стихи
Перед тем, как снова в бой...

* * *

Пух летит над простреленным маем,
Круговерть по весне снегопада.
Мы, что будет, пока что не знаем
Только сверху решили: так надо,

Чтобы этот негаданный вечер
Спрессовал и пространство, и время,
Чтоб снаряд, прилетевший навстречу,
Все законы презрел тяготенья!

И парим над проблемами буден,
Две большие, влюбленные птицы.
Мы к земле возвращаться не будем...
Нам уже не дано возвратиться...

* * *

Пушки бьют, как шаманы в бубен,
Предвещая кому-то смерть...
Мы по-прежнему жить не будем,
Ведь прожорливая круговерть
Разбросала по разным странам,
Городам и чужим углам...
Пушки бьют. Но уже не странно
То, что выжили, то, что нам
На пределе земного срока
Удастся его продлить...
До победы, что недалеко,
Не прервется земная нить!

ЧЕРНЫЙ ХЛЕБ

Долго не было беды. Долго.
Долго не было войны. Долго.

Успели дети подрасти.
Успели внуки подрасти.
А правнуки пока что не успели.
И сын сказал: Я ухожу. Прости.
И внук сказал: Я тоже. Отпусти.
И правнуки заметно повзрослели.

И снова кровь горячая лилась.
И Родина кроилась и рвалась.
И брат на брата шёл, а друг на друга.
И стало чёрным молоко в сосцах.
И стала чёрной кровь в людских сердцах,
Как антрацит, наш краснодонский уголь.
Последний пласт. Из недоступных недр.
Наверх. Из самой преисподней.

История желает перемен
И крутит, крутит, крутит чёрный жёрнов.
Мы стали чёрным хлебом на войне,
А были... были золотые зёрна.

ЭТИ РУССКИЕ

Эти русские мальчики не меняются:
Война, революция, русская рулетка.
Умереть, пока не успел состариться,
В девятнадцатом, двадцатом,
Двадцать первом веке.

Эти русские девочки не меняются:
Жена декабриста, сестра милосердия.
Любить и спасать,
пока сердце в груди трепыхается,
В девятнадцатом, двадцатом,
Двадцать первом веке.

Ты же мой русский мальчик:
Война, ополчение, умереть за Отечество.
Ничего не меняется,
Ничего не меняется.
Бесы скачут,
А ангелы ждут на пороге вечности.

Я твоя русская девочка:
Красный крест, белый бинт, чистый спирт.
В мясорубке расчеловечивания
Будет щит тебе
Из моих молитв.

А весна наступает. Цветущие яблони
Поют о жизни, презревшей тлен,
Так, будто они — православные,
Русские и после молитвы встают с колен.

* * *

Так рождается республика:
Кровь мешается с землей,
Идут бои под Мариуполем,
И под Нижней Ольховой,

Вырастает Новороссия,
Выходя из бурь и гроз,
Нависает звездным космосом,
Наших былей, наших грез.

Коль умру, — взойду колосьями
Теплых золотых хлебов,
Обо мне молись ты Господу,
Я воюю за любовь

К малой ли, большой ли Родине,
Ты поди-ка разберись,
Здесь и предки похоронены,
И детишки родились,

И отдать и жизнь, и молодость
Я за родину готов,
Русь ли это, Новороссия —
Все равно, но здесь мой дом.

Так рождается республика:
Кровь мешается с землей,
Идут бои под Мариуполем
И под Нижней Ольховой.

СЛУЧАЕТСЯ ВОЙНА

Случается война.

Успеть.

Глаза в глаза.

Вперед, на вдохе,

В лицо не признавая смерть,

А только подвиг.

Хребты разбитых баррикад.

По позвонку стрельба и пламя.

И круг за кругом новый ад

Владеет нами.

И причитанием плывет

Звон колокольный.

И пуля, что во мне совет

Гнездо, уже в обойме.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ВОЙНЫ

связка писем другу для поднятия боевого духа

На свете счастья нет.

Но есть покой и воля.

А. С. Пушкин

1

Заметки на полях войны.

Окопная строка, в которую вписали

Солдат, как буквы. Ты

Один из них.

И мой эпистолярый

Прочтешь едва ли.

Может быть

Потом.

Вернись живым.

И мы друг друга снова читаем

И перечтем.

Пусть память сохранит,

Как вырываясь из глубин гортани,

Как поцелуй, как легкое дыханье,

Живое слово нас соединит.

2

Заметки на полях войны.

Ты полон злой решимости, отваги,

Ты пишешь их, а я пишу стихи

Тебе, традиционно на бумаге,

И письма, не e-mail, а от руки,

Забывтое искусство древних магий

Творить из рифм и ритмов

Новый мир.

Ты воссоздашь его из словосочетаний,

Из почерка, как кружевной узор,

La lettre ouvre le secret du coeur.

3

Заметки на полях войны.
Что написать тебе, наследник Титуреля?
Ты думаешь, приходит наше время
Осуществить увиденные сны,
Но будем до конца честны,
Все то, о чем нам ангелы напели,
Как гули, в изголовье колыбели,
Лишь гул, который мы
Разбить пытаемся на ямбы и хорей,
А разбиваем лбы.
Здесь Монсальват — громада террикона.
А чаша — это банка самогона.

4

Заметки на полях войны.
Жизнь, сделав поворот, меняет вектор,
Ты был филологом, поэтом,
А стал солдатом. Боевик
И террорист, как пишут СМИ,
Им в тон гудит Ахметка,
И мне на ум одна приходит мысль,
Что если ты стреляешь так же метко,
Как пишешь — будет в этом смысл.
Умолкла муза. Снова перестрелка.
И я пишу тебе: Держись.
Post scriptum. Обнимаю крепко.

5

Заметки на полях войны.
Во имя новорожденных республик.
Заметки на полях весны
И революции, объединившей наши судьбы.
Здесь ломоть развалившейся страны,
Который Родиной зовем и я и ты,
Как хлеба шмат, в зубах голодной хунты,

Но рифма просится, прости,
Что не сдержалась: хуй им.

6

Заметки на полях войны.
Жизнь набело. Ее не перепишешь.
Людская кровь не сок пунцовых вишен
И не чернила. Не кого винить
Кроме себя. Храни тебя всевышний.
Мечтаю я: мы сядем ви-за-ви
И скажешь ты: «О нас напишут книжки.
И фильмы снимут, тоже может быть,
О том, как познают мальчишки
Кровавый жаркий вкус борьбы,
А девочки уже не понаслышке,
А наяву боль узнают любви».

7

Заметки на полях войны.
Ты говоришь мне, что у вас спокойно,
И выстрелы пока что не слышны,
И умирать, наверное, не больно,
Ты говоришь, у вас там соловьи
И степь ковыльная колышется, как море,
А я читаю хроники в сети:
Тот ранен, тот убит, тот похоронен.
И счастье, не успевшее войти
В мой дом, готово обернуться горем.
И я твержу любимые стихи:
«На свете счастья нет. А есть покой и воля».

* * *

И стала Война
Раздавать имена
Героям.
А Родина-Мать...

Ей пришлось замолчать
От горя.
Он пал безымян
В ковыль да бурьян
В поле.
— Как тя звать-величать,
Как тебя поминать,
Воин?
— Много светлых имен
Опалимы огнем
Войн.
Много чистых имен,
Но на каждом пятно
Крови.
Много славных имен
Мамы, папы нам дали.
Среди них и мое.
Поминайте, как звали.

* * *

Где теперь герои?
Крепко спят герои!
В поле, что за городом,
Лежат не похоронены,
Рыжею травюю
Их сердца распороты,
На четыре стороны
Их растащили вороны,
В глазах свет мира горнего,
А губы обескровлены,
Ни имени, ни номера,
Никто не знает, кто они.
Они войдут в историю.
В историю народную
И станет плодороднее,
Земля, что кровью вскормлена.

* * *

Сколько вас, ребята,
Слили в реку Лету
этим летом, прошлым и потом...

Начиналась жизнь бронезиловом,
а заканчивалась
бранью...
всё не то.

Над Луганью пролетает Бэтмен...
светлый призрак, сбитая душа...

Кто он? Воин, мученик, обидчик?
Закатились «пугачёвские глаза».
Всё равно любимый,
чей-то близкий...

Над могилами вопросы и кресты.
Был ли мальчик?
Быть — не быть пытался.
Что хотел? Историю отжать?
Как легко случиться виноватым.
Трудно как —
чтоб выжить —
убежать...

Жили поколения без войн.
Карабах... Афган... Чечня —
не в счёт.
Лопаются городов глазницы.
Кровь-водица просто так течёт.

Сергей Кащенко

* * *

На лице — отчужденья тень,
Горькой тоски истома...
Ей вернуть бы, вернуть тот день,
Когда он ушел из дома.
В этот день роковой весны,
До того, как прорвалось лихо,
Сын ушел, как уходят сны.
Он ушел на рассвете. Тихо...
На столе — недопитый чай,
И записка: «Не грусти, мама.
Без меня ничего не включай.
Я вернусь, разберусь с хламом».
Так когда-то ушел и дед.
Они с внуком во многом схожи:
Их роднит горький пот побед
И щека на прикладном ложе.
Ну а матери надо ждать,
Замолить, отвести лихо.
Как подарок, как благодать
Сын придет на рассвете. Тихо...

* * *

Дом, где жили старики и внуки,
Когда час тревожный настал,
Деревья закрыли, раскинув руки,
В себя принимая металл.

* * *

Взрывы рвут броню рассудка.
Брат, иконку не теряй.
Эх, Бахмутка! Эх, Бахмутка! —
Прямиком дорога в рай.

Солью сдобренная трасса.
Свет чумацкого костра.
Как врагами стали сразу
Хлеб делившие вчера?

Взрывы рвут броню рассудка.
Не теряй иконку, брат!
Эх, Бахмутка! Эх, Бахмутка! —
Для врагов дорога в ад...

КАЗАЧЬИ СТИХИ

Взбила рябь Лугань-река.
Взрыва эхо громово.
Погубили казака
Павла Дрёмова.

Погубили атамана.
Вызов бросили
Городам, полям, курганам
Новороссии.

Кто убийцы? Что им надо?
Где, скрываясь, гнёзда вьют?
За бугром? А может рядом
Скорбно «Лазаря» поют?

Нет! Они от наших взоров
Подлых глаз не спрячут.
И над ними скоро, скоро
Вороны заплачут.

* * *

Сын вернулся... В гробу из металла.
Бьётся в крике неистово мать.
Так чего ж ты, родная, молчала,
Когда шёл он меня убивать?

ВАТНИКИ

Посылает война соратника,
Но щедрота ее кратка.
Из разведки четыре ватника
Возвращались без «языка».

Не контрактники и не штатники,
Не прошедшие инструктаж.
На манер пропаганды — ватники,
Хоть обряжены в камуфляж.

Ночь не треснула перестрелкою
И с врагом не столкнула в лоб.
Ватник держит осколки мелкие,
А от крупных спасет окоп.

По дороге от виноградника
До ближайшего блокпоста
Убедились четыре ватника,
Что небесная ткань чиста.

На лоскутья она не делится,
А поделится — вмиг сошьют.
Только шелковой зыбью стелется,
Как спасательный парашют.

Нет у междуусобий линии,
Смерть минувшего не вернет,
Плащаницею этой синею
Тело жесткое обернет.

Как здесь танки понаворочали —
И куда лежать головой?
Кровью мокнет по Новороссии
Чернозем ее даровой.

Над донецкою степью пуганой
Кропивянка поет судьбу.
Ватник пылью пропитан угольной —
Не смывается и в гробу.

Кровь пробьет покровы холстистые,
Запечется — не разорвут.
Это русскою реконкистою
СМИ речистые назовут.

ВОЙНА

Война — это сын, стон,
Библейские мор, глад.
Но гибель без похорон
Еще не ведет в ад.

Война — это тыл, блуд,
Измен и торгов ряд.
Но там, где тебя ждут,
Ты верен, любим, свят.

Подбит головной танк,
Сожжен броневой гроб.
Но, раз оголен фланг,
Пехота пойдет в лоб.

Война — это сыпь, тиф,
Трассёра больной свет.
Но если герой — миф,
То нас — никого — нет.

ГЕТТО

Жаркое, с маревом виевским
Выдалось лето
В винницком, харьковском, киевском
гетто.

Узкие ленточки, узкие —
Черный с медовым...
Русские, русские, русские -
Вот вам, бедовым!

На рукаве и на лацкане
Победоносно...
Гнить вам с имперскими цацками
В жиге поносной!

Брежжат в могильных расселинах
Черень и злато,
Как на евреях расстрелянных
Желтые латы.

Ждали-пождали спасения,
Мерились, кто покондовой.
Вот и сравнялись рассеянем,
Смертью, бедою.

Переплетясь пуповиною,
Мертвые ропщут...
Мечется над Украиною
Бомбардировщик.

SEPARATIO (РАЗДЕЛЕНИЕ)

Под материнской полостью
Так слитно нам спалось,
Что разделить полностью
Телам не удалось.

Диковинным растением,
Ни на часок не врозь,
Мы жили, средостением
Пронзенные насквозь.

Ловили шутки хамские
И взгляды из-под лбов.
Ну что ж: ведь мы — сиамские,
Какая к нам любовь!

Совместный крест носили мы,
И некого винить.
Но созван был консилиум —
Решили нас членить.

Мол, риски офигенные,
Летальность раз на раз,
Но вы — гетерогенные,
И двое будет вас.

Вот под наркозной маскою
Лежим на простыне —
Сиамская с сиамскою,
Родимые вдвойне.

Поддержаны Минервою
Над нами доктора.
Я отскочила первой —
Прости-прощай, сестра!..

Режимы нам постельные
Вменили до поры.
С каталок на отдельные
Нас бросили одры.

От казни той египетской
Не елось — не пилося...

Потом вручили выписку,
И тут уж началось.

Зияние огромное,
Изъятый спутник,
Сестра моя фантомная
Болят во мне, болят.

Ссыхается мозолю
Подкожная мездра...
Но, соблазнившись волею,
Гулять пошла сестра.

Приластится то к фрицику,
То к янки: «Гив ми, плиз!»
А я кричу: «Сестриченька!» —
Прошу, чтоб вновь срослись.

Я ей: «Опомнись, нещечко!»
Она ж мою беду
Сметает, как помещичка
В семнадцатом году.

Сожитель сестрин берцами
Топочет за стеной.
И всё-то против сердца ей,
Что связано со мной.

А я молю, как водится,
Трехперстою рукой
Сиамскою стать уродицей
В кунсткамере людской.

А я на старой росоши
Вдыхаю времена,
Где мы и плотью сросшие,
И жизнь у нас одна.

Река покрыта пленкою
Тлетворной нефтяной,
Древесной расчлененкою,
Так схожею со мной.

Грызет берега покатые
Война грызья, —
Сестра моя отъятая
Идет на мя!

КУПИ СЕБЕ ЦВЕТЫ

*Андрею Макаревичу
от бывшего поклонника*

Оборванную повесть
Сначала не начнёшь,
Утерянную совесть
Обратно не вернёшь.
Обоснованья хлипки,
А действия просты:
Продай свои улыбки,
Купи себе цветы!

Устаевают песни,
Одежды и друзья...
Чтоб было интересней,
Меняй дизайн жилья
По образцам в журналах
Гламурной красоты.
Займи строку в анналах,
Купи себе цветы!

Затравленной отчизне
Пора сказать «Прощай» —
Не в кайф от тризны к тризне
Идти под евролай.
Резонные сомненья
Топить умеешь ты.
Нашёл рецепт спасенья?
Купи себе цветы!

Себя любить нетрудно,
Тем паче — на войне,
Не думая о судном,
Таком неблизком дне.
Но вот как получилось —
Один остался ты...
Украсть свою могилу —
Купи себе цветы!

ЛУГАНСКОЕ ЛЕТО 2014 ГОДА

Мы — заключённые войны.
Дома, квартиры — казематы.
Не знаем за собой вины —
Лишь тем, что живы виноваты.

Вновь — росчерк залпов за окном
И в щели воздух жарко дышит.
И страшной жатвы дальний гром
Поля багровые колышет.

Осколки, пули всех мастей
Жужжат и жалят наши души,
И сводки разных новостей
Нелепостью мозги нам сушат.

А где-то там за горизонт
Всё так же облака стремятся
И разноцветный пляжный зонт
Беседует с журнальным глянцем.

Решают тысячи проблем —
Жизнь так сложна и непонятна!
У нас же главная из тем:
Чем смыть с асфальта крови пятна.

* * *

Границы, границы, границы...
Заборы, заборы, заборы...
Рассечены сёла, столицы,
Рассечены реки и горы.

Рассечены судьбы и души,
Сердца размежёваны грубо,
Сковала и море, и сушу
Болезни смертельной остуда.

Планета Земля на закланье:
Сады, перелески и пашни —
Мы прокляты непониманьем
У стен Вавилоновой башни.

Когда ж разорвём эти сети
И Землю любовью согреем? —
Единого семени дети.
Но... делим всё, делим и делим.

БРАТСКАЯ ССОРА

Былое братство треснуло по швам:
настал момент делить друзей и мысли,
и мы друг другу глотки перегрызли,
и Сим тебе не брат уже, но — Хам.

Раскидывая братьев по углам,
система Лобачевского зависла:
ты ищешь правды где-то там, за Вислой,
а я плачу проценты по долгам.

Распалась память ровно пополам,
заклятый Хам из прошлого отчислен,
и даже вина крымские прокисли,
а добрый Бог — уехал по делам.

Но — мне отмщение, и я его воздам,
любовью братскою. Вне логики и смысла.

МОЛИТВА ОПОЛЧЕНЦА

Звенит в степи пчела, скучают терриконы,
комбат психует — значит, будет бой.
Я прикреплю к броне бумажную икону
и на колени встану пред Тобой.

Молюсь Тебе без слов.
Давно в них нет резонансов.
Душа трепещет — я еще живой.
Мне завтра — двадцать лет,
в крови звенят гормоны,
и очень-очень хочется домой.

Спаси и сохрани — шепчу Тебе с поклоном,
прости за все, в чем грешен молодой
веселый раздолбай, молитвам не ученый,
и может быть, негодный к строевой.

И если не меня, спаси — мою Алену,
комбата и друзей, и мертвый город мой.

СОЛДАТ ВРЕМЕНИ

Над городом — малиновый закат.
Проходит лето. Столько лет подряд
я этого почти не замечаю,
закаты запивая крепким чаем.

Молюсь ко сну — не праведен, не свят,
не зван, не избран — времени солдат,
мудрею — аккурат к восьмому мая,
и тихо радуюсь, что в окна не стреляют.

В моем окопе сослуживцы спят,
они похожи чем-то на котят,
рожденных ненароком за сараем.

Мы все еще в политику играем,
не верим в смерть и презираем ад,
и любим Бога как-то невпопад.

САУР-МОГИЛА

Товарищ полковник, мне кажется, вы свихнулись:
кругом ни души, не свистят над окопом пули,
а вы, словно трус, прижимаетесь грудью к полю,
в нескошенных травах вам спится уютней что ли?

Бывало и хуже, когда полупьяный жулик
назначил себя в полководцы, тогда — в июле

сопливые дети вживались в чужие роли,
а вы хоронили их в поле — по Божьей воле.

Товарищ полковник, нет места в Саур-Могиле,
снаряды врагов всю бригаду в нее зарыли.
Нет силы любить, заедая поллитру боли
краюхой вины, пересыпанной грубой солью.

Вставайте, полковник, нельзя воевать вполсилы:
пора наступать! И неправда, что вас убили.

ПИСЬМО БЫВШЕМУ БРАТУ

Спасибо, друг Тарас, за трезвые слова
о том, что братья мне татары и мордва,
и друг степей — калмык, и черемис забитый,
и царь болот — вогул, и робкая тыва,
и дикий нагайбак, и — прочая братва,
и сам я — азиат и варвар неумытый.

Да, я почти монгол — мне сладок как халва
степного ветра вкус, тугая тетива
торжественно звенит и конь мой бьет копытом!
Над Волгой шелестит волшебная трава,
и мягкий первый снег встречает Покрова,
и в горницах столы для праздника накрыты.

А там, где ты, — война. Страна почти мертва.
Хрипит в агонии — на фоне торжества
безумия и зла, и — Речи Посполитой.
Ты ищешь, брат Тарас, заморского родства
и денег до зимы — на уголь и дрова,
и в душу мне плюешь легко и деловито.

Ты пишешь, что я — раб, вертящий жернова
империи рабов — вдруг предъявил права

на отчину твою с коварством неприкрытым,
что я — твой лютей враг, что для тебя Литва
и ближе и милей, чем подлая Москва,
что вместе нам не жить, и быть мне точно битым.

Ты стонешь на весь мир, что мать твоя — вдова,
разграбленная мной — она скулит едва,
а быть могла вполне и радостной и сытой,
что я — подлец и вор, чумная татарва,
что Киевская Русь — несчастна, но жива,
и не видать ее безродным москвитам.

Goodbye, Taras, goodbye! Шумит твоя блатва,
на грязных площадях желтеет синева,
грустит Владимир над Днепром — забытый.
Невесело и мне. Склонилась голова
над письменным столом — закончились слова,
остался только чай — китайский — недопитый.

Мне нечего сказать. Возможно, мастерства
лишен я на хулу, но прежде — шутовства
чураюсь и стыжусь: мне жалко алфавиты
растрачивать на брань, что хуже воровства,
на жертвенный экстаз для псевдобожества,
и на любовь — к неправде плодовиной.

* * *

И снова, как в душную сказку, иду домой,
где ждет меня мой суровый сепаратист.
Не нравится «ангел мой» — будешь «чёрт немой».
И выключи новости — будь хоть минуту чист...
Я чертова женщина, я не могу смотреть
всечасно: убили, сожгли, разбомбили дом...
Я плакала, помнишь? И будет со мною впредь.
Сначала увижу тебя, а потом — потом.

Ты хочешь быть там. Я хочу, чтобы ты был здесь.
Пусть это смешно, но убьют тебя — я умру.
Тебя не берут, потому что уже не весь,
уже не мальчишка — не сможешь ты, как в игру,
играть в эту правду, раскрашивать в бело-синь
с подстрочником красного черный, лохматый свет.
Ты слишком серьезен, покинутый ассасин.
Ты ждешь лишь приказа. Не нужен тебе ответ

на сотни вопросов сведённого бытия,
и несть философии, Бога тем паче несть.
Ты мыслишь иначе, чем полусвятая я,
чем те, у кого перебитое сердце есть.
Меня отучают писать о себе, своё:
о том, как мне больно и страшно, — не полусловь.
Иначе — «слабачка». Но им невдомёк: даёт
мне силы моя незастреленная любовь.

Чем новости слушать, пойду испеку пирог.
Занятье рукам — полусладок его бальзам.
Не нужно мне видеть: ты снова — как за порог —
туда, где нет места ни Господу, ни слезам.

Эмма Меньшикова

* * *

Чем ни займусь, а в мыслях — Украина...
Куда ни посмотрю — а всё она.
Смеются дети во дворе наивно,
И думаю: а там идет война.
Гремели выпускные по России,
Салюты разрывали небеса.
А там «Не убивайте нас!» просили
Ребята со слезами на глазах.

Там по жилым кварталам били «грады»
И люди из домов бежали прочь.
«Мы украинцы, но скажу вам правду:
Что все мы стали русскими в ту ночь, —
Так говорила женщина с младенцем,
Прошедшая с ребёнком через ад:
— В моей стране устроили Освенцим,
И нет теперь для нас пути назад...»

А сколько их, вновь испечённых русских,
Крещённых не водою, а огнём,
Спешат в Россию по просёлкам узким,
По воздуху, по морю, ночью, днём...
Чем ни займусь — а в мыслях Украина.
У нас гроза — а там опять обстрел.
У нас от снеди ломаются витрины,
А там мальчишка хлеба не поел.

У нас любовь, а там сплошные страсти.
А ночь у нас — тиха и высока...
А там к Луганску через город Счастье
Подтягивают танки и войска...

* * *

Это нужно заслужить — родиться русским.
На земле родиться, названной Россия,
Чтобы выдержать наследия нагрузку,
И понять, что лишь в народе —
смысл и сила.

Параллельная реальность — нет, не слухи:
Люди преданы и проданы отчизной,
Поголовно от ребенка до старухи,
Обвиненные в грехе сепаратизма.
Мы не сможем дотянуться до России,
Но не станем в беглой
фразе междометьем...

Вот сумеет ли вернуть нас чья-то сила
В Украину двадцать первого столетья?
Знайτε, те, кто, превратив
нас в отщепенцев,
Утверждает на планете дух фашизма,
У рожденных на моей земле младенцев —
Генетический набор сепаратизма!

* * *

Люди, пережившие войну,
Став немного сдержанней и строже,
Ощувив ее дыханье кожей,
Долго не поверят в тишину.
Люди, пережившие войну,
Думая, что сделались добрее,
Как-то вдруг внезапно постарели,
Надорвав своей души струну.
Люди, пережившие войну,
Всякого — бесспорно — повидали...

Ничего... Вот только нервы сдали,
Побывав у паники в плену.
Люди, пережившие войну,
Обозначив жизнь свою пунктиром,
Каждый день у Бога просят мира,
Чтоб увидеть новую весну.
На пути в счастливую страну,
Оплатив проезд своею кровью,
С верою, надеждой и любовью
Люди, пережившие войну.

* * *

Мою страну убили на Майдане,
Готовя преступление годами
Бездарнейших предательства и лжи.
Под залп, что был пронзителен и звонок,
Моя страна наивна, как ребенок,
Не сознавала, что теряет жизнь...
Огнем нещадно память выжигали,
А после в заунывном мадригале
К забвенью призывали на века.
Заморского печения откушав,
Массовка била стекла и баклуши,
Весьма от пониманья далека.
Библейскими сюжетами богата,
Жизнь брата снова подняла на брата,
И грянула дичайшая война:
Безумье, возведенное в злодейство,
Есть корень, извлеченный из бездействия...
Была ли ты, единая страна?!

ЗДЕСЬ ВСЕ-ТАКИ ВОЙНА

Шёл снег, а я смотрела на дыру
В стене ДК, бывшего исполина...
Лишь провода звенели на ветру,
Здесь музыку убила Украина!

А в воздухе стояла тишина,
Играли дети около снаряда...
«Не забывай — здесь всё-таки война!» —
Твердили все, кто был со мною рядом.

«Будь осторожна! — слышала не раз, —
В обочинах встречаются растяжки!»
Как странно всё: ведь это мой Донбасс!
Здесь у дорог всегда росли ромашки!

Стрельба и взрывы не были слышны,
Когда с бойцами песни пели вместе —
Мужчины отдыхали от войны...
А в это время привезли груз «двести»...

Ну как же так?! Ведь время тишины!
Но смертные бои не прекращались...
Я слышала там запахи войны,
Когда с боёв солдаты возвращались...

«С войны ты едешь, — говорили мне, —
Держи на память гильзу и осколки»...
...Домой я возвращалась в тишине,
Молясь, чтоб все орудия умолкли...

ПОЛОВИНА СОБАКИ

Намечается новая драка,
Перерезана пуповина.
На соседском заборе — собака,
А вернее — ее половина.
По поселку стреляют с востока,
Вновь на прочность проходим проверку.
На оборванной линии с током
Провода коротят фейерверком.
Снова эти ужасные «бахи»,
Приносящие страшное горе.
И кишки половины собаки
На соседском красивом заборе...
Слышал здесь я и правду, и враки,
Видел здесь и Христа, и Иуду,
Но глаза половины собаки,
Я навряд ли когда-то забуду...

ХОЧЕТСЯ МИРА И ПИВА...

Вечер алеет закатом,
Нам бы дожить до рассвета,
Рядом взорвалась граната
И пролетела ракета.
Чуткое ухо настрою:
Слышу, как рвутся снаряды
Эхом от ближнего боя
Громко гремит канонада...
Мы привыкаем к разрывам —
Снова стреляют на трассе...
Хочется мира и... пива...
Хочется мира в Донбассе...

БАЛЛАДА О ЛЕТНЕМ ГОРОДЕ

Кто-то плачет, а кто-то молчит,
А кто-то так рад, кто-то так рад...

В. Цой

1

Линия горизонта — это
было моим летом.
Присутствие света в отсутствии света.
Золото. Синее небо. Дым.
Взрывы и раны на теле города.
Мы — не сдаемся!
Мы — сильные, смелые, гордые!
Мы это уже доказали,
спрятавшись в темном подвале.
А город чуть не умер
со всеми своими Лениными,
едва не сбежавшими с пьедесталов.
Даже Ворошилова это все достало.
Он тоже хочет слезть с коня и встать на колени
или уехать в Киев,
лишь бы это все прекратилось.
Но не судьба.
Да.
Линия горизонта — тонкая,
будто вот-вот оборвется,
взорвется
новыми вспышками звезд-камикадзе,
а они только рады стараться —
не разорваться
и залечь привычным свинцом.

Их особенно хорошо было видно днем,
когда все выходили посмотреть на смерть
и сказать:

«Вот так и живем,
Тушенку да гречку жуем».
Линия горизонта — четкая,
будто всех нас перечеркивает,
делит все на синеву неба,
синеву глаз, смотрящих в прицел,
синеву тех, кто попался в цель,
и смотрит обратно в небо
широко раскрытыми глазами
и оглушительно молчит...

2

Говорит Москва.
Передает Луганску привет.
Сколько мы вместе натворили бед...
Приличные люди давно об этом молчат вслух.
А неприличные где-то в лондонах
(тоже давно) испустили дух.

Говорит украинская армия.
Передает Луганску привет.
Тот, что побольше, посердечнее, погорячее.
Говорит: «Потерпите, милые,
мы постараемся как можно скорее
освободить Донбасс от сепаратистов.
И реверсом вернуть Крым.
И реверсом отжать газ».
Ну, чего уж там, терпи, брат, терпи,
пока нас освободят от нас.

Говорит Обама,
что-то о том, как мама мыла раму,
впрочем, он всегда несет довольно ясный бред.

Но Луганску, вместе с Псаки,
Барак тоже передает привет.

Говорит Ворошилов-град —
всей истерзанной лентой дорог,
всей укатанной лентой дорог
с гусеничными следами.
Он не знает, что будет с нами.
Он от этого очень устал.
Но помехи мешают понять.
И теряется голос в свисте,
И латаются раны быстро...
И латаются раны наспех.
И срывается голос на крик.
Нет, ошиблась, Луганск не кричит.
За него отвечает «град».
Говорит Ворошилов-град.

* * *

Не вернулось с полей воронье.
Не закончилась эта война.
Не жалею, брат, теперь ни о чем —
Мы за все получили сполна.

Запереть бы ружье свое в сейф,
Утопить бы на дне морском,
Да ведь пороха едкий шлейф
Все ж не даст мне забыться сном.

Эх, ружья бы в руки не брать,
Да о нем бы и вовсе забыть,
Но — до смерти — так хочется жить,
И по-людски хоть часик — поспать...

Ты, брат, крепче держи ружье,
А то враг здесь — такой сатана...
Не вернулось с полей воронье.
Не закончилась эта война.

* * *

Держись.
Возвращайся домой.
Не думай о смерти — нет её.
Я вижу: лицо обветрено
И чёртова тьма за душой.

И давит безумно усталость.
Но сколько б тебе ни досталось,
В глазах вечно небо и сталь.
Прости мне дурную печаль.

Не мне ведь судить о боли,
Когда собирают с поля
Товарищей,
Близких,
Друзей.

Не мне ведь судить о страхе,
Когда всех — одним махом,
Так просто
И без затей.

Я знаю, там дым и порох.
Забыты давно все споры.
Держись.
Возвращайся домой.

* * *

Кто нас научил этому?
Кто вбил это в голову?
Быть в первых рядах и лезть под пули.
Мы знаем, что нас просто обманули,
И кто-то вверху заигрался в войну.
Мы будем стоять над последним камнем,
И знаем — утро нас встретит здесь же завтра.
Снаряды плавно уходят в весну...
И города наши — вскрытая рана:

Что стиснувший зубы герой Стаханов,
Что молча плачущий в тени небес,
Ставший родным вдруг Славяносербск,
Разбитый, израненный, измотанный вкрай
Держащийся кое-как Первомайск.
И пусть никого не обманет твой сон —
Сердце в груди горит — Краснодон.
Земля никогда тебя не предаст.
Поэтому мы с тобой, Донбасс.
Кто нас научил этому?
Кто вбил это в голову?
Мы в первых рядах и мы лезем под пули.
Но мы себя вовсе не обманули —
Мы встретим рассвет. Мы встретим весну.

* * *

Столько всего случилось за это время.
Твой взгляд, похоже, совсем стал каменным,
чистыми — руки,
слова — пламенными.

Да, Командор с нечистой совестью,
наши жизни давно стали повестью,
посвященной убитым и раненым.

Нет, это не «Тихий Дон».
И даже не «Война и мир».
Хотя похоже —
и на кинохронику, и на черно-белый сон,
где опять безнадежно шмаляет в небо Комбат,
зная,
что
погиб командир.

Вот ведь оно какое дело — война.
Кто-то гибнет. Кто-то живет. Кто-то наживается.
Ты никогда не думал —
а не завышена ли на наши жизни цена,

когда рядом бьёт канонада,
а мы в клетках домов
от угла до угла
просто и праздно шатаемся?

Я думала.
И о том, что мир стал проще:
есть «наши», а есть — «не наши».
С «не нашими» не сваришь зелёный борщ,
и горькой останется каша.
«Не наши» — они далеко, за Донцом,
«не наши», они ведь не с нами.
И вот уже воюет сын с отцом.
Парит кровавая баня.

И каждой твари
здесь не по паре,
а каждой твари —
по пуле.

Так сколько же тварей из «наших» рядов
пока ещё не бомбанули?..

Забудь.

Я не люблю январь.
Я люблю август,
простые вещи.
Золото солнца, синь неба, гарь,
ветер, что в листьях трепещет.

И нервный лязг автомата.

И то, что случилось с нами.
И твёрдость во взгляде русского солдата
С небесного цвета глазами.

* * *

Лисичанской юной самообороне

Не принимали их всерьёз —
Зачем мальчишки на войне?
Пусть поиграют — не вопрос, —
Пока наш город в тишине.

А город окружает враг.
И город наш не удержать.
А значит, твёрже, братья, шаг,
И, прорываясь, отступать.

Не принимали их всерьёз.
Ушли. Не взяли их с собой.
Ну что ж, не надо горьких слёз.
Прорвёмся — даже если бой.

И прорывались пацаны,
И гибли в ярости атак,
И были танки сожжены,
И погибал их взрослый враг!

Девчонке лишь шестнадцать лет —
С гранатами под танк легла.
А значит — Украины нет.
Ты, Украина, умерла!

Ты, Украина, умерла,
Когда нацисты взяли власть.
Ты, Украина, умерла.
Ты разрешила им напасть!

Войну затеяв на года,
Ты разрешила убивать!
Сжигаешь сёла, города,
Теперь ты мачеха — не мать!

Война пришла к мальчишкам в дом.
Она, конечно, не игра.
Когда идёт война со злом,
Они — на стороне добра.

Не принимали их всерьёз...

* * *

На войне не думать о войне
Помогает только мысль о доме.
Раненый лежу я на стерне,
У врага как будто на ладони.

Как стемнеет, будут меня брать.
Думают, не избежать мне плена.
Будут меня резать, убивать,
Наслаждаясь этим откровенно.

Не всегда везёт нам на войне,
Но забыл я о врагах и смерти.
Думаю о детях и жене —
Как спасти их в смертной круговерти?

Я последний свой держу редут
Здесь на поле, на стерне и в жиже.
Солнце село. Слышу, как ползут.
Окружают. Ближе, ближе, ближе...

Я гранаты отпустил чеку —
Только так я близких сберегу...

* * *

В хитросплетеньях цифр и дат
Перемешались все события.
Дома, осколками побитые
Безглазо выстроились в ряд.

А под ногой хрустит стекло,
Деревья с вырванными удами...
Мой город, преданный иудами,
Ещё в строю в борьбе со злом.

Мы верим завтрашнему дню:
Мы город исцелим, отстроим,
Мы наречём его героем,
Назло и смерти, и огню!

ПОСЛЕ АВИАУДАРА

Город стёр с лица следы нагара,
Оживают окна, этажи.
После утреннего авиаудара
Город заявляет: «Будем жить!»

Позади ракет разящих залпы
И восход в запёкшейся крови,
Но всему назло цветут катальпы,
И журчат скворцы и соловьи.

Город-пёс, зализывая раны,
Смотрит с верой в солнечный рассвет.
Словно мир прекрасен, без изъяна,
И войны как будто вовсе нет.

В НОЧЬ НА 16 ЯНВАРЯ

Подвала нет (в проекте был упущен).
Какую из трех стен считать несущей?..
Куда упасть?.. — Удар взрывной волны...
О Господи, пошли нам тишины!..

Дом — ходуном: разрывы где-то рядом...
Теперь от нас: по звуку — запуск «Града»...
Вновь валидол положен под язык...
О Господи, как хочется мне жить!..

Мне всё равно «укроп» то или «ватник»...
Но пятый час дрожит сервиз в серванте...
Хорошего и в эту ночь не ждать...
Свет вырубил... кончилась вода...

Нас с двух сторон подталкивают к бунту.
Одни кричат: «Мир нарушает хунта!»
Другие: «Вас сливают, как всегда...»
Шесть месяцев не ходят поезда...

И блокпосты на выездах и въездах...
Нет, никогда страна не будет прежней! —
Ей жители Донбасса не нужны:
Мы террористы для своей страны!..

Под взрыв снарядов и осколков визг
Здесь отмывают «баксы» на крови,
И делят бизнес-сферы — интересы,
Но выдает прикормленная пресса:

Ату — Россия!.. Украина — bravo!..»
Чеканит шаг брусчаткой «сектор правый» —
Джинн вырвался — попробуй, загни...
О Господи, спаси и сохрани!..

День ТИШИНЫ! — насмешка — не иначе...
Мать над ребёнком годовалым плачет...
В Полтаву, Киев, Львов везут гробы —
Такая вот ирония судьбы...

...Курганка, Бессарабка, Комсомолец...
Я в позе эмбриона в коридоре
Сижу, нательный крестик крепко сжав...
О Господи, прости...
Моя душа
Всё дальше отлетает с каждым взрывом...
(Хочу заметить, я не из пугливых),

Но этого не выдержит никто:
Подпрыгивает трехподъездный дом,
А вместе с ним и мой район, и город...
Пожаром близким обагрило шторы...

Как с этим жить, скажи мне, Бог-Отец?!
Молю я о смягченьи злых сердец,
И имена святых перебираю...
Кому еще молиться я не знаю...

Шестнадцатое.
Утро.
Тишина.

Сама себе не верю, что война...

ГУМАНИТАРНЫЕ ВОЙСКА

Посвящение всем волонтерам, отдавшим свое сердце, время и силы

НОВОРОССИИ

Запах горелых шин. «Слушай, не мельтеши!
Женщину в дальний путь? Брать опасно!»
Колонна ржавых машин в жаркой степной глуши.
До смерти один аршин, а я с атласной
Лентой! Куда глупей? Крики: «Живей-живей!
В ящиках всё проверь — бинты, лекарства!»
Звоны мёртвых церквей. Дует в лицо суховой.
Отдай матерям сыновей — а я полцарства
Отдам за букет цветов из бабушкиных садов!
Господи! Я-то вернусь... Близка граница!
Но стонет степная Русь, полная новых вдов!
Руки истерты в кровь. Жара — под тридцать.

Скрип тяжелых сапог. «Возьмите с собой пирог!»
Местные крестят вслед. Грохочет кузов.
Здесь каждый отдаст кусок, затянет на ране платок,
Но слабость стучит в висок — попутным грузом.

Сегодня не взяли в путь. Войны закипает ртуть.
Ленту стащу с волос: пропахла дымом.
Попробуй теперь уснуть, попробуй теперь забудь,
Сгоревшую свидину... над черным тыном.

АНТРАЦИТ

Маленький осенний город. Там вода имеет запах.
Хаты белые, как сахар, приютились вдоль дорог.
Маленький осенний город.

Город, где родился папа.

Мягкий, ягодный и сдобный.

Город — бабушкин пирог.

Очень жаркий, очень колкий.

Оставляют на лодыжках

Трав заточенные бритвы покрасневшие следы.

Город спелых абрикосов —

круглощёкий, как кубышка.

Город, породнённый с небом

за шахтерские труды.

Город содранных коленок,

прыгалок, велосипедов.

Город, где ситро в стакане золотится, как корунд.

Под окном весёлый хор:

«Я гулять! Вернусь к обеду!»

Город! Нам пока неведом

лиха пресловутый фунт.

По углам советской «двушки»

расфасованы загадки:

Граммфонные пластинки,

сизый фосфорный орёл.

Город, словно отраженье

моей вечной лихорадки

Город, трепетно хранящий

детства хрупкий ореол.

РЕКВИЕМ

Как уходят герои? Молча.
Растеряв все рефлексy волчьи.
Вместо слёз для них море горечи,
вместо роз для них залп тройной
холостыми, и серый в штатском
что-то скажет нам о солдатской,
о судьбе двух народов братских,
пофлиртует с седой вдовой.
А над кладбищем, там, где дымка,
реют ангелы-невидимки,
их не видно на фотоснимках,
но ты слышишь шуршанье крыл.
Это ветер в густых берёзах
прячет наши с тобою слёзы.
Наша жизнь — череда наркозов
да расплёскивающихся чернил.
Развяжи мои губы словом,
я парю над изрытым полем,
я привык, что тобою болен,
я привык уже умирать.
Я лечу, и мне светят звёзды,
и рябины алеют гроздьи,
и вся жизнь теперь то, что поздно,
то, что вряд ли воротишь вспять.

* * *

Расстоянья горечью через слёзную железу, —
так выдавливают пчелиное жало.
Вот — любовь, попробуй, охарактеризуй,
но без жалоб.

На дрожание, дребезжание, опустынивание вен.
Ты — мятущийся, пристрастный, оголённый.
Словно провод, что оборван ветром был на столбе
рядом с домом.

Словно повод не трогать, а только во все глаза
любоваться твоей смелостью нараспашку.
Вот — любовь — и она хрустальная, как роса
на ромашках.

И попробуй не голосить, не плакаться на плече,
повиси, поискри против ветра, дождя и снега.
Вот — любовь — и она сама по себе ковчег —
для побега.

И полмира не в счёт, и полвека, как пара дней.
Расстоянье — всего-то вульгарные километры.
Вот — любовь — и она не требует обрядов и алтарей.
Только жертвы.

И её бы вычеркнуть, запретить, закатать в асфальт,
отменить, как прошлое, низложить тирана,
но ты просто сидишь на кухне, пялясь в диагональ
своего экрана.

В ожиданье сокровищ — писем с конца Земли.
Среди пауз и междометий, стихов и кофе.
Вот — любовь — и она дорога,
что ведёт от твоей двери,
на Голгофу.

* * *

Испей до дна Донецк, как яд и как лекарство,
как некий бастион, как город, как тюрьму.
Испей его последнее бунтарство,
подставь плечо клейму.

Я вижу, что сентябрь расправился с зелёным,
как птица на крыло становится. И льнёт
к ногам бродячий пёс. И на губах оскома,
как прерванный полёт.

Трамваи голосят, асфальт вспороли рельсы,
у балерины — голод и мигрень,
и где-то на краю издёрганного детства
коричневый ремень.

Мне засветло вставать, тащится через пустошь,
угрюм пустырь и не сплести венок.
И где-то в глубине горячий красный сгусток
подвешен на шнурок.

И вспомнят старики с их стариковским зреньем
о том, что был четверг — червивое словцо.
И отливал рассвет стыдливостью сиреневой,
и пахло огурцом.

Безмозглая качель и клумбы тёти Веры, —
здесь всё сложилось так, как некогда во снах.
Где тремпели пусты, разверсты шифоньеры
и пыль на зеркалах.

ЗОНА АТО

В ветках запутался мёртвый грач.
Перья его — зола.
Землю мою обошёл палач,
Сел во главе стола.

Яства готовы: вороний глаз,
Кости, трава полынь —
Скучно и горько. А мой Донбасс
Пьёт молоко святынь.

Быстро, как птицы, взлетали ввысь
Брызги кусков стекла.
В старой духовке, не смазав лист,
Пекло земля пекла.

В печке горели среди всех зол
Мысли мои в дыму.
Новой метлою до ночи мёл
Ветер в моём дому.

Полуслепой, но как Божий глас,
Ворон кричал в бреду,
Что на закате в родной Донбасс,
В землю его паду...

УХОДЯТ ДОМА...

У меня на руке — почерневшая дробь из черники.
Не растёт на лугах эта страшная спелая дробь.
Вот опять Петербург дал ночлег перехожей калике,
И Луганку мою заменила холодная топь...

Как трамваи, дома уходили и прятались в дыме.
Их съедал этот дым, как последнюю пищу иуд.
Я оттуда ушла, ведь на площади Горького ныне
Только травы, как свечи, и свечи,
как травы, растут...

МАМА, НЕ ЛОВИ ЧЕРНЫХ ПТИЦ

Птицами на кончиках спиц
Вяжется повозка угля.
Мама, не лови чёрных птиц, —
Крылья их, ты знаешь, — земля.

Я тебе платок привезу.
Хочешь оренбургский платок?
И сотру с берёзы слезу.
Горек твой берёзовый сок.

Встанешь у калитки с котом.
Только не смотри, как кроты
Роют под станичным мостом,
Строят земляные мосты.

Только жди. И летом в жару
Я приду вергунской тропой.
Обнимусь, родная, с тобой
И умру. В тот час и умру...

E-MAIL MAME

Кто летит на огненной колеснице
И снаряды топит в Лугань-реке?
Не дай Бог поймать такую синицу,
Чтобы взрывом заплакалась в руке.

Мимо дома!..
Не видеть бы пантомиму

Из театра рук, просящих еду.
Родные попали в беду.
А я мимо иду.
Мимо...
Мама!

Всё пишешь про худеющих котов.
Только не пишешь, КТО
Ходит ночами мимо.
Пусть не смотрит в окна нашего дома.
Мама, открывай только знакомым.
И будь Богом хранима!

Если Андрей реку закроет на замок,
Тот, на колеснице, пролетит мимо.
Зарево над Вергункой. Мой брат Дима
На зиму хвороста приволок.

Не спишь, мама,
Взрывами белых ночей томима.
Спать не дают бесноватые толпы уродцев.
Но молитвами Богородицы
И они пройдут мимо...

Екатерина Ромашук

* * *

Мой город охрип от молитв,
Мой город оглох от бомбёжек,
Мой город сегодня безлик...
Прошу, защити его, Боже!
Голодный, как брошенный пёс,
И часто дрожит от озноба.
Мой город, уставший от слёз,
Ещё уповает на Бога.
Калека, бессильный на вид,
Но тлеет в нём дух поколений.
Мой город стоит на крови...
За то, что не встал на колени.

* * *

Мы — жертвы необъявленной войны,
Но мы не те, кто сдастся перед боем.
Мы как заноза для своей страны
За то, что помним подвиги героев,
За то, что не признаем мы фашизм
И нам врагом останется Бандера.
Мы — внуки тех, кто верил в коммунизм,
И никогда не плюнем в эту веру.
Мы не умрем, сказав «побеждены»,
Ведь души ветеранов за плечами.
Мы — жертвы необъявленной войны,
Которых мир в упор не замечает.
Но есть другие, зрячие глаза
У Господа, что все молитвы слышит.
И плачут кровью в храмах образа
По тем, кто запятнал убийством души.

* * *

Каждая улочка — воспоминание,
В людей и слова я вступаю корнями.
Кому-то кажусь я на камне кораллом,
Но это мой выбор — искать чудо в малом.
Меня не манят ни Китай, ни Америка,
Европа маячит чужим стылым берегом.
Столицы, карьеры, амбиции — полноте,
А мне важно это: живу в своем городе.

* * *

Нас гонят из дома —
Ракетами, минами,
Блокадой, разрухой,
Наветами, «сливами».
Кричат, чтоб бежали,
Скорей, что есть силы:
«Хотели в Россию?
Валите в Россию!»
А уезжать не хочется — до слёз.
Умом-то понимаешь: всё всерьез.
Умом-то понимаешь: всё надолго.
И может быть, там лучше будет, только
Как, если корни вырвешь из земли,
Живым остаться?

* * *

Я не помню весны страшней,
Я не помню чернее мая.
Белый снег сыплется с ветвей
И на сердце ложится, не тая.
Теплый ветер приносит мне

Не птиц пение — списки павших.
Умерла страна по весне,
На останках — дьявольский шабаш.
На обломках — злоба и боль,
И коричневый вирус в венах.
Но еще не окончен бой,
И еще не убита вера...

* * *

Надоели разбирательства,
Ссоры, споры, ярлыки.
Кто уехали — предатели,
Кто остались — дураки.
В рожу плюнуть обязательно:
В соцсетях легки плевки.
Кто уехали — предатели?
Кто остались — дураки?
По друзьям, по семьям — надвое,
И не склеишь черепки.
Кто уехали — предатели,
Кто остались — дураки...

* * *

Я из дома убежала на свидание
И на прежнем месте встретила его.
Сердце сжалось — как лицо его изранено.
Но он жив, он не боится ничего.
Мы дышали летних парков густой зеленью,
Это роскошь: так идти, не торопясь,
Верить, зная, что эта встреча — не последняя,
И любить, в тиши вечерней растворясь.
Его шрамы еще долго не изгладятся,
Своим телом он хотел закрыть всех нас.
Он всё помнит, но сейчас — мне улыбается,
Мой любимый, мой единственный —
Луганск.

* * *

Да, мы не герои.

Сидели. Дрожали.

Под звуки разрывов

Куда-то бежали.

Под гром канонады

Варили обеды.

В минуты затишья

Бежали проведать

Чужих стариков,

По соседству живущих.

Их дети в России:

«Там лучше. Так лучше.»

Погасли экраны,

Молчат телефоны.

Лишь залпы слышны

И дыхание дома.

Нет в городе больше

Чужих, незнакомых.

Мы все здесь — «свои».

Правда в том,

Что мы дома.

ПО РОССИИ

(в поезде Новороссийск — Петроград)

даже земля не осела...
(мысли лихие оставь)
движется с юга на север
наш безупречный состав

ливнем и черною тучей
нас провожает Донбасс;
на непредвиденный случай
взяли с собой про запас

бинт из солдатского ранца
берцы и термобельё
(даже блокнот Африканца);
не прорастает быльё

скачут коварные бесы
на пепелищах побед;
чёрное горе Одессы
не побелеет от бед

наше суровое время
новый опишет Гомер;
взвалит решительно бремя —
вот вам и личный пример

выдержат мощные плечи
нечеловеческий груз;
...бережно слушают речи
и умирают за Русь

каждый — исполнен отваги —
в сущее пекло — опять...
или на белые стяги
чёрные мысли порвать?

что нам любые ИГИЛы
Сирия или Ирак?
не зарастают могилы
и надвигается мрак

силы откуда берутся?
самое надо сказать;
(только бы переобуться
раны перевязать)

выслушай новости тихо
и ни о чем не жалея —
невыносимое лихо
белого снега белей

вывод подобен позёмке
и вызывающе прост:
в нашем рабочем посёлке
каждая хата — блокпост

СОЛНЦЕВОРОТ-2014

Отцы не взяли автоматы
В тот девяносто первый год,
Когда политики-кастраты
Пустили Родину в расход.
Те, кто не спился в девяностых,
Кто не сторчался в нулевых,
Не сгинул в наркохолокосте
От огнестрельных, ножевых —
Сегодня здесь. Их шеи тонки,
Они приходят прямиком
Из старых выпусков «Лимонки» —
Вам этот дискурс был знаком.
Сейчас лимонки — в дефиците,
Но есть четыре РГД...
Задумавшись о геноциде,
Не забывай о Сигиде.

В ПОИСКАХ НЕВЕДОМОГО ВОРОШИЛОВГРАДА

В краю степном, угрюмом, ледяном,
Воспетом в «Мельпомене» Геродота,
Хребты и бездны над голодным дном
Откроют лабиринты для кого-то.
Таинственный, неведомый Кадат,
Индустриальный Ворошиловград.
Стигийская вода грунтовых вод
Размыла известь меловых пород;
Сломив сопротивление камней,
Река ушла, сухое русло — с ней.
Колодец времени, неведомый Кадат,

Где ураган, неистовый Адад.
В краю степном, угрюмом, ледяном,
Воспетом в Мельпомене Геродота
Тебя отстроят в облике другом
Разумные рабочие — Шогготы.
И, там, где плющ и дикий виноград
Появится неведомый Кадат
В подземных галереях и хребтах,
Забытых штольнях и стальных путях...

ТЕРРИКОНЫ БЕЗУМИЯ

Когда забросят диск за киммерийский конус,
И белые соски у меловых холмов
Темнеют, и ничей его не будит голос
От многовековых кембрийских вещей снов.
Там, за Самсоновкой, где мост, на узком спуске,
Зловещий памятник передо мной возник:
Осколок предначальных дней, что, по-французски,
Седые словари зовут Terri Conique.
И у подножия, как завещал нам Ницше,
Мы выросли, в тени, и вырос наш Вулкан;
И силы напрягли, и выстояли в Нише,
Белграде и в других местах моих Балкан.
В чем сокровенный смысл у прихоти природы?
Обломки и следы каких подземных рас
Скрываются теперь за глыбами породы,
В пространствах и слоях, что помнили триас?
Не возмущая слух, безмолвен был Везувий,
Покрытый чешуей, дымил среди руин.
Неизъяснимый зов был злобен и безумен,
Недаром я назвал его — Ородруин.
Железные холмы и хмурые равнины,
Забытый Храм Змеи, известный, как ГОРЦОФ,
Их — не испелелить. Напрасны были мины.
Лишь множатся ряды пятнистых мертвецов.
Когда, как будто лик неведомой Горгоны,
Узрели, каменной навеки став грядой,

В степи застыли исполины-Терриконы,
Вонзая черный стяг в угрюмый город мой...

ТЬМА НАД СУТОГАНОМ

1

Разгадав нечестивые тайны,
Психологию масс и пиар,
Знай: «Посланник — всего лишь посланье»,
Так учил некромант Бодрийяр.
Вихрем войн и медийных камланий,
Вовлеченный в стальной ураган,
Ветеран президентских кампаний
Посетил он рудник Сутоган.
Издавая кошмарные звуки,
Исступленно кричал козодой.
Он бродил по туннелям сторуким,
И не раз говорил с Сигидой.
Там, где сны богомерзко клубятся,
Где вращается демон-султан,
Превращений не надо бояться,
Так предстал перед ним Сутоган.
Вечный ужас бездонных карьеров,
Горизонтов подземных стоzeв;
Воплощение древней химеры
прогрызает ночной чернозем.
Так, змеиной тропею влекомый,
он взошел на забытый курган.
И развеялись тени, фантомы —
Он познал, наконец, Сутоган...

2

«Мир вам, зодчие телегипноза!
О, супруг полногрудой Иштар,
Здесь и сбудутся тексты, прогнозы,
Те, в которые верить устал.

Потребленье — мой путь к преисподней,
Междуречья коммерческий ген,
Пожирает миры и сегодня.
Возрождается вновь Карфаген.
Силу символов знаешь, зато ты
Для туземных угроз — уязвим».
И рассеялся вихрь Азатота,
Что пульсировал зверем живым.
Загорелся огонь над холмами,
Тех, что помнили палеолит,
И они приготовили камень —
Глыбу, черный, как ночь, антрацит.
Алый отблеск окрасил ворота...
На просторах шахтерской земли,
В жертву, под завыванье койота,
Луганчане его принесли.
Он лежит под ущербной Луною,
Где небесный горит ятаган,
Где подсолнух с роскошной копною...
Там, где тьма над тобой, Сутоган.

ХРОНИКИ ЯНТАРЯ

Немало сторчится на этой войне
Укропов и сепаров, что же, вполне,
Эффект оправдают побочный
Аффект проявляется очно.
Когда ты при пушке и на кокаине
То влип ты в историю на Украине.
И клей исторический стал янтарем
А ты в янтаре каменел бунтарем
Ты стал Муравьем, Муравьевым
Апостолом? Большевиком?
Штыком и масленкой и новым цевьем
И те, кто огонь разводил в январе
Увязли с тобою в одном янтаре.

МОЛИТВА

Крест племени осиного,
Меня не осени!
От счастья крысиного
Меня, Господь, храни!

От страсти лечь под сильного,
От власти шестерни,
От счастья крысиного,
Господь, меня храни!

От синевы бессилия,
От желтизны брехни,
От счастья крысиного,
Храни, Господь, храни!

Пока душа не сгнула,
Пока не стынет плоть,
От счастья жёлто-синего
Храни меня, Господь!

* * *

Снова небо бездонно до сини
И считает нас всех по осени.
Эту осень и эту синь ценить
Научись ты, пока живой.

Нас судьба разбросала по миру,
Как листву разбросало по ветру.
От Ванкувера до Ганновера
Как живётся, ребята, вам?

Не тяни меня в спор, я вышел,
Мне уже ни до ссор, ни выше,
Не учи меня жить, я выжил,
Как я выжил, не знаю сам.

Нас война разбросала по миру,
И по совести, и по колеру,
От Тернополя до Житомира,
Сладко ль спится вам, люди, там?

Что ты крикнешь охрипшей глоткой,
Сколько выпьешь палёной водки,
Когда лупят прямой наводкой
По тебе и по площадям?

Как бы нас не швыряло по миру,
Ни по совести, ни по колеру,
Ни по крузеру, ни по роверу
Не утащишь с собой к чертям.

Когда небо бездонно до сини,
Сосчитает нас здесь по осени,
Синь и осень ты научись ценить,
Если будешь ещё живой.

Нас судьба разбросала по миру,
И по совести, и по колеру.
Привыкая к чужому номеру,
В твоём доме живёт другой.

* * *

На майдане, а не где-то
Ловят счастье в решето,
Там Ромео и Джульетта
Угадали в спортлото.

А Донбасс — тупое гетто,
Быдло, ватники, ничто.
Мчит Ромео на вендетту,
На родео, на АТО.

Дома ждёт его Джульетта,
Коренная на все сто,
Обещаньями согрета,
Сохнет Галя без манто.

На Донбассе разодетом
Живёт ватница в пальто,
Курит с фильтром сигареты,
Водит красное авто.

На селе его отпетом
Не жирует так никто,
Он, к ней в дом нагрянув летом,
Шлёт с приветом из АТО

Её новые штиблеты,
Её модное пальто...
И, простить не в силах это,
Он убьёт её за то.

* * *

Не приключилась бы беда
На стыке времени земного
Уходит век, ну что ж такого?
Уйдут поэты, что тогда?

Поэта слово не пустяк,
Не важно, сладко или горько,
Поэт писать обязан, только
Не столько сколько, сколько как.

Не спи, поэт, гори, звезда,
Как соучастник тайны чуда,
Слова приходят ниоткуда,
стихи слагаясь навсегда.

Чтоб жизнь не стоила пятак,
Тебе начертано незримо:
Писать, как жить, необходимо,
Неважно сколько, важно как.

Молва людская, как беда,
Найдёт тебя всегда и всюду,
Поэт приходит не отсюда,
Поэт не требует суда.

И только осень — верный знак,
Что время подводить итоги,
И Тот, Кто ждёт в конце дороги,
Не спросит, сколько. Спросит: как?

Валерий Сурненко

* * *

Я родился и вырос в луганских степях,
я после
Туда возвращался и снова бежал,
но всерьёз ли?
Была там провинция, провинция и осталась,
Но внезапное серебро тех мест
порой проявлялось.
Проявлялось, когда по мосту я ехал
к Станице,
То внезапное серебро мне теперь
будет сниться,
Там не надо быть в ссылке,
там нужно просто родиться.

* * *

Ангелы не участвуют в гражданской войне.
У всех своя правда, и все не правы.
Можно сетовать на времена и нравы,
Но оставаться трудно полностью в стороне.
Ангелы не участвуют в гражданской войне
И не носят на головах балаклавы,
А кто стреляет по мирным — виновен вдвойне.

РЕПЛИКА

Не умножайте ненависть,
виртуальные воины!
Её и без вас предостаточно в этом мире.
Не создавайте, но заделывайте пробоины
В какой-то луганской или донецкой квартире.

АНДРЕЙ

Когда я буду изгнан из Эллады...
За что? Не знаю. Может быть, за то,
Что строчку написал не так, как надо,
Иль не подал правителю пальто,
За то, что я, зациклясь на обиде,
Воткнул нахалу точно в почку нож
И спьяну на гражданской панихиде
Устроил безобразнейший дебош,
За то, что я, оставшись непокорным
И чести ни на йоту не поправ,
Сказать сумел нечеловеку в форме,
Что он во всяком случае неправ,
За женщину, за книгу, за идею,
За истину, за родину, за суть,
За то, что приковали к батарее
И долго били, только толку — чуть,
За всё, что мне припишут и предъявят,
Присочинят, приладят, подберут
За то, что объяснят, что я не вправе
Протестовать, и в несколько минут
Состряпают указ уйти в изгнание,
В чужбину, в неизвестность и в беду, —
То, отплевавшись матерною бранью,
Я соберусь, побреюсь — и уйду.

Но куда ж мне идти, если юг — за водой,
Если запад хвалённый по-прежнему дик,
Если я не прельстился Полярной звездой
Но востока коснулся хотя бы на миг?
А придя на восток, я пойму — не моё,

Там чужая страна, там чужое житьё,
Только юг — за водой, а на западе — дрянь,
И на север уйду через Тьмутаракань
По степи, по лесам, по болотам, по мхам,
Через Днепр, через Сож, озираясь назад,
Улыбаясь во тьме проходящим стихам,
Добреду от востока до северных врат,
Там настигнет тоска, там накатит запой,
Там любовь потихоньку задует в дуду,
И потянет в дорогу, но юг — за водой,
А на запад, на запад — убей не пойду.
И опять по степи, и опять по лесам,
По дорогам пустым, через грязь, через грусть,
И — растаяв от ветра, шепнуть небесам,
Что когда-нибудь я непременно вернусь —
Облачком, деревцем, чёрною кошкою,
Лаем собачьим, ночью гармошкою,
Скрипом калитки, огнями за окнами,
Рыбьей икринкой и лужей глубокою,
Камнем в ногах, огоньком на пожарище,
Хлебною коркой, надёжным товаришем,
Яблоком, вереском, бледною птицею,
Кем-то придуманною небылицею,
Всем, что увидится, всем, что услышится,
Всем, что расскажется, всем, что напишется,
Всем, что ценой дорогою достанется —
Всюду частица моя да оста...

Вот и всё. Поманила в дорогу беда.
Нет на запад пути, а на юге — вода.
Только знайте, что я отовсюду вернусь,
Ибо ждёт меня Питер и ждёт меня... Русь.

* * *

А рифма начинается с утра,
Под моросящий дождь твоих бульваров,
Под скрип дверей, туман et cetera,
Под отблеск лампы на твоей гитаре.

Нахлынувшее ходит целый день
С тобою, повторяясь, как молитва,
Как суета, как шум, как дребедень,
Как краски на разохшейся палитре.

Под вечер начинается тоска
В бессмысленном нагроможденье строчек,
Но ты уже готов издалека
Извлечь слова, которые непрочно

Сшивают строфы, возрождая мир,
В котором кофе, утро, звон трамвая,
В котором ты о чем-то говорил,
Свои слова мгновенно забывая,

В котором, как всегда, был жалкий страх
Работы, с ее сеткою тарифной...
Ты прожил день, бубнившийся в словах,
Быть может, только ради этой рифмы.

* * *

Городище, капище, сожженная трава.
Князь для сотоварищей подберет слова.

Выбиты кириллицей да на образах,
Повторятся схимницей князевы слова.

Рубище с заплатами, лапти да посконь,
А на торной площади кони да огонь.

И течет за стенами быстрая река,
И течет по венам кровь издалека.

Ярославна плачет, конь копытом бьет,
И вещает странница, что за годом год

Будут ткать для воинов странные платки,
Будут трупы сотнями падать у реки,

А потом над капищем, попирая прах,
Город будет выстроен
На костях ...

ПОСЛЕ БОМБЕЖКИ

Гиппопотамы, зебры, другие животные —
На обоях в комнате,

в детстве, в другой жизни.

Тогда казалась манной небесной плохая погода,
Под которую в голову приходили мысли
О кругосветном путешествии, о побеге из плена,
О победе, о героизме, о вкусе бабушкиных котлет,
О тяжелых одеждах могущественного сюзерена,
О наложницах, о звоне неведомых монет...

И стучал дождь по карнизу,

и было тепло в доме,

И мама была жива...

И так хотелось услышать перкуссию грома

И мокрые яблоки убрать со стола...

А сейчас ты сидишь и смотришь на прохожих,

Соблюдая с идущим за окном дождем нейтралитет,

Ты прожил жизнь ни на что не похожую.

Ты пережил рассвет...

* * *

Ангелочек, смешная пичуга, студентка филфака,
Она плачет, но точно не знает, а нужно ли плакать,
Если хочется плакать: сирень во дворе расцвела...
И раскрытая книга — таинственная Каббала...

Ах, как хочется плакать под дождь проливной просто так,
Под стихи о любви, Бахтина, семинары, филфак,
Под ненужные встречи и нужные встречи, под смех
Незнакомых людей, под придуманное не для всех...

Вот такие дела, потому что за окнами жизнь.
Если хочется плакать, так плачь, если нет — веселись,
Но забрезжит рассвет, запах кофе, и ласковый душ,
И осколки ночного дождя в безотчетности луж.

И маршрутка заполнена снами спешащих людей,
А еще по дороге есть церковь, театр и музей,
И еще много лет впереди, и опять моросит,
И дождем оmyвается серых скульптур неолит.

День пройдет в ощущении свежести первой грозы,
В неосознанных чувствах, в смятении новой весны...
Ну а в книге опять Одиссей, Агамемнон, Итака...
Ангелочек, смешная пичуга, студентка филфака.

Светлана Тишкина

* * *

Мы все участники войны —
Старухи, дети и солдаты —
Не все ходили с автоматом,
Но все создатели страны,
Что зарождалась на глазах,
В сердцах, умах и страшных муках,
Что утверждалась силой духа
В нас ненавидящих врагах.

Мы все участники войны —
Нелепой, грубой, беспощадной.
Донбасс горел неоднократно.
И тут и там следы видны.
И мирный житель и солдат
В единой связке выживали,
Единой жизнью рисковали,
Звучал для всех один набат.

Мы все участники войны —
Как факт сие неоспоримо,
Но разделить необходимо:
Не все защитники страны.
Не все вступились за Донбасс
И взяли в руки автоматы,
Когда нацистские гарматы
Расстреливали правду в нас.

Спасибо тем, кто защитил,
Кто через страх потерь не струсил,

Кто волю сжав свою до хруста,
Богатырей в себе взрастил.
Пред ополченцами в долгу
Склоняем головы в поклоне
За то, что дух Руси исконной
Не сдали на трофей врагу.

Мы все участники войны...

Николай Тюрин

* * *

Ты прости меня, Новороссия,
За Россию мою прости.
Я скорблю, что мы русских бросили
И не взяли с собой в пути.

Так по-тихому веру предали,
Растоптали в сердцах зарю.
Мы гордились всегда победами.
Было много имён в строю.

Для чего там махали знамёнами
И кричали «Россия», «ура»? —
Объясните мальцу несмышлёному,
Что погиб от бомбёжки вчера.

Разве так поступают с братьями?
Кто бросает своих в беде?
Мать рыдает, сыплет проклятьями
За такой поворот в судьбе.

Газ и нефть — выше жизни маленькой.
Не считают там смерть. Зачем?..
Плачет горько по сыну маменька.
В ней убили мечту... Совсем...

Как сказать ей, что знамя бросили,
Что ребёнка нельзя спасти?
Ты прости меня, Новороссия...
Только можно ли смерть простить?..

* * *

какая странная война
бедою брат пошел на брата
была страна на всех одна
и вдруг... исчезла безвозвратно
под чьим прицелом тишина?
свои-чужие где границы?
кому предъявлена вина?
где ложь?
где правда?
маски-лица...
Земля распахана войной
а вместо зерен... трупы трупы...
неужто нет судьбы иной
на межстолетьях время смуты!
Игра продавшихся «богов»
за все же взыщется и строго
и за своих и за врагов
побойтесь Бога! бойтесь Бога!

...какая странная война
и в длинный перечень трагедий
утрат, разрух внесет она
междоусобицу соседей
развал семей и крах надежд
и в нескончаемость разлуки
на черном трауре одежд
в молитве сложенные руки...

...и будет боль и будет стон
из пепла жизни подниматься
и страшным сном будет казаться

провал зияющих окон
ну не поднимется ж рука
запечатлеть сюжет кровавый
а начинать издалека
«О господа, да вы не правы...»
я не хочу и не могу!!!
...автобус люди жертвы мина...
цивилизации картина?!
смерть не останется в долгу
и будет боль и будет стон
и гневом праведным наполнясь
поднимет колокольный звон
славянскую святую совесть...

Проза

КАЛЬСОНЫ

На мосту через Первый городской пруд стояли две женщины. Первая женщина была сурова и мрачна. Она недавно разменяла второй десяток, а еще ей задали сочинение на тему «Моя семья в годы войны». В этом году отмечали сорок лет со дня Победы, и лучшие сочинения отправлялись на городской конкурс. Женщина была мрачна, потому что дедушки у нее не было, а бабушка не воевала.

Вторая женщина, лет шестидесяти, улыбалась и разглядывала уток, плавающих по апрельской воде. Гордые селезни вытягивали отливающие бирюзой шеи, стараясь привлечь внимание сереньких неприметных уточек. Уточки кокетливо трепетали хвостиками и делали вид, что сбегали от ухажеров.

— Вот, бабушка, ну почему ты не воевала? Я же сейчас сочинение не смогу написать.

— Ну я же тогда не знала, что ты у меня будешь и тебе придется писать сочинение. Если бы я знала, то обязательно бы взяла автомат в руки и пошла бы воевать с немцами.

— Мне же двойку поставят, как ты не понимаешь?

Бабушка опять улыбнулась и сказала:

— Пойдем уточек покормим? У меня городская есть, специально купила.

— Я что, маленькая какая? Я уже пионерка, между прочим! И даже председатель совета отряда! И сейчас не смогу написать самое важное сочинение в году! — от досады четвероклассница аж топнула ногой.

— Мост ломаешь, — мягко сказала бабушка. Внучка отвернулась. В глазах ее дрожали слезы.

— У тебя даже медалей нет! — обиженно сказала девочка.

Бабушка вздохнула. Положила натруженную жизнью руку на плечо девочки.

— Есть, хорошая моя, есть.

— Откуда? Правда? А почему ты никогда их не носишь? А ты мне покажешь? А за что ты их получила? А какие они?

— Уточек пойдешь кормить, тогда расскажу.

* * *

Уток немцы съели в первый же день оккупации. И не только уток. Куриц, гусей, поросят, телят — резали всех. Только собак стреляли. Станица стояла на большом шляхе, немец через нее и пер летом сорок второго. Войска шли густым потоком. То там, то тут слышны были выстрелы и крики. Крики и выстрелы. На людей немцы внимания не обращали. Отпихивали только баб ногами и прикладами, когда те вцеплялись в корову-кормилицу.

Перед отходом Красной Армии колхоз лишь частично успел эвакуировать свои стада. Что не успели — раздали по хатам. Не помогло. Запылённые немцы со стеклянными глазами заходили в хаты, брали, что нравилось, и так же уходили. На смену им приходили другие. Потом третьи, четвертые. Через неделю серо-зеленый поток начал иссыхать. И с каждым днем они становились все злее и злее. Брать было уже нечего. Ничего не осталось. Пострелянных собак унесли в ближнюю балку. Вдоль дорог летал гусиный пух и куриные перья. Но хоть не насильничали. К концу августа привезли полицейских — вот от тех да, девок приходилось прятать. Днем они еще ничего были, пока трезвые. А вот вечером... Две недели девки по погребам сидели. Бабы за них отдувались. И хоть среди полицейских были свои, казачьи, но дедов они не слушали. Хорошо, хоть не стреляли, в отличие от иногородних. Но плеткой пройтись могли. Через две недели полицаев перевели в другую станицу, стало поспокойнее. А в апреле-мае сорок третьего бабы рожать начали. Много тогда на погосте приспанных подушками младенцев поселилось. А которым бабам похоронки пришили — там в хатах прибыль оставили.

* * *

— Как раз мне в феврале сорок третьего семнадцать и исполнилось. И когда через две недели наши пришли, я в часть побежала.

Как была — так и побежала. Маму даже не предупредила, знала, что не отпустит.

— А почему не отпустит? Ведь война же идет. Надо воевать, — сказала девочка, кидая кусочек хлеба в воду.

— Вот и я так думала, что надо. А мама бы не отпустила. Мой отец, твой прадед, погиб уже. От братьев вестей не было с осени сорок первого. А тут еще я побежала, ага.

Утки хлеб хватали весело — толпой бросались на кусочек. Но друг у друга не отбирали — кто первый цапнул, тот и лопает. Чаше успевали почему-то уточки. Может быть потому, что они проворнее и изящнее. А может быть, это селезни проявляли мужское благородство. Кто ж птиц поймет. Людей-то понять не можно.

— Бабушка, а когда брат есть — это хорошо?

— Конечно. Я ведь младшая была — они мне и карусель делают, и куклу из деревяшки вырежут, и обидчику глаз подобьют. Только на рыбалку не брали, говорили, что не девчачье это дело. И на велосипеде не давали кататься, ироды.

— Наши мальчишки такие же, — беззлобно махнула рукой девочка.

— Мальчишки во все времена одинаковые, — согласилась бабушка. Кинула еще кусочек булки. Тот плюхнулся рядом с селезнем. Птица торопливо схватила его, развернулась и, смешно загибая розовыми лапами, торопливо поплыла в сторону от стаи, на ходу глотая добычу.

— И ты в разведку попала, да?

— В разведку, конечно. Куда ж еще девчонок семнадцати лет брать, как не в разведку?

* * *

Капитан административной службы Каменев критически посмотрел на голенастую девчонку.

— Сколько лет-то тебе, каракатица?

— Сами вы каракатица, — обиделась девчонка. — Я, между прочим, комсомолка.

— А я член партии. Значит, тебя ко мне отправили из штаба полка?

— Да, сказали, что у вас особая секретная часть.

— Особая, — подтвердил капитан. — Что есть, то есть. И очень секретная. БПБ, называется. И оружие у нас особо секретное. Даже есть приказ, что за утрату АД или АПК — сразу под трибунал и в штрафную роту.

— Ого! — вырвалось у комсомолки.

— Ого, — согласился капитан и смачно прихлопнул газетой полусонную весеннюю муху, неосторожно приземлившуюся прямо на стол комбата. — Банно-прачечный батальон у нас, девочка. Работать будешь вольнонаемной. Зарплата — сто десять рублей, питание бесплатное. Обмундирование выдадим, но чуть позже. Сразу скажу, работа не из легких.

— Как банно-прачечный? — не поняла девушка и нахмурилась. — Разве на войне стирают?

— На войне даже зубы чистят. Бойцу всегда нужно что? — капитан встал, странно скособочась, тяжело застучал сапогами по хате.

— Патроны?

— Патроны, это само собой. Пожрать ему всегда надо. И помыться. И кальсоны чтобы чистые всегда были. Вошь, она хуже фашиста. Фашист пулей убивает, а вошь...

И ткнул пальцем в самодельный плакат на стене: «Красноармеец! Твой враг — тифозная вошь!»

— Когда мы немцев в Сталинграде в плен брали, у них пилотки ходуном ходили, представляешь? Вша их ела не хуже партизан. А наших бойцов она не ела. Почему? — спросил капитан и тут же ответил. — Потому что советская женщина не бросит своего друга и брата, и всегда его обстирает и подошьет. Норма — сто сорок пар белья в день. Пойдешь?

Девушка не так представляла себе войну. Она хотела стать героем как Гуля Королева, Люда Павличенко или Зоя Космодемьянская. Но стирать... Она уже хотела отказаться, но вдруг вспомнила братьев. Она представила их грязными и обросшими, медленно бредущими сквозь туман к далекому городу Берлину. Она их словно увидела, и они почувствовали взгляд. Обернулись. В глазах их плавала мужская усталость. «Что ж ты, сестренка...»

— Пойду, — согласилась она.

* * *

— Сто сорок пар белья? А что такое пары?

— Кальсоны и нательная рубаша. Но это только белье. Нам привозили и ватники, и шинели, и гимнастерки.

— Это вот надо за один день все постирать?

— Конечно.

— Это получается, надо... — девочка посчитала в уме. — Это если по пять пар в стиральную машину закладывать, то это целых двадцать восемь раз стирать надо? Но ведь она целый час стирает. А в сутках всего двадцать четыре часа. У вас по две «Вятки-автомат» на человека были, да?

— Да, целых две. Одна правая, другая левая.

* * *

Одна стиральная установка принимала по сорок две пары белья. Таких установок в батальоне было три. И все три — не работали. Попросту не было передвижных генераторов к ним.

Зато, практически без перерывов работала АД — автомобильная душевая. Она была в распоряжении обмывочно-дезинфекционной роты. Там работали исключительно медики. До первого рабочего дня девчонка жалела, что не пошла учиться в медицинское. Когда привезли первую партию...

Белье было все в крови. Вот нательная рубаша — рукав аккуратно отрезан, рубаша стоит колом от засохшей крови. Вот кальсоны — разорваны почти в клочья и тоже заскорузли. Вот еще одна рубаша — огромная дыра в груди, сухие струпья отваливаются мелкими кусками и тут же красную пыль уносит ветер.

Пожилые усатые мужики с утра разводили костры, на которых грелись огромные котлы. Пока девчонки завтракали овсянкой, мужики толстыми палками мешали в кипятке белье. Время от времени они поднимали на палках кальсоны и рубашки. Те свисали грязной лапшой и плюхались обратно в кипяток. Пахло хлоркой и чем-то еще.

Кипяток сливался, черные ручьи искали себе путь, и вонючими толстыми змеями вода искала низины.

На один комплект белья полагалось двадцать грамм хозяйственного мыла. После стирки, пока белье еще мокрое, его надо

протереть специальным мылом «К». Специальное, потому что против вшей. Когда удавалось найти генераторы и топливо к ним — девчонки отдыхали. Белье загружали в АПК — автомобильные пароформалинованные камеры. Там уже белью само дезинфицировалось и десинсектировалось. В эти редкие моменты у девчат была или политинформация, или боевая подготовка.

А в первый вечер она плакала, потому что от боли в суставах пальцы не сгибались. Но в первый же вечер пришли к ней в дремоте братья, уже не такие грязные и они уже улыбались, поэтому она уснула...

* * *

Бабушка кинула еще один кусочек хлеба, но он почему-то не долетел до крошки воды. Утки выскочили на бережок и побежали к еде, но тут самый крупный и самый красивый селезень вдруг громко крякнул, остановился, завертел головой, крякнул еще громче. Стая, как по команде, развернулась и бросилась прочь. А селезень остался на берегу и широко расправив крылья и растопырив ноги, заковылял по берегу. Стая торопливо отплывала. Зашуршали кусты прошлогодней сухой травы. Оттуда вылез здоровенный черный кот. Мягко переступая лапами, он, не отводя взгляда от селезня, медленно направился к птице. Хвост кота подергивался. Глаза горели предвкушением. Селезень нервно оглядывался на стаю, отплывавшую от берега. Он еще больше распахнул крылья и зашипел. Кот заурчал в ответ.

— А ну пошел прочь, фашист! — вскочила девочка и кинула в кота куском булки.

Кот подпрыгнул, в высшей точке прыжка извернулся на сто восемьдесят градусов, одновременно мурривкнул и исчез в траве. Селезень, вместо того, чтобы сбежать, бросился вдруг за котом, хлопая крыльями и привставая на перепончатые цыпочки. Впрочем, далеко он не побежал. Убедившись, что кот пропал в кустах, селезень мгновенно слопал хлеб. Затем, змеино изогнув шею, бросился к спасительной воде. По пути наткнулся на кусок, брошенный бабушкой, но есть его не стал, а призывно закричал, не забывая оборачиваться на кусты, в которых исчез враг. Стая по команде развернулась к берегу.

Селезень наступил на хлеб, дождался, когда стая подплывет. Когда один из других селезней попытался подойти к нему, герой снова расправил крылья, а другой резко прыгнул в воду. А вот серой уточке он хлеб отдал.

Все это произошло за несколько секунд.

— Знаешь, почему селезни такие красивые, а утки такие серые? — сказала бабушка.

— Нет...

— Когда прилетит коршун, первым делом он увидит селезня. И пока селезень будет биться, утка с утятами спрячутся.

— И семья останется без папы?

— Да. А сейчас ты сделала так, чтобы у семьи был папа. Ты спасла утинога папу для утиной семьи.

— А почему тогда моего папу никто не спас?

— Твой папа был шахтером.

— А твои братья?

— А мои братья были солдатами.

* * *

— Телогрейки привезли. Полтонны, — сказала лейтенант Федосеева.

Капитан Каменев поморщился. Он не любил, когда привозили телогрейки. Белье, гимнастерки — это понятно все. А вот телогрейки, да еще от похоронной команды...

Да, даже в Германии приходилось отступать. Вроде бы взяли очередной «дорф», но нет, откуда-то ударят окруженцы или фольксштурм, отрежут наших. Бой идет. Конечно, трепыхающихся фрицев отрежут от своих и перережут, но солдаты будут лежать в телогрейках несколько десятков часов. А потом пока то, пока се...

Когда проползут санитары, вытаскивая всех, с бьющимися сердцами...

Когда пройдут саперы, а это обязательно, даже если по полю боя несколько суток туда-сюда бегали то эсэсовцы, то гвардейцы, и ползали то «Тигры», то «ИСы»...

Когда пройдут трофейщики, собирая казенное и чужое имущество...

Потом уже пойдет похоронная — сгребая лопатами разорванное и горелое. Похоронная достает книжки и снимает ватники, пропитанные запахом смерти.

— Поднимай девок, — сказал Каменев. Вышел из палатки. Федосеева вышла за ним. Над ночной Германией полз туман.

— Копать?

— Копать.

Осколки, вросшие в тело Каменева под Ростовом-на-Дону еще в декабре сорок первого, не давали ему распрячиться. Так он и ходил, скособоченным.

— А? — лейтенант Федосеева показала подбородком на палатку.

— Я сам решу, что мне делать.

Через десять минут банно-прачечный батальон в полном составе копал ямы в германской земле. Почти в полном, потому что капитан Каменев не мог физически. Он даже сидеть не мог нормально. И даже спать с женщинами не мог нормально, потому что стеснялся своего кривого бока. Капитану было стыдно командовать Блядско-Половым-Борделем — как называли Банно-Прачечный Батальон остроязыкие. А еще ему было стыдно за то, что в его жизни был только один бой.

Он не видел войны, он видел только ее результаты. Окроваченное и обосранное белье. Все. Вся война. Больше ничего, кроме того короткого боя под Ростовом.

И если бы не та, голенастая и большеглазая. Один раз холодное дуло трофейного «Вальтера» коснулось виска. В тот момент голенастая и пришла с докладом.

А вчера она сказала, что ждет от тебя, капитан, ребенка.

— Копайте, девочки, копайте!

Копал и его будущий ребенок. Капитан хотел жениться и родить девочку, потом мальчика, потом опять девочку, потом еще мальчика. А еще лучше, когда рожать каждый год. Да, убивать легко. Когда немецкие «штуки» накрыли его батальон в сорок четвертом, зачем-то погибли семнадцать девчонок. Значит ему, капитану Каменеву, надо родить семнадцать детей.

* * *

— А зачем вы ямы копали? Я не понимаю...

— Когда ребята мертвые лежат — одежда пропитывается трупным запахом. А он не отстирывается. Чем мы его только не пробовали вначале — и каустической содой отмывать, и мылом «К», и обычным. Ничего не помогало. Потом один дядька посоветовал, что надо закапывать одежду на три дня в землю. Земля органику вытягивает. А вот если бензин там, или керосин авиационный — нет.

— А капитан Каменев это мой дедушка?

Селезень внимательно смотрел, как его стая плыла за очередной порцией хлеба. Издалека сердито смотрел на уток черный кот.

* * *

Второй бой был короче первого.

Капитан Каменев схватил пулю в лоб, когда побежал навстречу полыхнувшему огнем лесу, выхватывая из кобуры «наган».

Тридцать немцев полегло, когда девки из банно-прачечного успели схватить винтовки. Правда, еще танкисты помогли, проезжавшие по соседнему автобану. Но это не важно. Важно то, что немцев раздавили со всех сторон. А еще важно то, что одежду Каменева постирали.

Голенастая забрала себе его гимнастерку.

Когда закончится война, она будет кутать новорожденную в гимнастерку отца. Но это когда еще закончится война...

* * *

Девочка стояла на сцене и читала свое сочинение.

— Моя бабушка не воевала и воевала. Она стирала гимнастерки. Окровавленные и потные. Грязные и рваные. Когда убили дедушку, она стирала и его гимнастерку. Она торопилась, чтобы кровь не засохла, и чтобы дедушка не остыл. Она не была героиней. Она просто стирала по сто сорок комплектов белья в день. Медаль ей дали тогда всего одну. Эта медаль называется «За боевые заслуги». А заслуги такие, что моя бабушка, Зоя Ивановна, только за март, апрель и май 1945 года постирала руками тринадцать тысяч

триста шестьдесят комплектов белья. Это на триста семнадцать процентов выше плана. А потом ей еще дали медаль «За победу над Германией». Если у нас снова случится война, то я буду такой, как бабушка...

* * *

— Давай, давай, давай! — тот, который в ментовской форме и с «укоротом», яростно махал руками. Старый «Урал» медленно вползал задом в ворота морга. «Урал» пыхтел сиреневым, дым расплзался над мягкой кучей «дубков» и «флор».

Давно не работал генератор, потому что не было бензина. И воду носили ведрами, потому что был перебит водопровод. И мыла не было, стирали содой. И руками.

От соды сходили ногти на руках.

От «Урала» пахло человеческим, но бывшим.

— Зоя Владимировна! Зоя Владимировна! — подбежала одна из девчонок к женщине, которая когда-то была пионеркой.

— Что такое?

— Парни говорят, с «двухсотых» привезли форму.

Зоя Владимировна вздохнула и ответила:

— Копайте, девочки, землю...

Над аэропортом вздымался черный дым.

ДЕЛО ПРИВЫЧНОЕ

Тот, который в «березке», шел со старым «калашом». Тот, который во «флоре», шел со связанными руками.

Между ними и вокруг них пахла полынью степь. Впереди была балка. Позади был допрос.

Березка держал во рту травинку.

Флора думал о сигарете. Флора хотел думать о другом, о важном. Но когда думаешь о важном — хочется кричать. А кричать — стыдно.

Флора прихрамывал и плевался розовыми осколками зубов.

Березка тоже думал о сигарете. О другом он размышлять не хотел. Когда есть приказ — лучше думать о сигарете. Вот Березка и прикидывал — дать сигарету Флоре или не дать? А если дать, то сейчас или перед тем как?

Шелестела сухая, желтая трава. Жужжал шмель. Кто-то куда-то кинул минометку — глухой шлепок стукнул по ушам и белому горизонту.

У Березки лицо черного цвета. У Флоры такое же.

И руки одинаковые: только у одного уголь въелся в кожу, у другого чернозем. А в лицах — черное солнце.

«Хорошо, что не пацан ведет».

«Хорошо, что не пацана веду».

Мысли скользнули по периферии сознаний и пропали.

Березка стер пот со лба. Флора тоже бы стер, но не мог.

Шаги тяжелые, неторопливые. Куда спешить? Балка-то, вот она.

Опять хлопнул миномет. Лениво хлопнул. Для порядка. Не по ним.

Безжалостное солнце не обратило внимания на хлопок. Мина и мина. Не первый раз.

Флора шмыгнул. Березка кашлянул.

Пришли.

Флора остановился перед обрывом. Посмотрел вниз — нет, не прыгнуть. Прыгать — только поломаться. Если с разбегу только, чтобы на предыдущих упасть. Мягкие, раздутые уже. Нет, не погут. Разобьется.

Березка тоже подошел к обрыву. Выплюнул травинку. Тоже посмотрел вниз:

— Не думай даже. Поломаешься. Долго помирать будешь.

— И не думал, — соврал Флора.

Березка достал из кармана пачку сигарет. Коробку спичек достал из другого кармана. Вынул одну сигарету из пачки. Вынул одну спичку из коробки. Чиркнул. Прикурил. Синий дым поплыл над желтым ковылем. Зажал сигарету между указательным и средним правой руки. Посмотрел на огонек. Показал тлеющую сигарету Флоре. Флора кивнул.

Березка сунул сигарету в рот. Взял из пачки еще одну. Повертел в руках. Вынул зажженную. Сунул в рот незажженную.

Прикурил от уголька, смачно пыхнув пару раз. Сунул новую в разбитые губы Флоры.

Флоре попал в левый глаз дым. Флора сощурился. Березка покосился на Флору. Флора языком перекинул сигарету из левого угла рта в правый. Потом обратно. Потом снова перекинул.

Сигареты едва слышно хрустели горящим табаком. Жаворонк звенел громче. А Флора не слышал жаворонка. Он слушал треск сигареты.

Березка тоже не слышал жаворонка. Но он и сигареты не слышал. Он вообще ничего не слышал. Не хотел.

Пепельный палец сломался и упал на землю.

— Отпусти, а? — сам себе сказал Флора, глядя на пепел.

Березка не услышал и отвернулся.

Опять хлопнул миномет.

«Наши», — подумал Березка.

«По нашим», — подумал Флора.

Травы шевельнул ветерок. Березка снял с плеча «калаш».

Флора выплюнул окуроч. Березка плюнул на ладонь, потушил окуроч и сунул его в карман.

— Молиться будешь? — спросил Березка.

— Можно, — согласился Флора и посмотрел в белое небо. Посмотрел и понял, что надо вот что-то подумать...

И Флора подумал, что надо бы сказать адрес семьи, чтобы этот мужик зашел потом и рассказал.

— Ты откуда, — сказал, не спросил, Флора.

Березка ответил.

— Земляк, — не удивился Флора. Ему уже некогда было удивляться.

Березка отошел на пять шагов.

Флора подумал, что надо бы свой адрес Березке сказать. Потом, после войны, зайдет и расскажет, где муж и отец погиб. А потом подумал — вот как это Березка придёт? Придёт и скажет, то вот, мол, я вашего мужика убил? А если он раньше, до Победы придёт, что тогда? Придёт и убьет моих? А если придёт и наврет — после Победы, конечно, наврет — что пытался, мол, спасти, но вот, мол, не вышло...

Все это пронеслось в голове Флоры, пока Березка делал один шаг. Березка ногу поднял — а Флора об адресе подумал. Березка ногу вытянул — а Флора подумал, что он бы не смог так прийти. Березка начал ногу опускать, а Флора уже нарисовал, как домой приходят полицейские. Березка опустил ногу и из-под подошвы вылетело желтое облачко пыли, а Флора уже увидел, как Березка перед школьниками выступает.

Одна секунда, а все уже понял. Солнце одно, хлеб один, земля одна, Бог один. И только люди — разные.

Березка щелкнул предохранителем.

Люди — разные. Кровь одинаковая, слезы одинаковые, пыль одинаковая. Мама одинаковые. Жены. Дочери.

Любовь одинаковая.

А люди — разные.

Братка, как же так-то?

Флора языком потрогал сломанный зуб. Зуб шатался. Надо выдернуть и мосты поставить...

Березка передернул затвор. Ничего лишнего он не чувствовал. Приказ. Дело привычное.

Флора захотел закричать, но опять стало стыдно и губы слиплись. А еще он захотел попросить воды и минуту, но тут на него упала вечность.

Березка сделал шаг назад. Поставил «калаш» на предохранитель. Подошел к телу Флоры. Пощупал пульс на шее. Хотя чего щупать, вон как разворотило. Запачкался в теплой крови. Обтер руки о траву, потом о драные штаны Флоры. Сел рядом с телом. Достал сигарету. Покосился на Флору. Закурил. Опять покосился. Снял «калаш» с плеча. Снял с предохранителя. Посмотрел в жуткую темноту ствола. Прислонился лбом к еще горячему металлу. Закрыв глаза. Нашупал левой рукой спусковой крючок. Выплюнул окурочок. Погладил большим пальцем крючок. Вытащил флагу. Глотнул теплой воды. Сунул флагу обратно.

Опять запел жаворонок.

Березка щелкнул предохранителем, тяжело встал, закинул автотомат за спину. Парой пинков столкнул тело Флоры в балку.

Где-то снова хлопнул миномет.

РЕПОРТАЖ

ЧАСТЬ I

Игорь

Кто не скачет, тот — москаль! — сипло заорал Игорь, подбегая к небольшой группе украинских пленных, в один ряд стоявших на коленях вдоль бетонного забора, отделявшего двор заводской мастерской от улицы. Руки пленных не были связаны, и они держали их поднятыми вверх, вывернув ладони наружу. Трое вооружённых автоматами мужчин, молча охранявших пленников, сразу расступились, пропуская Игоря ближе.

— Кто не скачет, тот — москаль! — с разбегу засадив ногой ближнему украинцу в плечо и наотмашь ударив его ладонью по бритому затылку, повторил Игорь. — Ну?

Вскрикнув, взмахнув тонкими руками, как подстреленный воробей крыльями, пленный рухнул лицом на дорогу. Игорь, отправив патрон в патронник, приподнял свой автомат над головой и потряс им так сильно, словно захотел сломать оружие напополам. В рваном, грязном, окровавленном камуфляже, с перекошенным от злобы лицом, с выпученными, чуть ли не вывалившимися наружу глазами, трясущимся в безумном танце подбородком, двухметровый широкоплечий Игорь походил на зомби из фильма ужасов.

— Поднимите его, быстро, — нетерпеливо крикнул он охранникам. — Поднимите! Я его порешу, суку!

— Нет, не убивайте, не надо! Не надо, не убивайте, пожалуйста, — взмолился украинец, отрывая лицо от асфальта. Из разбитого носа капнула кровь, порванная бровь повисла над глазом. — Нет, не надо! Я ни в чём не виноват! Я никого не убивал, я простой повар!

— Кто не скачет, тот — москаль! — тяжело дыша, не замечая свисающей с губ тягучей слюны, прошептал Игорь, нажимая на спусковой крючок.

Пули, со свистом врезаясь в асфальт и высекая искры у головы пленного, рикошетили в разные стороны. Повар неистово визжал. Так визжат поросята, чувствуя, что их скоро разделают и закоптят на сало.

Опустошив магазин, Игорь опустил автомат, спокойно закинул его за спину и, сплюнув себе под ноги, тихо спросил:

— Ну, скакать-то будешь, повар?

Тот неожиданно быстро вскочил на ноги и, нелепо размахивая руками и поматывая головой, принялся подпрыгивать вверх, приземляясь то на правую, то на левую ноги. Вокруг него валялись осколки разнообразных мин и снарядов, стреляные гильзы, куски окровавленных бинтов, кирпичная крошка и битое стекло. За спиной, метрах в пятидесяти, что-то взорвалось, в небо взметнулся широкий столб огня и дыма. Со всех сторон послышалась хаотичная стрельба.

Правая рука Игоря потянулась к охотничьему ножу, подвешенному на ремне на бедре слева. Из кожаных ножен торчала массивная деревянная рукоять.

— На колени, тварь! Быстро, вставай на колени, гнида, в ряд, к своим дружкам-недобиткам вставай, — Игорь выпятил мощную грудь, хищно оскалился и, сверкнув белыми зубами, зарычал по-звериному. — На-ко-ле-ниии, тва-рррь!

Повар, заметив это его движение, увеличил темп своей шаманской пляски и, заикаясь, зарыдал: «Не надо, не надо-а-а-а». Остальные пленные, замороженно наблюдая за дёргающимся, агонизирующим, словно под электрическим напряжением, товарищем, опустили руки, раскрыли рты, вытарасили квадратные от страха глаза и окончательно затихли. Казалось, они совсем не дышали.

— Игорь, ты чего, брат, успокойся, — один из ополченцев, охранивших «укропов», бросился навстречу Игорю в попытке перехватить его руку. — Мы же люди, а не звери!

Рука Игоря неожиданно проскользнула мимо ножа к карману, извлекла пачку сигарет, протянула её рыдающему повару:

— На, держи, раздай своим. Курите. Думайте о жизни, о том, что натворили здесь! О том, что приехав сюда, разрушив дома, убив мирных людей, детей оставив сиротами, стариков сделал бомжами, вы стали фашистами. Думайте! И понимайте, что мы тут вам не звери, не «путинские собаки», не «чеченские каратели», не «сепары» и не «лугандоны». Мы — люди. Ополченцы Донбасса...

Олег

А твою мать, сильно-то как, нах! — Олег, с грохотом упав с брони БМП на асфальт, больно ударился правым боком. Заныли рёбра, загудела спина, онемела нога. Каска, съехав с головы, покатилась куда-то в сторону. Автомат, предательски выскользнув из рук, повис было на ремне, но ненадолго. Кусок раскалённого металла, со свистом перерезав ременную ленту, ударил в приклад, откинув оружие на обочину.

Артиллерия Национальной гвардии Украины, за ночь укрепив свои позиции в лесополосе всего в четырёх километрах от завода, с рассветом накрыла плотным огнём территорию заводских мастерских, в которых укрывались ополченцы. Прилично досталось и прилегающей к мастерским улице с жилыми домами: два дома горели ярким пламенем, потрескивая разваливающимися стенами, ещё два — лишились окон и крыш, ещё два — хозяйственных построек во дворах.

Один из первых снарядов взорвался в паре метров от БМП, смахнув взрывной волной оседлавшего башню Олега. С десятка следующих боеприпасов, выпущенных из гаубиц украинских националистов, мгновенно нарыл воронок вокруг внезапно заглохшей бронемашины ополченцев.

— Доктора, доктора сюда, — истошно заревел Олег, не понимая, почему в левой руке появилась острая пульсирующая боль. — Вот, бля, нах! — Поднеся руку к лицу, он увидел, что большого пальца на ней как не бывало. — Кто-нибудь, позовите Дока! Блядь, палец осколком отрубило! Кровища, сука, хлещет!

Доктор не заставил долго себя ждать. Он, как чёрт из табакерки, выпрыгнул из придорожной канавы на асфальт, согнулся в

три погибели и, пробежав метров тридцать по замысловатой траектории, упал на обочину. Неподвижно пролежав секунду, Доктор медленно пополз к свернувшемуся в позе эмбриона раненому. Поправляя автомат за спиной и пистолет в тактической кобуре на бедре, эскулап, тихо бурча, проклинал судьбу-злодейку. Он поочередно вспоминал родной медицинский институт, который блестяще окончил в одна тысяча лохматом году, военную кафедру этой же научной богадельни, которую так нравилось посещать, патристические фильмы о гражданской и Великой отечественной войнах, что сделали его невыносимым патриотом своего Отечества, и пророческие песни Владимира Высоцкого, которые ежедневно слушал его отец.

— Быстрее, а-ааа, быстрее, Док, — бормотал Олег, выкатив почерневшие от боли глаза из орбит и подёргивая ногами. Ему казалось, что если он сомкнёт веки, то сразу уснёт, впадёт в кому и, естественно, моментально помрёт от потери крови. — А-ааа, больно же, больно, быстрее!

— Всё, заткнись, тут я, — Доктор выудил из накладного кармана штанов упаковку бинтов и принялся колдовать над раненым. — А сейчас не дёргайся, а то не в то место укол тебе всажу.

— Хорошо, хорошо, молчу! Ну, я просто спросить хотел: ты чего так долго полз? Я же чуть не подох, — заулыбался Олег при мысли о том, что его всё-таки спасают.

— Я очень хотел прилететь к тебе на крыльях любви, брат, но непомерно тяжёлый груз боеприпасов и медикаментов в моём огромном зелёном рюкзаке не позволили мне оторваться от земли, — сосредоточенно перебинтовывая пострадавшего, ответил медик. — Извини! Да, и ещё, совсем маленькая и абсолютно незначительная ремарка: в меня стреляли!

Стихли автоматные очереди, их заглушил неприятный нарастающий гул и мощные разрывы боеприпасов в поле у ворот мастерских.

— Твою мать, это «град»! — доктор вскочил на ноги, подхватил рюкзак. — Бежим!

Олег, забыв о боли, поднялся на ноги, посмотрел на свой маленький автомат, тоскливо поблёскивающий цевьём, и всё же

рискнул, метнувшись за ним на обочину. Нежно прижимая автомат к груди, словно новорожденного, он побежал вправо за медиком так быстро, как никогда в жизни.

Резво сиганув с дороги в канаву, они, порядком измаравшись в жидкой неглубокой грязи, стремительно переползли её на четвереньках и уткнулись потными лицами в плотные заросли кустов, лет тридцать назад в пять рядов старательно посаженные колхозниками в целях удерживания снега от попадания на шоссе. Очередной снаряд, угодив ровно посреди асфальтового полотна дороги, щедро сыпанул мелких острых камней и щебня на спины и ноги беглецов.

«Сейчас точно в меня попадёт! В малюсенькие кусочки, в молекулы разорвёт! Нет, только не это! Нет!» — думал Олег, лицом, ладонями, локтями пробивая себе дорогу сквозь колючие шипы кустов. Обычно так дикий кабан прорывает путь к спасению от пули полупьяного деревенского охотника.

Бум! Очередной снаряд испохабил шоссе и вогнал ужаса Олегу по самые гланды. Он, забыв об оторванном пальце, не замечая жгучей боли в развороченной ладони и расцарапанном лице, сметая головой препятствия, рвался вперёд, к жизни. Смерть, облачившись в горячую металлическую оболочку реактивного снаряда, летела за ним.

Бум! Земля живым существом задрожала под животом Олега, изогнулась батутом и подбросила ополченцев невысоко вверх. Неуклюже растопырив ноги и руки, они, как две мутных капли воды похожие на толстых зелёных жаб, плюхнулись на кусты сверху, проломили эти несчастные растения своей массой и съехали к корням огромного дуба, раскинувшего свои массивные ветви на краю поля.

Олег, ударившись лбом о дерево и окончательно обессилив, уткнулся носом в пожухлую траву и затих. Всё!

— Живой? — доктор потрепал Олега по плечу. — Говорю, ты живой или нет?

— Я сегодня первый день на войне. У меня сегодня первый день, — открыв глаза, торопливо проведя языком по пересохшим губам, громко сказал Олег. Часто-часто моргая, он смотрел на

ствол дуба над собой. Сверху, медленно кружа в пьяном усталом танце, на его лицо невидимой моросью сыпались коричневая труха и мелкие веточки. На высоте примерно одного метра из дерева торчали два солидных кривых куска металла.

— Первый? А я помню свой первый день. Как брачную ночь. Все помнят. Это любопытство и страх, — отозвался доктор. — Да, злость, бравада, страх, непонимание! И все вокруг виноваты в этом! Хочется каждому звуку кланяться, как попу перед крещением. Иного не бывает.

— Первый день, — Олег смахнул неожиданную слезу. — И какого хрена я тут делаю?

Группа Длинного

Нельзя такой толпой скученно стоять на открытой площадке заводского двора! Мы же тут — как на ладони! Если рядом есть корректировщик, а я уверен, он — есть, нам очень скоро придёт капец, вернее — прилетит! Может, мы быстренько внутрь боксов войдём, пока тут нас всех не перебили? — Федя нервничал и крутил головой на все триста шестьдесят градусов, вслух рассуждая о своих страхах. — Я простой человек, я не герой, я жить хочу!

— Да тихо ты, не гунди! Только построение объявили, а ты уже ноешь, — высоченный Вася, облачённый в бронезилет и увешанный оружием, как новогодняя ёлка игрушками, спокойно стоял рядом и беззаботно курил. — Сейчас раздадут команды, разойдёмся по своим делам группами, и начнём душить фашистского гада.

Крупноголовый, лысый, обросший рыжей сантиметровой щетиной по самые глаза, великан Вася смотрелся рядом с Федей как актёр Моргунов рядом с очкариком Шуриком из «Кавказской пленницы». Да они и были чем-то похожи.

— Мужики, да где наш командир? Нашей, третьей группы? Кто знает? Он запарил уже! Десять минут тут маемся, ждём! — развёл руками Рустам, невысокий и желтолицый, болезненно-го вида крымский татарин. Его худые кривые ножки легонько

дрожали под тяжестью тела гранатомёта АГС-17, закреплённого на его немощной спине. — Снимите-ка мне эту херню, ещё куда не пошли, а я уже устал!

— Сейчас сниму, и Длинный сразу придёт с приказом. Потерпи немного, Русик, — отозвался его напарник, долговязый гранатомётчик Валера, закуривая очередную сигарету. Лучи раннего солнца играли бликами на линзах его очков с тонированными стёклами, приподнятых над козырьком пятнистой серой бейсболки с громкой надписью «Special Force». — И не бойся, у меня в кармане всегда есть рулончик свежайшей туалетной бумаги, так что, если даже ты обосрёшься, вонючим ходить не будешь, так и быть, хех, бумагу я тебе одолжу. Подарю бесплатно, хех, по акции, хех, со скидкой, — весело засмеялся он, запрокинув голову и потряхивая плечами. В такт его движений в карманах разгрузки зазвенели ВОГи, приклад автомата мягко похлопал по заднице.

— А я слышал, что «укропы» вчера батальон отдельной аэромобильной десантной бригады сюда в лесополосу подтащили. Артиллерию охранять. Так что работка у нас будет сегодня интересная! Мы же и с их разведкой нос к носу сойтись можем, — сморщил лоб Пистон, коротышка из соседнего села. — Как вы думаете? — Трудоголик, правдоруб, ярый сторонник присоединения Донбасса к России, шахтёр в «надцатом» поколении, по праву гордящийся тем, что его прапрадед строил первую в этих местах шахту под руководством самого Джона Хьюза, он иногда выдавливал из себя военного стратега. — Ну, кто что думает?

— Будет, как будет, как суд рассудит, — прокашлял седовласый Дед, любитель поиграть в карты и попеть блатных песен. Когда он пришёл записываться в ополчение, то всем сказал, что является почётным пенсионером области и ветераном труда, и воевать будет за справедливость по отношению к рабочему классу, но многочисленные наколки, намалёванные на всех частях его худосочного тела, намекали на абсолютно иное прошлое и совсем другие мотивы его внутреннего антифашистского восстания. — Ты заранее не бзди, Пистон!

— Тишина мне эта, срань, совсем не нравится! Как и долгое отсутствие командира, срань. Вы только посмотрите сюда: птички

поют, кузнечики скачут, кот яйца лижет, солнышко вылезло! Прямо любовь-морковь, срань! Прав Федя, не к добру это! Давайте в апартаменты пошлём, в боксы, — потирая лоб и закрывая глаза, высказался боец с классным позывным Гитлер-капут. — Вон, срань, поглядите, первая группа только щас на месте общего сбора появилась, срань, и сразу туда ныкаться пошла. Я давно понял, что они далеко не дураки, у них там всё шуры-муры, тёрки-стёрки! Они все офицеры бывшие, и доктор у них есть, и связист с инсти-тутом, и афганец с орденом...

— Ага, точно, вон и он, — прервал его Федя и, громко приветствуя ополченцев из первой группы отряда, поднял руку. — Салам, Афганец, бача! Здорово, Писатель! Доброе утро, Док! Привет, Антоха! Здорово, Игорь! Салам, Руслан! Здорово, Олег! Привет, Дубок!

И только первая группа скрылась в тени стен автомобильных боксов, воздух разрезал визг падающих с неба мин. Разрывы последовали один за другим. Их было так много, будто кто-то гигантский собрал мины в лукошко и, свесив ноги с облаков, высыпает их на головы беспечных ополченцев. Голоса отдельных разрывов быстро свелись в могучий единый монотонный хор.

— Вот, суки, говорил же, есть тут у них корректировщик! — пронзительно закричал Федя, неуклюже падая на спину и хватаясь за пробитую осколком ступню. — Умммм, суки!

— Накаркал ты, Федя! Заткнись, и ползи к мастерской, пока не добились, — откликнулся Вася, странно заваливаясь на левый бок. Обе его ноги были сломаны, но он не успел на них даже посмотреть, внимание отвлекли руки. Правая оказалась перебита и плетью повисла вдоль туловища, левая, та, что уныло заныла под давлением веса тела хозяина, похоже, тоже получила повреждения.

— Я щас умру, я щас умру! Сабхан Аллах, ну как так? — Рустам, только освободившийся от гранатомёта, не вовремя снял и бронезилет. Порядка двадцати мелких осколков вонзились в его спину, ягодицы и ноги. Нашпигованный железом, он повалился на живот. — Аллах, спаси, я пока ещё не хочу в рай, мне и на земле неплохо!

— Всё, всё, хватит, хватит! Боже мой, хватит! Клянусь, буду в церковь ходить! Бухать брошу! Клянусь, детей бить не буду, жене

изменять не буду, любовницу брошу, нет, не брошу, но жене изменять не буду! — скороговоркой забормотал Валера, лёжа в неестественной позе. Взрывом его ноги раскидало в разные стороны: левую разворотило и закинуло на плечо, правую — вывернуло носком назад. Модная бейсболка отлетела на десяток метров — к стене автомобильного бокса, разбитые осколком очки разлетелись на кусочки. Задыхаясь, Валера схватил себя за шею. — Как больно, только бы не обосраться, Господи! А-ммм-ууу...

— Сууука, прям в щёку прилетел, срань, весь утренний макияж испортил, — лицом к лицу к Валере оказался Гитлер-капут. Из левой его щеки торчал малюсенький осколок, почти такой же выглядывал из левой ладони, которой Гитлер-капут неуклюже пытался вытереть с лица кровь. Похоже, главного борца с немецким фашизмом не слабо приложило головой об асфальт. Сначала его отчаянно сильно затрясло, и только Гитлер-капут успел перевернуться со спины на живот, как тут же из его рта попёрли рвотные массы. — Фу, а, бэээ...

— А, а, а-а-а, — бессознательно стонал Дед. От удара об металлические ворота ангара он сломал ключицу и рёбра. В левый бок, в незащищённое бронезиловое место, попал солидный кусок бетона, оторванный миной от забора. Накрытый мощной волной боли, Дед впадал в полудрёму. — А-а-а...

Пистон молчал. Его, единственного из группы, пощадили осколки, невероятным образом облетев в считанных миллиметрах и справа, и слева. Но не пощадил снайпер противника. Вооружённый новенькой винтовкой ВСС с оптическим прицелом, он спрятался на чердаке двухэтажного особняка менее чем в двухстах метрах строго напротив автомобильного бокса производственных мастерских. Квадратное окошечко чердака совсем немного возвышалось над заводским бетонным забором, но это было скорее плюсом, чем минусом, никто не ждал оттуда стрельбы. Пока дружок снайпера, опытный артиллерийский корректировщик, умело наводил огонь двух миномётных батарей на ополченцев, сам он нетерпеливо расстреливал Пистона. Снайпер знал шахтёра с детства, и не мог простить ему вольнодумства, любви к России и ненависти к нынешним владельцам угольных богатств Донбасса.

Первая же бронебойная оболочечная пуля калибра 9 миллиметров с сердечником из высокоуглеродистой стали, пробив грудную часть бронежилета и пройдя тело Пистона навывлет, застряла в спинной части броника, поставив шахтёра на грань жизни и смерти. Ополченец, от сильного удара пули о бронежилет упав на спину и потеряв сознание, стал удобной неподвижной мишенью. Пенистая кровь тонким ручейком заструилась из раны. Пистон лежал, мычал, кровохаркал от надрывов легкого, пялился в небо и ждал смерти. Но снайпер нервничал, дёргался и спешил. Остальные девять пуль он влупил в асфальт.

— О, ё-мое, срочно нужна помощь! Доктор, где какой-нибудь доктор? — наконец-то на площадке появился Длинный — командир пораненной группы. В полной снаряге и с автоматом за плечами. — Помогите! Врача! У меня тут семеро «трёхсотых» на улице, — закричал он неистово. Подбежав к Деду, Длинный схватил его за руки и поволок в ангар.

Из автомобильного бокса показался Док. Стоя на асфальте на коленях, он осторожно выглянул на улицу из-за приоткрытых ворот. Оценив обстановку, сбросив с плеч рюкзак и автомат, он рванул к Валере, обнял его, попытался поднять на руки. Но не сумел.

— Мужики, мать вашу! А ну, жопы от земли оторвали, и быстро ко мне, вперёд! — медведем взревел медик, оборачиваясь к боксам. Прыжком с присядки он достал Федю, рывком поднял на руки и помчался в укрытие. — Я тут один не справлюсь, помогите!

Из ангара на четвереньках выполз Длинный. Уже без амуниции и оружия, так удобней. Донёсся до Васи. Встал, неловко схватил его под руки, поволок в боксы. Навстречу, с силой выбивая из асфальта серую пыль, вылетел Док. Просунув руки Васе под спину, помог донести его и уложить на холодный пол огромного здания.

— Ну, где же вы, мужики? — Доктор, обливаясь потом, полз под усилившимся обстрелом, еле-еле волоча за собой брыкающегося Гитлер-капута. — Попрытались все, черти полосатые! Зассали, да? Да пособи́те вы уже мне, сволочи!

Длинный, похоже, в одиночку решивший спасти всю свою группу, снова на карачках подбирался к залитой кровью площадке

с ранеными. Крупный осколок, срикошетив от стены ангара, угодил ему в левую ногу сзади. Длинный, матерясь, изменил траекторию движения и поспешил ретироваться в боксы.

— А, а-а-а, я тут, я умру шас, умру! Спаси, меня спаси, Док, — очнулся Рустам и поднял руки, подавая знаки медику. — Врач, помоги, меня спаси!

Олег и Игорь как из-под земли выросли с носилками в крепких руках. Кряхтя, ругая друг друга за проявленную смелость, позволившую выйти под вражеский обстрел, они затолкнули Рустама на носилки, и на полусогнутых ногах, гусиным шагом, поковыляли в боксы. Доктор как раз дотянул туда Гитлер-капота.

— Игорь, торопись, срочно подгоняй сюда машину, — командовал Док. Пламенный взгляд его серо-зелёных глаз в тот момент смог бы лазером пробурить скважину до центра Земли. — А я подремонтирую пока этих! А ты, — он махнул Олегу, — возьми Руслана, он же у нас реальный Рэмбо, и доставь мне Валеру и Пистона. Быстро!

— Раскомандовался, тоже мне, генерал медицинской службы, — фыркнул Игорь, но поспешил за машиной.

Доктор, бегло осмотрел Рустама, вколол ему обезболивающее средство, аккуратно, местами разрезая материю ножом, снял камуфляж:

— Боль скоро стихнет. Потерпи! Займись тобой позже, надо остальным помочь!

— Как потерпи? Ты чего, Док? Я умру, я скоро сдохну, а ты говоришь, чтобы я терпел! Охренел? Ты совсем охренел, Док?

— Ты будешь жить, не переживай! Не смертельно у тебя!

— Да как так? А, это потому что я нерусский, да? Ты нерусских не любишь? Нацист, да? Сволочь ты последняя! А ещё — врач!

— Да, знаешь, ты прав, я — врач, — на мгновение улыбнулся Доктор, поворачиваясь к следующему пациенту. — И я умею правильно оценивать характер и серьёзность ранений.

Федя держался молодцом, даже попытался рассказать анекдот, хотя мог потерять сознание. Доктор, вколов ему промедол и сняв со ступни кроссовок, вытащил из раны осколок, промыл рану перекисью водорода и наложил мазь с антибиотиком.

Повезло, что в советское время боксы строили по всем технологическим нормам и правилам пожарной безопасности, поэтому они имели сквозной проезд, то есть ворота имелись с двух сторон. Именно со стороны автодороги, с тыла примыкающей к предприятию, и заехал внутрь боксов тентованный «урал» Игоря. Оба окна завешены бронежилетами, к переднему бамперу приварен стальной лист размером полтора на два метра.

Выпрыгнув из-за руля, Игорь откинул задний борт и вскочил в кузов. За ним последовал Афганец. Руслан и Писатель подали им сначала Рустама на носилках, потом Федю на одеяле, затем Пистона и Деда. Гитлер-капут взобрался в кузов сам. Осколки ему Док вытащил, зелёнку на раны налил, да и укольчик с чудесным средством, на всякий случай, всадил.

— Пихайте быстро в борт всех остальных! Игорь — дави по газам! В больницу, давай, живо! Торопитесь, мужики, — призывал товарищей к действию Док, давящей повязкой останавливая кровотечение у Длинного. — Кому успею — в дороге помогу!

— Ой, ай, болит как, падла, — отозвался на манипуляции медика командир третьей группы.

— Да не шевели ты своей поганой ногой, иначе — ампутацию, — сурово прикрикнул на него Док. — Заткнись! Терпи!

Длинный послушно замолк, закусил нижнюю губу, схватился своими ручищами за здоровую ногу. Со вздохом закрыл глаза, насунился:

— Давай, довязывай!

— Готово! Длинный, давай в кабину к Игорю! — Док подтолкнул Длинного к автомобилю и пробежал глазами по обездвиженным телам Валеры и Васи, которых осторожно положили подле него. — Шансов нет, массивная кровопотеря, смерть!

— Да, жопа! Вот, блядь, утро на заре! Раз, два, и сразу «двухсотые», — сказал Афганец, подавая медику в кузов его рюкзак и автомат. — Я тебе помогу, брат, поеду с тобой! Разведка, я чувствую, сегодня отменяется!

— Вперёд, к коммунизму, — Игорь надавил на педаль газа. «Урал», извергая из выхлопной трубы длинную струю сизого дыма, рванул с места в карьер. — Держитесь!

Игорь выжимал из грузовика все соки. Двигатель ревел, стонал, пыхтел, кашлял, но работал на славу. «Урал» ополченца мчался по сельской шоссейке так быстро, будто это «Мерседес» Льюиса Хэмилтона на шикарной трассе Интерлагос в Сан-Паулу. «Мерседес» привёз Льюису известность и титул победителя чемпионата мира в серии «Формула-1», «Урал» привёз Игоря к уважению и позывному «Быстрый».

В кузове трясло так, что Доктор, использовав обезболивающее, не сразу сумел положить свернутый китель Деду под мышку и зафиксировать согнутую руку в локте, чтобы примотать к телу и подвесить с помощью косынки к шее. Рёбрами Деда он заниматься не стал, полностью погрузившись в работу с Пистоном.

— Всё хорошо, друг, тебе повезло, тебе повезло, — Док кричал это Пистону в лицо, придав ему полусидячее положение и положив его голову себе на колени. — Я тебе, там, в боксах, сразу промедола две дозы вдавил! Ты понял?

Пистон молчал. Мёртвенная бледность его покрытого холодным потом лица, непередаваемое выражение страха смерти, наполненные болью, большие блуждающие глаза, частый нитевидный пульс и низкое артериальное давление указывали на близкий печальный исход. Но Док, не покладая рук, боролся за жизнь Пистона и заставлял надежду на лучшее будущее не покидать его ослабшего сердца.

— Слышишь? Руками, потом пластырем герметически закрыл входное и выходное отверстия, — продолжал военврач. — Теперь наложил давящие повязки и зафиксировал рёбра! Воздух в грудь не проникает и не сожмёт легкие! Всё в порядке! Ты, главное, дыши мышцами живота! Глаза не закрывай! Ну, скажи что-нибудь, скажи же, Пистон, твою мать!

«Урал» жёстко подпрыгнул на ухабах. Лежавшие на деревянной лавке рюкзаки, доверху набитые ручными наступательными гранатами, слетели на пол. Гранаты с характерным грохотом раскатились по кузову.

— Доктор, доктор, — заскулил Рустам. — Меня спаси, Док. Пистон — не жилец. Видишь, молчит! Спаси меня! Я не подохо ещё, и не хочу!

— Если ты немедленно не заткнёшься, — разозлился Док, — я тебе гранату в жопу засуну, чеку выдерну, а потом тебя, уroda, с машины скину! Рванёт так, что от твоей несчастной тушки и хвоста не останется!

— Док, признайся, ты несправедлив, — никак не желал уняться Рустам. — Или ты нерусских не уважаешь, или работяг честных, или сам по себе козёл! Грубишь, хамишь, угрожаешь. А мог бы взять, и молча спасти! Я сейчас умру, и завещание не успел написать.

— Ты столько болтаешь, что ни один нормальный человек тебя не стерпит, — усмехнулся Афганец. — Если бы умирал, молчал бы, как Пистон. А ты зудишь, как баба! И ещё, ты знаешь анекдот про татарина, которого мучает его неполноценность, поскольку он нерусский? Нет?

— Нет, не знаю, и знать не хочу! Тебе-то легко говорить, тебе-то не больно, ты-то сейчас не умираешь, — обиделся Рустам. Негромко постанывая, он закрыл глаза и отвернулся.

— Чувство неполноценности действительно свойственно представителям малых народов, и не всегда небеспочвенно, — не оборачиваясь, Док намеренно бросил Рустаму фразу, которой обжег его, как кипятком.

— Да пошли вы, козлы! Умру, вам же хуже будет! — Рустам съёжился, как кусок брошенной в огонь пластмассы, и стих.

— А я своё в Афгане отболел. И умирал, как ты тут сейчас, не раз. Всякое было, — Афганец потупил взор. — Ничего, я стерпел, и ты — стерпишь! А доктор, он — профессионал своего дела, умеющий отделять важное от мелкого, сказал тебе, что выживешь, значит — выживешь!

— Ещё пять минут, всего каких-то проклятых пять минут! Потерпи, брат, Пистон, потерпи! Через пять минут доедем, долетим! Нас ждут, нам помогут! Ты — сильный, ты — сможешь! Терпи, — доктор покачал головой. — Совсем чуть-чуть потерпи!

— Ого, надо же, — Афганец указал Доку на броник, снятый с Пистона и валявшийся у него в ногах. — Ты только посмотри! За всю мою долгую и счастливую жизнь я всего второй раз такое вижу! — он подцепил бронезилет за лямки и подтянул поближе к себе. — Это же оболочка от пули... Ясно... — Афганец

с любопытством поковырял ткань в районе входного отверстия. Перевернув бронезилет, он вновь прошептал: «Надо же!» — и присвистнул от удивления. — Пуля застряла в бронике! Продыравив выходное отверстие, она застряла в нём! Если бы срикошетила назад в тело — Пистону бы конец! Ясно...

— Что ясно? — снова очнулся Рустам. Повернув голову, он дрожащим голосом повторил, глядя на Афганца: — Что ясно? Что я умру?

— Нет, не умрёшь! Ты сюда посмотри! Это интересно, — Афганец решил отвлечь товарища от наболевшей темы. — Я тебе расскажу, я же зам по вооружению! Вот, это оболочка от бронебойной оболочечной пули! Она вляпалась тут в материю броника. Понятно? При встрече пули с преградой — бронезилетом — оболочка останавливается, а сердечник продолжает движение, в процессе которого расправляет оболочку и оставляет запрессованной в преграде.

— И что это значит? — монотонно, чуть ли не зевая, спросил Рустам. — Не понятно ни хрена.

— Понятно, что при такой схеме проникновения в преграду — оболочка пули — вредный элемент, увеличивающий диаметр пробивающего снаряда и снижающий результативность пробития. Чем меньше диаметр снаряда, которым пробивается преграда, тем эффективнее пробивание. На этом принципе делаются подкалиберные снаряды в артиллерии. А ещё, эта пуля большего диаметра, чем автоматная. Это, наверное, девятимиллиметровая была. Нам бы такое оружие в Афгане, цены бы ему не было.

— Ну и хрен на них, — вдруг обрадовано вскрикнул Рустам. — Вытаскивайте меня поскорее, мы приехали!

Микола

Мать твою! — услышал сквозь сон Док. При чём здесь моя мама, подумал он. «Влипли!» — снова влез в сладкую дрему военврача чей-то грубый голос. Куда кто влип, когда и почему? Мама влипла, с ужасом понял Доктор, и сон как рукой сняло. Он открыл глаза.

— Что с моей мамой? — громко спросил Док. Не поворачивая головы, не осознавая, где он находится, медик отвёл глаза влево и увидел отполированное до блеска колесо руля «урала» и изрядно покрытую волосняным покровом руку Игоря на нём.

— Не знаю я, что с твоей мамой, и где она. Я с ней даже не знаком, и знакомиться не собираюсь, я предпочитаю девушек помоложе, — ответил водитель автомобиля скорой боевой помощи. — Хотя, шанс её увидеть у меня есть, например, на твоих похоронах! А что?

— Ничего... Ничего, так, видимо загнался я совсем! Представляешь, дружище, уснул от усталости. Жара, опасность, «укропы» кругом, жажда и голод, а меня сморило! Сам от себя не ожидал такой беспечной наглости, — эмоционально скороговоркой выговорился Док, в сердцах махнув рукой. — Где мы?

— Уже в полной жопе! Сейчас поднимемся на этот бугор, — Игорь ткнул пальцем в лобовое стекло, — и ты сам увидишь! Там кто-то есть! Доедем, или рискнём, развернёмся, и назад?

— Ну, ты даёшь! Мне тебя учить? Нельзя разворачиваться, они нас засекли, расстреляют в спину. А так, может и повезёт нам с тобой, проскочим. Эх, где наша не пропадала! Главное, морду — кирпичом! Если остановят, я сам решу, что делать: давить на педаль и сматываться от них, выходить и договариваться с миром, или валить «укропских» утырков на месте. Понял?

— Ты — командир, тебе решать! — зло буркнул водитель. — Автомат-то готов?

— Готов, мой дорогой и любезный друг, он же небезызвестный товарищ Калашников, к бою готов, — Доктор передёрнул затвор автомата, аккуратно базирующегося на его коленях в удобной складке небольшой, но достаточно вместительной тёмно-зелёной сумки с вышитым красным крестом на боку.

«Урал» на полной скорости взобрался на вершину холма. В пяти метрах от дороги, на импровизированном бруствере, надстроенном над неглубокой корявой траншеей, стоял пулемёт, нацеленный точно на начерченную белой краской широкую линию, перерезающую потрескавшийся асфальт пополам.

— Вот она — судьба ополченца! Вот она — наша тонкая красная линия, — Доктор сощурился и сосредоточенно смотрел на

пулемёт, словно в уме измеряя расстояние от вершины мушки до оси канала ствола. — Их двое, в траншее два человека.

— Ага, только наша смертельная линия не там, Док, а в «зелёнке»! Просрали мы, командир, вспышку, — Игорь громко сглотнул. — Слева, десять метров в глубь лесополосы, две коробочки, нах! А снизу-то их не разглядеть было, грамотно попрятали, суки!

Доктор только сейчас заметил эти бронетранспортёры. Покачав головой, он звонко щёлкнул пальцами:

— Поймали! А ведь не было никого вчера! Не было! Противник наш умён, быстр и коварен. Но ничего, и мы не лохи, правда? — он очень радушно улыбнулся водителю. — Друг, твоя граната с тобой?

Игорь утвердительно кивнул:

— Всегда прямо под сердцем!

— Значит, мы ещё с тобой посмотрим, кто кого перекосит! Скольких мы, и как быстро нас! Вперёд, — твердым командирским голосом произнёс Док.

Из траншеи на дорогу выбрался невысокого роста, худой и сгорбленный человек лет сорока пяти. Изрядно бородатый, одетый в чёрные потрёпанные штаны с красными лампасами, зелёную майку и низкую казачью шапку-кубанку. Он встал посреди дороги, в пяти метрах от линии, и жестом приказал остановиться. Игорь повиновался. «Урал», еле слышно скрипя тормозами, встал прямо на линии.

— Казаки какие-то, вроде. Русские же, наверно, — Игорь громко дышал, костяшки его пальцев побелели. Казалось, приложи он совсем небольшое усилие, и кольцо рулевого колеса лопнет под силой его рук. — Если россияне, значит, за нас они?

— Тоже думаешь, что россияне? Тогда и скажем им, что мы русские! Всё, разыгрываем мирный вариант! Быстрый, я решил: скажем, что мы — добровольцы из России!

— Ага, скажем, — иронично отозвался водитель. — Как мы скажем, если запалимся, — он повысил голос. — Мы же с тобой ничего об этой России не знаем!

— Знаем мы, знаем! Выпутаемся!

— Да что ты, Док, знаешь о России? Ну, президент Путин в Кремле в центре Москвы! Ну, министр обороны генерал армии

Шойгу, Герой России! Ну, Медведев! Ну, сериал «Сваты» по ящику. Ещё? А нету этого «ещё», тью-тью!

— Спокойно, друг! Говорить буду я. Ты, иногда, если хочешь, очень редко, поддакивай. Всё получится. Цель вижу, в себя верю!

— Ага, верю! Ты им Гагарина ещё вспомни и Горбачёва! Кобзона, Ельцина и, как его там, Чубса! А кого знаешь, кроме? Хрен кого! А из какого мы города? Где учились? Где и кем служили? Кем работали?

— Чубайса, а не Чубса, — голос Доктора звенел сталью. — Всё, рот закрой, помолчи!

Доктор вытащил руку из окна, махнул, мол, иди ко мне. Мужик, руки в брюки, весь из себя деловой, вальяжно переваливаясь с ноги на ногу, подошёл к машине. Новенький пистолет АПС грозно покачивался на ремне справа, слева из заднего кармана выглядывала антенна радиостанции.

— Да ты погляди на него, а! Небось, ГАИшник бывший, или всю жизнь им мечтал стать, — одними губами прошептал Игорь. — Козёл...

— Здрастуйте, друзі, — шевеля густой рыже-серой бородой, пробасил новоявленный хозяин дороги, украдкой пытаюсь заглянуть в кабину. — Кто такі? Куди їдете? Зброя є?

— Є! Хто в наші дні без зброї ходить? Якщо тільки дурні самогубці! У тебе он який пістолет! Як гармата! До самої землі, — вежливо улыбаясь, ответил Док на последний вопрос, игнорируя первые.

— А-хах-ха, — самодовольно заржал мужик, горделиво похлопав себя по бедру и, поднявшись на носочки, наклонился вперёд. На секунду потеряв концентрацию, он сделал роковую ошибку. — Теж такий хочеш?

— Не, друг, не хочу, — Доктор чуть приподнял автомат с сумки. Ствол смотрел бородачу прямо в лицо. — У меня кое-то лучше! Не шевелись, и не дёргайся, стой, как стоишь! И говори: кто такой, откуда ты, что за отряд? И кто там, в «зелёнке», в броне, с тобой есть?

— Місцеве ополчення ... Взвод ... вісімнадцять чоловік, — побелев лицом и заикаясь, будто спотыкаясь после каждого слова, отозвался мужик. — Ми за Новоросію, ми проти Порошенка!

— Да, а что ты тогда мне всё тут по-украпски втираешь? — военврач продолжал деланно улыбаться, растянув губы от уха до уха.

— Так звик я, у нас так принято, в нашому селі майже всі українці... И в советское время даже на украинском разговаривали.

— Ладно, ладно! Верю я тебе, спокойно. Мы — свои, — Доктор негромко упомянул название своего отряда. — Слышал про таких?

— Все про вас чули, та ніхто не бачив.

— Скажи мені, звідки у вас бронетранспортери з явилися? Чому шапка козака на тобі? И откуда вы так резко нарисовались? Я вас тут вперше бачу! — от волнения переходя с украинского языка на русский и обратно, спросил Док. — Только не ври! Я не люблю врунов и фокусников!

— Це нам козаки передали вчора. І техніку, і зброю, і одяг. Вони нам сказали, тепер дорога ваша! Стройте блокпост, вони сказали. Держите местность, чтобы никто незамеченным в тыл не проехал!

— Что за казаки? Сколько их было? На чём приезжали? Говори название отряда, позывные, особые приметы казаков!

— Чоловік п ятдесят приїжджало. Колонна цeлая была! Четыре БТР, два они нам временно оставили. Там и джипы у них, и другие иномарки хорошие. Командира не было, старшим приходил такой низкий мужичок, з кривим зламаним носом.

— Не врёт, — Доктор сказал это скорее для себя, чем для бородача или Олега. — Казаки тут действительно орудуют, и тыл, эта территория, как бы закреплена за ними. Крысы тыловые. И этот хрен плюгавенький с носом у них есть. Ладно, верю, — он пристально посмотрел трясущемуся мужику в глаза. — Я сейчас опущу ствол, а ты спокойно достань радиостанцию и парням на броне, и этому другу в окопе скажи, что мы — свои. Да, ещё, скажи мне, пожарть у вас есть чего? Три дня сопли жуём, травой закусываем.

— Так, їжа є! Там якраз хлопці борщ варити збиралися. Ми вас почаствуємо! Ша, — мужик вытащил рацию, нажал на кнопку, поднёс ко рту, — Мужики, це наші! Ми зараз прийдемо, я хочу пригостити їх борщем!

— Веди, — прохрипела в ответ рация.

— Быстрый, я до БРТов дойду, а ты пощукай по ситуации, сва-лишь, или подъедешь прямо туда, — предупредил Док Игоря, не поворачивая головы. — Ну, я пошёл!

— Давай, командир!

— Вот и хорошо, — Доктор заговорщицки подморгнул боро-дочу, убрал оружие, распахнул дверь, спрыгнул вниз. Протянул мужику пятерню. — Добрый день! Я — Док!

— Микола, — мужик вцепился военврачу в ладонь. — Ща на-годуємо, організую!

Торопливой походкой семенил Микола подле Доктора, рас-сказывая о жите-быте местного пролетариата и отчаянно разма-хивая руками:

— Ты понимаешь, беда! Сначала родная украинская армия в наше село постреляла! Хотя не было у нас никаких сепаратистов, ну, ополченцев, и, как их, антимайдановцев! Прямохонько в ма-газин снаряд попал, двух человек убил. Мы здесь все — мирные люди, понимаешь? Мы в грядках и огородах разбираемся, а не в политике. Какая политика, если у нас живой милиционер в по-следний раз лет пять назад появлялся! У нас ни шахты, ни угля, ни денег! Нам терять нечего, кроме помидор на грядках! И без разни-цы, что там у них в Киеве! Хоть лилипуты или марсиане! Мы как жили, так и жили, никого не трогали! А они заехали, солдаты, две недели стояли. И из магазина забрали все продукты, Саньке — хо-зяину — не заплатили! И машины забрали, какие получше, «га-зель» там, «семёрку» жигули забрали! И в душу насрали! Понима-ешь? А потом вдруг казаки налетели, солдат обстреляли, сожгли им несколько грузовиков, и нам четыре дома порушили. Украинцы сразу ушли, в один день. Казаки пришли. Две недели простояли, всё сожрали, что в огородах росло. Потом казаки ушли. Тишина была дней десять. А вчера они вернулись и говорят: если вы за Стрелкова, за Путина, против фашистов и бандеровцев, делайте самооборону, отряд собирайте, защищайте село, чтобы никто не прошёл, не проехал лишний! Разве скажешь им «нет»? Разве от-кажешь? Добре, сказали, будет отряд. Всех собрали, кто в армии служил, и автомат разбирать умеет.

— Ясно. Не пойму только, технику казаки вам для чего оставили, если у вас специалистов нет. У вас эти бронетранспортёры скоро кто-нибудь шустрый отнимет, а вас заодно завалит. Будничность войны — стать трехсотым или двухсотым — дело двух-трех миллисекунд.

Микола аж остановился от таких новостей, стянул кубанку с головы:

— За что?

— Ладно, успокойся, всё будет хорошо!

Два десятка сельских мужичков, одетых и обутых ко во что горазд, но обязательно в казачьих папахах или шапках-кубанках поверх бритых голов, смотрели на Доктора. Самый рослый из сельчан, молодой косолапый увалень с кучей рыжей порослью на пухлых щеках, поздоровался первым:

— Командир Балу!

— Доктор, — ответил военврач, едва скрыв усмешку. — У меня предложение, Балу. Хорошее предложение. Ты кормишь меня и водилу, а я тебе сумку с медикаментами отдаю! Как?

— Хорошее предложению. Таблетки нам нужны. Только никто в них не разбирается, что от поносу пить, а что от золотухи или «залёту» по беременности! О-хо-хо-хо, — зычно захохотал Балу. — Иди, тащи свои «колёса»!

Пока «урал», объезжая деревья, заползал в лесопосадку, Док, пытаюсь войти в расположение, развлекал мужиков, как умел.

— Знаете новый анекдот про Яйценюка? Нет? Слушайте сюда, рассказываю! Идёт Яйценюк по лесу — видит, медведь спиной стоит. Ну, думает Яйценюк, завалю щас символ ненавистной России, а шкуру у себя в кабинете под ноги брошу! Вскинул пистолет — бац — осечка! Медведь оборачивается, подходит, загибает Яйценюка раком, дрючит по полной программе и отпускает. Яйцеголовый бежит домой, хватает ружье американское да сухие патроны, и бегом обратно в лес. Прицеливается в медведя, и бац — опять осечка! Подходит не спеша медведь, хватается охотничка за шкуру и повторяет процедуру, снова сладко дрючит его, — кричит Доктор, демонстрируя характерные движения тазом. — Еле-еле, широко расставляя ноги, добрался Яйценюк домой. Проклинает

всё, орёт от боли и обиды, набрал динамита и опять в лес. Нашел в сумерках берлогу медведя, обложил динамитом. Ба-бааааааах! Ничего от берлоги не осталось! Вдруг сзади кто-то хлопает его по плечу. Яйценюк оборачивается, а это медведь! Медведь хватает его за шиворот и говорит: «Слушай, мужик, я что-то не пойму, ты охотник или гей»?

— О-хо-хо-хо! Охотник или гей? Да какой он гей, понятно — пидор, — завопил Балу.

— Ха-ха-ха, — залилась смехом толпа ополченцев. — Правильно, так ему, очкарику, так, пидору американскому!

Подъехал «урал». Доктор вскарабкался в кузов и выгреб изначки размерную коробку из-под обуви, в которую складывал все раздобытые медикаменты, не пригодные к использованию в боевых условиях. Передав коробку и упаковку с перевязочным материалом Балу, военврач получил взамен мешок картошки, большой пакет лука и моркови, а также пару дюжих кочанов капусты.

Употребив две порции наваристого борща с мясом, попив домашнего компота из яблок и отказавшись от стакана бормотухи, Доктор расщедрился и выделил Балу из своих закромов пять ампул с обезболивающими средствами. Пока Игорь менял бочку солярки на бензин, которого в отряде катастрофически не хватало, Доктор неторопливо выкурил сигарету и рассказал Миколу, как и когда правильно использовать обезболивающее. А курил Док крайне редко: либо в минуты крайнего беспокойства, либо в моменты истинного счастья. Здесь приключилось второе. Вкус настоящего домашнего украинского борща проник во все клеточки его головного и спинного мозга, но, к счастью, не отключил их.

— Нам пора ехать, друг, — Доктор обнял Миколу, — и не подставляйся так больше. Это мог быть не я, а какой-нибудь головорез из «правосеков». Тогда твоё продырявленное в решето тело валялось бы сейчас в придорожных кустах и кормило ворон и собак. А это плохо. Война за нашу с тобой свободу будет долгой, и на счету каждый солдат!

— Спасибі за пораду, брат! Тепер я буду вчитися вести себе як справжній солдат, а не городник, — Микола похлопал медика по спине. — Доброго шляху, до зустрічі, побачимся ще!

ЧАСТЬ II ЗАПАХ ЖЁЛТОЙ ЛУНЫ

Ночь

Большая жёлтая луна, занимавшая, казалось, аж треть небосвода, светила, как огромный фонарь. Демаскируя разведчиков своим чарующим блеском, она не позволяла им двигаться и выполнять поставленную командованием задачу, намертво прижимая их немногочисленную группу к жёсткой почве выгоревшего кукурузного поля. Именно коварная луна заставила ополченцев замереть и сидеть без движения под древним дубом, нависшим широкими растопыренными по кругу ветвями над самой землёй.

— Ну что за луна такая! Без работы сегодня оставила, — возмутился Бритва, приподняв голову над землёй. — Слепит, как прожектор в кинотеатре!

— Всё дело в атмосфере Земли. Когда луна только восходит над горизонтом, она всегда оранжевая. Но чем выше она поднимается, тем бледнее становится, проходя путь от оранжевого к жёлтому, бледно-жёлтому, и наконец, яркому бело-серому цвету. Человек стареет, а небо всегда молодое! Астрономия, десятый класс, — отозвался Док. Он расслабленно лежал на спине и разглядывал небо, переводя окуляры бинокля с луны на звёзды. — Ты не гунди, а наслаждайся, отдыхай.

— Не люблю я такую тишину, ненавижу тупое ожидание! Ничего в жизни не боюсь, а вот неопределённости пугаюсь! С детства мне это неприятно, — вдруг разоткровенничался Бритва, обычно прячущий свои мысли глубоко внутри своего подсознания. Он перевернулся с живота на спину, подложил рюкзак под голову, подправил под поясницей туристический коврик. Устроившись удобнее, закрыл глаза. — А в бою у меня страха нет, ты не думай, я не трус. Наоборот, азарт какой-то появляется, страсть. Вот, вчера, ты помнишь, как по нам «укропы» лупили из минометов, когда мы в поле лежали, в пшенице выгоревшей? Ага, вот мне так хотелось вскочить и побежать в атаку, еле сдержал себя. Молчаливым червем зарываться в грунт и тупо лежать в ожидании, что в тебя сейчас прилетит или не прилетит, — это херня полная, не по мне!

— Это закон войны, а не херня. Есть возможность — окапывайся, зарывайся, вгрызайся в землю, и она тебя спасёт, — шепотом возразил Док.

— Лежать и дрожать: попадет в тебя железка или её мимо пронесёт, это дико, и очень неправильно, — продолжал рассуждать Бритва более эмоционально. — Надо всегда действовать, двигаться вперёд, всегда атаковать с напором, смело, нагло. Движуха — жизнь! Если бы мы вчера не остановились, а продолжили наступление, мы бы уже выбили «укров» из посёлка. И помылись бы как люди, и поели, и выпили. А у нас что? Стрельнули бандеровцы по нам, и сразу команда: «Стоп, окопаться, зарыться, не двигаться!» Ну, неправильно это!

— Правильно, абсолютно правильно, — мирно ответил Док. — Ничего бы мы не добились атакой в лоб. Погибли бы все, вот и вся твоя песня. Ты ведь не бессмертный. И я не бессмертный. И даже командир — тоже не бессмертный! И вообще, ты посмотри, друг, какая луна сегодня. Не тоненький серп, не кривой полумесяц, а полноценный пирог, торт, сдоба. Пышная, сочная, вкусная, с запахом. Как молодая барышня после баньки, — врач никак не мог оторвать взгляда от естественного спутника Земли. Она манила его своим томным свечением, брала в плен, расслабляла. — И 385 тысяч километров до неё... Знаешь, с праславянского слово «луна» обозначает «светлая». И ведь точно как!

— Ага, на фиг сдалась мне эта луна, — недовольно пробурчал Бритва. Он явно начинался злиться. — И то, что я — «не вечно живой», я знаю! И всё равно, достал меня такой командир! Не знаю, чему такому премудрому его в академиях учили, но был бы у нас другой командир, нахальней, жёстче и наглей, мы бы уже под Киевом сейчас «нациков» били! Уж поверь мне! А мы не идём вперёд, а ползём, не атакуем, а окапываемся! Всё ему одно и тоже — «надо потише, надо поаккуратнее, надо поосторожней!» Какая-то херня получается, а не тактика!

— Успокойся, не злись. Злиться — это как самому принять яд и ждать, что умрёт кто-то другой. А командир, всё он верно делает. Он людей бережёт, ресурс. Бритва, друг, скажи мне, ты в армии служил? — военврач отложил бинокль, накрыл лицо

панамой. — И вообще, до всей этой бодяги, до войны, ты чем занимался? Работал где-то?

— Не был я в армии, у меня другая по жизни масть. Условка по малолетке за драку была, отсрочку дали от призыва. Ну, та! Покрутило меня, туда-сюда! А крайний год, в последнее время, я барыгу одного охранял с пацанами. Ну, знаешь, блатной, не блатной! Точка у него была небольшая на рынке, магазинчиков пара на автобусных остановках. За барахлом с ним мотались в Киев, две фуры его «пасли».

— Не служил он, значит, и не работал никогда. Фуры с китайским ширпотребом сторожил. От таких же лентяев, как сам, «пас». Тоже мне, пасечник, — усмехнулся Доктор. — А такой вот стратег военный, твердишь: «Вперёд, в атаку!» Мозга нет, и людей готов на смерть бросить. А дальше, дальше что?

— А тебе что? Ты чего — «мусор»? Мент бывший? Нет, нет, ты — худшее из детей человечества — прокурор! А? — Бритва быстро спрятал бинокль в чехол, повернул лицо к собеседнику. Тот так же неподвижно лежал рядом, скрестив руки на груди, поверх автомата. — А то я гляжу, бля, ты больно правильный такой. Всё у тебя по уму, по бумаге, как в школе в учебниках пишут, — разгорячился Бритва. Он уже был готов вскочить и вцепиться военврачу в глотку. — Хмырь ты, Доктор, «лепило»!

— Это плохо? — нехотя прошептал Док. — Служить закону?

— Не-е-ет, ты не «мусор», не мент ты, — радостно догадался Бритва. — Уж больно ты культурный. В «мусарнях» таких не бывает. Они ещё бессовестнее и хитрожопее наших братков будут. Те же пацанчики, «на понятиях», только «на погонах». Но всё равно, есть в тебе такое, неприятное для меня, ненормальное, чужое! Может, ты врачом работал в их ментовской поликлинике?

— Я тебе скажу, друг, что не люблю ни ментов, ни бандитов. Не за что любить. И пытался там, в мирной жизни, их стороной обходить, не соприкасаться, не общаться. Неприятно мне было с ними... контактировать... А вот здесь, сейчас, пока война идёт, мне абсолютно фиолетово, абсолютно безразлично, — в голосе Доктора зазвучали стальные нотки, — кем ты был! Ментом или разбойником. Мне важно, кто ты есть сейчас. Вот ты сейчас — ополченец, и воюешь за одно со мной дело! Воюешь за свободу Донбасса

от «майданурых нациков», за возможность разговаривать на русском языке, за право девятого мая отмечать День Победы советского народа над фашистской Германией! Со всеми вытекающими из этих прав последствиями! И мне это очень важно, — разошёлся Доктор, каждым словом впечатывая в сознание собеседника своё убеждение, как кирпичи в жидкий бетон. — А вот когда мы вместе, сообща, победим, тогда дальше и посмотрим, кто кем и где будет, кто кем и для чего станет. Но это — в будущем.

— Короче, не фартовый ты, Доктор, но дюже продуманный! Политику какую-то мутную сюда приплёл, для своей отмазки от темы, — запинаясь на каждом слове, задумчиво промямлил Бритва. — Я тебе тру про то, что я не боюсь стрельбы. Вспомни, сколько я в атаку под пули ходил, и ничего мне, ни царапины! За три месяца! Я во всех операциях наших участвовал, и всегда мне везло! А сколько пацанов на первый или второй день без руки или совсем без жизни оставались? Море таких! Вроде как тот механик! Лезжал он под машиной, ковырялся, а бой в трёх километрах от него громыхал, так ему всё равно в голову прилетело! Железяку прямо в ухо! Или тот, который в рациях понимал, старичок-связист. Который раньше инженером в телефонной фирме работал! Он всё время в тылу ошивался, в штабе сидел, крутил свои крутилки на рациях. И что? Снаряд в дом! И нет связиста. Три слоя кирпича над ним! И ты, Док, советую тебе, если ты жить хочешь, рядом будь, ничего не бойся, смелее действуй, дерзко и нагло! Тогда тебе повезёт! Наглость — второе счастье!

— Война не любит «повезёт, не повезёт». Нельзя надеяться только на случай. А бесстрашие твоё напускное — это не смелость вовсе, а пофигизм, — убаюкивающее спокойно отреагировал военврач. — Просто со временем ты, как и большинство, привык к войне — к взрывам, стомам, стрельбе — и начал испытывать судьбу. Лезть на рожон. Но не надо, не стоит, совсем на страх свой плевать не стоит. Умереть-то всё равно страшно! Понимаешь? Когда нормальный среднестатистический человек смотрит на разорванных товарищей, это его угнетает. Поначалу. А со временем он смотрит на убитых, покалеченных, посечённых, и не испытывает уже таких эмоций, что раньше. Просто все мы на каком-то этапе становимся

более чёрствыми, чем были изначально. Да, да! Даже ты, не отягощённый семейными узами, из асоциальной прослойки общества, ты стал грубее и менее восприимчивее к визуальному эффекту негатива. Понимаешь только, глядя на труп, что можешь точно так же лежать на его месте, но всё равно, прёшь вперёд. Тебе-то легче адаптироваться к войне, чем учителю или офисному клерку.

— Ну, может, и так. Конечно, что они в жизни видели, этот никчёмный офисный планктон. Они к жизни не приспособлены!

— Всё так. Я тебе как врач говорю, — Доктор смахнул панаму с лица, накинуд её на бритую макушку, привстал, выдудил из рюкзака термос с кофе. Открутил колпачок, перевернул, налил туда горячего пахучего напитка. Термос положил рядом. — Кофе будешь?

— Не, сам пей. Я от него засыпаю только. Кофе — не водка, много не выпьешь!

— Хорошо, — Док на локтях подтянул тело ближе к дереву. Облокотившись о широкий влажный ствол дуба, медленно хлебнул кофе. — Ух, как замечательно! И запах какой, чуеть? Вкусно как пахнет! Запах жёлтой луны!

— Какой, блин, луны? Это кофе твоим воняет! Вперемешку с запахом коры дуба и корней кукурузы! Романтик ты хренов, — оскалился Бритва. — Запах луны ему примерещился! Бред!

— Эй, философы! Слушайте сюда, — из-за дерева показалось лицо Магнитолы. — Снимаемся, уходим! Командир на связь вышел. В посёлке нормально всё. Там, оказывается, наш человек был, сейчас объявился. «Укропы» оставили посёлок, вечером ещё уехали. Он пуст. Менты за ними ушли. Остались только гражданские. В основном, старики и дети. Командир сказал сейчас возвращаться на базу, отдыхать будем, а в посёлок днём заедем, по светлону.

— Вот и славно, — широко улыбнулся Доктор. Он искренне обрадовался новостям от Магнитолы. — Кофе попил, и всё сразу на свои места стало.

— А машину командир за нами не пришлёт? Ничего не сказал? Пешком пятнадцать километров шагать? — Бритва недовольно покачал головой и развёл руками.

— Точка эвакуации всего в трёх километрах восточнее. Колёса туда уже катятся. Не ной, дружище, — ответил Магнитола, поправляя на груди лямки рюкзака. — Давай, пошли!

День

Крайняя улица — первая со стороны поля с величавым дубом посредине — небольшого небогатого посёлка оказалась полностью разрушенной ветрами и разграбленной временем. Старые неказистые дома, некогда построенные из смеси самана, природного камня и кирпича, и раньше были пригодны лишь к съёмкам эпизодов для кинофильмов о Великой Отечественной войне, а теперь и вовсе оказались разваленными. Выдавленные деревянные рамы окон, маленькие, квадратные, с грязной облупившейся краской, с побитыми тёмными стёклами. Съехавшие набок, обвалившиеся и потрескавшиеся шиферные или коричнево-ржавые металлические крыши. Поваленные заборчики из некрашеного штакетника или проржавевшей сетки-рабицы. Заваленные набок сарайчики из прогнивших досок.

Бойцы отряда ополчения, держа автоматы и снайперские винтовки наперевес, медленно шли по улице вслед тёмно-зелёному трофейному бронетранспортёру с двумя замалёванными полосами на корме, и смотрели на улицу разными глазами. Кто-то постарше, родившийся тридцать лет назад в таком же наполовину исчезнувшем селе, с тоской вспоминал отчий дом и тоненькую, покрытую жёлтым мхом яблоню в родном дворе. Кто-то, молодой городской житель, удивлялся и ужасался условиям жизни, когда туалет на улице и колодец за околицей, а из достижений цивилизации только пухлый китайский телевизор с поблекшим экраном.

Люди в камуфляже с задумчивыми лицами, рассеченными черной краской натрое, провалились в свои мысли настолько глубоко, что уже не замечали реальной действительности. Доктор же старался не думать. Панамка с широкими полями и солнцезащитные очки, скрывающие не только половину лица, но и мысли, отгораживали его от гнетущей действительности. Лучик солнца, игравший на начищенной пряжке его советского армейского ремня, иногда

рикошетил в лицо Бритве, тяжелой поступью ступавшему на тонкую кромку разбитой дороги в двух метрах левее. В узкой глубокой расщелине распадающегося на мелкие камешки асфальта он заметил что-то блестящее. Припав на колени, Бритва запустил туда пальцы левой руки и выудил из щели крохотный нательный крестик.

— О, «Спаси и сохрани!», — повертев находку перед глазами, громко прочёл Бритва на тыльной стороне креста. — Видали?

— Тебе, глупец, и невдомёк, что священники при освящении наперсного креста читают две особых молитвы, в которых просят Господа влить в крест небесную силу для сохранения души и тела от врагов, колдунов, и иных бездельников. Вот почему на крестах написано «Спаси и сохрани!» — пробасил Доктор назидательным тоном, походящим на голос сурового немолодого монаха. — Иисус сказал: «Кто хочет идти за Мною, возьми крест свой, и следуй!»

— Чего-чего? Какого ещё наперсного?

— Того самого, что на груди носят.

— Доктор, твой вид не вызывает у меня доверия, но мне кажется, что ты всё ещё веришь во всеобщую любовь и небесную добродетель! На, держи, дарю, — Бритва ловко щёлкнул по кресту большим пальцем. Крестик взлетел с его рук, кувыркнулся в воздухе и точно попал в раскрытую ладонь военврача.

— Я не крещёный, я — атеист. Но в знак благодарности приму от тебя сей дар. А вообще, друг, знай, есть поверье, что крест нательный никогда никто не подбирает и не дарит. Это чужой крест. Если ты берешь его, то берешь все испытания, что уготованы были Господом прежнему владельцу креста. Точно так же вспомни: как и «новые русские», «новые украинские» братки носили на необъятной волосатой груди большие кресты, а потом сменили. Ибо большой крест — большие испытания. Большие невзгоды. А вот ладанки — маленькие иконки с ликом Божьей матери — можно дарить и брать, — ответил Доктор, засовывая подарок в кармашек рукава камуфляжа. — Когда кончится эта война, я верну тебе его, этот крест, но не раньше.

Бритва уважительно качнул головой, давая понять, что соглашается с услышанным, и снова занялся делом — сосредоточился на кустах репейника, бурно проросшего на обочине. И тоже не зря. Его

внимание привлекла толстая тетрадь в красной, покрытой толстым слоем пыли обложке. Раскрывшись посередине, тетрадь висела на колючках сорняка. Бритва аккуратно столкнул её стволом автомата на землю, перевернул, легонько поддев носком ботинка. Брезгливо подняв тетрадь двумя пальцами, он наугад открыл страницу.

— Эй, Док, ты жаловался, что тебе нечего читать. Так что это снова для тебя. Здесь какая-то умная муть. Лови, тебе точно пригодится. Если не для твоей башковитой головы, то для задницы — точно, — коварно хихикая, крикнул Бритва, подкидывая тетрадь в сторону военврача.

— Спасибо, я обязательно посмотрю, — отозвался Доктор, заталкивая тетрадь в накладной боковой карман чёрных полувоенных штанов, — и воспользуюсь. А вот тебе не дам, как бы ты ни умолял меня. Будешь ходить с пустой головой и грязной задницей!

— А вот это мы ещё посмотрим, кто с какой задницей ходить будет. Так что ты умничай, но не зазнавайся, Док, — рыкнул Бритва, поводя автоматом в сторону товарища. — Время покажет!

— Время покажет, — тихо согласился врач.

— Эй, Бритва, может, зря ты крестик с земли подобрал? Ей-Богу, как дитя — всё с полу в рот! Слышишь, что тебе образованные люди говорят? Может, ну его на фиг? Добровольно чужую судьбу на себя мерить? А вдруг его бывший хозяин — там, за бугром в крапиве лежит и разлагается? — обернулся назад Магнитола, устало переставляющий ноги в пяти шагах впереди Доктора. Пот жирными кругляшами капал с его острого подбородка, глаза нездорово блестели.

— Ты мне ещё про чёрную кошку в чёрной комнате расскажи, ссыкун, — Бритва смачно сплюнул в пыль. — Умрём — когда сдохнем...

Вечер

Разведчики отряда заняли позицию на противоположной от кукурузного поля окраине села. Замаскировавшись в заброшенном яблоневом саду, они вели наблюдение за дорогой, змейкой уходившей вдаль в сторону новых позиций «нациков».

Трое ополченцев работали, трое — Док, Бритва и Магнитола — отдыхали.

— Я не знаю, кто вёл эту тетрадь, и чьи мысли он туда записывал, свои или чужие. Но тот, кто их писал, определённо образованный, грамотный и дальновидный человек, — сказал Доктор, отрывая взгляд от исчерканных чёрной пастой страниц тетради. — Тут нет дат, но, скорее всего, это дневник. Буквы ровные, маленькие, точёные, легко читаемые. Он не врач, однозначно, не врач. Возможно, учитель истории или географии. Кто ещё может так выражать свои мысли, живя на краю света в забытом Богом посёлке.

— Заинтриговал. Может, прочтёшь что-то интересное вслух? — попросил Магнитола. Двадцатипятилетний выпускник радиотехнического училища, он отличался от большинства своих сверстников трезвым взглядом на жизнь. — Мне интересно.

— Ну, давай, Док, давай, действуй! Ты читай, а я усну под твоё монотонное «бу-бу-бу», спать хочу очень, — громко зевнул Бритва, закрывая глаза. — Спокойной ночи, крепыши!

— Хорошо, я прочту кое-что, что меня задело, — Доктор прислонился к стволу сырого дерева, это была старая кривая груша. — Слушайте.

«Кто мы для Америки, для Вашингтона? Серая пыль, не больше. Прокладка между Западом и Россией. И не с нами она воевать собирается, с нами воевать-то нечего, а с Россией. Руками прихвостней Порошенко, Ахметова и Коломойского. Они — США, Канада, Германия и Израиль, эта международная еврейская олигархия — собирается свергнуть Путина и посадить на его место своего человека, более покладистого, более глупого и трусливого, попутно ещё раз ограбив, окончательно разоружив и сильно сократив в размерах не до конца добытую распадом Советского Союза Россию. Все это планируется сделать за счет «внутренних ресурсов» — не рискуя большой войной и жертвами среди своих граждан, по проторенному в Югославии, Ливии, Сирии и Украине образцу»...

— Умно, не поспоришь, — помрачнел Магнитола. — Я про планы Америки. Но нас они зря списали со счетов! Вот увидят: мы их сделаем! Мы их всех победим, всех! Просто надо немного

потерпеть, совсем немного! Зубы сжать, глаза сощурить и потерпеть! И потом будет мир. Очень скоро! Достала война, мира хочу!

— Согласен. Мир в сто раз лучше войны, даже самой справедливой. И война — это худшее, чем может заняться человек, — Доктор сосредоточенно листал тетрадь. — Вот, ещё.

«Проснёшься утром, нальёшь себе кофе, включишь новости по телевизору — сразу хочется бежать бомбоубежище себе строить, или вообще — сразу вешаться! А на улицу выйдешь, вокруг посмотришь, и вроде не всё так плохо! И трава зелёная, и небо голубое, и вода в речке течёт, и птички на деревьях щебечут! Долой телевизор, долой уход от проблем в холодильник! Даёшь природу и позитив!»

— А я с этим согласен. Я новости не зырю, сериалы только. А от беспонтовых мыслей часто тоже ухожу к миске жратвы и баклажке пива. Нажрёшься от души, напьёшься, пузо набьёшь, и жить легче, — приподнял голову Бритва. — Давай, читай ещё, Пушкин!

— Пожалуйста. Вот интересные мысли.

«Демократия — это свобода выбора. Это важно. Но лишь тогда, когда есть из чего выбирать. А если выбираешь под дулом автомата, то это ложь и манипуляции, а не свобода. Украинская цивилизация сегодня — это демократия под дулом автомата!

Демократия нужна. Но народу сначала нужнее молоко, хлеб и масло, и только потом, на сытый желудок, подавай знания, демократию и политические реформы. Совмещения не получится. Сытый голодному не товарищ, образованный — гопнику не друг. Значит, без революции не получится? Но революции затевают идейные, а её плодами пользуются “прошаренные”! Значит, менять мир надо реформами, а начинать с самого себя! Усердие, искренность и доброта — есть они в нас, не до конца умерли? Реанимируйте их в себе, пока не поздно! И действуйте! Передавая разряд следующим. Жизнь — движение вперёд с открытыми глазами, а не в пьяной полутьме! Когда умный это поймёт, а глупый запомнит, мы вылезем из ямы, в которую сами скатились, и посмотрим в зеркало истории, в зеркало правды. Надеюсь, нам будет не стыдно!»

— Круто, чувак! Хотя я и половины не понимаю, но чую, что это круто! Поэтому ставлю три банки тушёнки и три банки пива на то, что хозяин тетрадки — поп. Он крест свой потерял, и дневник, — Бритва поднял руку и сжал ладонь в мощный кулак. Затем сложил пальцы в подобие пистолета и, поднеся его к голове, имитировал выстрел. — Бах, поп вышиб мне мозги!

— Не поп, а священнослужитель. Это разные понятия. У двух этих слов — стопроцентно разное наполнение, совершенно не одинаковый смысл, запомни! — Доктор укоризненно посмотрел на Бритву как седовласый пастырь на нерадивого прихожанина. — Попы к Богу никакого отношения не имеют! Бог — это любовь. Он сохраняет всё, особенно — слова прощения и любви, как собственный свой голос.

— Да, да, конечно! Ты давай, продолжай политпросвет, гони свою ботву, втирай очки, хмырь учёный, — Бритва прокрутил жест футбольного арбитра, означающий замену полевого игрока резервистом. — Не баклань!

— Слушайте.

«Враг хитёр и коварен. Мы сделали не всё, чтобы его остановить, но мы сделали всё, что было в наших силах. А он нашёл в нас нужные рычаги, и двигает ими, манипулируя нашим сознанием. Медленное саморазрушение может быть менее мучительно, чем быстрое кровоизлияние в мозг, но не факт. А итог один — мусорная яма, разложение на молекулы, расщепление на атомы.

Политическая амнезия и презрение к собственной истории и культуре — шаг к провалу, безвестию и дальнейшему исчезновению. Иметь в своей голове чужое мнение — что сделать себе смертельную инъекцию, идти по чужому пути — что примерить себе чужую судьбу. Самосознание, терпение и самообразование — вот слагаемые успеха в борьбе под названием жизнь!

Если суметь отбросить навязываемые нам извне чуждые традиции, чужую культуру, липовые порядки и бесперспективные идеи ведущих нас к пропасти лже-проповедников, время хаоса, безбожия и беспутства минует! Сила света и чистый, не отравленный ядом доллара разум способны вывести нас из тени зависти и паутины лени, изменив мир к лучшему!

Глядя на происходящее в Киеве, глядя на то, как лютующая в экстазе толпа бандеровцев убивает “Беркут”, одно мне лезет в голову, одно забивает все клетки организма: к чёрту диалог и толерантность, к ногтю такую свободу слова и волеизъявления! Против воли — дубинка, против слова — пуля, против жизни — смерть! Всё просто и радикально: если не белый, значит — чёрный, если не наш, значит — мёртвый!

Простейшие манипуляции с содержимым исторических архивов делают правду вымыслом, а вымысел — подлинным документом. Так нелепое, недалёкое, абсолютно занудное и трусливое существо становится героем эпохи, а настоящий герой — химерой, тенью и предателем!

Хотя, и правда бывает многослойной. Подонок может оказаться пронзительно красивым, а brave офицер — совершать подлости, идя на поводу своих пьяных, измененных желаний и потребностей. Никто не ангел. Но все — люди. Человеки. Бывают честные. Бывают — не очень. А некоторые — вроде как посланники небес. Другие — исчадия ада. Кому кого повезёт встретить. Кого кем воспитают стать.

Работать, мыслить, любить, развиваться — это мучительно сложно, долго, и не всегда приятно, и часто не понятно — вообще для чего. Масса желает быть попроще, она не хочет знать Шнитке, ей шансон подавай, не хочет постигать Тарковского, ей бы порнушку глянуть, не переварит Солженицына, ей бы повульгарней чтива, да посмешней!

Но мы же с тобой, мы — не масса! Мы — индивидуумы, личности, с мозгом и душой, мы способны думать, и зёрна от плевел способны отличать. Значит, есть надежда, что цветы в нашем хозяйстве прорастут, а не сорняк, есть!»

— Да уж, — Бритва вытер пот со лба. — Тяжёлые слова. Не по мне такие басни! Лично я бы посоветовал этому писателю, этому попу, написать весёлый роман, а не давить людей такими плитами. Народ хочет жить с весёлым настроением, а не вытирая каждые пять минут слёзы с лица. Или анекдоты! Да, я бы посоветовал ему придумывать анекдоты, оставив про политику писать политикам. Или сказки. Буратино там, Три богатыря, Баба Яга.

— В нашей стране всё наоборот: политики рассказывают сказки и анекдоты, — нахмурился Доктор. — А тут...

— Сто пудов, согласен! Я тоже по телеку смотреть не мог, выть и прыгать хотелось, когда показывали, как ублюдки фашистские жгут и убивают безоружный «Беркут». А когда мирных людей в Одессе сожгли, всё, понял, что мой час пришёл идти и бить фашистскую гадину! С тех пор я здесь, — агрессивно раздувая ноздри, признался Магнитола. — Эй, Бритва, у тебя выпить есть? Не могу даже слушать такие вещи, трясёт! Дай бухнуть немножечко, поделись горилкой!

— Есть, чувак, поделюсь, без проблем. У Бритвы всегда есть алкоголь. Без него острое лезвие бритвы иногда может затупиться, — Бритва бережно открутил колпачок трофейной пластиковой фляжки. — Сегодня тебе повезло, я угощу тебя настоящим армянским коньяком, и не спрашивай, откуда он у меня, просто подставляй тару!

Магнитола протянул модную туристическую кружку с двухслойным дном. Бритва плеснул горячительного.

— От души, — прошептал Магнитола, одним глотком опустошив кружку и вдохнув полной грудью влажного вечернего воздуха. — Ах ты бяка, как классно пахнет!

— Запах жёлтой луны. Так, Док? — благодушно оскалился Бритва. — Запах жёлтой луны...

Ночь

Колонна из двух бронетранспортёров в авангарде и арьергарде и четырёх пустых грузовиков в середине, не сбавляя скорости, заехала на мост. Мелькнула короткая вспышка. Взрывная волна, вылетая из мощного фугаса, профессионально заложенного у опоры моста, ударилась о бетонные плиты снизу, раскалывая их пополам и разнося в клочья грузовик, оказавшийся в эпицентре. Темноту вокруг колонны пронзили огни трассирующих пуль. Послышались свист и взрывы — это детонировали немногочисленные боеприпасы в горящих машинах. Засада была организована грамотно, человек ополченцев, живший в селе, как оказалось, вёл двойную игру.

В результате подрыва моста и короткого, но меткого обстрела колонны, ранения различной степени тяжести получили полтора десятка человек, погиб только один — тот, который, отказавшись от заслуженного отдыха, добровольно поехал в злополучном грузовике на месте старшего машины — рядом с водителем.

Доктор, стоя на коленях перед окровавленным, покалеченным телом, остановив кровь и закончив очередную перевязку, тщетно пытался нащупать пульс, а затем и реанимировать пострадавшего. Не удалось. Доктор — всего лишь военный врач, а не Бог.

Когда Док успокоился и закурил, он всё-таки понял, кого только что пытался спасти.

— Братцы, подождите, секунду подождите, — закричал Доктор в темноту, вдогонку санитарам, незамедлительно устремляясь к бронетранспортёру. Обезображенное тело погибшего ополченца уже уложили в спальный мешок и погрузили на броню, подготовив к эвакуации в город.

Старый БТР гремел моторами и выпускал в ночь сизые дымы выхлопных газов.

— Подождите, сейчас, я быстро, — похлопывая себя по карманам, Доктор нащупал в одном из них нательный крестик. Не с первой попытки, трясущимися пальцами, измазанными чужой кровью, он достал этот крохотный кусочек золота и поцеловал. Откинув край спальника, Доктор вложил крестик в нагрудный карман погибшего. В паспорт гражданина Украины.

МЛАДШАЯ СЕСТРА

Вуглу у самого входа на табуретке сидела ровненько, дисциплинированно, худенькая девочка, от силы лет одиннадцати. Голову укутывал большущий, клетчатый платок с обтрёпанными в бахрому концами. Из-под платка смотрели, строго вперёд, прозрачные, серые глаза. В пальчиках она цепко держала сильно потёртую, до белой основы, старую сумку с остатками логотипа DG.

Настроение у Ивана было вполне сносное для этого утра, поэтому столь необычный для полевого блиндажа персонаж не вызвал ни удивления, ни раздражения. Продолжая шагать, он вытащил сигарету из пачки и прикурил, уже откидывая рукой плащ-палатку на выходе. Девочка не шевельнулась, когда он проходил мимо. Как будто даже не заметила, как он протопал вплотную к ней.

Сквозь отвал земли упорно пробивались светлые травинки. Небо было низким и серым. Дымок сигаретный очень органично вписывался в летучий, облачный фон над головой. Где-то дальше по линии выясняли отношения на повышенных тонах и, кажется, тяжёлое и мягкое сбрасывали на землю из урчащего вхолостую грузовика.

Иван аккуратно присыпал бычок пригоршней земли. Потом упёрся ладонями в края траншеи и выскочил наверх.

Над позициями дул лёгкий, прохладный ветерок. У паукообразного станка «утёса» с философским видом кушали чай с повидлом пулемётчики. Повидло они выдавливали прямо в рот, из сухпаевских пакетиков. Чай прихлёбывали из одной кружки, передавая друг другу обеими руками. Ивана они заметили, но никак не отреагировали, продолжая тарашиться вдаль. Он перебрался через задний отвал и пошёл к складу напрямик, получить свой собственный паёк.

В складе сидел Евгений и смотрел на планшете не то порнуху, не то триллер. Во всяком случае, там надрывно кричали. Не

отрываясь от занятия, каптёр сунул Ивану тетрадь. Тот расписался, взял с полки свою коробку с пайком и, так и не произнеся ни слова, вышел.

— Какой-то день всеобщей осознанности, — подумалось ему — все делается, как в буддийском монастыре. Все пребывают в точке «здесь и сейчас», сосредоточены и углублены в постижение сущего. Хотя нет. Грузовик разгружали — ругались. Но, может, это такая духовная практика, изживания из себя гневливости через погружение в гнев? Девочка эта, опять же, сидит, неизвестно чья... Похожа на Катьку. Или непохожа? Разве, что возрастом. Не разглядел совсем.

Катька была дочерью одной его непутёвой подружки, с которой он пытался соорудить семейное гнездо года два назад. С гнездом, при его образе жизни, не срослось. Они потрепали друг другу нервы, после чего дама с дочкой укатили в свой город, а он остался в своём. Тем не менее, за эти несколько месяцев дочь её к Ивану прониклась. Возможно, потому, что он воспринимал её не как вечно мешающее всем существо, а как вполне полноценную личность. Разговаривал, обсуждал её немудрёные проблемы, выслушивал, не обрывая на полуслове. Но она уехала вместе с матерью. Без прощаний и напутствий. Просто собрались, пока его не было, и уехали.

Сегодня у него был законный выходной. Ну, как выходной? Просто отделение убыло в город, получать ракеты к ПТУРа́м, а его оставили на тот случай, если вдруг привезут какие-то ништяки из бригады, или, может, заблудшие гуманитарщики явят миру неожиданную щедрость. Так что можно было просто ничего не делать, валяться на спальнике и слушать музыку. С пакетом наперевес он вошёл в темноту и сразу посмотрел в левый угол.

Девочки в блиндаже не было. Табуретка была пустой. На лежаках тоже никого. Пахло как обычно — лежалым сукном, железом и землёй. На всякий случай вытащил фонарик, осветил в ниши, оставшиеся под потолком, при настилке крыши. Там привычно тускнели торцы цинков и старое тряпье на подменку. Он свалился на своё место, закинул руки за голову, попытался заснуть — не получилось. Заскучал. Решил сделать кофе. Раскрыл пакет с сухпаем, достал упаковки с таблетками сухого спирта, пристроил

их на доске, сверху снарядил сиротскую кружку с водой. Когда пошло мелкими пузырями — всыпал два пакетика кофе, размешал широким лезвием ножа. Потом вытащил пайковую же шоколадку, бросил сигарету в зубы и бережно неся кружку с горячей бурдой снова выбрался на воздух. По дороге снова мельком глянул в угол — табуретка была пуста.

«Утёсники», в своём аппендиците суетились и что-то там мирно скребли лопатой. Уже вторую неделю царило дремотное затишье. Нет, где-то периодически бабахали, но именно на их участке было тихо. Только доносилось гулкое эхо то с одной, то с другой стороны.

Единственное, что было хорошего в кофе — оно было горячим. И эта бурда была — оно. Называть эту безвкусную, горьковатую жидкость в мужском роде язык не поворачивался. «Откуда ж мелкая-то взялась утром... Когда Горыныч со всеми уходил, они вместе и ушли. И никого с утра не приводили, — эта мысль стала его донимать. — Они меня разбудили, когда собирались, потом я снова уснул...» Он уже жалел, что не остановился, не спросил, кто она такая, что здесь делает. Её пребывание в тот момент казалось столь естественным, что даже в голову не пришло поинтересоваться.

Стараясь не расплескать кофе, он прошёл в сторону пулемёта: — Артур, а ты не видел здесь девчонку мелкую? Утром?

«Утёсник» с безразличным видом снимал штыком лопаты осыпавшуюся землю. Глянул на него, сделал движение плечами, долженствующее показать, что даже не понимает о чём идёт речь. Второй номер, жилистый, со сбитым носом, масляной тряпочкой начищал маленькую чёрную деталь, то и дело отводя руку и примеривая её к большой чёрной детали. Он был чуть поживее:

— А чо, кто такая? Мамашу бросил разродиться, тебе дитё подкинули?

— Ну видел, нет?

— Да чо видел? Детский сад на прогулке, чо ли? Какие девчонки? Не кури с утра какую всякую, мерещиться не будет.

Понятно, что никого он не видел, но готов от души постебать ся. Не ввязываясь в дискуссию, Иван сделал изрядный глоток, и

побрёл дальше по траншее. В конце зигзага хлебнул ещё пару раз, и без сожаления выплеснул коричневое пойло под ноги. Потом выкарабкался наверх, и направился к Евгению. Тот снова был занят, на этот раз делом. Шуршал пакетами в углях и что-то себе записывал в блокнот.

— Жень, ты девочку не видел маленькую?

— Не сбивай меня. Какую, к хренам, девочку?

— Ну... такая. Лет одиннадцать, с сумкой. Платок на голове.

— Откуда здесь девочки? Где ты её успел увидеть? Ты был у меня вон, полчаса назад всего.

— Да утром выходил, а она сидела на табурете, у входа.

— Шо, одна? У нас, здесь?

— Ну, а я тебе чего...

Женя остановился, сосредоточенно вписал в блокнот искомые цифры. Потом перевёл взгляд на Ивана.

— Ты шо, курить начал?

— Женя, я никогда не изменял опиумной трубке в хорошем шанхайском притоне. Но здесь — не тот климат, не тот антураж и не та страна.

— Да пошёл ты...

— Не, ну может видел?

— Не видел я никаких девочек тут. Ни больших, ни маленьких. Ты не проснулся толком, вот оно и примарилось. Обрати шёл — была она?

— Когда от тебя вернулся — не было никого. И мимо «утёса» не проходила.

— Ну, а я шо говорю. Галлюны у тебя, Ваня. Думаешь сильно много про свои шанхай, оттого и глюки. Кто много думает — у того волосы выпадают.

Иван произвольно оглядел обширные залысины на Жениной, шарообразной голове. Что-то сократовское было в этом мясистом носе, в мощных щеках, в маленьких, светлых глазках, выглядывающих из-под почти брежневских бровей.

— В конце концов, не обязательно много думать о категориях бытия и нравственном, — примирил он свой внутренний протест. — Можно ведь много думать о количестве мыльно-рыльных

принадлежностей, исподнем и бабах. От этого волосы не только на голове должны выпадать. У меня бы — точно выпали. С гарантией.

Вернулся в блиндаж. Когда входил — опять покосился на табурет в углу. Там никого не было. На всякий случай ещё раз прошёлся по невеликому их жилищу, оглядел висящие на вколоченных в земляные стены кольях, сумки, разгрузки, сваленные в кучу рюкзаки... На первый взгляд всё лежало как обычно. Даже забытая пачка сигарет всё так же валялась поверх куртки Горыныча. Снова улёгся, и на этот раз заснул.

Расслабляться удалось не очень долго — разбудили через пару часов — стали орать на разные голоса прямо в ухо, толкнули, навоняли каким-то жутким парфюмом, уронили железо об печку. Потом все вместе перетаскивали сваленные под складом ракеты. Опять была суматоха и разбор подарков. Потом его, как самого отдохнувшего, отправили на пост, где он жевал бутерброд с салом и внимательно наблюдал за движением вялых муравьёв между веточек. Когда совсем за вечерело, на блокпосту у укропов началась пальба, беспорядочная, как лай деревенских собак. «Утёсники» даже не напряглись. Во всяком случае, плащ-палатка над их лежбищем не шевельнулась. Пальба возникала периодически, пару-тройку раз на неделе, и никакой системы не имела.

Как обычно, поменять вовремя никто не удосужился, поэтому он бросил пост и пошёл искать сменщика. В блиндаже пили чай и громогласно смеялись. В закутке, где раньше пытались сделать что-то типа бани, до самой кромки окопа лежали длинные, зелёные ящики с контейнерами ракет. Сверху их успели кокетливо прикрыть сеткой, воткнув в неё несколько облезлых веток от шиповника. Назвать это маскировкой было нельзя, но если воспринимать как вариант ландшафтного дизайна — выглядело довольно сносно.

Взводный Мифаныч травил анекдоты. По позывному его почти никогда не называли, потому что при отсутствии образного мышления Аркадий Михайлович, поступая в ополчение, назвал без лишних затей, согласно своей последней гражданской специальности — Грузчик. У некоторых, мнящих себя военспецами,

позывной вызывал ассоциативный ряд, связывающий Мифаныча с важным государственным ведомством, однако, до того, как сделаться грузчиком, он служил контрактником в инженерно-понтонном батальоне. Это был большой мужчина с животом и головой, приплюснутой, как башня танка. Сейчас интонации его были проникновенны, как если бы он пересказывал сюжет «Поющих в терновнике»:

— ...представляешь, Петька, раздвигает она ночью ноги, а там — Лас-Вегас...

Грохнули ещё более раскатисто, чем обычно. Дядя Миша с чудовищным позывным Педро, которому на той неделе резали аппендицит, стонал, всхлипывал, держался за живот, но гоготать не переставал. Иван свалил разгрузку с автоматом на свой спальник, присел возле героев на корточки, выискивая руками в полутьме кусок чего-нибудь вкусного. Нащупал половинку помидора, цапнул, отправил в рот. Когда все отсмеялись, предъявил обществу претензию.

Какое-то время, отчаянно увиливая и переводя стрелки, искали ему сменщика. Определили Педро, которому следовало успокоиться и перевести дух, на что тот согласился и, повесив свой автомат за спину, как двухстволку, бережно поддерживая свой порезанный хирургами живот, ушёл наверх.

— Вы утром уезжали, никого не оставляли здесь? — Иван склонился к Мифанычу, который отвлёкся и потянулся налить себе чаю.

— Так, а тебя мы не оставляли, что ли?

— Да не... тут утром девочка была. Маленькая. В платке такая.

— Ваня, ты ж не пьёшь вроде? — взводный лихо приподнял густую бровь, изобразив командирскую, отеческую подозрительность.

— Мифаныч — утром, вот там, на табуретке сидела девочка. Лет одиннадцати. В платке старом. С сумкой.

— А дальше куда она делась?

— Не знаю. Я на склад пошёл, к Жене, за пайком. Вернулся — её не было. И не видел никто.

Взводный принял вид сосредоточенной печали:

— Пропало что?

— Да ничего не пропало. Хотя хрен знает, я ж вещи не проверял. Так, вроде всё на месте.

— А ну, бойцы, осмотритесь, у кого там что... всё ли на месте.

Наступил лёгкий приступ хаоса и мельтешения. Горыныч, как обычно, не смог найти свою счастливую ложку. Сразу запаниковал, начал обрывать карманы собственного рюкзака, потом полез в соседний, но был остановлен. Ложка вскоре нашлась на столе. Перед поисками он как раз начал есть ей разогретую перловку с говядиной. Других пропаж не обнаружилось.

Иван снова, на этот раз уже всем, припоминая все подробности, рассказал про девочку, сидящую на табурете. Вспомнил даже, что ноги у неё были голые, но, кажется, она была обута. Не то сапожки, не то босоножки. Ноги голые и в платье, что ли... Ноги как спички. Глаза серые. Лицо — тоже серое. Волосы не видно.

Обсуждение, не успев даже разгореться, как-то быстро свернулось и затухло. Ну, девочка. Ну, отдохнуть зашла. По дороге. По дороге куда? Бог весть куда. Шла ведь она куда-то. Ничего не пропало, ничего не случилось. Война, тут всякое бывает. В прошлом месяце, когда каждую ночь горизонт рвало сполохами, и в ушах стоял непрерывный гул, к блокпосту за полночь подъехал белоснежный джип с двумя невозмутимыми типчиками.

Типчики молча вышли из машины, оставив ключи в зажигании, и ушли прямо в поле, в глухую темноту, в чём были. Им вслед поорали, но те будто растворились в чернильном мраке. Машину потом забрали разведчики, размалевали зелёными и чёрными пятнами, и некоторое время успешно убивали её на местных, безобразных колдобинах. Куда и зачем ушли типчики, откуда у них была машина... Кто знает?

Под нудный и уже слышанный рассказ, как потом разведчики отдали джип миномётчикам, а те подорвались на mine, Иван и уснул.

Это было банально, но приснилась ему именно эта девочка.

В этом раз смог увидеть, что глаза у неё не серые, а с светло-карие, с прозеленью. Волосы светлые, тонкие — из-под уродливого платка выбивались. Она так же тихонько сидела в комнате с единственным, заколоченным окном. Корявые, занозистые доски были

набиты большими, ржавыми гвоздями, как попало, внахлёт и вразнобой. Сквозь щели неярко лился ровный, безвкусный свет. В комнате был только стол, совершенно пустой, и скамейки. Некрашенные, грубые скамейки вдоль стен. Комната, правда, была так мала, что «вдоль стен», означало, одновременно и «возле стола».

Она смотрела в стену перед собой. Молчала.

Иван осторожно подошёл, сел подле неё на корточки, взял за руку.

— Ты кто? Куда идёшь?

Не глядя в его сторону, принялась рассказывать, почти не размыкая губ. Он и слов-то не разобрал никаких. Просто история сама складывалась, сама собой возникла перед ним, слова ложились к словам, образуя незатейливые конструкции.

— Я — Катя.

— Катя? — он гляделся в неё пристальнее. Нет. Похожа, но всё таки... протянул руку, коснулся платка. В несколько движений размотал, и он тут же исчез, будто его и не было. Ничего не почувствовал — во сне это был чисто технический жест. В снах редко присутствует ощущение материальности. Волосы у неё оказались тонкими, слежавшимися. Похожа, но у той волосы были с заметной рыжиной. А у этой — почти белые. Она не пошевелилась. Потом продолжила:

— Папа умер, потому что его завалило в шахте и он потом долго болел. А мама после этого уехала в Сочи работать на набережной. Давно уехала, ещё года два назад, наверное. А меня отдала бабе Саше, маминей мачехе. И она меня кормила. А потом началась война. И бабу Сашу убило, когда она ехала в маршрутке с рынка. А соседи все уехали, ещё раньше, когда только украинцы к нам пришли в город и стали стрелять по нас. А есть было нечего уже. Я собрала сумку тогда, бабы Сашину, и ушла. И шла до самой ночи из города, но заблудилась, потому, что я на этих улицах не ходила. Там были развалины и горелые дома. Ночью стали стрелять из пушек, и я спряталась в чей-то пустой дом, на котором крыши не было. Пол в комнате был уже проломлен, но я не заметила и упала в подвал, через эту дырку. Наверное, сильно ударилась, поэтому ничего не помню. Вылезти я оттуда никак не могла. Позвала кого-нибудь, только

никто не пришёл. У меня с собой была банка с вареньем, абрикосовым, которая разбилась вся. Я вынимала варенье со стеклом из сумки, выбирала осколки и ела, пока оно не кончилось. Потом есть стало нечего. Когда был день, через дыру светило солнце. А ночью я ложилась в самый угол, где тряпки, и грелась в них, потому что ночью было очень холодно. А потом стала искать что-нибудь поесть, и нашла в углу какие-то грибы, как на картинках, красивые, белые. Я их совсем чуть-чуть поела и сразу заснула, прямо днём. И мне приснилось, что я теперь тоже буду грибом, потому что они волшебные. И мне теперь не надо никуда уходить, а я могу остаться здесь, вместе с остальными грибами, и жить с ними всё время, потому что грибы никогда не умирают. Вечно живут. Они мне так сказали.

— А как же ты здесь оказалась?

Девочка повернула к нему неподвижное лицо и посмотрела. Это казалось, что она посмотрела. На самом деле взгляд не сфокусировался, хотя и был завораживающе внимательным.

— А я всё равно ушла от них. Они хорошие, но после того, как я стала грибом, мне стало можно выйти из подвала. Даже откуда угодно стало можно выйти. И прийти куда угодно. Поэтому я вышла оттуда и пошла. Мне мама говорила, что у папы раньше другая семья была, и у него сын был, взрослый. Наверное, как ты. И я хотела найти его, потому что он же мне, получается, брат. Раз я маме не нужна, то, может, брату я понравлюсь и он возьмёт меня к себе жить?

Иван стал лихорадочно вспоминать, уходил ли от них отец и понял, что думает совершенную чушь. Куда он мог уйти, в какой шахте его бы завалило, если он до сих пор жив и спокойно живёт с матерью, по сию пору, у себя, на Урале. И в шахте он никогда в жизни не работал, потому что всю жизнь был военным. Да и из семьи он никогда не уходил.

— А ты — не мой брат? — она снова смотрела в стену. Вопрос был задан тем же равнодушным тоном, и мог бы казаться совершенно безразличным, если бы не напряжённые пальцы, которыми она вцепилась в свою сумку.

Можно было сказать, что да, Катя. Я и есть тот самый твой брат. Но это было бы абсолютной ложью. Он ведь и не жил никогда

здесь, среди этих бурых терриконов. Просто снялся с места и приехал, когда всё началось. Что ей сказать...

— Нет.

Она не огорчилась. Это даже нельзя было назвать — не отреагировала. Вообще не проявила ничего. Пальцы на мгновение дрогнули и медленно разжались. За щелястым оконным проёмом кто-то быстро прошёл, кинув тень в светлые полосы.

— Катя, ну мы можем вместе поискать твоего брата. Он ведь...

— За тобой пришли. Пора, — голос у неё всё так же не звучал никак, звуки просто складывались вместе, как в конструкторе. Иван оглядел комнату, но не нашёл дверей. Только окно. Окно, заколоченное досками.

— Катя, ты же не гриб на самом деле. Ты ведь умерла там? Мы где с тобой сейчас?

— Тебе пора, там ждут, — ни малейшего внимания к его вопросам.

— Да кто ждёт-то?

Снаружи сильно ударили в окно. Громко лопнула рама. Доски вырывали грубо, со скрежетом и хрустом. Шляпка от одного гвоздя отскочила и упала на стол, вместе с жёлтыми щепками. Свет хлынул в комнату неожиданно, широким потоком, ослепил. Мгновенно скрыл в своём сиянии девочку. Иван закрыл лицо обеими руками и почувствовал, как этот световой поток уносит его из комнаты, будто сильное течение.

Его разбудили ночью, на пост. Ветер усилился. В придачу, полил дождь. В лицо били капли, хаотично, со всех сторон, как попало. В общем, это даже было хорошо. Он несколько раз энергично растёр дождь по щекам, прочистил глаза. Запахнулся в плащпалатку плотнее. Сон не выходил из головы.

— Она ведь где-то так и лежит в том подвале. Где это может быть? Семёновка? Марьянка? Я даже не спросил, когда это было. Мать в Сочи... И ни слуху, ни духу... Не спросил, как её звали. Где её найдёшь теперь, небось, уже бульдозерами с землёй сравняли. И брат. Был у неё вообще этот брат?

Он изводил этими ломкими мыслями себя всю оставшуюся ночь, даже не заметил, что его не сменили. А утром дали команду

сниматься, забирать всё имущество и перебираться южнее. Носил вместе со всеми тяжёлые ящики, швырял в кузов мягкую рухлядь, выколачивал топором деревянный настил, разбирал и бросал в кузов КАМАЗа. Потом они ехали, откинув тент, любясь донельзя унылым пейзажем, состоящим из седой стерни на бурых полях, красно-коричневых терриконов и серого, влажного неба. На пролетающей мимо типовой остановке с полусбитой надписью, ему показалось — она. Девочка стояла, держа за руку высокого парня в неброской куртке. Старая сумка лежала на бордюре, прислонённая к стенке. Иван вскочил, сунулся к борту, всматриваясь в удаляющиеся фигурки, чуть не упал, запнувшись о зелёное железо. Там, под бетонным навесом, явно стояли два человека. Две фигуры. Одна высокая, чуть сутулая. Вторая, маленькая, чуть выше пояса первому.

— Куда ты ломишься?! — Горыныч успел ухватить его за бушлат, не давая вывалиться.

— Кто там стоял, на остановке?

Тот оглянулся назад, на дорогу, потом снова на Ивана:

— На какой остановке?

Дорога поворачивала, и теперь сзади видны были только голые деревья придорожной посадки.

— Где ты там остановку увидал, Ваня?

На ухабе машину дёрнуло, он почти упал кому-то на плечи, вызвав тычки и раздражённый мат. Видел он её? Или просто люди? Совсем другие?

Она больше никогда не снилась ему. Ни в одном сне. Сны снились разные. Яркие, иногда тупые, рождённые убогой матрицей просмотренного вечером фильма. Девочка не снилась никогда, хотя он очень хорошо всё запомнил, даже цвет кожи на её руках, как она говорила, как смотрела. Искать? Искать — кого? Он не искал.

Через несколько месяцев они ехали назад, на север, по той же дороге. На этот раз это был не раздолбанный, гремящий КАМАЗ, а вполне приличный УАЗик, в котором их сидело всего трое. Все остановки похожи одна на другую, но на этой — заметил в тот раз, вместо названия было только три железные буквы. Вначале «Р».

Потом длинный пробел и две подряд «АЙ». Когда миновали поворот и взгляд наткнулся на эти куски профиля, сваренные в буквы, попросил остановить.

Что там можно было найти спустя столько времени? Вот тут стояли они. Тут лежала сумка с логотипом DG. А может, и без логотипа, может, это он только внушил себе, что видел.

Слежавшийся мусор. Острая, зелёная травка, которая пробивается сквозь него. Битые бутылки. Несколько гильз, уже ржавых и рыжих от сырости. Наскальные надписи местной, полудикой фауны, нанесённые ещё в мирные времена, почти стёршиеся. Там ничего не было. Никаких следов. Он повернулся к машине, потому что оттуда ему уже махали и корили за задержку. Сделал шаг. И замер.

В углу, на остатках жёлтой краски, была карандашная надпись, печатными буквами.

«Я тебя люблю. Катя»

БОУЛИНГ

Пациенты, их рассказы, судьбы, к счастью, не задерживаются в моей памяти: невидимые дворники стирают чужую боль, как капли дождя с лобового стекла. Кто не умеет это делать, спивается в огне и стуже чужих бед.

Иные пациенты застревают в памяти. Не полностью, а фрагментами внешнего облика, кусочками жизненных историй саднят душу. На Западе — от тревожащих заноз сознания врачей избавляют психотерапевты. Мы же сами с усами. Я никогда не исследовал с помощью коллеги, почему облик этого старика, жену которого я лечил, беспокоит меня. Почему я не могу забыть её, смотрящую злобно в сторону, и его, с ложкой в просящей руке...

Было это лет двадцать назад. Я сделал всё, что мог. И женщине было под семьдесят. И кто только не лечил её до меня. Она не ела, не спала, требовала сжечь её на костре как самую большую грешницу. В прошлом врач-педиатр. Лежала по разным отделениям нашей больницы месяцев восемь без выписки. Ежедневно большой, под метр девяносто, муж приезжал кормить и умыть её. Он варил ей супы, жарил котлеты, переодевал, когда она дралась. Я помню спину его, согнутую над ней, в затёртой автобусами светло-коричневой куртке из плащёвки. От лица его осталось светлое пятно с опущенными углами рта. В семьдесят пять каждый Божий день ездил из Ясиноватой. Часа два в один конец. Она ругала его, плевалась, когда он кормил её. Он молча утирался, поднимал ложку и уговаривал. Смотрел на неё, худющую, так, что санитарки говорили: «На меня так никто никогда не смотрел, — и с сожалением добавляли: — И, наверное, уже не посмотрит». Получив пенсию, он приносил мне коробку конфет и деньги. Спорить с ним было бесполезно: взятка врачу была заботой о жене. Я так и не понял, что меня больше тронуло: регулярная из последних сил мзда или верность Ромео умирающей, сошедшей с ума Джульетте? Верность без малейших шансов на воздаяние.

Смотреть на них было больно. Не помню, как он забрал её тело. Может, я ушёл, чтобы не видеть. Увёз, скорее всего, молча. Без истерик и обвинений.

Сегодня Ромео не проехал бы из Ясиноватой в Донецк. За моим окном постоянно гремит и пугающе рвётся, а я, как слабоумная Джульетта, делаю вид, что меня и моей семьи это не касается. Читаю сводки о ежедневно убиваемых жителях Донецка, разрушаемых жилищах и жду своей очереди. Мы, наверное, попали в ту часть списка, которую мировые лидеры утвердили для боулинга. Они требуют от правительства ДНР соблюдать режим прекращения огня и не мешать украинским военным безнаказанно подходить к дорожке и запускать смертоносный шар по человеко-кеглям Донбасса.

— Ура, страйк! Десять колорадов — одним снарядом!

«Наша кровь скрепляет и радует Украину, наполняет её чрево нежным детским мясом и жёстким мужским, — понимаю я. — Правда, европейские и американские коллеги господина Порошенко воздерживаются от поздравлений по случаю очередного украинского страйка, выражая тем самым искреннее соболезнование семьям погибших и приверженность идеям демократии, гуманизма и человеколюбия. Правительство же непризнанной республики, стремясь к признанию цивилизованного мира, признало... и, в полном соответствии с минскими договорённостями предложило ВСУ... — усмехаюсь я, — провести ротацию».

Когда-то меня смешила шутка: раньше я жил напротив дурдома, а теперь живу напротив своего дома. Раньше я лечил галлюцинирующих больных, а теперь наблюдаю миллионы симулирующих. Они здоровы, но смотрят на Донбасс голубым глазом, видят под моим окном российские войска и стреляют по ним. Горы разорванных детских тел, крики матерей — «здесь нет военных!» — их не убеждают. Голубоглазые долдонят о российских солдатах-невидимках. Якобы Украина воюет с Россией. Якобы матери убитых детей Донбасса не понимают, кто это сделал. Якобы трупы детей и старух — это всего лишь картинка. Украинский президент жмёт руку российскому коллеге, просит у него скидку на газ и получает её. Голубой говорящий глаз объясняет это гибридной войной,

во время которой собственность господина Порошенко в стране господина Путина жила, живёт и будет жить и приумножаться. Пушки же стреляли, стреляют и будут стрелять, принося барыши, славя демократию и человеколюбие. А дети гибли, гибнут и будут гибнуть, даря зрелища, поднимая рейтинги, волнуя кровь ужинающих телезрителей праведным пустопорожным гневом. Голубой глаз вещает о том, что собственность президентов превыше всего. Голубоглазые верят или делают вид, что верят, ругаясь между собой за крохи с барского стола...

— Иван Иванович, вы меня помните? — заглядывает в кабинет женщина. — Вы лечили мою дочь шесть лет назад. Она была сначала в той больнице, а потом у вас, — подчёркнутая вежливость, заискивающий тон кого-то напомнили мне. Я растягиваю губы в улыбку, но женщина улавливает формальность её и добавляет:

— Ей казалось, что у неё одно плечо короче другого?..

Из памяти сразу выплывает хрупкая молодая женщина, которая, как пламя свечи, трепетала от малейшего дуновения жизни. Она была ранима. Любая мелочь разрасталась в непреодолимое препятствие и выжимала из неё море слёз. Она считала, что левое её плечо длиннее правого и требовала операции. Настойчиво, упрямо. Здесь она, как кремь, разубеждению не поддавалась. Её лечили в остром отделении. При выписке рекомендовали пить лекарство всю жизнь. Она же хотела выйти замуж. У неё был жених. Не знали, что делать с советом «на всю оставшуюся». Я сказал, что не вижу будущего на ближайшие десять секунд. А тем более на сорок лет. С этих слов началось наше годовое общение. Стойкая нелепость её страхов и плохая курабельность говорили о плохом прогнозе, но мы надеялись на лучшее.

— Она окончила ещё один институт...

— В том она не сходилась с группой?

— Да, но это в прошлом. Я устроила её на работу. Она хорошо работала, вышла замуж, родила. Лекарства не пила последние четыре года и чувствовала себя хорошо. Была полностью нормальной.

Женщина тихо, торопливо сыплет слова, сообщает ненужные, но важные, по её мнению, подробности. Постоянно приближает

ко мне лицо. Я отодвигаюсь до упора, потом терплю её дыхание. Она извиняется, что отнимает моё время, и вручает тетрадь с подробным описанием состояния дочери. Ждёт. Я вынужден листать пустопорожние с клинической точки зрения записи. Листаю и жду, когда она иссякнет, чтоб сохранить за собой титул «внимательного врача». Вспомнил уже её: доминирующее поведение, единственный ребёнок, гиперопека, подкаблучный муж, работа бухгалтера или что-то вроде с должностью начальника. Она уже манипулирует мной. Чтобы помочь дочери, мне надо вкраплять в сознание мамы правильные решения, а потом выуживать их хаоса её медицинских суждений и одобрять. Чужих решений она не приемлет, ибо «живёт своим умом». Они из Красногоровки.

— Летом мы спасались в Крыму. Но деньги имеют особенность заканчиваться. Вернулись домой, но дома у нас нет. Была хорошая трёхкомнатная квартира со всеми удобствами в новом десятиэтажном доме, но сейчас на крыше нашего дома поставили пулемёт, а рядом блокпост. Людей почти нет. Зона отчуждения. Пришлось бежать в чужой, одноэтажный дом в старой Красногоровке. Я научилась там печку топить, рубить дрова, воду носить, — показывает огрубевшие ладони с несмываемыми тёмными трещинами и продолжает: — Когда стали меньше стрелять, мы вернулись домой. У Инны появилась тревога за ребёнка, страх, бессонница. Я ей назначила паксил по 10 миллиграмм утром. Вы когда-то ей давали, — дышит мне в лицо своим горем. — Врачей нет и до них не доехать. Блокада ещё хуже, чем ленинградская. Там были хоть чужие, а здесь... Хотя какие они свои?

Ко мне добирались через блокпосты и унижения, о которых она не хочет рассказывать. Я задал ещё пару вопросов и освободился от её дыхания, позвав дочь.

Вошла. Похудела, стала почти прозрачной. Ноль косметики. Веки красные, припухшие, с белесоватыми ресницами. Тонкие, чистые, заострившиеся пальцы дрожат вместе с голосом. Рассказывает, что 10 сентября она пылесосила, вдруг рядом что-то как бахканёт. Они перебежали из своей квартиры в соседскую, на другой стороне дома. «Нам соседи, когда уезжали, ключи оставили». Но и с другой стороны дома начало бахать.

— Мы с мамой и Владом спрятались в тамбур, а оно бахкает и бахкает. Он у меня на руках плачет. Я ему говорю: «Владушка, это гром, сейчас дождик пойдёт». А он навзрыд. Я тоже. Свет погас. Просто ужас какой-то! Мама меня обняла, и мы два часа стояли так в темноте. Выйти боялись, ждали, когда всё утихнет. Ощупью выбрались и побежали в старый город. Снова обстрел. Мы в подъезд. Когда они перезаряжали, мы перебежали из подъезда в подъезд, из подвала в подвал. Владушка плачет у меня на руках, вырывается. Я бегу, боюсь споткнуться, упасть и ударить его головой об асфальт. А они всё лупят и лупят по нам. Еле добежали. Владушка после этого писаться стал, а раньше на горшок хорошо ходил, — сквозь рыдания говорит она.

— Сколько ему? — отвлекаю её.

— Два годика. Писается, а там, где мы сейчас живём — воды нет, света нет, топить нечем, холодно. 28 сентября что-то снова рядом как бахкануло. Мне уши заложило. Теперь боюсь, что он плохо слышит, постоянно хожу за ним и тихонечко шепчу, слух проверяю. Сама понимаю, что неправильно, но не могу. Живём в разбитом доме. Крысы, мыши бегают. Я боюсь, что он куда-то влезет, поранится, а больниц, врачей нет. Всё разбито. Никуда не пускаю его, а он мальчик. Ему бегать надо.

Говорит монологом, вытирая слёзы. Узнаю, что «папа моего ребёнка — это отдельная история». Ребёнка оставили соседке. Соседка хорошая, но Инна так волнуется за него. Понимает всё, но ничего с собой сделать не может.

Советую маме вывезти дочь с ребёнком из зоны боевых действий.

— Куда? Кому русские нужны? На Украине нас ненавидят, а в России не любят. Мы для них хохлы, которые понаехали...

На следующий день звонит мама и говорит, что Инна ночью спит, но днём сонлива. Говорю, пройдёт через два-три дня.

Через день звонок. Их обстреляли, разбили дом соседей. Никто не ранен, не убит, но Инна целый день рыдает, боится за жизнь ребёнка.

— С ней истерика. — говорит мама. — Что делать?

* * *

Я полгода ломал голову, решая социальные проблемы медицинским умом.

3 июня 2015 года во время перемирия снаряд попал в дом, в котором находились Инна, мама её и Владушка, который уже не писается, не плачет и не растёт.

* * *

— Не страйк, но неплохо.

ДВА ДОНЕЦКА

1

Апрель. Ещё холодно, ветрено, но абрикосы уже зацвели и толстые, блестящие почки каштанов вздулись. В день редких выстрелов вы едете на троллейбусе до ж/д вокзала, потом пешком на Октябрьский. Чем дальше идёте, тем меньше встречаете людей и чаще спотыкаетесь; тем громче скрип, треск стёкол и шифера под ногами; тем больше мусора, трупов собак, оборванных проводов, троллей, ошмётков ржавого, тяжёлого металла, автоматных и пулемётных гильз. Вы жалеете, что обули новые туфли. Если хватит смелости и тишины, можете дойти до «Дельфина» и увидеть синие стены, ободранные взрывными волнами и осколками, три или четыре сотни выбитых окон. Когда-то в этом пятидесятиметровом бассейне плавали взрослые и дети. Посмотреть на руины «Метро» и развалины аэропорта вас, скорее всего, не пустят, хотя город этот ваш. Вы здесь родились и прожили всю жизнь, так и не сделав ничего такого, за что вас с детьми следовало бы убить в собственном доме и похоронить под обломками его. Чем ближе вы подходите к аэропорту, тем больше разрушенных домов и меньше напоминаний о мирной жизни. Вывеска парикмахерской, приглашающая женщин постричься на улице Стратонавтов, воспринимается как глупая шутка. Здесь давно нет

женщин, а волосы случайному прохожему осколки снарядов снимут вместе с головой. Военные греются у костров в железных бочках и охраняют разбитые дома от мародёров. Молодой мужчина с автоматом, висящим поперёк груди, смотрит на вас удивлённо, листает документы и спокойно говорит: «Туда нельзя. Там бой». Да вы и не глухой. Вы слышите привычные трели автоматов, грубое постукивание пулемётов и редкие бахи. Понимаете, что в Песках «перемирие».

Повернув в сторону Путиловского моста, вы спотыкаетесь о битый кирпич, хотя и так смотрите под ноги больше, чем по сторонам. Вокруг дома с проломленными стенами, с разбитыми балконами. Выгоревшие квартиры с кондиционерами наполняют вас чувством острой жалости к людям, которые перед войной сделали ремонт. Сквозь окна почерневших комнат видны остовы сорванных взрывами крыш и серо-голубое донецкое небо. Ветер стучит о стену обшивкой балкона, гроыхает болтающимся листом рекламного щита. Молча пробегает собака. Кошка осторожно выбирает дорогу среди набитого войной мусора. Людей нет. За спиной звуки боя. Впереди появляется женская фигура. Подходите, здороваетесь. Молодая женщина кивает в ответ. Лицо не накраснено. Она напряженно прислушивается и не обращает на вас внимание. Вы идёте дальше. В одном из дворов видите сидящих на лавочке стариков и старух. Вы подходите к ним и читаете в их глазах вопрос:

— Мы в детстве пережили войну, а теперь, на старости лет, за что нам это?

Вы не воровали, не жировали, не доводили страну до ручки, но чувство вины перед немощными стариками испытываете. Они расскажут вам, что остались в одном из самых опасных районов Донецка из-за кошки или комнатных цветов, из-за могилы мужа или дочери, из-за подруги, которая прикована к постели и за которой они ухаживают. Беседуя с ними, вы будите искать грань между героизмом и глупостью. Почему эти старики сидят под непрерывными обстрелами, без света и воды, без лекарств и хлеба? Почему они, помогая друг другу, катят дряблыми руками неподъёмные тележки с гуманитаркой, таскают в баклажках воду, но не покидают родных гнёзд?

Вы идёте от Путиловского моста по Киевскому проспекту и смотрите на знакомые с детства места. Город здесь менее разрушен, но стволы деревьев изранены, перебитые ветви свисают вниз, стены домов выщерблены, окна зияют или ослеплены полиэтиленом, досками и ДСП. Воронки на газонах встречаются реже. Следы мин на асфальте похожи на удары метлы по мягкой, ровной земле. Мусора и убитых собак уже нет. В сравнении с Октябрьским здесь жить можно. Жёлтые «Богданчики» бегают от Партизанского. Магазины работают. На Полиграфе разбиты остановки, хлебозавод. «Он-то им чем помешал?» — думаете вы.

Людей всё больше. Они уже не такие серые и мрачные, не такие сторбленные и спешащие. Идут и даже разговаривают, а не молча перебегают. И головы высунуты из плеч! «Человек как черепаха, — думаете вы, — стукнут по панцирю, он голову в плечи, а пару минут тишины — и снова крутит ею». В правом каблуке у вас застрял камень и неприятно скрипит при каждом шаге. Раньше из-за мусора вы этого не замечали.

Вы сворачиваете на Павла Поповича. Пустынно всё же. На большой скорости с включёнными аварийками пролетает микроавтобус с выбитым боковым стеклом, залепленным хлопающим на ветру полиэтиленом. Небритые мужики в камуфляже, с автоматами, торчащими из окон, несутся в сторону аэропорта. Вы заходите во двор, где когда-то, идя с футбола, пили пиво. Никого, кроме старухи, которая сидит на вашей лавочке, опершись двумя руками на костыль. Окна двухэтажного дома рядом с ней забраны досками. Старуха молча смотрит на вас. Синеватые губы её, как отверстие вещмешка, стянуты в узел. Глаза неподвижны. Вы здороваются и говорите, что в туфель попал камешек. Подобраным гвоздём выковыриваете из каблука кусок острого, как наконечник стрелы, стекла. Старуха неохотно говорит, что Таня давно вышла замуж и с октября прошлого года уехала в Курск. Антон в ополчении. Она живёт одна. Муж умер. Старший сын работает на Засядько, младший в ополчении. Внук погиб под Дебальцево.

— Не страшно здесь?

— Я своё в шахте отбоялась. Десять лет на Феликса Кона, — старуха замолчала. Неожиданно, сверкнув глазами: — Они на кого

напали? С кем воевать собрались? Видела я их в шахте. В конце сороковых через нас многие прошли. Были здесь и с Полтавы, и с Западенины. Сбежали все. Им под землёй тяжело. «А хоба я дурный цильй дэнь у погриби сыдиты та каменюку довты?» — зло перекривила старуха и продолжила: — А мне, девчонке сопливой, не тяжело было? Я семь лет бутчицей отмантулила и три — ламповщицей. В шахте пахать надо, а не химичить. А они норовили на чужом горбу в рай въехать. Били мы их за это. Они и воют так, из-за угла, да из кустов... Я б сама этим тварям бандеровским головы обушком проломила, — старуха бьёт костылём по воздуху.

Вы вдруг осознаёте, что шахты Донбасса восстановили женщины. Вы понимаете, почему послевоенное поколение мужчин-шахтёров, улыбаясь, неизменно пело «девушки пригожие на чертей похожие, руку дружбы подали, повели в забой». В конце сороковых годов прошлого века в шахтёрскую семью мужчин принимали женщины. 80 % подземных рабочих были не «чертями», а «чертовками». Стаханов давал двенадцать норм отбойным молотком, а Мария Гришутина — одиннадцать с половиной кайлом. Ему помогали три крепильщика, а ей — отец-инвалид!

Вы оглядываетесь, уходя, на неподвижную старуху, и вам кажется, что она высечена из чёрного мрамора. Сколько бы ни было по ней мин и снарядов, они ничего не смогут с ней сделать. Она твёрже антрацита, который дробила в молодости. Ей могут отбить ногу, голову, руку, но она даже не шевельнётся. Она будет сидеть, опираясь на свою палку, и ненавидеть тех, кто убил её внука. Если из-под сорванной старческой плоти вдруг обнажится стальная арматура, то вы не удивляйтесь. Она зарыла свой страх, забутила его на глубине полтора километра полвека назад. И так она воспитала сына, который уже двадцать лет работает в самой опасной шахте мира! А потом и внука, который уже погиб! Когда она говорит, что из Донецка её вынесут только вперёд ногами, то это не красное слово, не столичный трёп.

Вы вдруг осознаёте, что Донецк образовался из слившихся шахтных посёлков. Детей на этих посёлках воспитывали женщины, которые работали под землёй и были не слабее мужчин. Дети Донбасса получили почти двойное мужское воспитание!

Вы чувствуете себя таким же неуязвимым и крепким, как эта старуха, к которой вы теперь всегда будете мысленно возвращаться. Вы осознали себя частью Донбасса, идентифицировались с его терпением, упрямством, гордостью, мощью и пренебрежением к опасности. Образ старухи, которая полвека тому назад восемнадцатилетней девушкой спустилась в шахту, стал частью вас. Словно это уже не она, а вы были той, полуголой девушкой, которая в кромешной темноте при температуре сорок градусов лежала на боку и гребла лопатой уголёк, махала трёхкилограммовой балдой или обушком. Во время отдыха не она, а вы держали грязными пальцами тормозок, жевали хлеб, сало и лук, сплёвывая попавший в рот уголь и нежующиеся куски голодным крысам, которые старыми бегали по выработкам и пищали, когда вы попадали в них куском угля. Не она, а вы ищачили в темноте, грязи и сырости. Ежедневно по восемь часов тренировали своё тело и дух в подземном тренажёре. А на поверхности, на солнце растили и воспитывали детей, шлёпали их по жопе тяжёлой, жёлтой от мозолей ладонью. Не только своих, но и соседских. Вы ясно поняли, что все донецкие чувствовали телесную и духовную мощь этих женщин. Шахтные посёлки выплавили, закалили, создали донбасский характер, который дробит, как обушок уголь, колени, наивно пытающиеся его переломить.

2

Вы идёте по улице Молодых шахтёров. Название это шахтёры неизменно сопровождают улыбкой: «Молодых потому, что до старости никто не доживает». На Очаковской два магазина разбиты в хлам. На оранжевых стенах домов украинская миномётная моль выгрызла серые воронки, выбила куски асфальта. Прошлым летом здесь погибли два шахтёра с Засядько. Слева по ходу разбитая заправка и террикон, который «прославился» полвека назад, когда донецкие посёлки ещё были удельными княжествами с дружинами, вооружёнными кастетами, ножами, цепями, прутами, поджигами и мелкашками. В день великой битвы «пятовские» затащили на террикон огромный скат, подожгли его

и пустили на «гладковских». Кто победил, история Донецка умалчивает. Очевидцы говорят о проломленных черепаках, огнестрелах, ножевых ранениях и массовом бегстве от ментов поселковых героев. Сегодня междоусобные войны Донецка в прошлом. Шахтные посёлки превратились в огромные города, города образовали Донбасс, который при давлении извне ощетиливается оружием и снова чувствует себя удельным княжеством, живущим по своим законам. Не на глубину штыковой лопаты или лемеха плуга вгрызлись донецкие в свою землю, полили её п<o>том и кровью снаружи да изнутри. У кого ещё есть могилы близких на глубине двух километров? Только мы пустили в свою землю так глубоко корни, что даже танком нас нельзя с неё скovyрнуть!

Вы пересекаете границу Пятого участка, идя в сторону ЦГСД. Здесь по-прежнему мало людей. Справа от вас — заросший акацией террикон шахты Горького. Год назад возле Планетария было шумно, особенно по выходным, но сейчас это прифронтальная зона. В период обстрелов трамваи дальше не ходят, и люди по несколько километров идут домой к линии фронта. Туда, где звуки пушечных выстрелов — слышнее, прилёты мин и снарядов — чаще, а дробь автоматов — ближе.

Летом Гладковку и улицу Челюскинцев нещадно обстреливали. Побили фасады домов, выбили стекла во Дворце молодёжи. Казалось, что даже лосю, который насмешливо и презрительно смотрел на Украину из-за разбитой стены краеведческого музея, всё с ней было понятно. Пройдя живой мишенью открытое место между стадионами — Донбасс-Ареной и Олимпийским — вы, наконец-то, из прифронтальной зоны попадаете в тыл.

3

За проспектом Мира начинается мирная жизнь. Здесь прилёты единичны, люди веселее. Они уже шустряют по-городскому. Деньги и одежда здесь что-то значат, свет в домах и на улице горит постоянно, вода течёт из кранов, греют батареи. И, как ни странно, именно отсюда во всемирную паутину летят крики «спасите!», «помогите!», «нас убивают!» и прочее. Чем дальше

вы идёте по Донецку на юго-восток, тем гламурнее и беззаботнее публика. На гладких плечах длинноногих красавиц переливаются блестящие шкурки норки и соболей. Мамы, не знающие погреба и подвала, неспешно катят младенцев в колясках, а вертявые собачки в розовых комбинезонах выгуливают напудренных старушек с красными розами на шляпках. Здесь совсем другая жизнь!

Если посадить за один стол жительниц Трудовских и Калиновки, то московский журналист подумает, что самые тяжёлые бои были на Калиновке, потому что у них на Марии Ульяновой: «Так стреляли, так стреляли, что я аж целую ночь глаз не могла сомкнуть. Это был ад и ужас! Просто смертоубийство!»

— Чем больше от нас стреляют, тем больше шансов, что наши подавят огневые точки укропов. Главное, чтоб они не мазали, — скажет жительница Трудовских, муж которой ещё год назад провёл в погреб электричество, перенёс туда телевизор и постели. Во время обстрелов они с детьми, как по команде, бегут в погреб. В их доме, к счастью, только стёкла выбило и дверь, а в соседний попали и соседку убило насмерть.

Вы идёте по бульвару Пушкина. За драмтеатром подростки скользят на скейте, катаются на роликовых коньках. На лавочках читают, разговаривают по телефону, беседуют. У гостиницы Парк Инн стоит десяток белых джипов с надписями «ООН», «ОБСЕ», с символикой Красного креста. Вы думаете, что это самое безопасное место в Донецке ещё и потому, что, по слухам, международные организации расставляют маячки для укропов. Вы садитесь на лавочку возле двух хорошо одетых женщин и невольно слушаете их разговор.

— ...ему обещали десять тысяч зарплаты, обмундирование, снаряжение и бесплатное питание. Говорили, на снайпера пошлют в Россию учиться. Он у меня полгода сидел без работы, а тут война, решил подзаработать. А его в первый же день отправили разгружать трофейные снаряды из Дебальцево. Целый состав прибыл. Он чуть руки себе не оборвал. На рынке ничего тяжёлого не поднимал, а они его в грузчики определили. Форма плохая, а броников нет. Сказали, если хотите, то сами покупайте. Недели не отслужил, а их в Докучаевск отправили, под обстрел.

— Так перемирие же!

— Я тя умоляю! Какое перемирие! Никто ничего не соблюдает. Обстреляли необученных пацанов. Одному кисть оторвало, другого в живот ранило. Мой выносил их и потерял два магазина от СВД. Так его чуть не судили. Потом в госпитале ребят допросили и они, слава Богу, всё подтвердили. В общем, натерпелся мой Стасик страху, и чуть не погиб. Я ему: «Сиди лучше дома. Не нужна нам эта ДНР. С голоду не помрём». Так его, представь, отпускать не хотели! Но он у меня парень не промах, законы знает, сказал командиру: «Я присягу не давал, имею право», — и ушёл. Сейчас возле жены. Ждёт, когда рынок откроется. Понял, что на войне денег не заработаешь. Лучше на гражданке по зёрнышку...

Лица говорящей вам не видно, но её одежда, золотые кольца и перстни на узловатых пальцах с красным лаком на хищных ногтях как рамка окаймляют её монолог. Странно, что семья с подобной иерархией ценностей не сбежала на Украину. Точно такие же матери перегораживают дороги во Львове и требуют для сыновей бронезилеты. Они стремятся максимально обезопасить своих детей, уехавших на заработки в зону АТО. Моральная сторона «заробитков» их не волнует. Если за правое ухо ребёнка-сепаратиста Верховная Рада назначит премиальные, то мамы воюющих будут рады безопасному доходу своих доблестных сыновей.

— Прикинь, он за время АТО так поднялся, что дочку отправил учиться в Лондон! — завидует золото-когтистая.

— А на чём?

— Та на всём!..

Вас тошнит от этих речей. Вы уходите, так и не узнав, сколько «поднимает» за день на украинском блокпосту житомирский знакомый её сына. Презрения и отвращения, которым вы опалили их, они не почувствовали.

4

Вы прекрасно понимали, что есть два Донецка, но одно дело знать, что лошадь живое существо, а другое — любясь ею, поскользнуться и упасть в результаты её жизнедеятельности. Случай ткнул вас носом в меркантильно-тыловой Донецк, о существовании

которого вы забыли, хотя о том, что квартиры в тыловых районах Донецка беженцам из фронтовых сдают втридорога, слышали. Две породы людей — духовно и материально ориентированных — создали два мира, два Донецка. Первым всё равно, что есть и пить. Им главное сотворить, воплотить, победить. Вторые без сметаны или майонеза свободу не представляют. Если в Русском мире будет дорогой бензин, то зачем им такой мир? Рыба ищет, где глубже, а мещанин — где лучше. Духовные потребности у них одинаковы.

Вы вспоминаете разговор с приятелем, с которым тренировались в юности. Он говорил, что государство — это башмак. Если он давит, то не пальцы обрезают, а башмак меняют. Он считал, что прибалтийские микробашмачки давят народ двойным гнётом: собственной узостью и внешней подбашмачностью. Советский башмак, по его мнению, был такого размера, что накрыть его другим, например, европейским или американским было нельзя. Надо было поменять идеологию Союза на приемлемую. И всё. Ублюдочная же Украина может дробиться только на ещё более ублюдочные части, в которых собственная местечковая узость и подбашмачность будут увеличиваться с каждым новым дроблением.

— И что нам делать? — спрашиваете вы.

— Присоединяться к России. Только Россия с её духовной ориентацией имеет реальное будущее. Российские мещане упрекают Родину в недостатке материальных благ, считают её отсталой из-за этого. Для них компьютеры, комфорт, деньги — главное. Но русскому человеку этого мало. Ему, даже на вершине власти и материального благополучия, хочется «бросить всё, отпустить себе бороду и бродягой пойти по Руси». У нас и душа составляет одну шестую часть души мира! Западную душонку, душонку прибалта или рагуля можно завалить бараклом, а душу русского нельзя. Баракла столько в мире не наберётся, чтобы разратить и похоронить под ним русскую душу. Не ценим мы материальные блага. И не удавимся за них, как американец. И других не удавим...

— Для боксёра с отбитыми мозгами ты говоришь складно.

Вы смеётесь над его теорией и запиваете её пивом. Вы говорите, что Донбасс — это ковёр, который Господь выбивает армейской палкой и, подняв палец вверх, вещаете как с амвона: «Когда

взошла заря, Ангелы начали торопить Донбасс, говоря: встань, возьми народ твой и уходи из Украины, чтоб не погибнуть тебе за беззакония её. Когда же вывели его из Украины вон, то Ангел сказал Донбассу: спасай душу народа твоего, не оглядываясь назад и не останавливаясь, чтобы вам не погибнуть. И пролил Господь на Украину дождём серу и огонь, и низверг города её, и всех жителей, а Донбасс, войною очищенный, спас. Укропы Донбасса, убегая вместе со всеми, оглянулись и превратились в жёлто-голубые соляные столпы».

Через неделю после вашего разговора он погиб в Широкино. Вы так и не договорили. На сороковины вы, поминая его, думали: «В войне мы победим, но ведь все эти укропские начальники, потомственные пенкособиратели, материально ориентированные дряни сохранили в ДНР руководящие места. Мы изгнали первых, самых одиозных, а вторые уже на их местах. За ними в очереди третьи, четвёртые, пятые. И все хотят урвать кусок пожирнее. Куда они могут привести ДНР, кроме Украины-два? Нужна перезагрузка власти. А как её сделать? Золото-когтистые со своими, сидящими под юбками сыновьями, уже на низком старте. Как только Донбасс-ворующий победит Донбасс-воюющий, мы сольёмся с Украиной, ибо Донбассу-ворующему всё равно, на каком государственном языке воровать, и в каком государстве жить. Главное — воровать в тех же размерах, в каких он воровал 23 украинских года».

Вы понимаете, что Украина сильна пошлостью пошлых и жадностью жадных. Как государство она нежизнеспособна, ибо на мещанско-воровском принципе — все крысятничают у всех — государство построить нельзя, но как мечта жлобов, как реализованная ими утопия — она бессмертна.

5

Вы заходите в здание бывшего донецкого ОГА и кладёте цветы к портретам друзей, погибших под Славянском 3 июля 2014 года. Вы смотрите на их лица и думаете: «Неужели они погибли зря? Неужели жлобы сольют ДНР?» Почти половина боксёров, которых вы знали, ушли в ополчение. Многие погибли.

Вы вспоминаете строки наградного листа своего деда, который, будучи заряжающим 120-мм миномёта, «в числе первых в составе своего расчёта переправился на правый берег реки Днепр и, быстро установив миномёт, принял активное участие в отражении 12 контратак противника, из коих три танковых». Его расчёт «за весь период боевых действий уничтожил более роты пехоты противника, подавил огонь двух миномётов и одного станкового пулемёта, подбил три автомашины с грузами противника». За это дед был награждён в октябре 1943 года орденом «Красная Звезда». Вы помните, как маршировали по квартире с его орденами и медалями. Помните холодок, тяжёлое постукивание слишком больших для вашей груди медалей и колючие закрутки орденов. Помните, как он вёл вас за руку на Параде Победы. Он учил вас снимать немецких часовых. Вы засыпали в его постели под рассказы о войне.

6

Вы возвращаетесь в прифронтовую зону с твёрдой уверенностью, что Украине, даже с помощью Донбасса жлобско-гламурного, не победить Донбасс фронтовой и трудовой.

Вы уже слышали свист 120-мм мин и знаете о войне не по рассказам. И если вам предстоит форсировать Днепр, то вы знаете как. Ваша грудь уже не слишком мала для орденов и медалей деда. И на ней есть место для собственных орденов.

МИНОМЁТЧИКИ

Сосед мой Вадик курил, сидя перед домом на корточках, провозжал головой «от нас», «по нам», а потом исчез. Через неделю я едва узнал его в камуфляже, с автоматом в руке. Он выбежал из своего подъезда и сел в микроавтобус, в окнах которого видны были мужики с автоматами и гранатомётами. Вспомнил, что месяц назад в разговоре о приближающихся к Донецку украинских войсках он сказал: «Пора за автомат браться». Выходит: взялся.

Он пропадал, появлялся и молча, как мне казалось, зло курил на бревне перед домом. Я не лез с разговорами. Видел, что соседи и даже жена раздражают его. К нашей болтовне о войне он уже относился свысока. На обстрелы города не реагировал и почти перестал замечать их.

— Может, и нам достанется, но мы их сделаем, — сказал он во время очередных, довольно близких к нам прилётов, и не пошёл смотреть на разбитые соседские дома. Киевскую власть он уже не ругал. Он её ненавидел, как ненавидит здоровый, сильный мужчина тех, кто пришёл разрушить его дом, убить жену и ребёнка. Спокойно, задержав дыхание, совмещал прицельную планку, мушку и посланца Киева.

Речи его, после недельной «командировки» в Иловайск, были продолжением внутреннего монолога и казались бессвязными. Я понимал — в нём кипела работа по приведению в порядок пережитого. Он был не первым знакомым мне ополченцем. Помню, Серёга на следующий день после майского боя в аэропорту часа два ходил в темноте по двору, со слов Светланы, «невменяемый». К нам не подходил, а подойдя, молчал и не слушал. Непьющий — был пьян. Я догнал его.

— Что расскажешь?

— Тебе с плохого или с хорошего?

— С чего тебе легче.

— Мне легче уже не будет никогда, — и дальше матом, — каких, суки, людей положили, спецов.

Он резко повернулся и скрылся в освещённом проёме подъездных дверей. В этот вечер я его больше не видел.

И Вадик молчал. Мы сидели на бревне. Он был под метр девяносто. С круглой, остриженной наголо головой. К его покрасневшему от загара горбоносому профилю подходил индейский головной убор из орлиных перьев. Тела воюющих мужиков почему-то казались мне огромными, тяжёлыми, каменными. Я словно присматривался к ним, заранее оценивая, насколько тяжело тащить их с поля боя. Вспомнил похороны знакомого ополченца. У него была разорвана осколками шея, даже в гробу она выглядела неестественно. Я посмотрел на Вадика и суеверно прогнал дурные мысли. Он почувствовал мой взгляд и, не смотра на меня, ни к селу, ни к городу сказал:

— Башка расколосась, как арбуз! Пули четыре всадил! — он бессознательно нажал указательным пальцем воображаемый спусковой крючок.

Смотрел он мимо меня и напряжённо о чём-то думал. Докурил и молча пошёл домой.

Потом мы пару раз встречались и говорили ни о чём. Это уже был разговор, а не отрывочные реплики с одной стороны и ожидающее молчание — с другой. Прошло несколько бесконечно длинных и страшных под обстрелами дней. У нас третий день не было света. Я шёл в гараж, чтобы зарядить лампу и мобилу. Вадик помаха- хал рукой. Он был весел и на удивление разговорчив. Сказал, что уже неделю отдыхает.

— Пишут, что укропы опять стягивают к нам технику.

— Пусть стягивают. В куче легче бить, — засмеялся он, и по лицу его я понял, что он ждёт вопроса о причине смеха. Спросил.

— Да вспомнил, как в Иловайске пять наших пацанов с криками «Аллах Акбар» гонялись за укроповским танком. Представь, сначала наши бегут по улице за танком, а потом танк гонится за нашими. Мы угорели со смеху.

— А почему «Аллах Акбар»?

— Дык, укропы чеченцев боятся как огня. А мы неделю под открытым небом спали. Небритые, грязные, издали чёрные. Вот пацаны и пугали их криками. Хочешь посмотреть, как мы воюем?

— Конечно.

— Пойдём. Только я в компьютере не очень.

На диване перед телевизором лежал незнакомый мне мужчина лет пятидесяти.

— Корешу видео наше покажу, — сказал Вадик походя, спрашивая разрешения и знакомя нас.

Олег кивнул головой и пожал мне руку. Хромая, пошёл курить на улицу. «Не разговорчивый», — подумал я.

Олег — командир миномётного расчёта, в котором Вадик — водила. В последнем бою Олега ранило в ногу. Больница переполнена и его, как легкораненого, отправили на амбулаторное лечение. Олег из Дзержинска, но до выздоровления Вадик предложил ему пожить у него.

Сели за комп. Вадик комментировал. Он, оказывается, дальнбойщик и водит всё, что движется. За день раза три мотается под обстрелами, чтоб подвезти БК, то есть, боекомплект.

— Я как-то подъехал к блокпосту, поставил машину, курю, болтаю с мужиками, жду приказа. «А в машине у тебя что?» — спрашивает один. «БК», — отвечаю. «Что за БК?» Сказал ему, три тонны мин. Стали уговаривать меня отъехать метров на сто.

— Им-то что?

— Ну, как что? Попадут в машину, от блокпоста ничего не останется.

Я представил себе его работку: ездить под обстрелами верхом на бочке с порохом. Стреляют они из 120-миллиметрового миномёта, 1941 года выпуска. «Прикинь, новенький был, в смазке, зелёный, а потом стал бурый». — «Почему?» — «Краска от стрельбы сгорела». Вес одной мины 16 килограмм. Хвост мины обматывают пороховым зарядом, одинарным или двойным. В ящике 2 мины. Ствол миномёта весит 200 кг. От стрельбы он разогревается. Пять мужиков тащат его в рукавицах и забрасывают в кузов. Опорная плита от стрельбы вколачивается в землю. Вырывают её машиной с тросом. Стреляют с голой местности и сразу же убегают, чтоб не нарваться на ответку. Местность иногда мешает определить их место, и тогда работают дольше. Однажды стояли в балочке и палили часа два по укропам, которые не могли их засечь. Миномётный расчёт — пять человек. Командир, корректировщик, наводчик. У каждого свои обязанности. Первая мина пристрелочная. Расчёту полагается охрана, которая иногда сачкует и прячется за их спины. Вадим во время стрельбы должен сидеть в машине, которая к миномёту поставлена задом. Его обязанность — быстро удрать. Как-то смывались ночью без фар по кукурузным полям. Однажды, попав под ответный обстрел, убежали, бросив миномёт и мины. Потом возвратились и забрали, благо, что было что. Миномёт бьёт до семи километров, если ствол стоит под углом в 45 градусов. Осколки мины поражают на 400 метров. Во время миномётного обстрела под дерево прятаться нельзя: убьёт осколками потому, что мина взрывается от прикосновения к твёрдой поверхности. Мины — осколочные и фугасные. Фугасной миной можно пробить танк. Они подбили один, но премии расчёту

не дали. Сказали, нет денег. Осколочными минами — лучше всего вычищать укропов из зелёнки.

— Карманная артиллерия, — с гордостью заключает Вадик.

Я слушаю его и смотрю видео. Осенняя полянка во всей красе. Жёлтые, красные листья на деревьях. Порыжевшая трава под ногами. Человек двадцать мужиков быстро, споро работают. Они рассыпаны вокруг двух миномётов, стоящих параллельно друг другу. У каждого свои обязанности. Если не думать о том, что где-то километров за пять гибнут люди, то работа неплохая, чисто мужская. Я уже различаю скучающих с автоматами бойцов охраны. «Действительно, за спинами прячутся». Узнаю приземистого, широкого в кости Олега. Он стоит метров за шесть от миномёта. Вижу задний борт машины.

— Здесь я сижу, — оживляется Вадик.

Боец достаёт мину из ящика и передаёт другому. Тот опускает её сверху в дуло миномёта, смотрящее наискось в небо, и кричит: «Мина!» Быстро отшагивает, отворачивается, закрывает уши руками. На крик его близко стоящие бойцы синхронно отворачиваются и тоже закрывают уши. Выстрел. Ему быстро, но осторожно, двумя руками подают новый снаряд. Он ловко заправляет его в ствол. Пустые ящики швыряют в сторону. Им подносят новые. Торопятся. Олег что-то подкручивает у миномёта. Вадик говорит:

— По колонне укроповской бьём. Они смываются, а мы их гасим. Хорошо, сук, крошили.

Вадик показал мне бойца, на которого я не обратил внимание. Он стоит от миномёта метров за пять и дёргает шнур. Он-то, получается, и стреляет. Забрасывающий должен следить за тем, чтобы мина улетела. Когда стреляют два миномёта рядом, то можно ошибиться, принять чужой выстрел за свой, бросить одну мину на другую и отправить весь расчёт на небеса. Перед выстрелом с мин надо снять защитные колпачки.

— Однажды достали из ствола не выстрелившую мину, а детал один взял и бросил её себе за спину. Хорошо, что жопой упала. А так бы всех в клочья, — смеясь, говорит Вадик и добавляет: — Вот так мы и воюем. Мужики хорошие, донецкие. Один молодой, зелёный, а так — всем за сорок.

Прошла неделя, во время которой тяжело и отдалённо бахали. Олег покрасил на узике, на котором приехал из Славянска, красные надписи «На Львов» и «Славянск». Мы встречались с ним во дворе и разговаривали уже как приятели. Укропы снова попали в подстанцию, и мы сидели без света. Вышел во двор узнать новости. Из окна микроавтобуса Олег машет рукой. Залез в кабину третьим. Олег выпивши. По Вадиму не видно. Причину не спрашиваю. Сегодня полугодие ДНР, но, может быть, и не по этому поводу. Разговор о жизни, о войне и мире. Солирует молчавший до этого Олег. Его словно прорвало. Вадим вставляет реплики. Я слушаю. Речь Олега проста, незамысловата. Он каменщик и водитель. Школьный аттестат 3,4 балла, но «меня учили правильно». В мае этого года он две недели смотрел телевизор, курил на балконе, терпел, а потом, как только издали указ о сохранении заработной платы за ополченцами, сказал своей: «Хватит», — и пошёл на блокпост.

— Мы стояли неделю без дела. В Славянск нас не отпускали. Мне это надоело. Я воевать шёл, а не на блокпостах курить. Через нас шла в Славянск колона техники и мы, я и ещё шесть добровольцев, попросились с ними. Они нас три дня не брали, а потом сказали: «Садитесь на БТР». Так я уехал в Славянск, а в Дзержинске меня объявили дезертиром. Нормально, да? Я воевать уехал, а меня дезертиром объявили. Впрочем, укропы, когда в наш город пришли, повесили в ментовке моё фото с надписью «террорист» и «сепаратист». Теперь я у себя дома «дезертир, террорист и сепаратист» в одном лице, точнее в одной пьяной морде.

Помолчали. Вадик вылез из машины и через время позвал меня.

— Люблю я эту музыку, — сказал он о звуках выстрелов, показывая рукой за крыши соседских домов.

Близкий выстрел, оранжево-красная вспышка по нижнему краю тёмного ночного неба и через несколько секунд дальний взрыв. Я понимал, что бьют «от нас». Мысли об ответке не возникали. Рядом с Вадиком я был спокоен, словно чувствовал силу и мощь Донбасса.

— Наши херачат укропов, — довольно посмеивался он.

Я залез в машину. Олег воевал уже пятый месяц и, в отличие от Вадика, ушедшего в ополчение недавно, музыку войны не слушал. Когда я вернулся, он спокойно продолжал:

— У меня три брата живут во Львовской области. Я сам оттуда, но всю жизнь прожил на Донбассе. Я их знаю как облупленных. В Москве с ними работал. Они ленивы, высокомерны и хитры. «Нэ трэ робыты. Нехай хлопы роблять», — говорят они о наших. Как только война началась, я им позвонил и сказал: «Ребята, не приезжайте к нам. Мы сами разберёмся». Мать моя, кстати, за Порошенко в мае была. Сейчас не знаю. Сына звал с собой. Не пошёл. Я ему говорю: «Пошли со мной. За моей спиной будешь. Я тебя всему научу». А он говорит: «А зачем мне это?» Теперь звонит и говорит: «Папа, ты не звони». Они под укропами и он боится, что у него проблемы будут. Три сына, и ни один не пошёл воевать. Мне пятьдесят один и я воюю, а они, молодые, сидят, за юбки держатся! Ну, пусть один её, но два-то мои, родные. Что за поколение? Я служил в Советской Армии, и меня учили Родину защищать, а им бы только погулять. Всё равно, кто у власти, фашисты, пидоры, лишь бы одеться, поесть и ни хрена не делать. И это мои сыновья...

Он с досадой покрутил головой. В машину залез весёлый Вадик.

— На улице красота. Гасят их и гасят. Расскажи лучше, как вы от укропов смывались.

— Это под Славянском было. Машина у нас калечная была. Больше пятидесяти кэмэ не выжимала. Едем мы с одним парнишей, тоже добровольцем, а нас укропы догоняют на хорошей машине. Думаю: «Всё приплыли». Автомат, гранаты приготовил, собираюсь подороже жизнь продать, а это наши. Машину укропскую отжали, а флаги не успели поменять.

— Олежа, мочить укропов надо. Всех подряд. Почему они со Львова припёрлись к нам? Мы их не звали. И в плен брать не надо. Одна морока, — сказал Вадик таким тоном, что я понял: он продолжает свой спор с Олегом.

— А я думаю, там много обмануток. Разберутся они, рано или поздно.

— А пока разберутся, сколько наших положат? Не, ты как хочешь, а я в плен никого не брал и брать не буду. Пусть чешут от нас, и побыстрее, если жить хотят, — зло произнёс Вадим и обратился ко мне: — А ты как считаешь?

— Человек сначала должен думать, потом делать, а сделав, отвечать за свои поступки. Сейчас способов получения информации достаточно. Тех, кто приехал к нам с оружием — надо уничтожать.

— И я так говорю. Я в обманутых не верю. Олег же у нас добрый. Воспитывать хочет.

— Я не добрый. Я справедливый.

Через пару недель Олег ещё хромал, но ходил уже без палочки. Осколок у него так и остался в ноге. Завтра они уезжали в Дебальцево. Сказали, что там будет жарко.

— На кой чёрт мне такое перемирие? У меня жена, дом в Дзержинске. Я что, домой не имею права вернуться? Я воевать шёл за Донбасс, а получилось — за часть Донбасса, в котором, может, чей-то бизнес или что-то ещё, — возмущался Олег. — Не, я за мир, но только после того, как мы освободим Донбасс или хотя бы мой дом.

— А Моне что делать? Он из Одессы. И воюет с нами для того, чтобы потом этих бандеровских тварей прогнать из своего дома. Он нам помог, а мы ему скажем: «Извини, Моня, а если можешь, прости», — так что ли?

— Моню жалко, ранило по-дурному. Хороший мужик. Мы с ним как-то раз...

— Ты, Олежа, с темы не прыгивай. Мы Моне помогать будем?

— Ты же знаешь: я воевать не хочу, но если вы пойдёте, я в стороне курить не останусь.

ЯБЛОКИ

В сенях пахло яблоками и еще чем-то родным, не имеющим точного слова. Полумрак вычертил резиновые сапоги, плетеные корзины, покрытые пылью банки на полках, старый холодильник, груды ватников и старых курток, сваленных в одну кучу. Глеб втянул ноздрями этот знакомый воздух и ощутил легкую тревогу: чего-то не хватало. С этой занозой вошел в дом.

Тесть сидел за столом и чистил рыбу. На подоконниках дозрела антоновка, и этот яблочно-рыбный дух свел скулы и наполнил рот голодной слюной.

— Здравствуй, дядь Коль, — сказал Глеб.

Тесть не обернулся, только стряхнул налипшую к ножу чешую.

— Я заночую?

— Ночуй.

Тесть положил нож на край стола. Обернулся.

Мужчины очень внимательно глядели друг на друга, выедавая утаенное, не произнесенное вслух. Дернула хвостом изодранная рыба, и от этого судорожного движения качнулся мир.

— Чего встал?.. Проходи.

Глеб тяжело, устало разделся, долго путался в намокших шнурках, наконец выпрямился, но не во весь рост, с грузом на покатых плечах. Огляделся. Попробовал узнать дом.

Привычные вещи не опознавали Глеба. Кровать, тумбочка, шкаф, гипсовый бюст Ленина на комодe — все настороженное, забывшее прикосновение его рук. Пропала фотография, где он с женой и сыном на фоне теплицы — пустое место на стене. Только защитившийся от пыли квадрат (тридцать на сорок) мозолил глаза.

— Вещи твои на веранде. Нинка сложила перед отъездом.

— Где она?

— В городе.

— Я знаю, где именно?

Старик замаялся, но выдавил нехотя:

— У Сажина.

— Ясно. Давно?

— Месяца полтора.

В сенях не хватало коляски, но подумал об этом Глеб отстраненно. Просто мысль. Промелькнула и не оставила следа.

Их комната утратила запах. А чем она пахла раньше? Глеб попытался вспомнить и уже не мог, как будто прошло десять лет. Детские салфетки, подушки из верблюжьей шерсти, волосы Нины, плюшевый медведь, книги на полках — все вместе это пахло уютом. И конечно, карамельный запах сына... Где все это?

Мужчина сел на кровать.

Вошел тесть. Положил на стул постельное белье.

— Баню затопить?

— Да.

В комнату забежал Марсик — белый облезлый кот с разодранной бровью, — прыгнул на кровать и положил голову Глебу на колени. Мол, я тебя признал, держись.

Горький комок подкатил к горлу. Чтобы его задавить, Глеб начал с силой гладить кота, отдавая животному свое электричество. Кот понимал, терпел и не вырывался. Только урчал горлом и хлестко бил хвостом по кровати.

Наконец, отпустило. Выдохнул, сбросил кота. Подошел к окну, взял яблоко с подоконника, взвесил его мягким движением, подкинул, положил на место. За окном, на краю деревни, вмерзла в пейзаж вековая береза. На самой вершине аисты свили гнездо. Глеб смотрел на это гнездо. Аистов не было. А он смотрел и ждал, когда же они прилетят.

Вернулся тесть с улицы, прошаркал на кухню. Через пару минут зашипела сковородка.

Глеб достал из рюкзака застиранный маскхалат, переделся.

— Иди ужинать, — позвал тесть.

На сковородке дымился жареный лещ. На столе — черный хлеб, нарезанный мужскими кусками, соленые огурцы, сало. Бутылка водки. Две пузатые стопки. Тесть с сомнением поглядел на Глеба.

— Чего вырядился?

— Тебя не спросил.

— Ты не хами. С тобой по-русски разговаривают.

— А я что, по-китайски?

— Водку будешь?

Глеб жадно сглотнул.

— Буду.

— Тогда разливай.

Глеб сел на скрипучий стул, свинтил пробку одним резким движением, наполнил стопки до краев.

— С возвращением, — произнес тесть. — За то, что живой.

Чокнулись и выпили.

Водка провалилась в пустой желудок и обожгла. Глеб сморщился.

— Закусывай.

Мужчины набросились на еду. Тесть ел со значением, внушительно пережевывал, аккуратно откладывал мелкие кости на край тарелки. Глеб жевал жадно и суетливо, наполняя желудок горячей рыбой, огурцами, салом — всем подряд.

Налили еще по одной, выпили.

— Что делать будешь?

— Не знаю. Работу найду.

— У тебя взгляд пустой, тебе в себя прийти надо.

— Приду.

— Конечно, придешь, куда ты денешься. Жену просрал, сына просрал...

— Заткнись, дядь Коль.

— А то что?

— Кадык, на хер, вырву, — произнес с расстановкой, без злобы, и от этого спокойствия стало страшно.

— Ты в зверя превратился.

Глеб ничего не ответил. Налил еще по одной.

— За всех... — и, не дожидаясь тестя, лихо опрокинул стопку.

— Не нажрись смотри. С пьяным не буду возиться.

Глеб снова промолчал. Только глаза осветились твердым, на крови закаленным светом.

Баня пахнула жаром ста тысяч солнц, но этот жар не тревожил, а успокаивал. Только медный крестик мгновенно накалился и Глеб, матерясь, торопливо сорвал цепочку. Сел на полок, спрятал лицо в ладони, размазывая выступившие капли пота. Покраснел шрам на правом предплечье. Пуля прошла навывлет, рана стянулась быстро, но сейчас в бане плечо заныло тягучей болью, как будто в него гвоздь вогнали.

Тело было худым, скукоженным. Распаренная кожа вычерчивала красным изгибы ребер. От жары и странных, сладких мыслей затвердела... гордость, и Глеб вскочил, заходил из стороны в сторону, смахивая со лба капли пота, растирая его по телу. Наконец, не выдержав, он подошел к баку с холодной водой и нырнул в него головой. Взметнулся вверх, фыркнул. Потом набрал таз, окатил себя, шумно и часто задышал. Плоть успокоилась. Сладкие мысли ушли. Вадим, молодой сапер во взводе, говорил, что передернуть не грех, мол, саперу полезно передергивать, спокойней будет. Вадима накрыло «градом» под Дебальцево. Собирали по кускам.

Глеб залил кипятком свежий, дубовый веник, еще раз окатил себя водой и вышел в предбанник. Облако пара поднималось от красного тела к потолку. Глеб достал сигареты и закурил, приоткрыв дверь. Свежий вечерний воздух погладил спину.

Потом он парился до изнеможения, с силой хлестал себя веником, оставляя на теле рваные багряные полосы. Выбивал из себя отчаяние, заполняя пустоты влажным дубовым духом. Это была молитва. За мертвых и живых, за Нину, за сына, за то, что все не зря, не зря...

Тесть приготовил ему чистую рубаху.

— Переоденься.

Глеб скинул маскхалат.

— Что это? — тесть указал на мелкие подсохшие нарывы на груди.

— Сигареты тушили.

Помолчали.

— Эх, парень ты, парень...

— До свадьбы заживет. — Глеб попробовал усмехнуться.

— Долго ты был... у них?

— Пятьдесят два дня.

Тесть покачал головой.

— Дядь Коль... — в голосе Глеба прорезались просящие нотки. — Есть еще выпить?

Тесть плюнул и пошел на кухню. Вышел с новой поллитрой.

— Последняя.

Брезгливо бросил стопку на стол.

— Сопьешься.

— Насрать.

Пил Глеб муторно и тяжело. Теплая водка не лезла, и он с усилием проталкивал ее внутрь, сглатывая сивушное послевкусие, заедая свежим хрустящим луком. Взгляд туманился, зарастал болотной ряской. Лопнули капилляры на глазах, белки покрылись красными трещинками.

Тесть сел в кресло, включил телевизор. На экране хорошие дядьки ловили плохих. Один долгий, затяжной сериал, имитирующий жизнь. Идет уже много лет. Меняются актеры, режиссеры, сюжет, название, а сериал все тот же: безысходная дрянь.

— Интересно? — спросил Глеб.

— Нормально.

— Ну, раз нормально, смотри.

— Я и смотрю.

Водку Глеб не допил. Уронил голову на стол и засвистел слипшимся пьяным свистом. Тесть чертыхнулся, подошел к столу и обхватил парня сзади. Поднял на ноги одним резким рывком.

— Давай, давай... Свинья...

Потащил в комнату. Глеб пьяно мычал и отмахивался.

Уложил на кровать, накрыл одеялом. Несколько минут смотрел на парня, как тот проваливается в долгожданный сон. Потом вышел на улицу позвонить.

— Алло... Нина... Знаю, что поздно. Глеб приехал... Спит... Просто звоню, чтобы знала... Передать что?.. Хорошо, как знаешь... Давай, пока.

Достал сигарету, зло чиркнул спичкой, с наслаждением затянулся.

Дома он выплеснул остатки водки в стакан, выпил тремя большими глотками. Закусил лепестками лука.

В кровати тесть долго ворочался, не мог заснуть. Полная луна прорезалась сквозь занавески, рассекая комод холодным серебряным лучом. С мудрым прищуром смотрел Ленин на этот мир. Тесть выходил покурить, возвращался, снова ложился в кровать. Сна не было. Как не было и покоя в душе.

Среди ночи Глеб заорал. Долгий звериный рев забил до отказа пространство избы, требовал выхода и рвался в небо. Глеб орал пьяно и страшно, из другого мира, который схватил его за губу и не отпускал, выкручивал.

— Что ты? Что?..

Тесть подбежал, схватил парня за плечи, затряс его, думая разбудить, но Глеб не спал. Глаза его были распахнуты. Он смотрел на тестя, не узнавал его и продолжал орать, ввинчивая в уши грязную муть, боль и что-то еще, абсолютное и нечеловеческое, засасывающее на дно.

— Да что же это...

Старик зажал ему рот ладонью, но тут же вскрикнул и отдернул прокушенную руку. Залепил с кулака по лицу.

Глеб не чувствовал боли, продолжал орать, останавливаясь только для короткого вздоха.

— Что ж ты, парень...

Глеб сжался на кровати, подобрал ноги, как сжимаются младенцы в животе у матери, силясь спрятаться от чего-то ужасного, наступающего. Но скрыться не удавалось, и он продолжал орать охрипшим горлом, не в силах вырваться из сонного морока.

И тогда тесть схватил яблоко с подоконника и запихнул ему в рот. Полетели брызги в разные стороны. Кислый вкус детства попал на язык, и этот момент узнавания вернул равновесие в мир.

Глеб подавился и зарыдал, и тесть схватил его голову и прижал к груди, принимая старческой впадинкой надкушенное яблоко. А тот вцепился в старика своими худыми узловатыми руками и прижался к нему, как ребенок, размазывая слезы и сопли, в надежде, что его поглядят и защитят.

— Ну, все, все, парень, все...

Морок отступал. Тесть гладил Глеба по вихрастой голове, тот плакал ему в живот, скулил, как побитая собака, и во всем русском мире от Славянска до острова Кунашир не было людей роднее.

УКРАИНСКИЕ ХРОНИКИ

Мера

В село под Киевом Грицко Шерстюк вернулся героем. И деньги за полгода от Министерства Обороны получил (правда, сучья харя, финансист четверть от положенного взял себе). И целый фургон добра из АТО привез. Одних магнитол шесть штук! И унитаза — два! И всякой хрени в виде статуэток и безделушек из хрусталя — россыпью, не считая.

Месяца три ходил Грицко в камуфляже по селу, пугая кур и вызывая завистливый собачий лай за соседскими заборами.

Пистолет в кобуре — только вякни кто против!

Обводя округу пьяными, налитыми кровью глазами, он стоял один против всех российских террористов, и те прятались, отползали от села, может, даже устраивали самоподрывы за околицей при виде его крупной, пропахшей луком и водкой героической фигуры.

Но ближе к лету стало как-то тревожно.

Из телевизионных каналов разом исчезли победные репортажи и сводки с антитеррористического фронта, во множестве появились бабы, трясущие на камеры похоронками, мэр Киева вдруг сказал несколько ясных, всем понятных фраз, и слухи, один страшнее другого, загуляли из хаты в хату. Днепрпетровск пал! Восстание в Одессе! Готовится судебный процесс!

Но больше всего Грицко взволновало известие, что у клятых террористов есть списки участников АТО, и по этим спискам они чуть ли не в сопровождении столичной переименованной милиции уже проводят рейды.

А сосед, ехидна, еще живописал. Уселся и понес, хрыч старый. Причем, зараза, к самому обеду приперся.

— Они, Григорий, не просто зайдут, и все. У них списочек с вещами, которые, значит, с Донбасса-то из квартир пропали. Все

по описи, по артикулам, по этим... по заводским номерам. Один, значит, за хозяевами следит, чтобы не дергались, а другие комнаты обходят, номерки на вещах сверяют.

— Ну-ну, — шевельнул челюстью Грицко, подтягивая тарелку с борщом.

— Или эти, фотокопии даже смотрят! Чтобы, значит, по царапинам, по приметам опознать.

Жена Грицко, Ната, побледнела и поползла ладонью под грудь, к сердцу. Сосед поучительно вперил палец в низкий потолок:

— Так что ты это, Григорий, попрытал бы все.

— Что все? Что все?! — заорал на старого идиота Грицко. — Нет здесь ничего чужого! Все своими руками! Никак глаз положил на мое добро?

Он прищурился.

— А нужно оно мне? — спросил хрыч и подозрительно быстро ретировался, словно уловив черные мысли хозяина.

— Вот урод! — Грицко в сердцах плямкнул ложкой, забрызгав скатерть фиолетово-красным.

Борщ не полез в горло.

Ехидна, сучий сын, гад, знал, чем поддеть!

— Это что же это делается, Гришенька? — запричитала Ната. — Неужели все отберут? Ты ж воевал! Тебе медаль дали!

— Пасть закрой! — рывкнул Грицко.

Он подпер кулаком косматую голову, пожевал ус, мрачно следя за пробегом жирной мухи по скатерти. Хлоп! Ладонь со звоном впечаталась в столешницу.

— Грицко! — вздрогнула всем телом Ната. — Не пугай!

— Цыц!

Грицко отнял пальцы — муха кляксой влипла в скатерть. Голова с фасеточными глазищами отделилась от тельца.

— Дрянь! — Грицко щелчком сшиб труп насекомого на пол.

Муха в последнем полете пересекла комнату и упала на доски пола, рядом с узкой щелью, обозначающей лаз в подпол.

Светлая мысль пришла Грицко в голову.

— Ну-ка, Ната!

Отставив в сторону табурет, он сдвинул половик и упал на колени. Пальцы потянули за вделанное в крышку кольцо.

— Ы-эх!

Из тьмы дохнуло холодом.

— Чего ты, Гриш? — подступила Ната, заглядывая в дыру. — Огурчиков достать хочешь?

Грицко сплюнул. Вот баба дура! Так и убил бы!

— Вещи сюда поховаем, корова! Все, что привез. Поняла?

Круглое лицо жены осветилось.

— Ой как ты придумал!

— Так я не жопой думаю в отличие от тебя, — Грицко окунул толстые ноги во тьму, — давай, гребь все да подавай мне.

Он нащупал ступеньку, медленно спустился и вслепую, по памяти, хлопнул по выключателю на бетонной стене. Под потолком, мигнув, загорелась лампочка, осветив заставленные банками полки и короба с картофелем в дальнем конце.

Освобождая место, Грицко задвинул в край ящик с яблоками, убрал с прохода мешок с луком и утолкал под полку мешок капусты.

— Гриша, — просунулась в подпол голова жены, — подавать уже?

— Ковры сначала давай.

Добрый час Грицко укладывал, уминал и распределял добытое. Одиннадцать ковров, двадцать четыре комплекта постельного белья, надувной бассейн, мотоблок, пять подушек, три шубы, семь курток, шесть магнитол, два телевизора, три ноутбука, ворох телефонов в наволочке, четыре катушки кабеля, десять сетевых фильтров, три упаковки напольной плитки, двадцать рулонов моющихся обоев, два мешка белья — рубашки, футболки, трусы разных размеров.

Ната пыхла, как паровоз.

— Вот, Гришенька... Вот еще, Гришенька...

— Везде смотри, — говорил Грицко, принимая коробки с обувью. — Чтоб не прицепились потом. Всю мелочь тоже.

Хоть и было в подполе холодно, а упрел он быстро. Но все ж свое. Можно и попотеть.

Люстра. Четыре сервиза запакованных. Выводок кастрюль. Семь сковородок. Кроссовки детских размеров. Две игровые приставки. Хрусталь: пепельницы, сахарницы, солонки, еще какая-то хрень. Тяжелая дура стиральной машины. Здесь Нате пришлось придерживать, пока Грицко принимал снизу.

— Что там еще?

— Чего?

От усталости глаза жены сделались оловянными.

— Дура! — рыкнул Грицко. — Шевели мозгами! Еще что-то осталось?

— Если только в сарае, — подышав, сказала Ната. — Рубероид, краска. Гвоздей ящик. Пила эта... болгарская.

— Нет, это пусть там.

Грицко тяжело выбрался наружу. Вторая или третья ступенька, кажется, дрогнула под ногой. Зараза, когда-нибудь ведь лопнет под его не маленьким весом! Он опустил крышку на место, подумал, придвинул половику, напрочь закрывая лаз от шального взгляда.

— Сюда еще бак какой-нибудь.

— С водой?

— С...

Грицко хотел срифмовать да плюнул. Ната отступила, и он прошелся по комнатам, замечая, как бедно они стали выглядеть. Сдернул с веревки полотенце, скомкав, бросил в лицо семящей за ним жене:

— А это что? Говорил же, смотри внимательней.

Ну, вот, придут уроды, а у него ничего нет. Кроме жены.

Грицко загоготал, представляя, как Нату сверяют по описи.

Подогретый, с уже растворенной сметаной борщ оказался даже вкуснее, чем свежий. Ухмыляясь, Грицко ел, ломал хлеб и думал, что будет говорить проверяющим. Главное, чтобы за язык не поймали. Был в АТО? Был. Стрелял? Какое! Сидел на блокпосту. Что-нибудь вывез? Граждане, себя вывез из проклятых мест! С тех пор только и радуюсь.

Стоп! Грицко замер.

— Что, Гришенька? — заволновалась Ната.

— А меня ведь заарестовать могут, — сказал Грицко.

— За что?

— Оговорят, и все.

— Как оговорят?

— А мало ли на селе голодранцев на мое добро зубы точит? Только отвернись.

Ната, охнув, села.

— А ведь так и есть, Гришенька. Те же Мироненко запросто на тебя донесут. Ихний-то погиб, а ты вернулся. И видели они, как ты разгружался.

— Ну!

— Горе-то!

— Тьфу! — Грицко замахнулся кулаком на дурную бабу. — Что ты раньше времени причитаешь!

— Так ведь увезут...

— Увезут, если найдут. Вот что... Приедет проверка — в подполе меня закроешь. О подполе и не знает никто. Бак поставишь. Скажешь, ушел к куму на крестины и уже неделю не возвращаюсь. А вчера, мол, звонил...

— А если обыск?

— Дура! — разъярился Грицко. — Кто ж героя АТО обыскивать будет? Сами, что ли, не люди? Сунешь гривен в лапу...

— Ох, как бы так, Гришенька! Как бы так!

Ночь Грицко спал беспокойно.

Даже в АТО такого не случалось. Все крутилось в голове: не отобрали бы, не нашли бы. Извертелся в думке ужом.

А утром припылил на облезшем мопеде младший Жучков из соседнего села и сказал, что батя послал предупредить: едут проселком менты на «уазике» и вроде как какой-то серьезный донецкий мужик с ними. С бумагами.

В общем, слава Украине! Хоронитесь.

— Вот оно! — торжествуя, сказал жене Грицко. — Вовремя мы! А не спрятали бы вчера? А? У тебя не муж, поняла? Экстрасенс!

— Так что делать, Гришенька?

Ната встала перед ним в вышитой ночной рубашке, захлопала ресницами. Упитанная, сдобная. Есть, за что подержаться.

— Оденься, дура! — гаркнул Грицко. — Выйдешь к ним в таком наряде, шею скручу! И тельник найди мне какой потеплее.

Он прошел было к двери, но остановился. Так ведь и до ветру не сходить, увидят соседи, доложат, твари завистливые. С-суки!

В темноте сеней Грицко нашел пустую склянку, пристроил на низкой полке и, оттянув трусы, помочился туда. Возвращаясь, прихватил в холодильнике круг колбасы.

— Ната! Чего возишься?

— На!

Жена бросила ему теплую кофту.

— Во, — Грицко сцепил пуговицы на объемном животе, — это и лучше. Воды мне налей еще.

Он сдернул половик и открыл подпол. Холод, идущий снизу, заставил поежиться. Взяв пластиковую бутылку с водой, Грицко спустился и, включив свет, несколько минут обустраивал себе лежку.

— Закрывай уже! — крикнул он жене, расположившись поверх свернутых ковров.

Ната заслонила собой квадрат лаза.

— Ты как там?

— Нормально. Все, брысь! — Грицко махнул на нее зажатой в кулаке колбасой. — И прижми там чем-нибудь.

— Сейчас.

Крышка опустилась. Шоркнул половик. Несколько секунд над головой Грицко что-то двигалось, затем звуки стихли.

— Гриш, — раздался приглушенный голос Наты, — я все сделала.

— И все, и забудь. Нет подпола, поняла? У кума я!

— Да, Гриш.

Грицко откинулся на ковры.

Судя по скрипу половиц, жена прошла в кухню, затем хлопнула дверью, выходящей на улицу. Не сглупила бы баба. Где ж такого мужа еще найдет?

Грицко откусил колбасы.

Лампочка помаргивала. Поблескивало стекло банок. Холод пощипывал за икры. В доме снова хлопнула дверь. Грицко насто-рожился. Неужели уже приехали?

Шаги. Еще шаги. Нет, вторые уже не Натины. Какой-то глухой голос.

Грицко замер, даже жевать прекратил. Правда, сколько не вслушивался, разобрать слов не смог. Шаги разбежались по дому.

Точно обыск.

Вот же сволочи! Ничего не свято! Он, не жалея себя, с осени, в грязи, в дерьме, под обстрелами, на скудных волонтерских харчах... За Украину! За неньку рідну...

Что за голоса тихие!

Грицко встал и на цыпочках перебрался к лестнице. Впрочем, слышно лучше не стало. Говорящий что-то бубнил, должно быть, зачитывал то ли свидетельские показания, то ли материалы заведенного на него, Грицко, дела. Ната больше молчала, изредка вставляя короткие реплики. Кто-то над головой прошел в кухню, вернулся, что-то звякнуло, и вновь открылась и закрылась дверь.

Стало тихо. Ни жены, ни гостей. Во двор вышли? Или постройки принялись проверять? Если что, Ната бы ему стукнула обязательно. Или шепнула. Значит, надо ждать.

Грицко сел на ступеньку.

Лампочка вдруг, помигав, погасла. В подполе сделалось темно, ни просвета, ни отблеска. Чернота. Хоть вылезай и сдавайся. Тьма даже казалась лохматой, какие-то паутинки или волоски зашекетали лицо.

Ну нет! Героя АТО не приймешь!

Грицко поддернул ворот кофты. Где-то тут колбаса на полке... Он протянул руку, пальцы скользнули по занозистому дереву, продвинулись дальше, нащупали влажный стеклянный бок. Не то. Банка. Кажется, колбасу он чуть дальше...

Что-то холодное, острое царапнуло по ребру ладони.

Едва не вскрикнув, Грицко отдернул руку. На мгновение ему подумалось, что здесь, во тьме, кто-то попытался ухватить его за запястье нестриженными ногтями. Смешно. Хе-хе. Кто бы это мог быть?

Острый страх улегся. Грицко подышал на руку, одновременно прислушиваясь к звукам наверху. Затем, поднявшись к самой крышке, он попробовал ее приподнять. Крышка не сдвинулась ни на миллиметр. Дура Ната какую-то глыбу притащила что ли? Повернувшись, он уперся в дощатый щит плечом, спиной и загривком. Ну же!

Крышка стояла мертво.

Подышав, Грицко сполз вниз. Убить бы суку! Он вытаращился в темноту, которая тут же расцвела неясными пятнами. Ну, ладно, Ната вернется, он ей вломит. Интересно, что же такое по коже-то царапнуло?

— Эй, — сказал Грицко во тьму, — есть здесь кто?

И гоготнул, как бы признавая, что шутка. Почему бы не пошутить? Он хоть и герой АТО, а не привык обходиться без света.

Темнота не ответила, и Грицко сполз за колбасой еще на ступеньку вниз. Наощупь нашел полку, снова потянулся рукой. Вот банка, вот...

Что-то стиснуло и отпустило пальцы.

Грицко вскрикнул, оскальзываясь, забрался по лестнице к самой крышке и толкнул ее руками. Никакого результата.

Послав подальше конспирацию, он прижался щекой к доскам:

— Ната! Ната, открой мне!

Сердце бешено колотилось. Грицко несколько раз ударил в де-рево кулаком:

— Ната!

Собравшись, он саданул в крышку плечом, но тут ступенька под ним с треском провалилась, за ней последовала следующая, и Грицко неуклюже рухнул вниз.

Темнота на мгновение вспыхнула искрами. Боль пронзила правые бедро и локоть.

— С-сука!

Он, простонав, кое-как сел, выпихнув из-под задницы обломки. Жив? Жив. Но теперь, гадство, до крышки и не добраться. Сиди, кукуй.

— У-у, с-сука! — повторил Грицко и замер, потому что явно слышал раздавшийся рядом смешок.

Кто-то сидел перед ним!

Грицко вздрогнул так, что спина ударилась о лестничную балку.

— К-кто здесь?

Голос изменил герою АТО и сделался тонким и неуверенным.

— Я, — пришел тихий ответ.

Грицко дернулся и ударился уже затылком.

— К-кто?

— А ты посмотри.

Из стен и углов потекли тонкие призрачные нити, соединились перед Грицко в молодое, чуть светящееся лицо. Рваная губа, выбитый, зияющий пустотой глаз. Лицо слегка наклонилось, оставляя след-фантом.

— Помнишь?

— Ты же... ты же... — прошептал Грицко.

Его жирное тело затряслось. Он сложил пальцы шепотью и попробовал перекреститься, но обнаружил, что не помнит, справа налево или слева направо надо начинать. А может вообще сверху, со лба? Пальцы так и застыли, подрагивая, у горла.

— Вспомнил, — удовлетворенно произнесло лицо.

— Я же тебя там... — Грицко обхватил другой рукой балку. — Ты не можешь...

— За два колечка и цепочку.

— Я не хотел.

Призрак ухмыльнулся так, что Грицко с клацаньем сомкнул зубы.

— Почему?

— Это война, — проскулил Грицко. — Ты был враг...

— Смешная отговорка. А она? — призрак качнул едва обрисованной головой.

— Кто?

Новые нити протянулись во тьме и сложились в женское пожилое лицо, окаймленное дымком коротких волос.

— Я.

Грицко, отталкиваясь пятками, попытался уползти за лестницу, но мешки со свеклой и картофелем, сложенные там, не дали ему протиснуться.

— Я же это...

— Ты взял плед и полушубок мужа, — сказала женщина. — И двести гривен. Оно того стоило? Или я тоже враг?

Грицко махнул рукой.

— Сгиньте... Нет у вас власти надо мной! Боже родный, Боже святой, одна надежда...

— Заткнись, — сказал парень.

Под взглядом страшной пустой глазницы рука Грицко сама стиснула шею.

В темноте проступили новые лица — немолодые мужское и женское, хмурое девчоночье. Грицко взвизгнул, узнавая. Промелькнули в памяти «жигуленок», свалившийся в кювет, бельевые туки, водитель, лежащий грудью на рулевом колесе, и его жена,

хрипло выдыхающая последние секунды. Девчонку, слегка порезанную стеклом, они застрелили позже...

— А они? — оскалился парень. — Их вина в чем?

— Это не я, — быстро заговорил Грицко. — Это Цыпарь, Цыпа придумал. Я выше стрелял, я по машине не стрелял.

— Сука ты.

— Вы все равно мертвые! — заколотился в крике Грицко. — Что вы мне сделаете? Ничего! Вы все сдохли! Сепаратисты конченные!

— И душа не болит?

— Что ты мне про душу! Нужна она мне... Ни вымыться, ни пожрать толком. Ни пожить. Я за гроши, за вещи свои под вашими пулями!..

Призрак вздохнул.

— За вещи... Они для тебя мера чужой жизни? Два колечка, цепочка? Тюк белья?

— А хоть бы и так! — от собственной смелости Грицко вжался в мешки. — Мое добро. Мое! Никому не отдам!

— Да подавись.

Лица принялись таять одно за другим. Мужское, женское, девчоночье, снова женское. Призрак молодого парня чуть задержался, посмотрел, казалось, с сожалением уцелевшим глазом на раскрывшего рот героя АТО.

— Что? — оскалился Грицко. — Нечем крыть!

— Нечем. Думал, хоть что-то в тебе есть человеческое. А его и нет совсем, — сказал парень.

И пропал.

Темнота навалилась, облапила, но Грицко только расхохотался. Не страшно! Где-то тут колбаса была...

Он вдруг с удивлением обнаружил в руках магнитолау. Пальцы его, действуя сами по себе, выломали крышку отсека с батарейками и сунули ее в рот. Зубы принялись хрустеть пластмассой. Хрум-хрям. Вкус пластмассы скоро стал солоноватым, видимо, или небо, или десны порезали острые края, но больно почему-то не было.

Жрать!

Где-то внутри Грицко забилась жуткая мысль о неправильности происходящего, но тело перестало ему подчиняться, зажив собственной жизнью.

Пальцы деловито выщелкнули батарейки и отправили их экспрессом в глотку. Обломался зуб. Далее пришла очередь целлофана на бельевом комплекте. За целлофаном руки затолкали в рот кусок простыни. Следующей оказалась фигурка из хрусталя, а за ней — пульт от телевизора. Грицко раскусил пульт вдрызг — и кожух, и зеленый прямоугольник платы.

Кнопки, кусок сливного шланга, обрывок обоев.

Скоро Грицко засипел, пуча глаза. Дышать стало трудно. Но руки, не останавливаясь, набивали рот. Кровь текла по подбородку, горло вздулось. Стекло проткнуло щеку. Грицко закусил стакан рукавом рубашки, добавил к нему телефон и два колечка с cepпчккой. Затем опрокинулся на пол и больше не шевелился.

— Гриша! Гришенька!

Ната сдвинула бачок с водой с крышки и, опустившись на колени, ухватилась за кольцо. Свет столбом упал в подпол.

— Гриш, представляешь, сосед у нас хотел спря...

Она умолкла.

Герой АТО смотрел на нее снизу вверх вытарашенными глазами. Шея его отчего-то казалась угловатой. Щеки надулись, как два яблока. А из широко раскрытого, окровавленного рта торчал детский носок.

Мир

Погранцы с месяц пропускали его «форд транзит» почти без досмотра.

Поэтому Серый и не волновался. Разве что чуть-чуть ныло в кишках, как от приближающегося поноса. Но это ничего, главное, самому верить, что поездка обычная.

Знакомый лейтенант Леша попросил его открыть фургон, обещал взглядом пустое проржавевшее пространство со сваленными ближе к кабине ламинатом, банками краски и упакованными в целлофан коврами, и взял два пакета, стоящих у самых дверей.

В пакетах булькнуло, высунулась попка сырокопченой колбасы.

— Можете ехать, Сергей Николаевич.

— Спасибо, Леша.

Кому что.

Серый не гнал, хотя и очень хотелось. Иногда даже подтормаживал, словно пытался урезонить и сердце, тарабанившее форте, и мысли, выбравшие уже весь километраж. Тихо-тихо, спокойнее. Некуда спешить.

В Горловке он сгрузил краску и ламинат на склад как гуманитарную помощь, один из ковров занес в детский сад.

— Куда вы сейчас, Сергей Николаевич? — спросила молоденькая, похожая на Светку воспитательница.

— К себе, — улыбнулся Серый. — Заново отстраиваюсь.

Он действительно свернул к себе, ближе к Донецку, на пелище, три года назад бывшее небольшим селом. Проехал мимо покосившегося, обгорелого забора, мимо развороченного взрывом дома Фроловых, мимо заброшенных огородов и одичалого сада.

Поздняя весна. Все цветет, будто ничего и не было. Зарубцевалось, стянулось, заросло зеленью. С людьми только сложнее. Кроме Серого селиться на прежнее место желающих пока не находилось.

Он заехал между остатками сарая и домом с желтыми заплатками из свежего бруса, сдал к торцу, накатив задним колесом на смородиновый куст. Почему-то стало больно, будто наехал на человека. Вспомнил: Димка сажал, маленький еще, лет семи... Ничего-ничего, не важно уже, он пересадит потом.

Серый заглушил двигатель.

В приопущенное окно задул ветерок, ворона каркнула, где-то далеко громыхнуло — не артиллерия, гроза.

Он посидел еще, решаясь, настраиваясь. Подумал: если сдох, то туда и дорога. Может, даже лучше бы было, если сдох.

Мир у нас. Мир.

Серый придержал ладонью задрожавшую губу, вылез, обошел фургон, открыл дверцы, затем, повозившись с замком, распахнул тяжелую подвальную дверь. Из подвала дохнуло запахами мокрого железа, дерева, маринованных помидоров. Серый спустился по ступенькам, нащупал выключатель. Щелк произошел впустую. Света не было. Скорее всего, опять где-то случился обрыв. Не

теплостанция. Вздыхнув, он наощупь прошел к полкам слева, достал из коробки ворох свечей, зажег от зажигалки сначала одну, потом еще три, поставил в блюдца, гоняя тени. Неверный свет прыгал, выхватывая из тьмы битые банки с соленьями, раму мотоцикла у дальней стены, бетонный пол в наплывах. Серый убрал с пути табурет, несколько пустых пластиковых канистр, оглянулся: ну да, с небольшим заворотом получится.

Стул с высокой спинкой, сваренный из толстых стальных трубок и утопленный ножками в бетон, стоял чуть в стороне. Серый подергал его, оттащил моток проволоки, достал из инструментального ящика молоток, миниатюрную пилку и кусачки, разложил рядом с мотком. Растер подошвой помидорину, откинул щепку. Ну, вроде чисто.

Вернувшись к фургону, Серый по очереди перекинул к борту два небольших ковра, открывая третий, перевязанный шпагатом, с выглядывающими из-под края кроссовками. Схватившись, он вытянул ковер к дверцам.

У нас — мир.

Человек, закатанный в ковер, не шевелился. Впрочем, Серый был почему-то уверен в его живучести. Чтобы такая тварь — и подохла?

Выбравшись из фургона, он стащил рулон вниз. Часть с верхней половиной тела чувствительно грянула о землю. Кроссовок в руке дернулся.

Ну и хорошо.

Серый захлопнул дверцы и постоял, отдыхая. Нельзя торопиться. Торопливость все испортит. Природа вон никуда не торопится и каждый раз берет свое.

Весна.

Потискав ноющие усталые пальцы, Серый поволок ковер по ступенькам вниз, развернул на бетоне кроссовками к ножкам стула.

Цепь! Где-то была цепь.

Он метнулся к нижним полкам, где держал фильтры, пружины и всякую прочую ерунду, разволновавшись, сбегал к фургону, проверил под сиденьями, и только вернувшись ни с чем, заметил цепь свешивающейся с поперечной железной балки.

Сердце разнылось. Вот дурак, подумалось. Сам же приготовил и забыл.

Дверь в подвал на всякий случай он запер на засов. Пропустил цепь за передними ножками стула, чуть вытянул ноги из ковра и защелкнул на щиколотках продетые в концевые звенья кольца от наручников. Ножницами перерезал шпагат и слегка размотал жертву. Цепь, выбрав длину, натянулась.

— Не верю, что не больно, — шепнул Серый.

На миг ему захотелось отказаться от затей, но он вспомнил жену, Димку, Светку, сцепил зубы и замотал головой: не-ет, некуда отступать. Незачем. Три года мир...

Дальше Серый работал пилкой — снизу, сбоку, освобождая от ковра нижнюю половину тела. Спортивные штаны он сразу стянул к браслетам, обнажая волосатые ноги, подождал реакции. Реакции не было.

Когда показалась прижатая к животу рука, он перевернул порезанный ковер, выламывая и эту, и вторую руку за спину. Свел вялые ладони вместе, откусил от мотка проволоки сантиметров двадцать, накрутил эти сантиметры на запястья. Все спокойнее.

Мерцал свет.

Захотелось вдруг чаю. Обжигающе-горячего. Прямо до дрожи. Серый сел на пол, ощущая клекот внутреннего напряжения. Скоро-скоро, эта сука скоро... Не удержался, стукнул кулаком по ребрам лежащему — жалко, ковер смягчил.

Он часто представлял себе, как это будет. С того самого момента, как Украина в лице своего президента объявила всех участников антитеррористической операции героями. Первым делом решил резать пальцы. Затем — яйца. Остальное зависело от импровизации. Но пальцы и яйца — обязательно. Первым делом.

Мир у нас. Все герои. Все, кто убивал, насиловал, грабил. Все.

Никакого суда. Никакого разбирательства. Поцелуи взасос и всеобщая, сука, свидомая шизофрения. Мы — герои.

Нет, ребята, только пальцы и яйца.

Серый выволок человека из остатков ковра, напрягшись, приподнял его и завалил на стул. Прижал коленом. Урод весил где-то

под сотню. Ляжки толстые. Губы сочные. Проволоку с запястий пришлось размотать, чтобы тут же закрепить правую руку героя на подлокотнике. Еще двадцать сантиметров от мотка — и уже левая оказалась прихвачена двумя оборотами к железной пластине. Тело само сползло на сиденье.

Но Серый не удовлетворился сделанным и замотал проволокой все до локтей, потом срезал с уroda спортивную кофту, майку и трусы. Комочек гениталий в паху его едва не насмешил. Героическое, сука, хозяйство.

Все?

Голый человек на стуле упирался подбородком себе в грудь. Серый, подумав, еще и шею проволокой притянул к прутьям спинки.

— Ну вот, — сказал он негромко, — теперь и приступим.

Правда, вопреки собственным словам, Серый просто сел на табурет напротив. Вспомнился вдруг Димка, ковыряющийся в двигателе «Явы»: «Пап, да блин, как ты на ней ездил-то?» Звон ключей. Чумазое лицо, сморщенный нос, такие родные складочки через переносицу...

Все ушло.

Серый посмотрел на привязанного к стулу урода, поднялся по ступенькам, открыл дверь наружу, сходил к колодцу и набрал ведро воды. Зачем-то потрогал воду рукой — холодная, нет — и разозлился на себя: какая, мать, разница?

Внизу, в подвале весь залп из ведра он зарядил человеку в лицо и в грудь. Брызги оконтурили стену за стулом. Человек от залпа дернулся. Пальцы вцепились в подлокотники. Жилы вздулись на шее. Из рта вылетела слюна.

— Б...ь!

Серый усмехнулся, услышав судорожный звон цепи, пробуемой на разрыв.

— Не стоит, — сказал он, усаживаясь.

Урод поднял голову.

У него было совсем не уродское, молодое лицо, где-то даже симпатичное, мужественное, с нравящейся женщинам небритостью. Только гематома, родимым пятном протянувшаяся от виска через скулу, его портила. Как и верхняя, вздувшаяся губа.

— К кому это я залетел? — спросил пленник, осматривая подвал цепкими глазами. — Холодно, сука, вообще.

Серый промолчал.

Человек шмыгнул носом и скривился, ощупал губу языком.

— Это ты меня отоварил, дядя?

Серый и этот вопрос оставил без ответа, смотрел в сторону.

— Значит, сочтемся, — ощерился пленник, подрагивая. — Слышь? Сочтемся, говорю. Или ты глухой, дядя? Трусы-то на хрене стянул?

Серый чуть наклонил голову. От его полыхнувшего ненавистью взгляда что-то затравленное появилось у уroda в глазах.

Бойся, тварь, бойся!

— Я тебе что, денег должен?

Пленник попробовал взвиться со стула, но у него не получилось даже привстать. Так, приподнял зад, напугал ежа. Проволока врезалась в горло.

— Ах ты, сука!

Урод закашлял, напрасно напрягая плечи. Кожа его покрылась пупырышками. Член сделался совсем маленьким и спрятался в паховых волосах.

— Фамилия и имя, — сказал Серый.

Спокойный, казенный тон дался ему с трудом. Жутко хотелось добавить коленом твари ярких красок.

— Борис Полторак, — с легкой заминкой, щурясь, ответил пленник. — Это ты, дядя, еще не знаешь, с кем связался.

Серый полез за пазуху, достал паспорт с трезубцем и кинул в урода.

— Твой паспорт. Итак, давай сначала. Фамилия и имя.

В тишине потрескивали фитили.

— Микола Лыгун, — глухо ответил пленник.

Тело его сотряслось от холода.

— Новосветловка.

— Что — Новосветловка?

Серый прикрыл глаза, перебарывая желание вбить глупый вопрос обратно в зубы.

— Новосветловка, три года назад.

— Мужик, это когда было-то? — возмутился пленник. — Ты мне руки перекрутил, освободи хоть чуть-чуть.

— Новосветловка.

— Ну, стояли мы там. Давно.

Серый ждал.

— Б...ь, я здесь дуба дам, мужик!

Серый равнодушно пожал плечами. Порывшись в карманах, он нашел упаковку валокордина, выдал таблетку, сунул на язык и запил остатками воды в ведре.

— Мне все равно.

— Ха! — оскалился, вздрагивая, пленник. — Как же тебе все равно, если я сд-дохну? А Новосветловка?

Он стукнул зубами.

— Прислушайся, — сказал Серый, ощущая протекающий в горло мятный привкус. — Разве ты еще не понял, где оказался?

— Где? — завертел головой примотанный к стулу. — Подвал? Камера в тюрьме? Не май месяц. Что я должен увидеть?

— Суд.

— Ты чего, мужик? Охренел вк-конец?

Серый улыбнулся так, что пленник подавился словами.

— У тебя есть два выхода, — сказал Серый. — Ты вспоминаешь и рассказываешь, и тогда дохнешь быстро. В ином случае я отрежу тебе пальцы, уши, яйца и дохнуть ты будешь долго.

— Сепар, что ли? — выдохнул пленник. — Так у нас мир, слышишь? Три года. Не имеешь ты никакого права...

— Я?! Не имею права?

Серый вскочил. Лицо его страшно исказилось. Он поймал пальцами горло урода.

— Ты... мне...

Ненависть не давала говорить, стиснула глотку. Несколько секунд он бешеным взглядом смотрел в светлые, трепещущие тоскливым ожиданием глаза бывшего добровольца батальона «Ай-дар», затем усилием воли разжал пальцы. Спокойнее, тише, тише.

— Можешь ничего не говорить, — сказал он, наклоняясь к остаткам ковра. — Можешь думать, что я не имею права. Можешь думать про мир...

В руках его появилась пилка, которую он очистил от застрявших в зубах ворсинок.

— Тебя найдут! — взвизгнул пленник, едва Серый шагнул к стулу.

— Новосветловка. Три года назад.

— Хорошо, Новосветловка, — облизнув губы, торопливо заговорил сидящий. — Мы там стояли, занимали два дома. Я про наш взвод. В июле, кажется. Да-да, точно, в июле. Нет, в августе. Я не помню. Точно, что летом. Яблоки уже... Мы недолго стояли там, ваши нас потом... Вот, это все. Все. Что еще?

— Мало, — сказал Серый.

Он снова уселся на табурет, поежившись, запахнулся в куртку. Взбаламученная ярость отпускала, оставляя после себя холодную пустоту.

— Т-так вроде все, — пленник выстучал зубами длинную дробь. — Холодно, батя.

Серый усмехнулся. Уже батя. Быстрая какая эволюция из дяди до совсем родного человека. Батя. А Димка все папой больше...

Он ссутулился, пряча набрякшие слезы. Незачем твари показывать. Пилка в пальцах уколола, попробовала крови. Подумалось: кого видит этот урод? Пожилого, под пятьдесят мужчину с короткими седыми волосами, живого человека или сепара-террориста, недобитка-provokatora? Может, смерть свою видит? Впрочем, какую смерть, это же герой, вылитый. Герои не умирают, сразу встают в небесные колонны, айне колонне марширт...

Серый поднял голову.

Микола Лыгун пытался вывернуть левую руку из проволочной обмотки.

— Я вижу, — сказал Серый.

— Мы можем договориться, батя, — подавшись на длину шейного обруча, зашептал почему-то пленник. — Я сдамся, вашей МГБ или как там, я все признаю...

— Что признаешь?

— Что участвовал. Что нападал на вашу республику.

Страх мерцал в светлых глазах свечными огнями.

— Новосветловка. Женщина сорока двух лет. Девушка девятнадцати. Юноша семнадцати. Семья. Моя семья.

Пленник сглотнул.

— Там поляки, литовцы были. Они — звери. Наемники. Может это они?

— А ты?

— Мы окопы рыли.

Серый помолчал.

— Знаешь, Микола, я много думал: почему так? Что случилось с Украиной и украинцами? Почему они вдруг решили, что убивать — это хорошо? Почему решили, что на смерти моей семьи, других семей, стариков, детей, женщин можно въехать в беский Евросоюз, как в рай? Ответ нашелся. Он, возможно, в чем-то метафизический, спорный, но для меня единственный. Во всяком случае, я другого не знаю. А дело в том, что украинцы продали свои души дьяволу. Оптом и в розницу. Коллективным актом. За деньги, за печенье, за халяву, за чужие вещи, за саму возможность убить и не чувствовать ни вины, ни стыда.

— Но я не убивал, — сказал пленник дрожащим голосом.

Серый шевельнулся, подался вперед.

— Почему бы не сказать честно?

— Батя, я тебе как на духу...

— Ты думаешь, я тебя случайно схватил? — процедил Серый. — Я же тебя, суку, два месяца вылавливал. Все на Украине продается, все списки, все листочки тетрадные с записями выплат, все адреса, знай только подойди с денежкой к нужному человеку.

Он достал из-за пазухи и бросил к паспорту с трезубцем ксерокопии печатных и рукописных страниц.

— Я бы, честно, не занимался этим, — тускло сказал Серый, — но вас не судили, а объявили героями. Больно мне стало, очень больно, за дочь, за сына, за всех, кого вы... Нельзя такое спускать. Пусть и мир. Мир...

— Так ведь зло, — отстучав зубами, сказал пленник. — Убьешь меня, умножишь зло. Нельзя злом со злом.

Серый дернул щекой.

— Не надо мне про сучью философию. Умножение зла происходит, когда оно остается безнаказанным. А наказание зла называется справедливостью, понял, Микола? Или ты думаешь, справедливость только там? — он показал глазами на потолок. — Нет, она здесь. И во всем мире. Надо только помогать ей исполняться.

Сердце опять зачастило, и Серый замолчал, прикрыл глаза.

Ветер задышал в затылок, принес запахи земли и нарастающей зелени, перебивая запах разлитого маринада.

— Батя, ты ошибся, батя, ты не т-того... — задергался, зазелен цепью пленник. — Нет у тебя д-доказательств.

— Свидетельства есть, а доказательств...

Серый подступив, поднес к лицу пленника запаянную в целлулоид фотографию.

— Смотри, внимательно смотри, — сказал он. — Вся память — вот она. Здесь ваши веселые рожи. Ты — третий в ряду. Димка... Димка сбоку лежит, смотрит в небо, уже мертвый, вы его два дня пытали до этого... А Света... — он царапнул ногтем по снимку. — Дочку на заднем плане тащат, видишь, платье белое?

— Да нет, это не я, — пролепетал пленник.

— Как же не ты? Ты!

— Нет!

Ненависть вспыхнула, ударила в голову.

— Б...ь, сейчас я тебе сначала пальцы...

Серый поймал чужую ладонь и вывернул указательный палец.

— А-а-а! — затрясся на стуле урод.

— Сейчас...

Пилка полоснула по коже. Потекла кровь. Серый нажал. Глубже, глубже! Зубцы располосовали мясо и вонзились в твердое.

— А-а-а! Б...ь! А-а-а!

Пленник орал, не переставая. Указательный палец выскальзывал из руки, кровь шустро капала с подлокотника.

— А ты думал! — закричал Серый. — Ты что думал?! У нас — мир! Мир, и ты живой! А это неправильно!

Он несколько раз провел пилкой. За Димку! За Светку! За Анну!

— Если б ты хотя бы покаялся...

— Я каюсь, каюсь! — взвизгнул пленник. — А-а-а! Я все, что хочешь...

— Поздно!

В разрезе пальца, в окружении лохмотьев кожи белела кость. Пилка застряла. Серый выдернул ее, в брызгах крови, с прилипшим мясным лоскутком. Сделалось противно. Не страшно, можно пересилить. Он вполне...

По живому, б...ь.

— Ка-аюсь!

Ну да, ни мгновением раньше.

— Не пилится ни хрена, — Серый сердито бросил пилку и, качнувшись, подхватил молоток. — Сейчас я это исправлю.

Он несколько раз ударил вслепую, больше попадая по железу, чем по руке. Смысла в этом не было. И мира не было тоже.

Сука. Так хотелось, чтобы эта тварь узнала, прочувствовала на себе, как его дети...

— А-а-а!

Слезы и сопли блестели у пленника под носом. Капля крови застыла над бровью. Серый, усмехнувшись, отбросил молоток.

Тише. Тише.

— Почему? — крикнул он, собрав все силы, в безумные, с расширенными зрачками глаза. — Почему я не могу тебя пытать, а ты смог? Почему вы, звери, можете, а я не могу?! Я не могу! Ты понимаешь, как оно все устроено!

Он заскрипел зубами.

Слова кончились. Покальвало пальцы, сердце, казалось, разрослось до объема грудной клетки — колотило и в горло, и в кишки, и в ребра. Холод поднимался от живота.

Голый пленник скулил, ничего не соображая.

Серый выбрался из подвала и поднялся в дом, приподнял половые доски в углу. Рукоять «макарова» легла в ладонь.

«Я не зло, — устало подумал Серый. — Но я — справедливость. И мне нужен мир. Маленький мир в душе».

Новины

Сначала Вадик сдуру попёрся в сортир на своем этаже, но ткнулся в намертво прибитый к дверным косякам жёлтый фанерный лист с надписью «Засрано!» — и, пробормотав «Проклятые москали», спустился на этаж ниже.

У заколоченного окна под тусклым плафоном кутался в одеяло и курил, пуская дым в щёлку, худой и длинный Лёшка Кравченко.

— Чё не спишь? — спросил его Вадик.

— Так, — неопределенно ответил тот. — Не спится.

— И правильно, — сказал Вадик. — Москали пусть спят, а мы бдим!

— Холодно, — вздохнул Кравченко.

— Это временно, — твердо сказал Вадик. — Это всё Кремль, всё Путин. Моя б воля...

Он скрипнул зубами. Кравченко вздрогнул.

— Ладно, — сказал Вадик, погасив желание разобраться с российским президентом здесь и сейчас. — Сортир работает?

— А чё ему?

— А на втором и третьем забили чем-то фановую, суки, по-срать нормально не могут!

— Дерьмом, должно быть, и забили, — равнодушно отозвался Кравченко, гася окурок об угол доски.

— Я и говорю: вредители. Агенты Путинские.

— У нас всегда так, — Кравченко закутался в одеяло. — Я на пост.

По заплеванному, давно немытому полу он зашаркал к входным дверям, едва видимым из-за баррикады, сложенной из вынесенной из кабинетов мебели.

— Слава Украине! — напутствовал его Вадик.

— Угу. Героям слава.

Вот же сука, подумал Вадик, глядя в спину Кравченко. Стукнуть что ли эсбэушнику на отсутствие должного энтузиазма?

Он постоял, сузив глаза и наблюдая, как фигура в одеяле, дойдя в полутьме до пятна плаката («Европа с нами»), опускается в низкое кресло, затем вспомнил, куда шёл сам.

В двух кабинках какого-то хрена не работал слив, и оба унитаза уже заполнили капитально, шмонило так, что желудок выворачивался наизнанку. Зато две других кабинки, слава героям, работали исправно. Сука, пока ещё.

Вадик завозился со штанами.

Их на нём было двое, плюс трико, конец октября, что вы хотите. Как Путин отопление вырубил, так и живи, как хочешь. И окно в комнате заклеено кое-как. Но ничего, ничего, Путин и сам на последнем издыхании.

Джинсовый бастион наконец пал. Вадик раскорячился над оббитым фаянсовым блюдом, сжимая в руке припасенный моток туалетной бумаги. И ведь хрен бумагу оставишь! Стащат! Вроде бы проверенные люди, а кацапё!

Йо-о-о!

Горячая струя ударила в фаянс, заставляя опасливо подвигать ноги от края. И чего такого сожрал вчера? Волонтёрские, кажется, запасы открывали. Среди волонтёров, сука, тоже ватники попадают. Подсыпали пургена — и ага!

Точнее, йо-о-о!

Вадик подтёрся, застегнул штаны. Хрен тут днём успеешь, днём очереди, как за пайкой. Он посмотрел на результат своих трудов, на аляповатые лепестки поносного цветка, на средоточие его, обозначенное мятой бумажкой, и решил не смывать.

А вот назло!

В две кабинки уже не сунешься, а он чем хуже? Он ещё для кого-то от великой доброты место приготовит? Хрена!

Пусть этот кто-то приходит и смывает за ним сам! А то развелось любителей халявы. То подай, это подай, бумаги оставь...

Вода из кранов капала еле-еле, и Вадик, задолбавшись ждать, вытер руки о джинсы. Всюду, сука, сепаратисты и вредители.

— Лёха! — поднимаясь наверх, крикнул он на пост. — Ты, блин, следи! Там и третью кабинку загадили!

— Я не могу! Я зраду сторожу! — отозвался Кравченко.

— Ну да, — прошипел под нос Вадик, сжимая на перилах грязные пальцы, — сторожит он, сука. Пайки переводит.

В офисе, слава героям, было светло и имелся чайник.

Вадик хлюпнул из него холодной кипячёной воды, прямо из носика, сморщился от тухловатого вкуса и растолкал Липястика, съёжившегося на диванчике в углу.

— Ромыч! Ромыч, не время спать!

— А? Что? — оторвал кудрявую голову от диванчика Липястик.

Липястику не было и шестнадцати, но в компьютерах он шарил не по-детски. И вообще проверенный был чел.

— Работать! — сказал ему Вадик, обнимая за плечо. — Кремлеботы не спят.

— Связь вчера отрубали, — сонно произнёс Липястик.

— И чё? — насторожился Вадик. — Сейчас есть?

— Ночью, часа в два где-то законнектили.

Липястик, покачиваясь, добрался до чайника и нажал на кнопку. Подтянув спадающие штаны, он упал на стул за один из шести столов с установленным в центре монитором.

— Не, ну, суки! — возмутился Вадик. — Мы тут корячимся на передовой... В чайнике, кстати, воды мало.

— На чашку хватит.

Липястик подтянул к себе беспроводную клавиатуру. Заставка на мониторе сменилась окном браузера.

— Ты это... — обидчиво сказал Вадик. — А я что, не человек? Мне, типа, горячего кофе не надо?

— Возьми да долей.

— В запахло самому, да, Ромыч?

Липястик, вздохнув, с укором посмотрел на Вадика. На прыщавом лице под глазом отпечатался синий палец Борисчука. Возбуждённый Борисчук позавчера бегал со своей измазанной пятерней и предлагал всех пометить, пока его, обозвав сепаром, не загнали на третий этаж и не заперли, пьяного, в какой-то подсобке.

Интересно, выпустили его вчера или нет? Впрочем, раз не долбился...

— Так мы работаем? — спросил Липястик.

— Да. Что там в новостях?

— Всё то же.

— Ты мне это... — разозлился Вадик. — Мы здесь страну спасаем изо дня в день, безо всякого «то же»! Ты мне конкретно...

— Евросоюз продлил санкции.

Липястик встал и с кружкой направился к чайнику. Вадик, наклонившись к монитору, просмотрел выведенную в отдельном окне заметку «рейтерс».

— Ну и клёво! — потёр он ладони. — Давай её к нам, как молнию.

— Сейчас.

Липястик зазвенел ложкой, мешая в воде растворимый «не-скафе».

— Всем привет!

Появившаяся в дверях Верка тряхнула пегими, завитыми волосами. Красавица, сука. Короткая джинсовая юбка, разноцветные гетры, блузка с вырезом, что лифчик видно от и до. Ей, типа, холод по барабану. Ну и мордашка, чего скрывать, зачётная, не рашинская, европейская, с такой сосаться...

— Жовтовский, рот закрываем, да? — сказала Верка Вадику, приземляя его мечты. — Чё, воды нет? — Нагло выхватив кружку у Липястика, она отхлебнула кофе. — Вот вы колорады убогие!

— Ромыч, давай, — сказал Вадик, — неси бутыль.

Липястик посмотрел на свою кружку в Веркиных пальцах.

— Так чё, из волонтерской?

— Ну а откуда ещё? Бутыли пятилитровые, у левой стенки стоят, увидишь.

— Там пост, — хмуро сказал Липястик, пробуя порожек носком кроссовки.

— Ромыч, блин, знают тебя там, отпустят.

— Они мову спрашивают!

— Да они сами её ни хрена не знают! — сказал Вадик. — «Правый сектор», блин! Давай, Ромыч, давай, время.

Липястик, тоскливо вздохнув, свалил из офиса. Верка, покрутив задницей, бухнулась за стол справа, повернулась к Вадику.

— Чё, Жовтовский, зажгём?

— Ты не спрашивай, ты входи, — Вадик повернул её обратно к монитору. — Адреса на бумажке, аккаунты и пароли там же.

— Ой-ой-ой, учи учёную!

Верка застучала пальцами по клавиатуре, сверяясь с листком под рукой и лишь мельком вглядываясь в экран.

— Там новостные и форумы теперь отдельно.

— Я вижу. Чё, как обычно? — Верка потянулась, и её грудь, обтянутая красной кружевной тканью, соблазнительно выпрыгнула перед Вадиком из блузки.

Он сглотнул.

— Ну, да. Чем бессмысленнее и злее, тем лучше. Куратор, помнишь, бухтел...

— Да помню. Поехали!

Верка разместила окна сайтов каскадом и заскакала с одного на другой, оставляя короткие комментарии. «Раша — параша» — под новостью, что в России откладывается пуск в строй фрегатов усовершенствованной серии. «Так вам и надо, козлам!» — под заметкой о засухе в пяти регионах. Пожары — «Горите вы в аду!». Аварии на трассе — «Мочи сук!». Подорожание цен — «Это санкции, москали!»

Печатала Верка быстро, хохотала над репликами в ответ, вежливых сразу посылала в пешее эротическое, любителей грубить макала в отсутствие аргументов. На губах ее заиграла тонкая улыбка, а взгляд сделался холодным и цепким.

«Клево: потрошить вас на границе на бабло и ссаживать с поездов!». «Колорада — в землю или в банку!». «Крымчан — на органы!». — Супер!

Находясь рядом, Вадик и сам почувствовал азарт, почувствовал, как Россия, нависшая над Украиной, подаётся назад от Веркиных слов, испуганно съёживается, слабеет, отпихивается ложноножками. Ещё, ещё, ещё!

Сука, даже дышится свободнее!

Липястик, притаранивший бутыль, оказался как нельзя кстати. Внутри у Вадика аж зудело! По сусалам москалей! По сусалам! Самому Путину новостью — по зубам! Пусть икает.

— Ромыч, мля!

— Чё? А кофе?! — Липястик потряс в воздухе кофейной банкой. Вадика захотелось его ударить.

Ну, кацап! Кацап! Стопроцентный! И ещё еврей! Двухсотпроцентный! Он, точно, сука, он специально гадил в сортиры на втором и на третьем!

— Ромыч, ты дождёшься!

— Но я без кофе неработоспособен, — заныл Липястик. — И хо-олодно!

— А без ручки, а без ножки?

— Достали, блин! — крикнула Верка. — Мешаете!

— О, я смотрю, рабочий процесс в разгаре, — вваливаясь в офис, выдохнул Борисчук, толстый, мордатый, в свитере под горло. — Опять молодых строишь, Жовтовский?

— Имею право! — насупился Вадик.

— Себя ты имеешь, — беззлобно отозвался Борисчук.

Верка прыснула.

— Ты это... — покраснев, заговорил Вадик. — Садись и готовь материалы.

— У меня агрегатор стоит, — сказал Борисчук. — Все с новостных лент сам тянет. Автоматика, Жовтовский.

Проходя мимо Липястика, ложкой размешивающего кофе, он хмыкнул и ткнул того пальцем в бок. Липястик тут же дернулся:

— Андрей Сергеевич!

— Зови меня Андрій Сергійович, так правильно, — сказал Борисчук. — И морду вымой, там пятно синее.

— Так вы же позавчера сами...

— Что сам?

— Сами мне пальцем... Сказали, всех наших пометить надо. Сказали, что не помеченные будут считаться врагами Украины.

Борисчук возрился на Липястика.

— Так я, наверное, пьяный был, чудо ты кудрявое! Мне в подпитии чего только не кажется. Здесь я с нашим президентом в одном строю.

— Борисчук! — голос Вадика сорвался на крик.

— Жовтовский, я — могила! — приложил ладонь к груди Борисчук и выпучил глаза. — Только кофе налью — и за стол.

Без зазрения совести он стянул кружку у отвернувшегося Липястика и, задев столешницы, поплыл по узкому проходу.

— Андре... Андрій Сергійович! — простонала в его широкую спину обворованная жертва.

— Учись, Рома, — Борисчук сел на свое место, — все украинство на этом держится. На этом и на беспримерной храбрости.

Он отхлебнул из кружки и сморщился.

— А сахар где?

— Нету сахара вам! — крикнул обидевшийся Липястик, роясь в шкафчике в поисках еще одной кружки.

— Ромыч, блин! — подпрыгнул Вадик. — Я жду!

— Кстати, — как бы между прочим произнес Борисчук, уткнувшись в монитор и вода по столу «мышкой», — не при дамах

будет сказано, но на первом этаже с сортирами начался тот же процесс, что и на вышеимеющихся.

— А то я не знаю! — хохотнула Верка.

— Может, охрана? — поделился версией Вадик. — Кто-то из «Правого сектора» — сепар.

— Жопы все время разные.

— Чего?

— Поверь мне на слово, — сказал Борисчук. — Гадит не один, а два, а то и три человека. Целенаправленно.

— Так нас в здании всего девять человек.

— Вот и думай, Жовтовский. Чьи-то жопы нам совсем не товарищи. Вернее, жопы некоторых товарищей только выглядят украинскими.

— Все, я — все.

Липястик пришаркал с кружкой, и сев, под уничтожающим взглядом Вадика торопливо вызвал на монитор несколько новых окон: сайт, вэб-редактор, почтовая программа.

Сайт, который они вели, назывался «Новини України».

За семьдесят тысяч посещений в день. За две сотни комментариев под каждой заметкой. Не хило, в общем.

— Вера, как там у тебя? — спросил Вадик, нависая над Липястиком.

— «Русские — рабы», «Путин — слил», — отчиталась Верка.

— Борисчук?

— Новости скинул, ссылки прикрутил, сейчас еще демотиватор пришло, — сказал Борисчук. — Сегодня много сыплет.

— Замечательно!

Вадик чувствовал, как в нем медленно, но неукротимо пробуждается всемогущество, как внутри вибрирует сила казнить, как поднимается и захлестывает с макушкой выраженное в нем величие Украины.

— Что там, Ромыч?

— Решением Совета Европейского Союза решено продлить санкции, — начал читать Липястик, — до 31 декабря шестнадцатого года...

— Супер! — сказал Вадик и под щелканье клавиш справа и слева, вдохновившись, продолжил: — Значит, набирай! Европейский Союз в знак солидарности с позицией президента Украины

продлил проклятым москалям санкции! Это ответ на незаконную оккупацию Крыма и Донбасса, это признание демократической свободы и правоты украинского народа, борющегося против террористических орд, прикрывающихся выбором народа и мирными жителями. Санкции означают, что никаких поблажек российским упырям не будет! Пусть дохнут с голоду! Пусть погибают! Мы еще споем с вами «Ще не вмерла...» на развалинах Кремля! Все!

— Эмоционально, — прокомментировал Борисчук. — Умешь, Жовтовский.

— А то! — Вадик похлопал ладонями. — Не расслабляемся! Дальше!

Волна вдохновения подхватила его.

— Вот, — сказал Липястик. — «Эксперты комиссии ОБСЕ зарегистрировали около десятка новых обстрелов окраин Донецка, Горловки и прилегающих сел из оружия калибром свыше ста миллиметров».

— Пиши! — приказал Вадик.

С его лица можно было, наверное, лепить скульптурный портрет. Оно покраснелось, оно задышало священным гневом обличителя и борца.

Глаза! Губы! Тяжелая складка на лбу!

— Террористы в неистребимом желании обвинить Украину в геноциде мирных жителей, а также вызвать вмешательство российских орд продолжают с фанатичным упорством обстреливать территории собственных городов, не задумываясь о том, что страдают их же собственные жены и дети. Все цивилизованное мировое сообщество уже давно раскусило эту людоедскую тактику и не верит ни одному возгласу о том, что обстрелы осуществляют доблестные вооруженные силы и национальная гвардия Украины, но сепаратисты, пользуясь поддержкой одержимых кремлевских упырей, не собираются останавливаться. Чем больше трупов, тем громче они взывают к Европе и США, обвиняя Украину в антигуманизме и пренебрежении к правам человека. Но не дождутся! Комиссия ОБСЕ видит все!

— Ф-фу! — выдохнул Липястик, отстучав по клавишам. — Разместил.

Вадик наклонился и просмотрел текст на мониторе.

— Ага, молоток. Вера?

— Резвлюсь на сайте молодых мамочек, — отозвалась девушка. — Предлагаю меню из жареных сепаратят.

— Ха-ха, жгешь! — Вадик поднял голову. — Борисчук, тебе как?

— Геббельс бы тебя лайкнул, — сказал Борисчук.

— А че? И классно!

Вадик схватил Липястикову кружку.

— Э-э-э! — закричал Липястик.

— Я только горло промочу, — уверил его Вадик, сделал несколько больших глотков и оставил подчиненному совсем на донце.

— Комментарии пошли, — объявил Борисчук.

— Подключись, помодерируй, — сказал Вадик. — Все «ватные» комменты в топку, как всегда.

— Ну, один-два может пропущу, для большего накала.

— Ромыч, не спим! — Вадик похлопал Липястика по плечу. — Что там следующее?

— Снова поймали российских солдат.

— Это тема! А конкретнее?

— Двое перешли границу, их сразу СБУ повязало.

— Хо-хо! Тут не одна, тут две новости!

— Жовтовский, ты не перестаешь меня удивлять, — меланхолично отозвался Борисчук. — Новость-то так себе.

— Не важно, — сказал Вадик. — Мы на войне. На информационном фронте. Я верю, и другие поверят. Наши новости серьезные агентства репостят!

— Тут не свихнуться бы, — вздохнул Борисчук.

— Слушай, Андрей Сергеевич! — разозлился Вадик. — Пайку жрешь? От армии косишь? СБУ за пиписку не теребит? Ну!

— Яволь, Жовтовский. Я так, накатило что-то, через неделю проблема погадить в здании встанет в полный рост, а предательская задница будет ходить между нас и мерзко хихикать.

Липястик прыснул.

— Русские должны платить и каяться, — сказала Верка.

— Чего? — спросил Вадик. — А-а, это ты на форуме отвечаешь.

— Ага. Меня тут пытаются переубедить, вежливые все такие. Даже жалко хамить.

— Зайди на армейский сайт, — посоветовал Борисчук.

— Так, Ромыч, готов? — потискал спинку кресла Вадик.

— Давно, — сказал Липястик.

— Пиши! Солдаты бегут из российской армии! Перешедшие границу и отдавшиеся в руки специальных служб рядовые заявили, что их не кормят уже вторую неделю, а гноят на полигонах. В головах не только срочников, но и контрактников зреет марш на Москву. Кроме того, из семей к ним приходят письма, что на «гражданке» многим не хватает еды.

— Ежей, — сказал Борисчук.

— Завянь. Еды, — сказал Вадик. — Сбил, блин! Да! Люди спасаются подсобным хозяйством. Все основные продукты выдаются по карточкам. По городам и деревням ходят зондеркоманды и изымают излишки продовольствия.

— Какие зондеркоманды, Жовтовский? — спросил Борисчук.

— Не мешай!

О, Вадик просто видел эту апокалиптическую картинку! Да: солдаты в противогазах с красными нашивками на рукавах, захлебывающиеся лаем овчарки, российский триколор на черных, будто лакированных фургонах, и мутные подворотни, из которых на снег выкидывают изъятый коричнево-рыжий хлеб. А рядом плачет девочка...

Вадика даже передернуло от возникшего в голове видения.

— Погибших от голодной смерти закапывают в землю бульдозерами. Работают также передвижные крематории, в которых сжигают еще живых, но ослабевших людей. Кремлевский режим держится из последних сил!

— Готово! — сказал Липястик.

— Пиши вторую! — Вадик остекленевшим взглядом пронзил пустоту над монитором. — Российские солдаты, задержанные СБУ, по последним данным пытались продать свое оружие за чугунок вареной картошки. Добрые сельчане, как всякие хлебосольные украинцы, накормили россиян от пуза и даже дали с собой в СБУ сала и хлеба. Позже солдаты признались, что никак не ожидали такого приема, потому что по кремлевскому телевидению

показывают лишь наспех сделанные агитки о нацистах на майдане и уголовниках, записавшихся в батальоны территориальной обороны. Парни сказали, что никогда больше не пойдут воевать против Украины. Путин, конечно же, сразу отказался от них!

— Есть! — Липястик, задрав голову, посмотрел на Вадика лихорадочно блестящими глазами. — А еще будет?

— Ромыч, мы же ух! — сказал Вадик. — Крым, отказавшийся от украинской воды и продуктов, вымирает. Немногочисленные туристы везут с собой бутылки и лапшу быстрого приготовления. В городах извели собак.

— Блин, даже жрать захотелось, — сказал Борисчук. — Жотовский, завязывай с продовольственной тематикой.

— Ладно, перерыв, — сказал Вадик. — Сам жрать хочу.

— Липястик, — сказал Борисчук, — дуй за дошираком.

— А почему опять я? — вздернулся Липястик.

— Потому что ты, — поддержал Борисчука Вадик.

— Вчера тоже я!

— Бывает, — пожал плечами Вадик.

— Ромочка, ну сходи, пожалуйста, — попросила Верка. — Ты один среди них мужик. А я тебя потом поцелую!

— Ага, знаю я, — проворчал Липястик, но поднялся. — Только в губы! Понятно? И с языком! По-французски!

— Куда скажешь!

Липястик покраснел.

— Так что, доширак брать?

— И нарезку посвежее.

— Не, — сказал Борисчук, — нарезку не бери, у нее сроки вышли. Консерву бери, огурцы или помидоры...

Потом они разламывали доширачные брикеты и заливали их кипятком. Дух пальмового масла и еще какой-то химии взмывал к потолку и впитывался в стены.

Верка хрустела огурцами и рожала одну реплику за другой:

— Горите в сепарском аду! Россияния — страна алконавтов! Сопливая «вата»! Прощай, немытая Россия!

Обманутый с поцелуем Липястик хмуро наматывал на вилку белые завитки лапши. Борисчук шумно хлебал рассол из банки.

— Нет, москалям нас не победить, — сказал Вадик, облизывая пальцы. — Мы, украинцы, непобедимы. Пусть Крым, пусть Донбасс, это все временно. Мы возродимся, мы восстанем, как живые мертвецы.

— У нас даже гимн мертвецкий, — кивнул Борисчук.

— Мы хитрые, — сказал Вадик. — У нас все есть, кроме газа. Европа за нас, Штаты за нас, весь мир за нас. У нас технологии, мы на коленке можем авианосец построить, ребята о таких вещах рассказывают — закачаешься. Электричество — из воздуха, три киловатта тепла из одного киловатта электричества, биотопливо, супертанки, люди-киборги. На нас только Россия давит, не дает нам развиваться.

— Она же на издыхании, — хмыкнув, сказал Борисчук.

— Да, — кивнул Вадик, — но для Путина укрощение нас, укрощение Украины — гарантия его нахождения у власти. Вот он и навалился, бросает в бой бронетанковые дивизии, спецназ, кадоровцев, последние войсковые резервы, «Газпром» своей ручной. Но мы выстоим! Нам помогут, мы, как форпост в борьбе с Кремлем, очень ценны, нашу энергию только направь, и мы в лепешку разобьемся, уши себе отморозим, но врагу нагадим!

Подув, он втянул в себя курящуюся парком доширачину.

— Потом — что Россия без нас? Ничто! Мы же ее отстроили и в тридцатые, и в пятидесятые, несмотря на голодомор и репрессии. Мы россиянам войну выиграли! Мы даже Устав ООН подписывали! Украина! Мы им все! Кормили, одевали, технологии — на, мясо — на, хлеб, химию, уголек, между прочим, донецкий. Космос! Да, космос, наш Южмаш. Оборона, ракеты, турбины, броня, ну, все! И такая благотворительность только от широты души нашей шла. От благородства. А они?

— Суки, — сказал Борисчук.

— Именно, — Вадик справился с остатками лапши, закусил огурцом и встал. — Я курить. Вера, ты как?

— Пас, — сказала Верка.

— Ну и ладно.

Вадик обиделся и с независимым видом вышел в коридор. Сунул сигарету в рот. Мерцающая лампа дневного света била по глазам.

Вадик зашаркал к окну у сортира, где утром курил Леха Кравченко.

Из комнаты, где обосновалась охрана из «Правого сектора», тянуло какой-то шмалью. Слышалась приглушенная дверью музыка.

Стекло хрустнуло под ногой. Вадик отбил шприц к стене, испытыва мгновенный укол страха, что игла шприца могла проткнуть кед.

Остановившись у окна, он сдвинул лист фанеры, закрывающий стекло, дотянулся до форточки, отщелкнул клювик задвижки. Мокрый осенний воздух дохнул ему в лицо.

Вадик зажмурился.

Да, подумалось ему, да, Украина возродится. Она уже возродилась. Она — это мы. А мы видим однозначно — нет преград украинской мысли. В каждой новости, в каждом комментарии...

Ослепительный, волнующий образ Украины возник перед ним. Женский силуэт с формами, похожими на Веркины, пророс в небо шпилями высоток, ошетинился стволами танков. Рубашка с синим узором. Юбка — пшеничная нива. Лицо слегка чумазое от дыма жженных покрышек. В одной руке — бита, в другой — кусок газовой трубы с вентилем. На правом плече — красно-черная повязка, на левом — тату со звездочками Евросоюза.

Прекрасная Украина.

Все ей подвластно. Парит она над миром, и весь мир с надеждой заглядывает ей в рот, спрашивает ее мнения.

А внизу копошатся путины, лезут вверх по ногам, по юбке, все пытаются дотянуться, усоветить, зомбировать, тычут иглами телебашен. Безобразная, дряхлая, сжавшаяся в комок старуха Россия, с которой путины перебегают, как блохи, держится рядом, вцепилась когтями в ступню, не отпускает, дышит газом.

Но недолго ей дышать!

Тряхнет Украина ногой, добавит битой, треснет старуха по шву, по позвоночнику, распадаясь на демократические куски...

— Сынок!

К стеклу с улицы прижалось женское лицо, морщинистое, с запавшим ртом и слезящимися глазами. Дрянной платок обжимал сидящую голову.

— Чего? — спросил Вадик.

— Хлебца, — женщина просительно подняла сложенную ков-
шичком ладонь, — хлебца бы мени, сынок.

Образ Украины в Вадиковом мозгу дал трещину. И чтобы тре-
щина не разрослась, не расколола видение, Вадик, надсаживаясь,
закричал:

— Нет у меня ничего, подстилка ты кремлевская!

Бум-м!

Он с хрустом вернул фанеру на место. Древесное полотно,
гнилой сучок закрыли женщину, и чем дальше удалялся от окна
Вадик, тем ослепительней и ярче, обретая фактуру, снова сияла
Украина в его голове, тучнела, подминала под себя мир, станови-
лась непобедимой, могучей, необъятной.

Правда, к образу примешивался не слишком изящный, иду-
щий от сортира запах, но это можно было перетерпеть.

СОЛНЫШКО НА СНОСЯХ

1

Конец января 2015 года.

Вот и первые полгода моей войны пролетели, вжикнув злой пулей у виска. Разгар зимы на дворе. Холодно и неуютно. Что в окопе, что в засаде. Мороз и оголтелые ветродуи сменяются оттепелями и обильными снегопадами. И наоборот.

Мы стоим на горе. Мы стоим на блоке, на мосту. Мы стоим на «Ратиборовских дачах», Николаевке, Пионере, Хрящевке, Новокиевке... Максимум семьдесят активных бойцов на двадцать два километра фронта. Да еще и «за речку» ходим регулярно. Чтобы укрупы не возомнили о себе невесть чего. Семьдесят, это уже неплохо. Осенью нас было сорок шесть человек. И три попытки прорыва только на моей памяти. Во была веселуха. Но об этом потом как-нибудь.

«По запросу», разъясняем нацикам в Станице, из батальона имени Кульчицкого в частности, правила хорошего тона. Трофеи идут помаленьку. Джипы там, стволы, БК, кевларовые каски и броники, спешно брошенные при драпе «священные» флаги майданных сотен... Это у нас.

У них, преимущественно, черные полиэтиленовые пакеты с двухсотыми и надрывно воющие машины скорой помощи с ранеными. А не хрен, понимаешь, не зная броду и не спросясь у старших. Тут тебе не здесь, ёпть. «Чернигов» и ВСУшники, практически не скрываясь, откровенно скалятся и злорадствуют по этому поводу. И передают нам через мирных из Станицы, огромный ОК. Такая вот у них «любовь» друг к другу. Фронтное братство.

Параллельно отправляем парней в Санжаровку. Потом вторую смену, третью... Возвращающиеся пацаны рассказывают разное. Каждый о своем. Но знаменатель всегда один — мясорубка.

Что-то зреет под Дебалью. Давит, плющит. Мишу Чечена не видим уже почти месяц. Он плотно прописался в Санжаровке. Что называется — дорвался атаман до бесплатного. В распоряжении Док. При наборе очередной смены, на утреннем построении, проблема у него только одна — крайне убедительно послать в пешее эротическое путешествие всех желающих пробраться к Чечену без очереди. Это ему с трудом, но пока удается. Пару раз послал и меня. Мне это показалось нетолерантным, и в голове начала зреть интрига...

А как дальше-то рассказывать? С чего начать?

Ну не помню я точно, когда в моей жизни появилась ОНА. Помню только, что нечастые ее приезды (после краткого, но строго обязательного конфетно-букетного периода, тут с этим не шали) никак не нарушали устоявшийся порядок вещей. Днем приехала, рано утром уехала. Скользнула как наваждение, оставив после себя на подушке податливо исчезающий аромат нездешнего парфюма — и все.

Была — не была?

И вдруг...

— Витя, я тебя люблю. Очень-очень. — оглушительно прошептали ее распахнувшиеся во весь мир глаза. Мое сердечко трепыхнулось испуганно и заскреблось в межреберье, суетно выскивая местечко поукромнее.

— Глаза не умеют шептать, — долдонила в мозгу несуразная мысль.

— Люблю! — шептали ее глаза.

— Я... это... — хриплым клекотом пробивались комки междометий из мгновенно пересохшего горла.

— Молчи, придурок! Урод! Заткнись! — давили остатки разума идиотские мои попытки тут же что-то ляпнуть в ответ.

Замычал бессильно, ткнулся носом в разметавшуюся гриву ее волос. Вдохнул всей грудью сносящий чердак напроць, одурманивающий сладостью своей, аромат ее кожи.

— Ё-ма-ё, что ж теперь делать-то?!

Тонкие, гибкие змеи ее рук, невесомо обвили мою шею.

— Ви-т-тя-я... — жарко опалило скулу ее дыханием.

— Лю-би-мый мой...

— О чем-то я должен был подумать. Чего-то сказать вроде. — промямлил из последних сил отключаемый за ненадобностью мозг. И жалобно пискнув напоследок, почил в бозе.

Ощущение бесконечного счастья и абсолютно незаслуженного наслаждения, клубясь, наполняло хрустальной своей чистотой и прозрачностью каждую клеточку моего несуразного тулова. Медленно и неохотно зашевелились ленивые мысли в голове. И что характерно, сцуко, предельно трезвые. Рациональные.

Спасительно чиркнул кремень зажигалки в темноте, заалел уголек сигареты. Шумно и глубоко затянулся, выскивая нетравматичные фразы.

Надо что-то говорить. Что? Варианта всего два — или правду, или приятно. Врать — невозможно. Выдохнул. Ну что, поехали?

— Солнышко мое. — пробилось на белый свет привычное ёрничание. — Не поверишь, но у меня всего одни запасные штаны в закромах и одна горка. Парадная, для штабов. На этом, с приданным — ВСЁ. Автомат, «Фаготик» и прочее железо, не в счет. Вряд ли оно станет серьезным подспорьем в нашей будущей счастливой жизни. Я — нищий. Понимаешь? Пока война — ладно. Не я один такой. А потом? Дальше. И сегодня, и в предыдущие твои приезды, не было ни одной ночи, чтобы мы с тобой не замирали настороженно, отслеживая канонаду укроповской арты. В прошлое свидание, в сотне метров от нас, дом разнесло в щебенку. Помнишь? Подожди, не кусайся. Ой, ну честно, больно. Тогда я спал по «полной боевой», и удовольствие от твоего приезда было (для тебя же, в первую очередь) весьма сомнительным. Дальше. Пару раз ты меня уже провожала в «поля», обвешанного с ног до головы всякой военной трихомудией. И мы оба понимали — вернись-нет, тот еще вопрос. Чего? Да целую, целую. И глазки тоже. Ну подожди, дай сказать. Война, понимаешь? Война. Ну нет у меня права любить и обещать своей ненаглядной будущее. Какое может быть будущее у птурищика?

— Я буду молиться за тебя, — колдовским мороком скользнул ее шепот в ухо. Я напрягся. Возможно товарищ не до конца понимает. Ну правильно — в ее-то годы.

— Наверное я плохо объясняю, — упрямо наливался радужным тугой горошек желания истины.

— Послезавтра в Санжаровку едет очередная смена. Доктор не пускает, гад, но это его проблемы. А я еду по любому. Ты просто поверь на слово — сейчас я предельно честен. Это — Дебаль. Оттуда, через раз, возвращаются не все. Там что-то очень серьезное затевается.

— Я буду молиться за тебя, — скользнул по шее теплый ручеек ее слезок. Меня передернуло от несуразности происходящего и от невыразимой нежности к этому, удивительно родному, теплому комочку, доверчиво распластавшемуся на моей груди.

Шмыгнула носом, прильнула вся так, что и вздохнуть стало страшно.

— А ты? Любишь? — и затаила дыхание, ужасаясь высказанному.

— Мать! Мать! Мать!

Да что же это такое-то?! Ну жил же себе тихо-мирно. Там взорвал че-нить, тут пострелял слегонца — ни забот тебе, ни хлопот. Милое дело. Нет, блин. Нам без геморя скучно. Нам без страстей никак. Ну, на. Хавай, дебил, полной ложкой. И чего делать теперь? Кака-така любовь в твои-то годы, лишенец?! Ты в зеркало на себя смотрел, вообще?! Ну вот что ей сказать? Ой, мамочки!

— Люблю! — с изумлением услышал свой срывающийся хриплый голос. — Люблю. Сявка ты малолетняя, сопля противотанковая. Ну откуда ты взялась на мою голову?

— Я знаю. — прошелестело в ответ.

Я только крякнул обескураженно.

— Но ты понимаешь, надеюсь, что все наши желания и существующие реалии, это, как минимум несовместимые...

— Молчи, глупый. — легла мне на губы прохладная ее ладошка.

— Есть мы. Есть Господь. Он нас любит. Все будет хорошо. И я буду молиться. За нас, за наших будущих малышей. Все будет хорошо. Я так чувствую. Ты что, не понимаешь?

Ну что тут скажешь? Я сдался и понял — это навсегда. И тут же облегченно заснул. Кисмет, блин. В смысле — судьба.

Нет, ну вот как ни крути, а дико приятно быть записным алкогольным монополистом. Когда у всех без исключения, денег ноль за любую попытку мародерки фаберже моментально развешивают по противоположным сторонам улицы, а душа требует. И почти все знают, что у Дона — есть.

Во-первых, потому что он до неприличия малопьющий. А во-вторых, его гадские питерские друганы не упускают ни единой возможности передать этому самому мироеду Дону на удивление качественный продукт. А именно, коньяк и спирт. Причем непосредственно с завода. То есть, ну совершенно неразбодяженный. Причем канистрами. Причем регулярно.

Тяжело служить в казачьей сотне с осознанием такого вот жизненного перекаса. И ведь что особенно обидно — в козырных корешах у него ходят одни, а трубы горят, что характерно, совсем у других.

И хрен ты ему, этому самому Дону, чего объяснишь. Ежели ты не кореш, конечно.

Камаз числился в корешах.

Поэтому, периодически побряхтывая от своей недельной давности солидной контузии, полученной в Санжаровке от свалившейся практически прямо на голову ракеты «града» (благо, боеголовка затупила, не сработала), любил он вечерком заглянуть ко мне на огонек. Ну а я друзьям завсегда рад. И этот разговор у нас пошел привычно, по накатанной.

Чего это вдруг «за речкой», укропы движухой озадачились? Когда хотя бы по жратве вопросы устаканятся? Кто у Язвы в очередных фаворитах ходит (бедолага)? Ну и так далее.

Я трудолюбиво, не скупясь, наполнял стопарики и плавненько подводил вопрос к насущному.

— На следующую смену как, едешь?

Камаз обиженно (с трудом правда) сфокусировал на мне возмущенный взгляд.

— А то!!!

— Тебе клево. Ты у Миши в корешах. А меня Док на хер послал. Сказал, что понты колотить в окопах желающих хоть жопой

ешь. А здесь говно разгрести тоже кому-то надо. Почему как дерьмо разгрести, так я? Три смены уже мимо пролетели. Как считаешь, справедливо?

Саня задумчиво задумался и не менее задумчиво опорожнил очередную порцайку «шерри бренди».

— Несправедливо конечно. Наверное. Но Док, он же командир, — и задумчиво покачал пальцем в воздухе. — Он знает, что говорит. Опять же, Миша. Как скажет, так и будет. Ну, ты же знаешь. Тут, сам понимаешь, все не просто так.

Я понял, что надо торопиться.

— Короче, Склифосовский. Завтра утром, на построении, Вова должен назвать мой позывной среди тех, кто едет в Санжаровку. И это — твоя забота. Или ты мне не друг. Цена вопроса — ОДИН ЛИТР КОНЬЯКА! Сразу. Сейчас. Если Доктор этого не сделает, без обид, я тебя не знаю. Вопросы?

Камаз шумно вздохнул, проникаясь глобальностью предстоящего.

— Не, ну я поговорю, конечно, — увещевающе забормотал он. — Но ты же знаешь Дока. Миша, опять же. Рулит-то он.

— Или да, или нет, — поднял я канистру с вожделенным напитком и плавно, с четко обозначенной обескураженностью, стал медленно опускать ее, мимо похотливо раскрытой фляги, на пол.

— Стой. Договорились, — резко оживился Саня, явно ощущая себя законодателем сепарского лобби в Верховной Раде. — Сказать, скажу. Стой!!! Да сделаю! Сделаю, твою мать!

Я готовно набулькал обещанную литруху.

— Только давай так, братан, — значимо закручивая пробку, рассудительно взвесил я емкость в руке. — Пацан сказал, пацан сделал.

— Да пошел ты. — обиженно поджал губы Камаз.

— Хорош попусту терки разводить. До утра, короче. Бывай.

3

Ну что, граждане бандиты, алкоголики, тунейдцы. Озвучиваю следующую смену на Санжаровку, — метался осипший Вовин голос на пронизывающей февральской поземке.

Мы, скособочившись в редком строю и вразной скрадивая неумную утреннюю зевоту, рассеянно внимали.

— Едут. Таджики, Черкас, Ирбис, Соловей, Бодрый, Хорек, Злат...

Я, прижмутив глаза от ветра, ждал своего позывного. Тем более, что рядом с Доком, с понтом дела приобщенный, терся Камаз.

— ...Алик, Малой и Манюня. Это все. Кто в отказе, выйти из строя.

Сонливость с меня слетела моментально.

— Литр коньяка! За просто так! Ах ты, жопа!!!

Задымившийся от моего застенчивого взгляда Саня обескуражено повел плечами.

— Все что мог, брателло. Все, что мог. Вон Миша приехал, вон Док. Ну уперлись вглухую, — более чем красноречиво говорил его согбенный силуэт. Меня это как-то не грело, совершенно. Пока Доктор зычно вещал что-то из ежедневного и судьбоносного, я аккуратно прихватив Камаза за рукав, навис над его посиневшим ухом.

— Саня. Или я еду, или ты навсегда забыл дорогу в мой кубрик. Зуб даю. Веришь?

— Отвали, — оскорбленно дернул Камаз щекой и демонстративно пошел напрямик к разглагольствующему Вове. Тот на секунду прервался, с недоумением прислушиваясь к громогласному Саняному бормотанию.

— Не, ну реально. Пускай Дон едет. У нас там на высоте станков, только брошенных прошлыми ухарями, три штуки. А из птурщиков — один Тоха. Да и тот Донов ученик. Пускай едет. Опять же, какие ракеты обратно домой везти, а какие хлам отказный, металлолом, кто скажет? Мишаня, скажи. Тут в располагае, по любому, Узбека хватит. Ну че, я не прав?

— И Дон, — подбил баланс Доктор и хищно уставился на меня. — Но если ты опять начнешь свою бодягу гнать, что все не так и все не то, пинками вышибу обратно. Все. Разойдись.

— Солнышко мое, ты где? — неестественным сюсюканьем проскреблась по мембране мобилы моя приветственная фраза.

— Я дома, в Ольховой. Под арестом, — раненой чайкой откликнулся ее голос. — Представляешь, мама сказала приехать на пару дней, а теперь меня вообще на улицу не выпускают. Сказали, что нечего шариться с кем ни попадя, и вообще, обратно в Луганск хода нет. Укропы опять Барбашовку перекрыли. А я не могу без тебя. Я умру.

— Тихо, тихо. Спокойнее. — отозвался я. — Торопиться тебе по любому смысла нет. Уезжаю я. Ну, помнишь?

— Роднулька, роднулька, роднулька. — зачастил, обмирая от ужаса, ее тонкий голосок. — Ну зачем ты лезешь сам? Ну зачем? Все. Все, молчу. Молчу, — наливалась с трудом сдерживаемыми рыданиями трубка в моих руках. — Я не буду. Я помню. Поступай, как считаешь нужным. Только звони мне хотя бы иногда, ладно? — давился сорвавшийся голос наспех сглатываемой слезой.

— Мы мобилы дома оставляем. Так надо. Вернусь, наберу. Угу? — уже искренне тяготясь, отозвался я.

— Я буду молиться за тебя, помни. Я — твоя Берегиня. Витя-я-я-я... — рванулось прямо в сердце истовое бабье половодье.

— Все. Пока. Целую, — пробормотал, зажмурясь, и нажал отбой. Вот умеют тетки создать нужное настроение, чтоб им повылазило. И сплунув досадливо, пошел собираться...

4

И вот мы снова дома. Черные, грязные, злые. Смертельно уставшие. Неделя прошла — как жизнь. Не все вернулись. Не все. Сука — война. Я не стал ей звонить сразу, понимал — нельзя. Не человек я сейчас — зверь оскаленный. Какие уж тут уси-пуси.

Ввалился в кубрик, сгрузил железо в угол, сел за стол, уронил башку на руки. Ох, как тошно-то.

Ночь на дворе. Тихо.

— Странная тишина какая. Тьфу-тьфу, не накаркать бы. Ладно, спать. Сутки из-под одеяла не вылезу.

Шагнул к кровати, не разуваясь, не раздеваясь, плюхнулся сверху на покрывало — спа-а-ать.

Что-то легонько щекотнуло обоняние. Что-то не из этого мира, где только грязь, пот, кровь. И смерть.

Неземное что-то.

Ее запах.

Как током по оголенным нервам, как бабочка на пепелище. Солнышко мое...

Заворочался, поднимаясь. Лежать в закопченной, драной, пропахшей насквозь войной Горке, на кровати, где была Она? Немыслимо!

Через час чистый, выбритый, благоухающий, я ловил трепещущими ноздрями с подушки эфемерные струйки Ее аромата. Вот оно, счастье! Скорее бы — завтра.

5

Солнышко мое, здравствуй. Ты как, ты где? — ворковал я в трубку, улыбочиво шурясь от предвкушения ее голоса и от утреннего лучика, игриво щекочущего прикрытые веки.

— Родненька, родненька, — встревоженным чибисом забился, заголосил телефон. — Ты где? Ты уже дома? У тебя все нормально? Ты не врешь? Честно-честно? А ребята? А вы давно приехали? Чего ты молчишь? Чего ты молчишь?!

— Жду, пока ты дашь мне слово вставить, — ощущая расплывшуюся по всей роже идиотскую улыбку, счастливо выдохнул я. — Женька, я соскучился. Приезжай, а?

— Я не могу сейчас, родненька, — всхлипнула горько трубка. — «Торнадо» в Станице, на автостанции блок поставили. Не пускают вообще никого. И мама из дома не выпускает. У нас, из Ольховой, вообще маршрутки никуда не ходят. Завтра в Станицу дядя Коля едет. Я попробую с ним договориться, может подвезет. Говорят, вроде по полям к мосту люди пешком проходят. Я попробую, ладно? Я так соскучилась! Я не могу без тебя больше!

— Я тебе дам поля! Я тебе попробую! — мигом стряхнуло с меня истому. — Не дай Боже, сунешься куда пешкодралом! Только через блок. Только по паспорту. Ты меня хо-ро-шо-по-ня-ла!!!

— А что случилось, Витя? Люди же ходят. Я аккуратненько, потихонечку.

— Так, выдра. Слушать меня внимательно. Сидеть дома и не высовываться, пока укропы по нормальному не станут на мост пропускать. Как поняла? Не слышу!

— Ну почему, роднулька? Почему? Ты не хочешь меня видеть?

Я, зажав трубку в кулаке, яростно выmaterился в голос «большим боцманским загибом». Потом выдохнул и оч-чень спокойным голосом повторил, давая в телефоне встревоженное чириканье.

— Же. Ня. Ты сидишь дома и ждешь, пока на Луганск нацики не откроют нормальное движение. Все подробности потом. Как поняла?

— Хорошо, я постараюсь. Я очень-очень соскучилась. Мне так плохо без тебя. Скажи мне еще что-нибудь?

Блин, блин, блин!!! Что тебе сказать, глупенькая? Что вчера укропы, ясным днем, втупую двух теток прямо на насыпи завалили? Они тоже в Луганск хотели.

— Да не «постараюсь», мымра болотная. А «так точно, мой Господин»! Я тебя прибью когда-нибудь! Или брошу, нахрен! Нет — прибью!

— Я все поняла, роднулька моя. Я постараюсь. Ты мне когда позвонишь? Я буду ждать.

Я подошел к стенке и размеренно стал стучать ею об свой толконный лоб. Дом встревожено загудел.

6

Две с лишним недели ей было не прорваться ко мне с того берега Донца. Я думал — сдохну. Ежедневная пытка по телефону только усугубляла страдание. Два раза она сбегала из дома и пробовала пробраться к мосту, дожидаясь милости от укропов, в промерзшей до костей толпе мирных на блоке. И искала обходные тропки. А потом горько жаловалась мне, что не получилось. Я покрывался холодной испариной и не знал, кому молиться.

Но нет худа без добра.

За это время мы отъелись, отоспались и стали более-менее похожи на человекoв. Язва стала реже носиться по всем домам с горстями таблеток и патронташами шприцов крест-накрест на могучей своей груди. Снова пошли боевые дежурства. Мои навыки работы с ПТУРом оказались востребованы в немного неожиданном ракурсе. Но с приятным результатом.

И тут наконец-то...

— Роднулька мой, слышишь меня? — с ликованием зазвенел колокольчиком ее голосок в телефоне. — Я прошла Барбашовку. Ты сможешь меня встретить на мосту?

Через две минуты я уже срезал лысой резиной своей «копейки» пышные сугробы на обочинах поворотов сроду не чищенной дороги на луганскую трассу. Что там «Форсаж»! Детский сад.

Я скреб ногтями по заиндевевшему лобовику, прогрызая мизерную смотровую щель, и подвывал от нетерпения. Неужели сбьются?!

Парни на мосту горохом сдриснули от кубарем скатившегося на них с горы жигуленка.

— Херня, пацаны, — заорал я, выскакивая и волоча за собой чехол седушки, зацепившийся при «десантировании» за ствол автомата. — Тормоза придумали трусы. Ну чего, пошел мирняк?

О моей проблеме знали все. Мужики, беззлобно ухмыляясь, дружно закивали.

— Пошел, пошел. Ромео, блин. Иди пока к бочке, грейся.

Какая на хрен бочка?! Где мое солнышко? Где?! Пять минут — нету. Десять — нету. Блин, сейчас один пойду к укропам и разнесу там все к чертовой матери! Укрыл огонек зажигалки от стылого ветра и нервно прикурил. Затянулся, распрямился... и забыл, что надо выдыхать.

По мосту ко мне бежала Она!!!

Я видел только ее глаза. Одни глаза.

Ребята. Не дай вам Бог такое пережить. Дай вам Боже пережить такое, ребята!

Ну это, если очень повезет!

Нет слов...

Оней я могу писать бесконечно. Но это эмоции. Отложим пока. А по сути. Мне не семнадцать лет. Меня развести — дохлый номер. Что на «люблю до гроба», что на «мы с тобой одной крови — ранетые, переранетые».

Тем более, в Питере якорёк имеется. Лялька моя. Солнечная девочка — кошмар для окружающих. Мой характер. Кровь с пузыриками. Хочешь узнать, что она будет делать, просто скажи — нельзя. И вызывай МЧС. Кровиночка моя.

С этим как?!

По самонадеянности своей с годами думалось мне, что я что-то стал понимать в женщинах.

Ну это ладно — грабли на все времена для любого мужика.

Короче. Как я повелся — непонятно. Да уже и не очень интересно. «Это есть факт, месье Дюк».

А Она-то?

Ну кого любить? Меня, что ли? Ну за что???

Сначала все было как у всех.

— Хочу? Счастья хочу. С любимым. Чтобы на всю жизнь!

И гримаска, как в каком-то шоу. Типа — Дом-2.

Попросил сформулировать поконкретнее — задумалась надолго. Подсказал.

— Штоп фсё в шоколаде? Жить, чтобы жрать?!

Обиделась, больно ткнула кулачком в... в общем, нашла куда.

Тут нюанс. Семья — крепко верующая. При всем моем сложном отношении к баптистам — умеют они дать людям смысл в жизни. В противовес власти. В общем, жили не тужили. И дом — полная чаша, и с пониманием себя все в порядке. Во всяком случае — понятия «грех» и «поступить не по-Божески» были основным нравственным стержнем. Хотя, почему — были? И сейчас так живут. Кому как, а для меня этого более чем достаточно. И дальше жили бы.

Да вот угораздило их оказаться «в зоне АТО».

А Женька моя православная. Как и я. И опять же, очень осознанно. Формализма — ноль. Пока сам в этом деле до конца не

разобрался. Все больше насущное как-то интересовало. Где-то даже нательное. Ну, вы понимаете.

Опять я отвлекаюсь. Все не о том.

Два раза за прошлое лето война через их село прокатилась. Только косточки хрустели. Прокатилась и осталась. А лето было — еще то. Это сейчас мы на небо без опаски поглядываем. А тогда... Даже вспоминать не хочется. Укроповские СУшки просто по головам ходили.

И все равно. Мирные, они и есть мирные. Ну совсем ведь не при делах. Были.

Ну да, не устраивало ее, что пришли ВСУ и сказали — будет так.

Ну да, корежило ее, что старики, женщины, дети, гибнут как «побочный эффект АТО». И что между ее домом — Станицей и колледжем в Луганске возникла не просто граница — линия фронта. Мало радости, тоже понятно.

Но! Она одна что ль такая?

Ну сиди себе дома, бухти на кухне.

Так нет же, чисто возрастное: «Надо что-то делать». И понятно — ополчение, костры в бочках, стволы на выбор... Романтика, мать ее.

8

А может, я ревную? Хотя, где я, а где ревность? Я ж ее, дуру, люблю!!!

Ну, в общем — «Но пасаран» — в полный рост, само собой, а только соцсети никто не отменял. Зашла в очередной раз, и тут во весь монитор наглая моя харя.

С понтом дела — «В виде исключения, познакомлюсь».

Обалдела слегка. Спросила:

— А почему «в виде исключения»?

Ответ — увидимся, объясню. Но твоя фигурка уже вызывает у истосковавшегося, кровь мешками проливающего, свирепого ополченца вполне определенные ассоциации.

Посмотрела фотки, хмыкнула:

— Ну, чаем угощу.

И завертелось.

Не, я понимаю — любопытство губит кошку. А тетки — те же кошки. Только любопытство ее очень быстро сошло на нет, уступив место чему-то гораздо большему.

Эх, знал бы, во что вляпываюсь, может и убежал бы куда-то дальше. Ну а чего — нормальный рефлекс нормального раздолбая. На фига мне на войне эти запутки с нежностями?

Очень плавно и незатейливо в моем кубрике прописались ее флакончики-бутылёчки и прочие ажурные тряпочки.

И вот тут пошли всяческие но.

Все ее близкие практически единогласно объявили бойкот. Особо в детали не вникали.

— Или ополчение, или мы.

И у меня в распоряжении тоже все не очень гладко. Мои парни здороваются, конечно, но достаточно отстраненно. А что тут скажешь? Кто она им?

Понятно — слезки. Совсем детские.

— Я у тебя в доме — чужая.

Объясняю помягче:

— Это для меня ты родная. А для пацанов моих просто командирская подружка. Хочешь стать другой, своей — сделайся нужной. В идеале — незаменимой.

— Но я же ничего не умею.

Обнял, успокоил, привел в пример немногочисленных жен парней, которые смогли найти себя в подразделении. И не только как привычную семейную обузу для бойца, но и как полноценных помощников. На войне, все умения — в ёлочку.

Ободрил душевно.

— Не умеешь — научим. Не хочешь — заставим. Гы-ы.

Улыбнулась светло.

— Конечно хочу.

Вот это другой разговор. А с хомутами у нас никогда проблем не было. Была бы шея.

Весна пришла. Тепло. Птички чирикают. И что-то меняться стало. Она второй месяц от ноута не отлипает. Трясет с меня болванки характеристик, различных справок.

— Давай, объясняй, родненькая. Ребятам надо.

Несут парни ЛПР.

— Жень, поищи в тырнете ТТХ. Чего тут хоть крутить? Ночники несут, дневную оптику. Все же — трофейное. Какие тут инструкции?

— Дон, пристрелочные таблицы поширишь?

Киваю на Женюку.

— Всё к ней, парни. Я ни бум-бум.

Солнышко возмущенно вскидывает взгляд. Довольно показываю язык.

— Просила? Работай!

В гугл-мапс днюет и ночует. Сетка расстояний до целей, маячки, Гаусс-Крюгер...

Миша зачистил.

— Короче, Витя. Фотик у тебя видели приличный. Парням надо корочки соорудить. Сделаешь?

— Сделает, — и охотно киваю на ненаглядную.

— Угу, лады. Скажу пацанам, пусть подтягиваются фоткаться. И это. Из штаба опять кучу бумаг привезли. Разберетесь?

Ну а куда мы денемся, если в нашей сотне всего один комп с принтером и один человек с зашкаливающей мотивацией на эту работу. Женюка. Все остальные бегут от канцелярщины, как черт от ладана. Включая и Мишу с Доком. И меня, грешного.

А по ночам, прижимается всем телом.

— Вить, я такая счастливая.

Хмыкаю довольно.

— Да нет проблем, солнышко. Этого счастья у тебя теперь будет — выше крыши.

— Я не об этом, глупенький. Мне с тобой так хорошо! И ребята по-другому относиться стали. И вообще, знаешь, наш взвод самый лучший. Честно-честно. Я когда из Луганска возвращаюсь, так и думаю — домой еду.

— Ха! Кто бы спорил! А это чего у нас тут такое? Ну-ка, ну-ка...

И понеслось по накатанной.

Конец мая. Вторую неделю тишина непривычная. Очередная ротация прошла у укропов — тихо. Командиры раскидали нас всех по высоткам. Сидим-наблюдаем-ждем. Тихо. За месяц, всего два раза станок расчехлял. Ладно хоть не впустую. Ну, ДРГшников пару раз ловили. И все. Это чего у нас, кончилась война, что ли?

Посидел, наморщил ум, поскреб по сусекам. Небогато весьма, но вроде лепится. Подошел к Мише.

— Командир, как ситуация на ближайшие две недели? Чего наши генералы говорят?

Посмотрел удивленно.

— На предмет чего интересуемся?

— Да Женьку хочу на море свозить. Отпустишь?

Ухмыльнулся понимающе.

— Ну да, ну да. А если бы не девушка, ты бы ни в жизнь, конечно. Так, что ли? Ладно. Две недели хватит?

— Без проблем, командир.

— Чего с деньгами?

— Разберусь.

— Ну езжай. Время пошло. Кого за себя оставил?

— Витю-Браконьера.

— Годится. Все. Пока. Вернешься, будет разговор. Бумаги пришли на батальон. Расширяемся. Поедешь в Луганск принимать дела. И будешь ты у нас начальником штаба.

— Не-не-не, Миша. Я — пас. У меня ПТУРЫ. Пацанов учить надо, то да сё...

— Да кто же тебя, родной, спрашивать будет? Забудь про казачью вольницу. Все, проехали. Кругом-шагом-марш!

И вот оно — МОРЕ!

Цены на все не то, чтобы удивили — ошарашили. Это если снимать жилье, нам через пяток деньков можно будет обратно собираться. Сели, покумекали. Благо, палатка и спальники

с собой были. Нашли турбазу со своим спуском к берегу, договорились за денежку невеликую у них лагерем стать и душем пользоваться — все, живем.

У парня из obsługi, Сани, в домике плита газовая. Можно готовить. Совсем хорошо.

И полетело времечко.

Все бы ничего, а только накатывало временами. Ходят люди по улицам. Улыбаются, на солнышко щурятся, проблемки свои решают. А ведь война совсем рядом. Война. Нет, ничего. Никого не плющит. И только чувствовали мы всегда стенку такую при общении. Как кокон прозрачный. Или — река. И на разных мы берегах. На разных. Особенно, когда в камуфле по вечерней прохладе в город выбирались. А откуда у меня «гражданка» возьмется? Шортами разжился, и то ладно. Смотрят на нас с удивлением и понятно — чужие мы здесь.

Марсиане.

Или прокаженные.

Ну и ладно. Сгоняли на рынок, овощами-сыром-домашним вином затарились, и не нужно нам никого. Есть солнце, море. Не стреляют. Что еще надо для счастья?

Пошел к Сане в очередной раз чайку сварганить. Сижу, жду пока закипит. Захрюкал телефон в кармане.

О, Черкас. Никак соскучился?

С ленивой истомой бормотнул в трубку.

— Здорово, Тоха! Чем порадуешь?

— Беда, командир. — тревожнодохнула войной мобила. — Женькин батя и братишка на мину в Станице напоролись. Оба двухсотые.

Я где стоял, там и сел. Выдохнул резко.

— Дальше говори.

— Мы пока сами толком ничего не знаем. Вроде укрупы обещали на Троицу через мост народ в Луганск пропустить. Полдня промурыжили и как всегда — отбой. А Женькины родичи втихую, по зеленке, в обход пошли. Тропки-то набитые. Ну и нарвались. Трое их было. Один, младший, вроде целый. Ты Женьку, главное, не пускай сюда. Ей же сейчас звонить начнут. Она сдуру домой на

похороны ломанется, там ее и примут по полной схеме. Ну, вроде все пока. Давай командир, держитесь там.

— Принял. — скривил онемевшие губы в застывшей гримасе.

Что ж ты творишь, жизнь-паскуда?! Ну неужели мы и капельки спокойного счастья не заслужили?!

Бесконечные пятьдесят метров грунтовой дорожки к палатке на свинцовых ногах. Взгляд, как приклеенный, уперся в обочину. Что сказать? Как сказать? Где слова-то найти нужные?!

На подходе напрягся весь, взглянул на нее. Сидит на корнях можжевельника, застывшие глазищи в пол-лица, взгляд в никуда, а по щекам дорожки слез. И молчит. Так молчит, что хоть волком вой.

Все ясно. Знает уже.

Страшно мне стало. До жути, до судорог.

Выдержит ли ее сердечко маленькое? Что там сейчас у нее внутри?

Подошел, присел рядышком, коснулся плечом невесомо. Тихонько обнял.

Ткнулась носом в шею, тело мелкой дрожью пошло.

— Витя-я-я... Папочки больше нет совсем. И Даника. Мама только что звонила.

И заскулила тихонько, как щеночек брошенный.

Сжалось все у меня внутри. Спеклось в комок. И вскипела волной в мозгу такая ненависть черная, такая злоба лютая, что ужаснулся самому себе. Такая жажда крови накатила, что глотку спазмом перехватило.

— Мало я вас, сук рваных, уgomонил? Мало?! Ну ничего, дай-те только до своего железа добраться. Рассчитаюсь. За все рассчитаюсь. Сполна!

11

День прошел, как в тумане. Второй за ним, третий. Вроде как что-то по сторонам замечать стала. На слова реагировать. Мухой метнулся за вином. Посидели. Помянули. А денежки-то уже того, тью-тью. На исходе. И чего делать? Куда ее такую, домой везти? Не привязывать же в располагае к кровати, чтобы не

сбежала на тот берег. И ведь сбежит. Недельку бы еще здесь пожить, глядишь, и в себя приходиться начнет. Надо искать денег. А где? Доброхотов в том же телефоне — пруд пруди, а друзей, таких, чтобы с деньгами, да не взаймы, не на время, считай, что и нет.

Набираю Луганск, Глеба. Он слушал минуту, примерно.

— Все понял. Держи телефон при себе. Через часок тебе перезвонят. Деньги есть куда перевести?

Перезвонили. Поздоровался человек, представился, попросил номер карточки. Уточнил сумму.

Утром я уже снимал деньги в банкомате...

И вот мы снова во взводе. Зашли к себе, кинули рюкзак на пол. Женька облегченно вздохнула: — Дома! — И глядя на меня счастливыми глазами: — А мы где венчаться будем? А когда?

Обвенчались мы примерно через месяц.

Но сначала похоронили Витю-Браконьера.

И все у нас было правильно. Смерти назло. И подвенечное платье (правда, из «березки» перешитое), и кольца обручальные (с чекой от эфки), и традиционное шампанское (прямо на позиции, под навесом-дуршлагом от осколков, во дворе раздолбанного в мясо дома).

12

Ну, то есть, за что я ее люблю — понятно.

А меня-то за что?!

За что любить вахлака, который уводя в ночь с «глазок» всех своих парней, на очередную облаву на ДРГ, переправившуюся полусотней лбов с того берега, сунул ей два бушлата, ПМку и показав на квадратный люк подпола, сказал: — Сидишь здесь, ждешь нас. Любого, кто сунется не обзавясь, валишь сразу.

Кивнула молча и затаилась в уголке хаты, в наливающихся сумерках. И я знал — сделает, как сказано. Благо, стреляет неплохо. Сам учил. Сказал и увел парней на развилку дорог, что мне Док нарезал. Какие у меня тогда кошки на душе скребли, никто никогда не узнает.

За что любить уроды, который, объевшись штабными «коврижками» до рвоты, внаглую свинтил на гору над мостом, к своим парням? И две недели сидел там, счастливый, что спихнул на «свое солнышко» все бумажные дела. И носился со своими ПТУ-Рамаи по окопам, как дурак с писаной торбой. Мачо, блин. А она звонила по пять раз в день. Горько плакала в трубку, что больше не может. Что у нее ничего не получается. И спрашивала, когда вернусь.

А я врал, что скоро. Как только приказ — так сразу. А она снова звонила и радостно сообщала, что договорилась с парнями, везущими к нам БК. И ее берут с собой.

А через час у нас на мосту случился тяжелый трехсотый. И в больничку его вывозила именно эта машина. Под обстрелом. С невыгруженным БК. И Женька была там, с ними. А от моста, в гору, минимум четыреста метров абсолютно простреливаемого с того берега участка дороги. В тот раз я впервые узнал на своей шкуре, что это такое — «хватил кондратий». А она опять звонила и просила прощения, что не получилось до меня доехать. Совсем капельку. И снова хлюпала в трубку.

Как понять этих теток? Мне кто-нибудь объяснит?!

И совсем уже недавно, павой вplyвая в нашу комнату, такая загадочная-презагадочная, вся светясь изнутри, сощурилась лукаво и обмирающим от счастья голоском сказала, что наверное завтра ей будет чем меня сильно удивить.

— Тоже мне, теорема Ферма, — хмыкнул про себя. — Какой-такой ужасный секрет может сообщить любимая женщина, своему недотёпе-мужу?

И изобразил рукой в районе пуза примерно пятнадцатимесячную беременность.

Накинулась, почти серьезно молотя кулачками по моей бестолковке. Попыталась обидеться, надув губки. Не получилось, конечно.

А в следующий полдень, как величайшее сокровище, предъявила мне на ладошке какие-то две полосочки мутно-загадочного цвета.

Я понял — свершилось! И тут же сгрел ее к себе подмышку.

Поскреблась, устраиваясь поудобнее и затихла умиротворенно. В ожидании.

Я понял — нужен спич.

— Солнышко мое, — начал, прокашливаясь и собираясь с мыслями. Она высунула носик наружу и смешливо приснула в кулачок.

— Ага, солнышко. На сносях.

— Ну да. А что, клёво. «Солнышко на сносях!» — с наслаждением перекатывал я на языке этимологическую жемчужинку. — Короче. Слушай сюда. Теперь мы — бессмертны. Ну что, будем жить?!

Женька готовно, трубочкой, вытянула для поцелуя губки мне навстречу.

В груди моей лопнул горячий светлый ком, и золотыми светлячками, искрясь, заструился по жилкам.

БУДЕМ ЖИТЬ!!!

ИСПОЛНЯЮЩИЙ ОБЯЗАННОСТИ

Учительница литературы стучала по доске мелом. — Запомните на всю жизнь! Проверочное слово для «винегрет», как ни странно, слово «веник». Веник совершенно не похож на винегрет. В венике куча как правило одинаковых прутьев, плотно связанных одной или несколькими целями, то есть цепьями, то есть верёвками. Веник очень трудно сломать. В винегрете всего понемногу, всё перемешано и нужен он только для того, чтобы его съесть. И поэтому там всё наоборот. И пишется соответственно наоборот. Вторая буква И, четвёртая Е — запомните на всю жизнь! ВЕНИК — не ВИНЕГРЕТ!

Учительница литературы превратилась вдруг в тарелку с этим самым винегретом. Картошечка, капусточка, лучок, мелко порубленная свёколка придавала всему этому великолепию приятный розовый оттенок, явственно ощущался тонкий аромат любимого нерафинированного подсолнечного масла. Видение было настолько реальным и аппетитным, что Михаил уже начал шарить рукой в поисках вилки. Рассердился на безуспешные поиски и... проснулся.

На невыключаемом по привычке сотовом телефоне посмотрел время. Вставать через 23 минуты. Михаил встал и, светя телефоном, прошёл в кухню. Открыл холодильник. В холодильнике на второй полке стояла начатая пачка местной арёмовской соли. Внизу в пакете с килограмм картошки, одна луковица и две морковки. Рядом с полбутылки подсолнечного нерафинированного. Морозилку Михаил и открывать не стал. Что там смотреть? Полторы тушки курицы, тактический и бережно расходуемый ресурс. Стратегических запасов в квартире уже не было.

Налил воды из пятилитровой пластиковой бутылки в чайник, поставил на зажжённую от зажигалки конфорку. Открыл форточку и закурил. На улице было непривычно тихо. Город спал привычным тревожным сном.

Еще пару месяцев назад к происходящему вокруг относились достаточно несерьёзно. Как-нибудь обойдётся, само рассосётся, что они, дураки, что ли, жилые районы обстреливать? Всё это принималось на чистую веру. Некоторые уезжали на дачи в пригороды, к родственникам в более безопасные районы, так — скорее на всякий случай. Основная масса оставалась. Боялись оставить квартиры без присмотра, или просто и ехать-то особо было некуда. Сейчас же многие уезжали уже просто в никуда. В неизвестность. Подальше от войны.

Для Михаила привычный мир перевернулся тогда разом. Пять или шесть снарядов «града», разорвавшиеся во дворе, осколками и взрывной волной вынесли несколько десятков стёкол городской больницы и начисто перечеркнули любые надежды на приемлемый исход. Артиллерийский обстрел застал Михаила именно в том самом дворе. Упавший на асфальт в метре от стены Миша, вперемешку с матом (прости Господи) прочитал тогда под разрывами единственную знакомую ему молитву «Отче наш», затем вскочил и вернулся в больницу. Сменивший его утром врач с дежурной медсестрой прямо в палате извлекали осколки стекла из пострадавших больных и передавали раненых дальше, санитарам на перевязку. Михаил отправил одну из санитарок на кухню с наказом выпросить пачку сухого киселя, взял с вахты ножницы и посадил пару больных стричь из имеющихся газет полосы шириной 3–4 сантиметра. На немой вопрос коллеги — Зачем? — ответил вполголоса: «Потом объясню». Управились довольно быстро.

— Кисель разведите кипятком. Клейте крест-накрест на все стёкла изнутри. Как в войну, — это санитарке, прибежавшей с брикетом.

Ходячие больные с санитарками заклеивали уцелевшие стёкла смазанными киселём полосками бумаги. Часть выбитых окон заменяли фанерой. Михаил и его коллега в этом участия не принимали. Всех врачей собрали в приёмном покое и травматологии. За первые три часа приняли свыше сотни человек. Детей пропускали вне очереди.

— Перевязочные материалы на исходе, — шепнула почему-то именно ему медсестра так, чтобы не слышали больные.

— Собирайте все использованные бинты, кипятите в биксах. Найдите вёдра, кипятите в вёдрах. Если надо, даже на кухне.

Медсестра кивнула утвердительно.

Потом были три сложнейшие операции. Две самостоятельно и одна в составе бригады хирургов. На третью переодеться было уже не во что. Медсёстры вылили на него три ведра воды, смывая с хирургического костюма кровь.

Чайник пискнул, сообщая о готовности. Любимая кружка, пакетик с заваркой, две чайных ложки сахара. Повторение планов на сегодняшний день.

Рюкзак, в нём две сумки. Пять утра, пора выходить. Сначала на проспект Победы, занять там очередь, постоять минут пятнадцать, потом к другому банкомату там же. Там тоже занять очередь и вернуться. Снять по две тысячи и там и там, пройти на улицу Ленина. Там уже стоять в очереди не отходя, и снова снять две тысячи. Пройти в аптеку, она недалеко от больницы, закупить всё по списку из имеющегося в наличии — что возможно упаковать в сумки. Машину лучше не ловить, лишние расходы. Проще сходить несколько раз.

Проходя мимо остановки у супермаркета «Амстор», Михаил остановился у символических памятников — сколько их тут? Шесть? Восемь? Сосчитал, постоял ещё с полминуты. У блокпоста ополченцев рядом со взорванным мостом поймал машину. Водитель оказался знакомый, с Солнечного, уже как-то раз подвозил. Вместо обычных 30–35 гривен взял половину, извинился и за это, надо на заправку. В очереди на Победы собралось уже человек пятьдесят, во второй оказалось человек восемьдесят.

В тупом ожидании очереди память снова швырнула Михаила в тот первый день. Домой тогда попал под вечер. Интернет работал. Несколько часов переговоров и просмотр десятков ссылок воплотились в конечном итоге в листок исписанной бумаги.

— Что это? — начмед, исполняющая обязанности главного врача, выехавшей в Киев, с интересом рассматривала исписанный листок.

— Читайте, там всё написано

— Так! Неплохо. Позвольте поинтересоваться. Откуда у вас, хирурга, такие познания?

— До института два года военной службы. Из них полтора курса военного училища, — ничуть не удивился вопросу начмеда Михаил.

— А обеспечение препаратами? Ваши расчёты я вижу. Где мы возьмём столько материалов? Киев нам ничего не даст. Я, конечно, постараюсь, но...

— Нам обещали помочь. По мере сил. Подробней пока не могу сказать. Но помощь будет.

— Хорошо! Я дам указание главной медсестре. Занимайтесь отделением. Вы там вроде за заведующего сейчас? Да? Вот и занимайтесь.

Обещанная Михаилу помощь имела денежное выражение и материализовывалась им в биксы, бинты, салфетки, хирургические перчатки, лекарства, жгуты, одноразовые шприцы... Цены на всё росли постоянно. Для больницы однажды удалось приобрести по сходной цене почти пять километров марли. Водитель «газели», загруженной медикаментами, глядя на счастливого в тот день Михаила, дал ему свой телефон и категорически отказался брать какие-либо деньги.

Снимать поступающие средства становилось всё сложнее. Банкоматы переставали работать. Там, где они работали, был введён лимит на обналичивание. Приходилось вставать в пять утра, добираться до банкоматов, стоять в очередях. И так каждый день. С ночных дежурств Михаил выбегал к банкоматам прямо в хирургическом костюме, сменив только обувь на кроссовки. Заказанные в аптеках материалы приходилось ждать по несколько дней. Зарплату платить перестали. Персонал больницы стал увольняться или просто часто не выходил на работу. Дежурства стали проходить по непонятному графику. Пока не сменят. Тут уж как повезёт.

День обещал быть удачным. Удалось снять запланированные деньги и забрать из аптеки поступившие заказанные материалы. За три захода в рюкзаке и сумках перетаскил приобретённое на склад больницы. Сдал под расписку главной медсестре. Расписываясь в третьей накладной за утро, главная вежливо поинтересовалась.

— Тут половина склада от вас, Михаил, откуда? Чистое любопытство.

— Отовсюду, Татьяна Витальевна. Россия, Ирландия, немножко Швеция, Германия есть, с той стороны, которая Украина, тоже есть, — он кивнул в сторону окна, за которым слышались далёкие разрывы. — В основном Россия. Примерно три четверти.

— Поняла, — чуть помедлив, ответила главная. — Вот отчёты по расходу. Проверяю лично. И... Спасибо передайте пожалуйста. Всем им. Пожалуйста. Всем.

— Передам, — кивнул Михаил. — Передам обязательно.

Поднялся к себе в отделение, вызвал санитарок. Решение выдать им по сто гривен пришло ещё в очереди. Средства вроде позволяли, а люди три месяца уже без денег. Выдал просто, отсчитал и выдал.

— Это спасибо вам. За работу. Не премиальные, и даже не в счёт зарплаты. Просто спасибо вот такое.

Санитарки на радостях принесли чаю и тарелочку с баранками. Торжественное чаепитие испортил коллега-сменщик, заявивший, что увольняется с завтрашнего дня. По всему выходило, что после ночного дежурства менять Михаила больше некому. То есть совершенно некому. Один врач на всё отделение. И. о. заведующего отделением. И. о. заведующего всеми врачами отделения! И. о. заведующего единственным врачом в отделении! Сам себя заведующий! И свыше сотни больных.

До заступления на дежурство оставалось несколько часов. Надо было успевать, пока в Солнечный ходят маршрутки. Три гривны за билет. Денег на такси в оба конца уже не хватало. Не каждый раз попадают хорошие таксисты. Уже на остановке позвонила санитарка Маша. Запинаясь и извиняясь, попросила купить для отделения веник. Прежний истрепался. Если опять обстрел, то нечем осколки выметать, а у врача, наверное, деньги есть, раз по сто гривен просто так взял и дал. Железная логика. Но веник был действительно необходим. Осталось придумать, где его купить.

На разбомбленном рынке, по слухам, началась кое-какая торговля. И — чудо. За двадцать гривен Михаил действительно приобрёл вполне приличный веник. Единственный продававшийся во всем городе веник. Проходя с ценным приобретением под мышкой

между двумя сгоревшими рыночными рядами, Михаил увидел торгующую овощами бабушку. Вспомнился ночной сон. Небольшой кочан капусты и пара свёклин уложились в десять гривен. Денег теперь хватало только на маршрутку. На такси домой и на обратную дорогу уже сколько-то не хватало.

— А и ладно! Дойду до блокпоста. Попрошу ополченцев, чтоб помогли добраться, — решил он.

Свёкла варилась долго. Воды в водопроводе не было, оставался резерв — последняя полная пятилитровая бутылка. Уже можно было не экономить. Остудил в воде свёклу. Винегрет получился именно такой, как во сне, на славу. Из-за недостатка времени съесть успел только половину. Сложил оставшийся в стеклянную банку. Упаковал все имеющиеся дома продукты в пластиковый пакет и впихнул его в заполненный необходимыми вещами рюкзак.

Посидел, кура, на дорожку.

Где-то на окраине татакал пулемёт. Или это учительница стучала по доске мелом. Стук мела попадал в такт его шагов. — Запомните на всю жизнь! Веник не винегрет!

Домой Михаил попал через 38 суток. За это самое длинное в его жизни дежурство провёл свыше пятисот операций, не потеряв ни одного средне- и тяжелораненого. Награждён медалью Пирогова от общественной организации ветеранов «Боевое Братство». Медаль Пирогова без мечей. С мечами вручается только военным медикам. А он гражданский. Хирург. Рядовой запаса. Врач.

ПАРТЕР. СЕДЬМОЙ РЯД

Баю-баюшки, баю...
— Вика, милая, всё. Всё уже.
— Не отдам.

«Отдашь!» — ухнул рядом разрыв.

Комья земли за спиной — как падающие яблоки в домашнем саду.

Для непонятливых повторилось едва ли не над ухом:

«Отдашь! Отдашь!!!»

«Да-да-да-дааааа», — шпаной из подворотни подтявкнула господам артиллеристам дробненькая пулемётная очередь.

И вдруг озарение: какое же это счастье — оказаться во время обстрела на кладбище! Любой холмик — бруствер, памятник — стена каменная. Копачам вообще сказка: скатились в самими же вырытую могилу-окоп. Не потеряются, пронумерованную — в седьмом ряду нового, всего лишь неделю назад открытого для захоронений, участка. Готовили могилочку для дитяти, лишней земли не захватывали, а вот поди ж ты, легко втиснулись вчетвером.

— Баю-баюшки, баю...

«...ююююю...», — передразнила мина «крылатка».

Не ведала, дурёха, что от самой полетят клочки по закоулочкам, едва коснётся земли. Иначе не насвистывала бы, а выла по-бабьи, изо всех сил удерживая себя в воздухе. А ещё лучше — вернулась бы к тем, кто снаряжал её, как поясом шахида, хвостовым оперением. Кто погладил выпуклые, в 120 мм, бёдра, но тут же предал, разжав пальцы и опустив в тесное, тёмное, пропахшее гарью жерло ствола. И всё ей окончательно должно было стать понятным, когда обожгло, возгорелось там, где шёл элегантный, как у балерины, крылатый подол пачки.

Но обманула, дала ей передышку неведомая сила, выбросившая обратно мину из тесноты и гари да в голубой простор: летай,

глупое чудушко, радуйся бабочкой единственному дню своей жизни. Смотри, как сияет в небе крест, взбежавший на цыпочках по куполу кладбищенской часовенки в самую высь. Забудь, что он всего лишь прекрасный ориентир для миномётчиков, что именно от него делают поправки в расчётах для меткой стрельбы. Но простухе-дурёхе и самой глаз не отвести от золочёного, парящего среди облаков Ивана-царевича, распахнувшего навстречу руки. Ох, для жаркой, желанной ночи!

Только вышла незадача: в последний миг ослепились глаза золочёным бликом. От неожиданности ненароком, на мгновение вильнула «крылатка» хвостом и — вот как бывает, разминулась с судьбой! А может, это те, кто последними сжимал её тугие бёдра, кто передавал из рук в руки от снарядного ящика до ствола, думал не о вознесённых в небеса принцах, а о копошащихся, выползших наружу из шахт «медведках»? Только что шли из забоя рабочим классом, донбасским пролетариатом, защитничками Новороссии! А при первых же выстрелах вжались в землю так, что сами превратились в кладбищенскую пыль. А мины для того и шлют в поддержку горячих, но зачастую бестолковых при бое в населённом пункте, голов снарядов и пуль, что могут не пугать, пролетая мимо, а падать на противника сверху. И тут уже ни в какую щель не забиться «колорадам», потому что заложен конструкторами миномёту великий принцип войны: «Выстрелил и забыл». В смысле — тех, по ком стреляли. Ибо уже некого помнить.

— ...аюшки-баю...

«Да-да-дааааа».

«...юююююю...».

«Уух, уух», — проснулись, а может, только-только подскочили на подмогу сородичам всегда охочие до драки танки. Вот у кого дури по самые топливные баки. Такие пока не снесут себе башню или им не наступчат из гранатомёта по темечку, будут строить из себя ковбоев.

Гудело, свистело, ухало, чвакало, скрежетало — какая же гармония, уважительное равноправие царят в стреляющем оркестре. Всё — ради слушателей! Вот тут и крест-ориентир в благую помощь, чтобы могли дотянуться танкисты, пулёмётчики,

артиллеристы, миномётчики своим искусством до каждого зрителя, начиная с первого ряда на кладбище и заканчивая галёркой на шахте. Одна незадача: перебивала, перепевала, мешала восприятию гармонии обстрела заунывная нота от чёрной сгорбленной тени в седьмом ряду партера:

— Уу-уу-уу-у....

И уж совсем некстати раздалась из могилы музыка Вивальди. Производители мобильных телефонов, оказывается, такие юмористы, такие чудики: вставляют вместо звонка не команды «К бою!» или «Всем бояться!», а музыку итальянского католического священника! Да ещё на православном кладбище. Правда, не без пользы: его «Времена года», где волюночка наигрывает «Деревенский танец», подсказали, что сейчас хотя и поздняя, но всё ещё весна. А уж вы, люди, сами определяйтесь, какого года. И торопитесь, отрывок весенней музыки звучит у композитора всего-то четыре минуты. Если в пересчёте на оркестрантов, то это где-то два десятка неспешных снарядов, тысячи полторы пуль, раз пятьдесят «уухнуть» и столько же «проююююююзить» до звона в ушах. Антракт, конечно, придёт, он неизбежен, сам Вивальди в сонете перед началом майской игры записал: «...быстро иссякает вихрь могучий. Спит пастушок...»

— Баю-баюшки, родной...

Звук мобильного, который никак не могли отключить в могильной тесноте, вдруг неожиданно стал заглушаться надрывным, всё нарастающим гулом бронетехники. Он шёл со стороны шахты, и не был страшен, потому что в то направление, на юг, указывал своим левым краем крест. А в Донбассе любой первоклассник преподаст урок географии: где юг, там ополчение. Защита. И сейчас именно оттуда зелёным приплюснутым наконечником летела, тщетно пытаясь оторваться от пыльного завихрения, бээмпешка. Это подсказало для первоклашек и вопрос по истории — какой год на дворе: на похороны на бронетехнике стали ездить в 2014-м. Их было много в этот период — бронетехники и похорон...

Становилось ясным и другое: механик-водитель сбежал из сумасшедшего дома. Наверняка его разбомбило, и когда вместо стен в воздухе остались висеть на трубах лишь батареи отопления, один из

пациентов и умыкнул стоявшую в каком-нибудь музее БМП. И теперь не просто мчался в самое пекло, а ещё и словно специально подставлялся под выстрелы: гарцевал на пригорках, пылил по просёлкам, замирал у отдельных деревьев — так же пристрелянных, как и крест, ориентиров. Но странное дело: отсутствие логики в безумных поступках сумасшедшего неожиданно позволило поднять головы похоронной процессии. Огонь под крестом стихал, он поддался на приманку и бросился догонять обезумевшую «бээмпешку».

В открывшееся в обстреле оконце люди и поторопились передать в рай двухмесячного малятку, крыхитко Богданчика. Кума уже не уговаривала подругу, молча выдрала малыша из рук. Подождала копачей, вытряхивавших из гробика налетевшую жёлтую глину и чёрные осколки, уложила крестничка в красную, с белыми кружевами покрывал, домовину. Местный батюшка, обгоревший при тушении храма, страдал духовно и телесно в больнице, и она сама перекрестила мальчишечку, что-то прошептав ему в ушко на мотив молитвенного. Уступила место мужчинам с лопатами. И только после этого тревожно принялась искать взглядом БМП. Одна она знала военную тайну, что за штурвалом сумасшедшей боевой машины сидит ополченец с позывным «Русак» — её брат Васька, отец Богданчика. Утром дозвонился из боя под Дебальцево, предупредил, чтобы сына без него не хоронили, что прорвётся, примчится, отомстит.

Его самого гоняли сейчас зайцем по полю фонтаны разрывов, хотя уже можно было нырнуть за ломаную геометрию терриконов. Но Васька рвал удила, постромки, нервы, гусеницы, сцепление, лишь бы остаться на виду. Уходи, Васька. Здесь уже положили цветы и убегаем домой.

Ох, не все.

Малюсенького неровного осколочка от самовлюблённой «дурёхи», упавшей всё же за часовней, хватило повалить кулём станичную почтальонку. По арифметике на сегодня выпал скорбный, девятый день её мужу, мучительно умершему от недостатка лекарств, и она наклонилась, чтобы поцеловать щурящегося на фотографии своего чоловіка да поправить рушник на кресте. Ведь на них, на рушники, прилетают души и ангелы умерших. А

вот не приди, не наклонись — глядишь, и прошла бы смертушка со своей почтовой сумкой мимо. Только ведь женщины идут и наклоняются, идут и наклоняются. Хоть русские, хоть украинские. И хотя осколок у Богданчика, судя по ранке, был в два раза больше, но нет ему, видать, разницы, каким размером какой возраст пересекать...

Причитать над новой бедой люди не стали: жизнь почтальонки по сравнению с Богданчиком виделась прожитой, а почта... Что почта без писем, которые в прифронтовое село давно уже никто не шлёт. Так что пристроили копачи почтальоншу на черенки лопат и постарались бегом отнести домой, к забившейся в будку при виде страшной процессии, оставшейся теперь полной сиротой, собаке. Настырный телефонный звонок вновь уточнил, что в мае 2014 года на Донбассе впервые несли покойника не на кладбище, а домой.

Господи! Найдётся ли сила, которая остановит это безумие? Кто защитит хотя бы от надругательства снарядами могильный холмик в седьмом ряду? И почему перестали стрелять по БМП? Это же страшно, когда не стреляют на войне, потому что у них, у минометчиков, и впрямь есть присказка: «Выстрелил — и забыл»...

...Богданчику поминок не делали. И не с чего было, и опасно стало собираться людям вместе. Главное было довести Вику домой. Золовка, ненароком задевшая её грудь, тронула теперь уже её ладонью. Твёрдая, горячая — плохая.

— Сцеди молоко.

— Не для кого...

— Сцедись, — силком усадила на диван. Подвинула детскую баночку, сняв с неё ставшую ненужной соску. Ладонью мягко помогла выдавить первую каплю из белого набухшего окружья. Невестка-то сама дитя, едва-едва исполнилось девятнадцать.

— А Богданчик не успел поесть перед бомбёжкой, — встрепетулась вдруг запоздало Вика, вцепившись в стекляшку.

— Отнесу Нестеровым. У них малыш, — отобрала кума драгоценную влагу, прикрыла платком. Теперь бы с Васькой ничего худого не случилось. — Ляг, полежи. Я быстро.

Получилось быстрее, чем думалось. Пояснила через окно:

— Уехали. Не осталось детей у нас на улице.

Вика вышла из дома, переодетая в камуфляж Василия. Приняла молоко обратно, прижала к груди баночку. Покачалась, как только что баюкала сына. Что-то вспомнив, наощупь открыла побитую осколками калитку в сад. Присела над ближней, самой маленькой яблонькой. Да и когда той было расти, если посадили в день рождения Богданчика. Потрогала хворостинку-стволик и начала медленно лить молоко под дерево. Изнывающая от жары земля жадно проглотила через трещины влагу, замерла в ожидании новой порции. Но Вика, Виктория, ничего не пообещав, ни слова не сказав золовке, пошла через давшие завязь яблони, вишни, сливы к терриконам. Уходила строго по левому лучу креста. Оглянулась лишь однажды, и то на кладбище, где теперь уже навек лежать в своём скорбном ряду её Богданчику. И слушать соловьиные песни. Они, соловьи, поют и на кладбищах, если заставить замолчать канонаду...

ВЗЯТАЯ ВЫСОТА

Всю зиму я провел в окопах сначала в Сокольниках, а затем на «Т-образке». Много ходить не приходилось, поэтому раненная нога чувствовала себя неплохо. Но зато «Т-образку» регулярно обстреливали из минометов и танков. Изредка полыхало «градами». И тогда уж земля дрожала, как в Спитаке. Один раз даже ударили «пионом». Блиндаж дребезжал несколько минут, погасли свечи, потухла «буржуйка», уши заложило слоем глухоты. Подумалось: «Все, кранты, мина попала в блиндаж». Оказалось, попадание было в метрах десяти от линии окопов на дороге Сокольники — Славяносербск. На следующее утро ныне покойный Феникс прикола ради залез в образовавшуюся ямищу по шею. Мы сквозь смех еле разглядели его черную спортивную шапку и уши над асфальтом. Феникс он и в Африке Феникс. Недотепа!

Окопное пространство на «Т-образке» было всего метров пятьдесят, с учетом открытого перехода между двумя окопами. Блиндажи были не то, чтобы слишком мощными. Три накаты бревен и слой земли сверху восьмидесятку выдерживали, стодвадцатку возможно тоже, а вот от «града» уже не спасали. И почему за полгода укры так и не попали ни по одному блиндажу, непонятно. Рядом был мост, по которому ежедневно проходили жители в занятую украми Трехизбенку. Навести на нас артиллерию было проще простого. Но из 100–120 мин, которые ежедневно как по расписанию падали на нас, ни одна так и не попала по блиндажам. Чудо, не иначе. Правда, от потерь это не спасало. Мину можно было поймать, не успев вбежать в блиндаж после начала обстрела или отойдя от него больше, чем на тридцать метров. Так погибло двое, еще восемь человек лежало по госпиталям и больницам.

В один из зимних дней 2015 года я отпросился у командира в Луганск в казарму, мне нужно было смыть с себя двухмесячную грязь и получить в областной больнице справку о ранении.

Впрочем, помыться в первый день не удалось. Вечером нас подняли по тревоге, и я с разведкой поехал в Славяносербск. Мы, сидя на крыше многоэтажного дома, наводили наши «грады» на укров. Укры, засев на окраине Трехизбенки, усилили обстрел «Т-образки», и по сообщению с места хотели идти в атаку. На следующий день вместо больницы я впервые в жизни поехал в морг опознавать Боксера. Ему было за пятьдесят. Тренер по боксу из Владивостока, с двумя взрослыми дочерьми. Он был старшим на позиции и очень авторитетным среди бойцов. Недавно он был ранен осколком мины, и собирался возвращаться домой. Но что-то его задерживало. Он говорил, что ему надо сначала отомстить укромам за ранение. Не успел.

Вечером батальон подняли по боевой и построили на плацу. Из примерно пятидесяти стоявших в строю оставили только мехводов и противотанкистов. Остальных погрузили в «Урал» и повезли. Куда, не сказали. Колонну выстраивали долго, в нее собрали почти всех наличных военных в Луганске. «Безлошадных» танкистов, артиллеристов, разведку, остатки комендатуры, жалкие крохи пехоты и даже штабников. По слухам, в Луганске в те дни оставалось не более пятидесяти бойцов. Если бы об этом тогда узнало украинское командование, удержать город со стороны Счастья было бы очень тяжело. Куда нас везли, было не понятно. Бои тогда шли и под Стахановым, и под Дебальцево. Да и на остальных позициях было тревожно. Тяжелее всего было, конечно, под Дебалом. Что нас везут именно туда, стало понятно, когда поздно вечером колонна проехала дымящийся трубами металлургического комбината Алчевск.

* * *

Это было уже в середине февраля. После кровопролитных штурмов конца января — начала февраля совместным силам ЛНР и ДНР удалось, наконец-то, подавить оборону укров на окраинах Дебальцево и начать зачистку города. В этой зачистке мы участвовали числа с пятого. За это время штурмовой отряд роты «Мангуст» смог почти без поддержки соседей, пройдя по железке семь километров, занять промзону Дебальцево. Затем зачистить часть

города, выйти под огнем снайперов в брошенный лагерь укров, и начать уже задумываться об отдыхе. Тем более, нам три раза чудом удалось избежать потерь, и мы вдвое перевыполнили все поставленные задачи. Но отдыха не получилось.

На следующее утро после занятия лагеря нас бросили на захват знаменитой высоты 307.9. О том, что нам предстоит, что-то жопное мы начали подозревать еще дня за два до этого. Об этом вскользь упомянул наш командир Заноза, хотя и он тогда еще не знал нашу новую цель, об этом бормотали мы перед сном, валяясь в спальниках в клубе в Вергулевке и занятых нами домах в частном секторе Дебальцево. Об этом вскользь шептались штабные, поглядывая на грязных и вонявших всеми амбре, непонятно во что одетых и чем вооруженных, и оттого еще более страшных «Мангустов». После Сокольников (в которых мы продержались четыре месяца с октября по февраль) боевая слава нашей роты в Луганске стала граничить с мифами. И вот нам снова предстояло доказать реальность нашего мифа.

Это была кровавая высота. Ее пытались взять с конца января и безрезультатно. Было предпринято тринадцать атак с применением танков, артиллерии, БМП, да всего, что было. Кто только не пытался взять ее — спецназ ДНР, люди Мозгового, батальон «Август», наша бригада. И безрезультатно. Укропы окопались там, и выбить их оттуда казалось делом невозможным. И вот взять ее поручили нам. Впрочем, не только нам. В деле участвовали сразу несколько таких же, как мы, штурмовых групп: «Хулиганы», «Дон», разведка «Змея» и другие.

Все мы стояли сейчас в трех с половиной километрах от цели прямо на дороге возле своих «Уралов», и грелись возле стихийно возникших костров. Кто-то грелся, кто-то разогревал на кострах тушенку, кто-то разговаривал, кто-то молча сжимал в руках оружие. Предстояло реально очень тяжелое дело, но это не останавливало нормальной солдатской жизни. Огонь вообще многое значит для солдата. Где бы ни появились бойцы, зимой или летом, если это не нарушало маскировки, мгновенно появлялись костры. А за кострами вслед чай, тушенка, хлеб и прочие приметы нехитрого солдатского быта. Не сказать, что сейчас без этого нельзя было

обойтись, хотя было вообще-то холодновато. Но это как-то успокаивало, упорядочивало, настраивало мятущуюся солдатскую душу перед боем.

Как водится сразу нашлись знакомые:

— Привет, Майдан.

— Привет, Депутат, ты что, вернулся?

— Да, как видишь, а ты где сейчас?

— В «Хулиганах», а ты?

— Я где и раньше, в своей роте, в «Мангусте».

— А как нога? Болит?

— Как видишь, хожу, бегаю, воюю.

Майдана я не видел с того самого черного дня 6 августа, когда был убит основатель моей роты и мой учитель Саша Стефановский (он же Мангуст). Тогда же меня тяжело ранило в ногу, и закрутилось. Госпиталя, больницы, перевозка в Россию в самые тяжелые дни осады Луганска, потом снова больницы, стационарное лечение. И лишь в декабре я, все еще хромя, вернулся в Луганск, в свою роту.

И вот прозвучала команда. «В одну колонну становись. Всем быть в броне и в касках». Ругаясь, бойцы натягивают на себя тяжелые броники, поверх них еще разгрузки, берут в руки оружие. Кроме броника я накидываю на плечи вещмешок с магазинами и ВОГами. Дополнительный боекомплект (допбк) никогда не помещает, это золотое правило я усвоил еще летом. Правда, этот допбк давил лишней тяжестью на все еще хромавшую левую ногу. Но ничего, перетерпим. Перед атакой нам предстояло пройти три километра с полной выкладкой по снежной тропе. Занятие малопривычное. Ноги периодически попадали в снежные ямы, да и вообще... Но мы прошли, хотя многие отставали. Поотстал и я. Вместе с Вороном. Но уже в конце пути я исправился и догнал своих. Наконец, мы вышли на линию атаки. Нам дали время на короткий привал.

И тут как раз подходит Заноза:

— Парни, ну мы, как всегда, пойдем первыми. Пойдем тремя группами по пять человек лесенкой. Нас будут поддерживать два танка и ПТУРисты. Вообще-то то там полная жопа, если что... так что давайте присядем что ли на дорожку.

И мы присели. Сначала молча. А потом я не выдержал и вполголоса запел свою любимую:

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой...

Песню подхватили сидевшие рядом Медвежонок и Ворон.

Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.

А потом и все остальные:

Выходила, песню заводила
Про степного сизого орла,
Про того, которого любила,
Про того, чьи письма...

«Все парни, пошли» — сказал Заноза. — И не парьтесь, парни, моя чуйка говорит, что там никого нет и полным-полно ништяков», — улыбнулся он. Под «ништяками» понимались трофеи: оружие, боеприпасы, снаряжение. И мы пошли.

Широкое белое поле с кое-где высовывающимися коричневыми кустиками и пучками травы. За небольшой возвышенностью ничего не видно. Где-то там высота, и там сидят укропы. Идти было тяжело, ноги постоянно спотыкались о ветки, которые вполне могли быть и растяжками. Но сделать я ничего не мог, левая раненая нога заплеталась сама собой. Я с Вороном, Бабаем, Медведем и Лешим шел в последней пятерке. Сначала мы все шли в одну линию, но где-то в середине пошли группа за группой. Это было, конечно, неправильно, но как-то так получилось. За что позже мы получили пенделей от Занозы, который шел в первой группе.

Первые триста метров было ощущение какой-то нереальности происходящего, и одновременно трезвое понимание того, что еще нас вот-вот положат из пулеметов и накроют минами. Перед глазами быстро прошло несколько картинок. Вот это я в жизни сделал,

это нет, но в целом жизнь прожил неплохо. В любом случае умру я точно достойно. Мысленно попрощался с родными и теми, кого любил в этой жизни. И все это время шагая, посматривая под ноги и таща на себе кучу всего. Хромота начала усиливаться, мешок с ВОГами за спиной немилосердно давил.

На удивление, стрельба по нам не началась. Мы были живы. Мы продолжали идти. Метров шестьсот прошли достаточно спокойно. Видимо, укры решили подпустить нас ближе и разметать, как котят. Ощущение, что атака последняя, не пропало, но появилось какое-то оживление в мозгу. Где же они? Почему не стреляют? Одновременно пришла и веселость, мы начали с пацанами переговариваться. Я оглянулся назад — ни одной штурмовой группы за нами не пошло. Мы остались одни наедине с врагом.

Последние триста метров. Вдали виднелась высота со стоящими танками и укреплениями. Ожидание того, что скоро нас будут отстреливать, не исчезло. Но всем это стало как-то до лампочки. ВОГи, броник, каска, магазины, патроны — все это давило на ноги. Хромота резко усилилась, я начал чуть отставать от своей группы. Да и рельеф ухудшился. Кочки, канавы, ямы. Но все-таки я преодолел себя и короткими перебежками догнал группу.

Врага по-прежнему не было заметно, и хотя понемногу появилась мысль, что укры ушли, в это не верилось. Не могли они бросить эту высоту. Ее можно было месяц защищать, и ее никто бы не взял. Все сомнения развеял появившийся на верху первого укропского блиндажа Заноза.

— Парни, все сюда.

Из последних сил мы бросились к блиндажу. Высота была пустой. Повсюду стояла брошенная бронетехника: два танка, БМП, «Бардак». Один из танков дымился. Противотанкисты подожгли его из ПТУРа, прежде чем сообразили, что к чему. За нами стали появляться бойцы из отставших штурмовых групп. Подоспело время трофеев.

Спустя час на высоте появилось командование. Комбриг построил командиров подразделений. Пройдя вдоль строя, он сорвал погоны с нескольких офицеров: артиллериста, наводчика и еще кого-то. В ходе артподготовки они не смогли накрыть укров.

Попаданий на высоте практически не было. Занозе комбриг пожал руку и публично поблагодарил. На остальных штурмовых командиров наорал, назвав их трусами.

На этом наше Дебальцево закончилось. В тот же день мы вернулись в Луганск в казармы. Активные боевые действия на луганском направлении завершились. Начались бесконечные полигоны, сменяющиеся периодически выездами на позиции. На одном из полигонов всю нашу роту построили, и начали по очереди вручать медали. Впрочем, медали достались не всем, а только семи из шестнадцати бойцов штурмовой группы. В представлении были все, но половину, как всегда, порезали. Не дали «Отвагу» и Занозе. Обещали вместо нее дать орден. Когда-нибудь. Так и не дали до сих пор.

И вот я сижу за столом на кухне в Перми, и держу на ладони эту самую «Отвагу» 1-й степени за номером 140. Когда-нибудь с ней будут играть мои внуки, а пока... На часах четыре утра. Светает. На столе чашка крепкого сладкого чая. Перед глазами мелькает все происходившее тогда. Да и за всю жизнь тоже.

Не знаю, как другие парни, но я в тот день пережил свое второе рождение. Не в тот день, когда меня ранили, и я чуть не погиб под пулеметами украинского «Булата», не в свой первый бой в конце июня 2014 года, не в первую засаду, куда разведка Мангуста попала в середине июля в лесу под Луганском, и не в долгие зимние окопные месяцы под минами в Сокольниках. А именно перед той высотой.

Второе рождение — это не то же самое, что избежать смерти, и не то же самое, что получить второй шанс в жизни, — это именно второе рождение. Когда ты чувствуешь, что ты преодолел высоту, и высота эта вовсе не на земле, и потому ты обязан, просто обязан сделать в жизни очень многое. Ты обречен на это. И потому эту высоту я запомню на всю свою жизнь.

А герой — не герой... Все это хрень полная. Для тех, кто прошел второе рождение, нет такого слова. Герой — это для кино, газет, блогов, ТВ-передач и пьяных разговоров за столом.

Ой ты, песня, песенка девичья,
Ты лети за ясным солнцем вслед,

И бойцу на дальнем пограничье
От Катюши передай привет.

Пусть он вспомнит девушку простую,
Пусть услышит, как она поет,
Пусть он землю бережет родную,
А любовь Катюша сбережет.

СЛОВО О МАНГУСТЕ

памяти Александра Стефановского

О его смерти я узнал, лежа в Луганской областной больнице с разбитым в хлам от попадания фугасного осколка коленом. Я только что проснулся после операции и находился в почти неподвижном состоянии. Нога была в шине, и я мог только чуть-чуть приподниматься на спине, держась за перила кровати. При каждом движении нога отзывалась адской болью. И тут вошел Электрик — наш водитель и тыловик. Немного бледный и непривычно серьезный.

— Привет, Депутат, ты как?

— Да, нормально. Только видишь, — я показал головой на ногу, — не скоро я в строй встану.

— Давай-давай, выздоравливай, Депутат. Мы тебя все очень ждем.

Тут он немного замялся.

— Депутат, а ты за Мангуста знаешь?

Я обмер. Всю ночь под наркозом мне снился сон, который потом повторялся еще почти две недели. Сон, который я две недели специально вызывал потому, что мне было намного легче жить, хотя бы ночью, находясь вместе с потерянным другом. Мы с Мангустом и другими пацанами цепочкой движемся по зеленке возле РЛС. Впереди Мангуст, за ним я и все остальные. Внезапно Саша остановился и показал рукой сигнал: «Замрите». Мы отработанно присели на корточки и затихли. Внезапно из-за кустов

вылезла черная лохматая паучья лапа и схватила Мангуста. Еще одна лапа схватила меня за ногу, но я короткой очередью перебил ее. Остальные пацаны огнем своих автоматов отогнали громадного черного паука, который выскочил из кустов. Но Мангуста он утащил с собой.

— Мангуст, — закричал я вслед.

— Мангуст, — стонал я в постнарковом бреду почти все утро.

И вот сон оказался страшной правдой.

Мы познакомились случайно. На второй день после того, как наша группа из восьми россиян приехала в Луганск, нас отправили в район РЛС, как нам сказали, осмотреться. В нашей группе были все так или иначе, служившие в армии, в том числе в погранвойсках и Чечне, и потому замкомбата оставил нас воевать вместе и сделал из нас разведотделение. Собственно, с целью выполнения наших прямых обязанностей нас и направили «осмотреться». На месте нас встретила казачья разведка. На их командира я поначалу не обратил внимания. Впечатлений и так хватало. Первый раз в жизни я оказался в ситуации возможного боя. Да еще в составе разведки. Что это такое, быть в разведке, я тогда себе смутно представлял. Дух немного прижимало к земле.

Разделившись на несколько подгрупп, мы осторожно стали двигаться в направлении деревни Шишково. Там стояли львовские десантники. Их ярко-синий флаг с десантными крылышками был виден в полевой бинокль. Подойдя на расстояние примерно три километра, мы залегли на дне оврага. Тем временем к оврагу очень тихо подъехал «Уазик» с минометом. Оказалось, казаки получили недавно миномет и решили его опробовать. Минометчиков среди казаков не оказалось, поэтому били они наугад. Первый выстрел. Мимо. Второй выстрел. Мимо. Четвертый. Куда-то попал. Пятый. Тоже. Девятая мина неожиданно для нас попала в штабную палатку укров. Об этом, правда, мы узнали позднее, когда вернулись в Луганск. Пока же мы дружно повалились на землю животом, прикрывая руками голову, потому что укры начали класть ответку. Так я впервые попал под минометный обстрел. Не скажу, что было очень страшно. Скорее, было непривычно.

Тем временем казаки погрузили миномет на «Уазик» и дали деру. С нами осталась та группа, что шла с нами изначально. Их командир, невысокого роста чернявый с бородой мужчина лет тридцати в потертом камуфляже, подошел к нам и веселым голосом спросил:

— Из Перми есть кто, мужики?

Так я познакомился с Мангустом. На удивление, мы были незнакомы до этого, хотя у нас было много общих знакомых, и вообще мы в Перми вращались в двух параллельных тусовках. Я в общественно-либеральной, он в лево-патриотической. Позднее, уже после его смерти, я вспомнил, что мы все-таки виделись мельком на фестивале «Пилорама» летом 2012 года под Пермью. Он тогда был одним из участников «Антипилорамы» (протестовавших против либеральной повестки фестиваля), я что-то типа внештатного блогера «Пилорамы». Между нами тогда была стена. «Антипилорамщиков» тогда презирали даже местные коммунисты.

Спустя какое-то время после нашего первого боя Мангуст перекочевал к нам в отряд. Сначала в качестве «консультанта», а потом стал нашим командиром. Под его руководством за полтора месяца скромное отделение превратилось сначала в разведвзвод, а потом и в роту. А сам Мангуст совмещал командование нашим подразделением с командованием всем Камбродским направлением обороны Луганска. К тому времени мы успели провести несколько дерзких диверсионных операций в тылу врага, отбить атаку врага на Луганск со стороны РЛС и держать закрепившихся там укров в таком страхе, что они из этого РЛС и носа не показывали.

Тем временем про нашу разведку среди остальных луганских ополченцев стали ходить легенды. Считалось, что мы одно из самых воюющих подразделений Луганска. Город тогда был в осаде, и стратегия штаба ополчения состояла в трех словах «осторожность, осторожность, осторожность». Впрочем, мы такого слова не знали, и потому дня не проходило, чтобы мы не совершали чего-нибудь этакое. В штабе, тем временем, нас называли «Дикой дивизией», «махновцами» и т. д. Частично в шутку, частично всерьез. Но однозначно уважительно. Периодически им приходилось остужать наш пыл, но в целом Мангусту удавалось поддерживать

стабильные отношения с тогдашним министром обороны ЛНР Игорем Плотницким.

К середине июля к нам прикрепили штрафное отделение (позднее многие из ополченцев других отрядов специально пороли «косяки», чтобы попасть к нам). Тогда же у нас появилась своя бронетехника. От одного до трех танков (они часто ломались), один БМП и один БТР. Впрочем, одновременно была только одна из «коробочек». По той же самой причине: они постоянно ломались. С оружием тогда была вообще напряженка. Стрелкового оружия хватало, а вот с тем, что потяжелее, были проблемы. Так, например, из АГС я смог пострелять только после моего второго приезда в Луганск зимой 2014 г. Пулеметов в роте тоже было раз-два и обчелся. Зато был ПТУРС, из которого, правда, научился стрелять только я.

К тому времени ни о какой стене между мной и Мангустом и речи не шло. Мы спали в одной располаге, ели вместе, вместе ходили в разведку и часто разговаривали «за политику и идеологию». Выяснилось, что несмотря на разные идеологические платформы (меня тогда можно было определить как либерал-патриота, а его как коммуниста-имперца) между нами было много общего. Как-то мы с ним поспорили на тему свободы и демократии. Тогда я пересказал ему суть «Звездного десанта» Хайнлайна. И тогда Мангуст согласился, что такая свобода и демократия ему нравится. Я же под воздействием Саши стал гораздо терпимее относиться к действующей власти. Мангуст был сторонником сильной власти. Я же после Крыма был готов терпеть ВВП за его внешнюю политику.

В нашем отряде у Мангуста был абсолютный авторитет. Частично за счет его военной славы и навыков, частично за счет умения убеждать людей. Он вообще был очень харизматичным. Помню, как однажды утром во время переключки отряда он внезапно начал рассказывать нам «Легенду о Правде и Кривде» и все семьдесят бойцов отряда с раскрытыми ртами слушали Мангуста. Краткое содержание легенды: «При создании мира Богу помогли два ангела: Правда и Кривда. Но самым талантливым из них был Правда, его Бог любил больше всех, и поэтому Кривда начал завидовать Правде. Когда Правда создал людей, Кривда попытался сделать их

души черными. Не со всеми людьми у него это получилось, но со многими. И сошлись тогда две армии — Правды и Кривды — и начали спор. Долго сражались воины с обеих сторон: ломались копыя о щиты, стучали мечи о броню и лились реки крови. Наконец, армия Правды победила. И тогда сами Правда и Кривда сошлись в финальном поединке, превратившись в двух волков. Долго сражались они, но Правда все равно победил. Кривда же убежал, спрятался в подземных норах и продолжал гадить людям. И потому битва Правды и Кривды происходит все время. Уже многие тысячелетия, на всех континентах, островах, морях и океанах. Причем Правду и Кривду не надо путать с Добром и Злом. Иногда ради Правды приходится делать Зло, Кривда же часто прячется за личиной Добра». Позже уже в России я отыскал первоисточник этой религиозной по сути легенды и даже понял, как Мангуст с ней познакомился. Он, разумеется, преобразовал ее по своим лекалам и вывел такую концовку, что нам так и хотелось встать и пойти в бой. Потому что Правда за нами, и мы должны победить Кривду.

Как и большинство ополченцев (местных и приезжих), Мангуст мечтал о том, что на территории Новороссии после войны будет построено Государство Справедливости. Представление об этом государстве у всех было, конечно, довольно расплывчатым. В нем отразилось и неприятие киевской власти с ее тотальной коррупцией и воровством, и воспоминания о Советском Союзе, и традиционные шахтерские представления о справедливом вознаграждении за труд. У меня, кстати, таких наивных надежд не было. Но мне было интересно посмотреть, что в итоге вырастет из Новороссии. В моем представлении это могла быть «республика военных» по типу описанной Хайнлайном во все том же «Звездном десанте». Кстати, представление о доминирующей роли военных в новом государстве было второй социальной идеей, которая объединяла всех ополченцев. Это казалось справедливым, поскольку на общий взгляд те, кто сбежал из родной земли от войны, не заслуживали того, чтобы управлять своей страной. Имелись в виду, прежде всего, мужчины.

Еще одна история. Начало июля. Мы объявили воздушную тревогу. Все обитатели казармы на Камброде, где мы тогда

квартировались, забрались в бомбоубежище. И тут Мангуст внезапно начал «лекцию» о русском народе, его разделении на великороссов, малороссов и белорусов. Все замерли. Он, кстати, в отличие от меня не считал украинцев отдельным народом, и в этом было одно из наших расхождений. Я считал и считаю, что хотя украинцы и являются одной из ветвей древнерусской народности, но сейчас они пускай и братский по крови, но отдельный народ. Впрочем, это не касается жителей Донбасса. Они для меня прежде всего русские. Да и сами они себя воспринимают, насколько я могу судить, как русских. Впрочем, вне зависимости от происхождения и самосознания мы, все, кто воевал на Донбассе за Новороссию и Русский мир, были русскими. Это касалось и тех, кто считал себя русскими, и тех, кто считал себя украинцами. А также татар, якутов, башкир, осетин, казахов и представителей других народов, воевавших на Донбассе. Потому что, как кто-то выразился, «Русский это не национальность — это состояние души». Так вот это состояние души и составляло основу народного ополчения Донбасса.

Впрочем, Мангуст управлял нами не только яркими речами. Он мог быть и жестким по отношению к тем, кто провинился. Хотя его жестокость была относительной. Главным было не само наказание, а его неотвратимость. И именно поэтому мы часто отжимались за свои «косяки». Так произошло, например, когда мы попали в свою первую засаду в лесу. Тогда я и несколько парней, никогда не бывших под пулями, растерялись и не пришли сразу на помощь товарищам. Тупо не сообразили, что нужно сделать. И вот за это Мангуст нас заставил отжиматься. Отжиматься до тех пор, пока мы не поняли, в чем наша ошибка. И пока не запомнили, что от наших действий зависит выживание и победа всего отряда.

Но отряд держался не только на харизме Мангуста, и не на наказаниях, Во многом он держался на нескольких нехитрых правилах, которые ввел Саша. «Всегда идти туда, где стреляют, не бояться врага». «Нанеся удар, отступить и вновь нанести удар». «Своих не бросать. Никогда и ни за что». «Все припасы делить поповну между всеми». «Не брать ничего в брошенных домах, за исключением необходимой еды». «Между товарищами никаких

драк». И наконец, «Никакого пьянства на войне». У последнего правила было только одно исключение. Можно было выпить с товарищами за одним столом. Немного и всем поровну. Это касалось и еды, и алкоголя. Таких отрядных застолий у нас было всего пять-шесть за полтора месяца боев. Они чем-то напоминали мне спартанские сисситии. Та же идея, то же воплощение. И они же были практическим воплощением идей о справедливости, которые мы все разделяли. Эти правила, кстати, до сих пор живут в роте «Мангуст», которая была так названа после смерти Саши. Особенно это касается двух правил: «Не бояться врага» и «Своих не бросаем».

К середине июля в нашем отряде уже появились отделения и командирские должности. Я еще на начальном этапе формирования отряда отказался от любого «командирства» и по факту выполнял при Мангусте должность ординарца. Именно поэтому я был всегда с ним, в крайнем случае рядом. Так было и в день, когда меня ранило, а Саша погиб.

5 августа 2014 года в полдень «урал», в котором ехал я и еще несколько бойцов, въехал во двор казармы. Мы ездили в район аэропорта забирать снаряды для «рапиры». Снаряды мы так и не забрали, потому что попали под обстрел украинской гаубицы. Мы еле удрали от нее, снаряды падали буквально в пятидесяти метрах позади мчавшегося «урала». Во дворе царила суеда. Рота явно куда-то собиралась. Я спрыгнул с кузова, держа в одной руке свой автомат с нежным именем «Лида», в другую книгу «Трудно быть богом» Стругацких, которую я перечитывал, сидя в «КамАЗе». Эстетика «ТББ» меня всегда сильно привлекала. В условиях войны, когда сталкивается Добро и Зло, Правда и Кривда, ТББ как никогда было к месту.

— Ты мне нужен, Депутат, — встретил меня Мангуст. — Укры опять на Вергунке.

Сборы не заняли много времени. Собственно, я был готов. С десятков ребят, которых взял с собой Мангуст, тоже. Мангуст, его водитель и я сели в зеленую «Ниву» с выбитой задней дверцей. За нами рванула «Газель», где ехали СПГшники и пара-тройка автоматчиков во главе с Русланом. Я сидел сзади «Нивы», высунув ноги и дуло своей «Лиды» с подствольником в сторону дороги.

Вскоре мы приехали в Вергунку. Мы уже были там третьего августа и смогли отогнать укров. Но поскольку наши позиции на Камброде были почти оголены, нам пришлось туда вернуться. Сменить нас должны были «Лешие», собственно это была их территория, которую они два дня назад потеряли. Но «Лешие» так и не появились. Сказалась неразбериха и разногласия между командирами. Зато появились укры. Ровно на тех позициях и в тех капонирах, которые мы заняли за день до этого.

Именно к ним мы и направились. Двигаясь в пешем порядке вдоль частного сектора, мы натолкнулись на огонь укров. Впрочем, укров мы отогнали и прижали к их позициям. На какой-то момент я с еще одним товарищем оказался всего в двадцати метрах от украинского танка. Присев на корточки, я стал оглядываться, вода автоматом то в одну, то в другую сторону.

— Эй, кто ты? — услышал я над ухом. — Эй, да это Лугандон. Ударьте по нему, хлопцы, из пулемета.

Тут мы с товарищем рванули через сад назад к своим, а по деревьям ударила очередь из крупнокалиберного пулемета. Тяжелые пули проредили деревья, как нож повара шинкует капусту. Но мы успели отбежать и избежали поварского ножа. После этого мы засели в одном из домов на правой стороне улицы, а Мангуст отправился встречать остальных наших, которые должны были подойти вслед за нами. Примерно через полчаса Мангуст вернулся с подкреплением, тем временем укры атаковали наш дом. Бой длился минут двадцать, после чего мы отступили навстречу нашим ребятам. Вскоре мы встретили их. Тут же оказалась группа разведки из ГБР «Бэтмен» и несколько осетин.

После соединения Мангуст повел большую часть отряда по левой стороне улицы в сторону капониров, я же с несколькими нашими ребятами и ГБРовцами остался на правой стороне улицы в резерве. Вскоре отделение Монгола на левой стороне попало в тяжелое положение. И тогда я с еще одним бойцом выбежал на тротуар и стал поддерживать Монгола автоматным огнем. К тому времени ВОГов для подствольника у меня уже почти не осталось. Магазины же я успел трижды перезарядить. Вдоль забора дома, где засел Монгол, двигалось трое укров. Именно по ним

мы и стреляли. И тут раздалось журчание мотора и чей-то крик: «Танк идет». Мы с товарищем бросились в ворота ближайшего к нам дома. В воротах товарищ обогнал меня, задев мою правую руку обожженным стволом автомата (шрам остался до сих пор). От боли я чуть затормозил, и тут что-то горячее прошло по моему левому колену. Я скосил глаза вниз, на зеленом наколеннике зияла дыра, через которую капала красная кровь. Я по-прежнему стоял на ногах, а вдали нетерпеливо гудел танк. Звук его мотора все приближался.

Я огляделся и крикнул: «Меня ранили, помогите». Но вокруг уже никого не было, всех словно сдуло ветром. Попасть под танк никто не хотел. Я отполз за забор, чтобы приближающиеся танкисты меня не увидели и, сжав в руках свою «Лиду», стал ждать. Раздалось несколько гранатометных выстрелов, гул танка стал затихать, видимо, наши парни его отогнали. Тем временем ко мне подскочили двое парней из ГБР, и потащили меня к нашей зеленой «Ниве». Возле нее лежало еще трое раненных. Один из них был ранен в спину и не мог сам двигаться. Меня попробовали положить в «Ниву» через заднюю дверцу, но я, ругаясь, выполз из нее и кое-как залез на переднее сиденье. Тем временем Бурый, водитель «Нивы», зло матерясь, рожок за рожком выпускал пули в сторону приближавшихся укров. На дороге показался наш танк. Но он сделал только два выстрела «бам-бам» и уехал. Как потом выяснилось, у него заклинило оружие. Всего в том бою погибло пятеро наших. Настоящего имени одного из них, россиянина Ихтиандра, мы так и не узнали. На его могиле на Аллее Героев на Рябой Могиле в Луганске написан только его позывной.

Как погиб Мангуст, точно никто не знает. Все, кто были с ним, погибли тоже. Известно только то, что он с группой бойцов вырвался вперед, а те, кто пришел им на помощь, нашли только покореженные минами тела. Тело самого Мангуста сразу вывести не смогли. Вергунка в те дни пылала огнем, и укрытия не давали забрать тело. И только на третий день нашим пацанам удалось вывезти тело в город. Спустя неделю пацаны повезли его тело в родную Пермь, где он и был похоронен. На Южное кладбище Перми, где лежит его тело, я попал только в декабре 2014 года, когда

смог встать на ноги без костылей. Вечером того же дня я сел на поезд «Пермь — Ростов». Спустя двое суток я снова пересек российско-донбасскую границу и оказался в Луганске в казарме роты «Мангуст». Для меня эта рота стала живым мемориалом памяти о Саше.

Долг, Верность и Честь

ПРО ЖИВОТНЫХ И ЛЮДЕЙ

Вперерыве между боями мы нашли заброшенный дом в нейтральной полосе. До этого мы неделю были в полях, даже в казарме почти не ночевали. Было дикое желание помыться, отоспаться, отдохнуть чуть-чуть. В общем, вкусить немного нормальной жизни. Нам её в тот момент реально не хватало. Неделю назад в ходе лесного боя мы отбили атаку на Луганск со стороны Камброда. Если бы мы тогда не выстояли, весь Каменнобродский район оказался бы под контролем укров. Потом было стояние в окопах под минометами и «градами», и много еще чего такого.

Основной нашей задачи — разведки и диверсий — тоже никто не отменял. Почти каждый день с утра до вечера мы бродили по укропским тылам. Жара была страшная, да и без нее хватало нагрузки. В день мы проходили километров по двадцать-тридцать. С оружием и боеприпасами, разумеется. Про напряжение, возникавшее от постоянного ожидания обстрела из минометов или тяжелых пулеметов, я уже молчу. Обычной засады мы уже не боялись. Без тяжелого вооружения «айдаровцы» нападать на нас не решались.

Дом был трехэтажный, с джакузи, кучей спален и всем таким прочим, и при всём том ужасно уродливый. Подобный тем домам, что строили в 1990-е многие «новые русские». Кирпич с лепниной и башенками. Хозяева, судя по собранным вещам, уехали из Луганска от войны. Причем произошло это не меньше недели назад, судя по следам на кухне. Они, видимо, относились ко второй волне беженцев.

Первыми из Луганска уехали сторонники «оранжевых»: активисты «Батькивщины», «Удара» и т. д. Все, кто боялся новой власти. И боялись не зря. Во второй волне уехали люди вполне лояльные или полulóяльные идее независимости — бывшие регионалы, местный бизнес, средний класс. Те, кто поначалу надеялся на то, что с новой властью удастся договориться и жить так же, как они жили раньше. Но нахлынула война, и оказалось, что жить как раньше не получится.

В осажденном Луганске ценилась только одна профессия — военный. Партийные деятели, юристы, журналисты и прочие люди «свободных профессий» оказались не нужны. Бизнесом под бомбами тоже особо не займешься. Воевать же эти люди не хотели. Не барское это дело. И потому потянулись колонны иномарок в Киев, Харьков, Крым и Ростов. Особенно популярным было крымское направление. Наш Кузя (бывший капитан МУРа), перед вступлением в ополчение ездил отдыхать в Крым. Он рассказывал, что на полуострове летом были тысячи «донецких». Тысячи крепких с большими пузами мужиков лет тридцати-пятидесяти. Не похожие на традиционный образ беженца, они спокойно нежились на солнышке, пока на их Родине шла война. Зубы всех ополченцев (и местных, и приезжих) во время рассказа Кузи скрипели. Все мы представляли их в окопах с автоматами. Таких как они ополченцы люто ненавидели. Пожалуй, даже больше, чем укропов.

Я поначалу не понимал этой ненависти, но после первых потерь в роте я тоже заскрипел зубами. Третья волна беженцев ни у кого неприятия не вызвала. Наоборот, мы помогали им как могли. Это были дети и женщины. И началась эта волна после того, как укры начали обстрел мирных кварталов города. Мины падали прямо на улицах. Можно было идти по городу и угодить под осколок. Можно было ужинать всей семьей и всей же семьей попасть под мину. Старикам в частном секторе было не лучше. Мины падали и на их деревянные дома и перекопанные мозолистыми руками огороды. Но упорные старики в отличие от молодых не двигались с места. Кого-то держали дома и сады, кого-то упрямство, а большинству просто некуда было ехать. Нам, ополченцам, пожалуй,

даже везло. Мы сидели на окраинах города на оборудованных позициях и в защищенных блиндажах. У гражданских не было блиндажей. Да и били по ним укры даже чаще, чем по нам.

Чуть ли не каждый день «живой телеграф» сообщал о десятках погибших мирных жителей. Телевидение к тому времени уже не работало. Особенно страдала как раз наша зона ответственности — Камброд. Но сделать мы ничего не могли. Украинские «грады» и гаубицы были далеко от линии фронта. Поиском же вражеских диверсантов, которые вели обстрел домов прямо из города, занималась комендатура. Правда, вели они этот поиск как-то не очень удачно. Одним словом, комендатура. Им бы только машины у пьяных отжимать, да своих же ополченцев по городу ловить. После того, как одну из ДРГ поймали, выяснилось, что наводчики у них были свои. Местные луганские милиционеры. Работали за деньги. Сволочи. Как можно бомбить собственный город, я не понимаю! Да еще ладно бы они военные объекты атаковали. Так они в основном по частному сектору и спальным районам лупили. Уроды.

Пока обследовали дом (черный ход, возможные огневые точки и т. д.) натолкнулись на овчарку в гараже. Увидев вошедшего Сталкера она заворчала, подняв уши вверх. Но заходить мы к ней не стали, несмотря на то, что овчарка была привязана. Пока мы обходили дом, ребята восхищенно ахали. Многие из них видели подобные дома впервые. Две ванны, пять спален, гостиная, две плазмы, джакузи. Все это для них было в диковинку. Большинство ополченцев (и местных, и россиян) до войны особо не преуспевали. Охранники, продавцы в магазинах, строители, водители, милиционеры и полицейские и т. д. И если россияне еще хоть какую-то нормальную жизнь видели, то для большинства бывших украинцев, а ныне новороссов эта жизнь была недоступна. Для примера, заместитель командира группы Музыкант (очень умный и способный мужик) до войны работал мясником в торговой сети и получал две с половиной тысячи гривен. На тот момент это было порядка шести тысяч рублей.

По ходу обследования дома «социальный негативизм» заплял вовсю. Парни не понимали, почему, когда «эти» жируют где-то

в Киеве или Москве, они должны защищать их дома. Не обошлось и без мародерки. Правда, по мелочи. За крупную командир жестко бил по рукам. Меня от всего этого дергало. Правда, один раз я не удержался и прихватил из разбомбленного дома «Трудно быть Богом». Эта книга, кстати, оставалась у меня до моего последнего боя в рядах ополчения. Не могу не вспомнить цитату из ТББ, которая врезалась мне в память: «Раньше я вёл каждый бой так, словно это мой последний бой. А теперь я заметил, что берегу себя для других боев, которые будут решающими». В общем, я был тот еще книголюб. Вот и сейчас я заглянул в комнату, служившую в доме библиотекой. Хозяин, судя по всему, был юристом. Мало того, судя по набору книг, не адвокат, а скорее из прокуратуры или судейский. Нашлось и несколько художественных книг. Правда, не «Война и мир», но читать можно было.

Из детской вдруг расстались крики пацанов. Я поднялся наверх. В окружении трех ополченцев стоял наш пулеметчик Большой. Молодой парень из Белгорода. Он очень боялся пуль и разрывов мин. Но, несмотря на все свои страхи, был с отрядом с самого начала. Большим его назвали за рост и крепкое телосложение, за это же ему и доверили пулемет. И вот Большой стоял посреди комнаты с пультом в руках, а над его головой летал детский вертолет. Несмотря на свои двадцать два, он был все-таки большим ребенком. Впрочем, многие из ополченцев были такими. Чтобы решиться бегать с автоматом в руках по полям, зеленке и городским кварталам, нужно быть немного ребенком. Взрослого человека останавливает риск быть убитым, а мы «большие дети» научились относиться к этому спокойно. Жизнь научила.

Вспоминается первый увиденный мной «двухсотый». Поздно вечером по темноте мы с Мангустом и Кузей ехали на нашей зеленой «Ниве» проверять позиции, и вдруг увидели стоящий танк. Выйдя из машины, мы обнаружили экипаж танка, плачущий возле тела их командира. Тело танкиста было отдельно, голова отдельно. Оказывается, танкисты вели огонь по врагу, но по неопытности не сменили позиции после первых трех выстрелов. В итоге мина накрыла командира, корректировавшего огонь, сидя на башне. Экипаж был семейный, все сельчане из одного села под Луганском, и

все родственники. Мы с Кузей подняли тело танкиста и положили его в машину Мангуста, рядом с ним разместили голову. Механик-водитель и наводчик поехали с Мангустом хоронить родича. А мы с Кузей остались сторожить танк. Ночь была холодной, и мы забрались внутрь танка. Правда, как закрыть люки, мы в темноте не разобрались, и было все равно холодно. Да и пролетавшие над танком снаряды душу не согревали.

В том же доме обнаружили мы двух брошенных котят. Они свободно гуляли не только по дому и двору, но и по соседним домам. Там их, видимо, подкармливали местные пенсионеры. Уже после ранения в больнице я встречал такую же пенсионерку (жену попавшего под мину в своем собственном доме гражданского). Как она рассказывала, они с соседкой подкармливали целую стаю таких брошенных кошачьих. Правда, чем они их кормили, не знаю, с продовольствием в городе уже были проблемы. Котят мы чуть подкормили — тушенкой из наших запасов. Запасы, правда, были небольшими. Мы так торопились вымыться, что не захватили с собой сухпай.

Брошенные котята, коты и кошки вообще часто встречались нам в то кровавое лето 2014 года. Первый раз я увидел рыжего котенка в нашей казарме на Камброде. Он даже несколько раз переночевал в моей кровати, рядом с автоматом. Помню, как задрожало его сердечко, когда наши зенитчики случайно впяли в стену казармы очередь. Слава Богу, никто не пострадал, но струхнули мы тогда все здорово. Котенок же особенно. Еле-еле я выгладил из его маленькой души страх. Минут через пять он замурлыкал. Через какое-то время я встретил черного с белыми крапинками пучеглазого котенка с порванным правым усом прямо на позиции у «Металлиста». Совсем кроха, он оказался очень притким. Правда, глухим. Контузия бывает не только у людей. Обычно он ютился возле полевой кухни. Понятно, почему. Но стоило украм начать обстрел, котенок сразу бросался бежать и исчезал быстрее, чем мы сами успевали спрятаться в блиндаже. После обстрела он так же внезапно появлялся у кухни и начинал просяще мяукать.

Электричества в доме, как и во всем Луганске, не было. Правда, тогда еще не было и сплошного отключения. Оно то появлялось,

то отключалось. Тоже самое и со связью. Окончательно все отключилось к концу третьей недели августа. Впрочем, сейчас нас это вовсе не волновало. Ребята нашли в доме генератор и запустили его. Спустя несколько минут у нас появился свет, через час нагрелась горячая вода. Первым в джакузи пошел Мангуст, так сказать, по командирской квоте. Саша никогда не упускал возможности помыться или хотя бы вымыть ноги. Последнее, учитывая длительность наших переходов, было очень важно. От него привычку при первой возможности мыть ноги перенял и я. Сегодня я этим и ограничился. Сил ждать своей очереди в ванную не было. Читать уже тоже не хотелось, жутко хотелось спать. Как, впрочем, и большинству других «бешеных».

«Бешеными» нас называли в штабе. И не только за характер, он у большинства из нас был ого-го. Скорее за то, что мы были одним из немногих подразделений в Луганске, которые действительно воевали. Не сидели по базам или окопам, а рвались в бой при первой возможности. Причем командование постоянно (и не всегда успешно) останавливало Мангуста. Суть нашего Генерального штаба (как шутя называли себя сами штабные офицеры) состояла в одной фразе: «Лишь бы не случилось чего». И потому приказа о взятии РЛС мы, например, ждали три недели, и так и не дождались. Хотя с нашей стороны все было почти готово. Нужна была только артподдержка, чуть подкинуть людей, да БТР с танком. Впрочем, мы бы справились и без подкрепления. Дали бы танк. Не дали. В душе, я думаю, Мангуст был рад этому. После тех боев, что мы пережили вместе, он очень привязался к отряду и берег нас — своих разведчиков. А при штурме РЛС «двухсотые» были бы неизбежно. Это же настоящая крепость.

Несмотря на размеры дома, кроватей на всех не хватило, отряд был большим, да и вместе ночевать было как-то спокойней. Человек семь, и я в том числе, легли в гостиной на втором этаже прямо на полу. Я пришел туда, когда уже все разлеглись, и поэтому мне досталось место с краю. Лег, как и полагалось, с автоматом под боком. Моя «Лида» (так я нежно называл свой АКС). Даже сейчас, когда я вспоминаю о нем, меня охватывает волна какой-то странной нежности и тоски. С этой «женщиной» я провел

два месяца, практически не расставаясь. И спал, и ел с ней. Про боевые операции я уж не говорю. Во дворе дома, разумеется, поставили часовых. Они менялись через каждые два часа, но моя чаша сия миновала.

Заснуть сразу, однако, не получилось. Не хватало разрывов над головой. Привычка засыпать под завывание мин и грохот гаубиц была такой укоренившейся, что первые дни в России я не мог уснуть. А самой сладкой ночью в Луганске была ночь, когда мы с Кузей ночевали в зеленке недалеко от нашей второй линии обороны. Все как обычно расстелили одеяла, сняли и положили под головы разгрузки, сжали в руках автоматы, и вдруг грохот. И не обычный гаубичный, к которому мы привыкли, а гораздо мощнее и раскатистей. «Град». Мы с Андрюхой немного струхнули. Никакой окоп, если он не прикрыт бетонной плитой, от «града» не спасал. А наш окоп, доставшийся нам по наследству от прежней смены, и окопом-то можно было назвать с большой натяжкой. Так, окопчик. И вдруг, смотрим, а «град»-то наш. Надо сказать, что в первые недели после нашего приезда в Луганск с артиллерией у ополчения было плохо. На каждые десять выстрелов укропской артиллерии приходился в лучшем случае один наш выстрел. И тут наш «град». Трудно передать нашу радость. Под его раскаты я тогда и заснул, улыбаясь во сне. В тот момент я был счастлив и мне снился дом.

Утром, переночевав, мы собрали снаряжение и оружие, и стали грузиться в нашу «тачанку». И тут «тачанка», как всегда это бывает, заглохла. Тачанкой мы называли грузовую «Газель» с обрезанным до середины кузова тентом и бронированными стенками. Как и на легендарных тачанках времен гражданской войны в России, на ней стоял пулемет. Правда, не «максим», а тяжелый пулемет КОРТ. Пока «тачанку» ремонтировали, Скляр и еще один боец решили заглянуть к собаке и покормить ее. Собаку заметили еще вечером, но никто заходить к ней по темноте не стал. Скляр был из местных, бывший мент, причем из деревенских. Жена и дети у него остались на оккупированной территории, и он все порывался поехать туда. Командир не отпускал. Одному ехать туда было смертельно опасно, а лишних людей у нас не было. Скляр был

штрафник. Мало того, он был штрафник в квадрате. Потому что, попав в к нам в штрафное отделение, он умудрился напиться, да еще полезть в драку с командиром. За что, естественно, схлопотал по полной. Но на командира Скляр зла не держал, понимал, что досталось ему за дело.

— Ребята, она умирает. Совсем исхудала, — сообщил с дрожью в голосе вернувшийся из сарая Скляр. С такой же дрожью Скляр рассказывал о своей семье, оставшейся на «Бандеровщине».

Несколько человек, и я в том числе, бросились в сарай. Большая породистая собака неподвижно лежала на рваном коврикe в углу и жалобно смотрела на нас. Такими жалобными собачьими глазами, которые никогда не забудешь. Рядом с ней стояла полная миска корма. И рядом лежали открытые пакеты с кормом же. Видимо, хозяева оставили перед отъездом. Еда была не тронута. Собака же была исхудавшая донельзя со шпангоутами ребер. Видимо, она не ела с момента отъезда хозяев.

— Отвяжи ее, пускай уходит, — сказал Скляру подошедший к нам Мангуст. Скляр попробовал приблизиться к собаке, та зарычала, по-прежнему жалобно смотря на нас.

— Она тоскует по своим хозяевам, — ответил Скляр. — Я разбираюсь в собаках. Она будет сидеть на месте и никого не подпустит к себе, пока не умрет с голода. Что делать, командир? — спросил он Мангуста и посмотрел ему в глаза. В том момент глаза его были такими же, как у пса. Вмещающими в себя всю тоску нашего жестокого собачьего мира.

— Позаботься о ней, Скляр, — приказал командир и вышел из сарая. За ним выбежали и мы, подальше от того, что сейчас произойдет. Щелкнул затвор. Через мгновение раздался выстрел. Ба-бах.

Мы все, и подошедший Скляр, молча залезли в машину. Жалобно заурчал мотор. Мы поехали. В непривычной тишине. Пока мы возвращались в казарму, я вспомнил еще одну историю про собаку. Шла вторая неделя существования нашего отряда. Мы только что проехали по нейтральной дороге на нашей «тачанке», и примерно за километр от позиций укров ударили по их закопанному БТРу из Корта. Результатом двухминутного обстрела был дымок над их позициями (судя по десантному флагу с крылышками, это

была 25-я воздушно-десантная бригада). Дальше все было просто. В машину и назад на всех парах. Классическая партизанская тактика. «Пришли, въебали и съебались», — как говорил Мангуст. Что мы собственно и сделали (начали съебываться). И тут над нашей «тачанкой» засвистели мины. Ромашка газанул и мы понеслись вперед. Мины продолжали свистеть над головами. Напряженье все нарастало.

Тут внезапно кто-то из наших сказал: «Смотрите, пацаны, с нами противотанковые мины, взрывчатка, мины от миномета, развернутые мухи. Да еще и мины над головой. Щас вот попадет одна мина в машину, и все. Мы всей толпой сразу на небеса». И захотел. Вслед за ним захохотали и остальные. Ржали минут пять, тем временем мы ушли от минометного обстрела. И вот когда мы уже успокоились, внезапно заглохла машина, а до Луганска было еще три километра. Ромашку ругали почем зря. Он вообще был чудо-водитель. Мог вытащить из любой жопы, но машина после этого становилась недееспособной. Так, собственно, и произошло. Пришлось нам всем вылезти и толкнуть машину. Дорога была ровной, и потому метров через двадцать разгона она пошла за нами. Снова повеселев, мы запрыгнули в кузов и поехали. Вдоль дороги стояли брошенные хозяевами дачи. На дачах уже вовсю плодоносили фруктовые деревья и виноград. На грядках алели помидоры и зеленели огурцы. И все это богатство пропадало. Лишь изредка часть этого богатства доставалась нам. Впрочем, вместо винограда и груш на этих дачах вполне можно было получить пулю. Туда периодически забредали укропские РДГ и наши казаки. Последние могли и своих застрелить.

И тут за нами побежала собака. Овчарка. Видимо, одна из брошенных. Многие из нас с болью посмотрели на нее и стали кричать ей, чтобы она ускорилась. Многие начали тянуть руки с бортов машины. Но машина ускорилась так, что собака догнать ее уже не могла. Останавливать лишнюю ходячую машину значило подвергать риску группу. Мангуст приказал не тормозить. Вскоре собака из черного лохматого облачка превратилась сначала в жирную кляксу, а затем в маленькую черную точку. Бойцы продолжали тянуть руки... собака продолжала бежать. На глазах у многих появились слезы.

И еще я вспоминаю про лошадей. Мы попробовали тогда обойти РЛС с другой стороны. Пока осматривали окрестности, натолкнулись на конюшню бывшего губернатора Луганщины Ефремова. Там стоял с десяток породистых лошадей. Пара работников ухаживала за ними, но чувствовалось, что рано или поздно они их бросят. Война. Мы вошли в конюшню. Лошади испуганно заржали. Я подошел к одному из коней и осторожно приблизил к его морде ладонь. Он посмотрел на меня своими конскими глазами и лизнул мне руку языком. Сердце екнуло. Я не выдержал и выбежал вон из конюшни. Остальные бойцы тоже долго там не задержались. На обратном пути мы попали в засаду. Вырвались из нее, как всегда, чудом.

И вот родной Камброд. Еще несколько метров — и поворот на нашу казарму. Бойцы повеселели. Начались разговоры. На повороте перед казармой метрах в тридцати от нашей машины внезапно охнула «восьмидесятка». Работала укропская ДРГ. «Прихода» мины за шумом мотора никто не услышал. Ромашка газанул, а мы поспешно перекрестились. Показались ворота казармы.

Так завершился один из немногих мирных дней нашего отряда. Для Луганска он тоже оказался почти мирным. В боях никто из ополченцев не погиб, из мирных жителей тоже никто не пострадал. Разрушили всего три дома. Собаку было очень жалко. Всех было жалко. Но завтра был бой.

С ТЕХ ПОР ВСЕ ОНИ МОИ ДЕТИ

Все повторялось. Как в 2004-м, так и в 2014 году пьедестал памятника Шевченко стал трибуной для пророссийски настроенных лидеров, площадь возле монумента — для единомышленников, а парковая зона — для палаточного городка протестующих. Лозунги и речевки все те же, и лица все те же... хотя не совсем так. Много и новых людей. Главное отличие — во что трудно было поверить — коммунисты, прогрессивные социалисты, регионалы, русский блок и т. д. стояли рядом и без опознавательных знаков, то бишь без флагов своих партий.

— Эх, раньше бы такое единомушие, — подумала Мария.

Зато... дух захватывало от дерзости смельчаков, размахивающих флагами Российской Федерации. В годы «оранжевой революции» такое даже представить было невозможно. Сразу скрутили бы сотрудники СБУ и увели в автозак, плавали — знаем... Вот это различие и не давало покоя. Силовики так же незримо либо полужримо рассредоточились среди масс. Кто-то просто следил за порядком, кто-то клацал на фотоаппарат для своей СБУшной коллекции лица несогласных с новым европорядком, установленным в Киеве. Впрочем, и эта грозная структура с наступлением «Русской весны» разделилась сама в себе вместе в обществе, хотя, понятное дело, в себе и держала свой выбор. Выбор, говорите? Похоже, его еще предстояло сделать...

Было и еще одно отличие: на площади было много глубоко верующих, воцерковленных людей. Мария многих из них знала. Ранее они считали недопустимым для себя участвовать в политических митингах. Это о многом говорило. Значит, не всякое народное движение — только политика. Вот и сегодня самое обсуждаемое на площади было благословение на борьбу схимонаха святой горы Афон. В это трудно было поверить, но если это было правдой... Неужели не зря на этот раз трата сил и времени?

* * *

Это было уже после захвата и ареста выбранного на площади народного губернатора Луганской области Александра Харитоновна. Внимание привлекли новые палатки Луганской Гвардии и новые лица. Говорили, что вроде как это свои, но есть подозрение, что и подосланные с «евромайдана». Максим Качура, записывающий всех в Луганскую Гвардию, старожил палаточного городка, тоже сомневался в этих новеньких.

Мария посмотрела на его ногу в гипсе, который приносил ему многие неудобства в передвижении, и не долго думая, пошла выяснять сама.

— Ребята, вы кто такие и кого представляете?

— Мамаша, не переживай, свои мы. Мы — свои, — прекрасно поняв причину заинтересованности, ответил подтянутый симпатичный парень.

— А чем докажешь? — не унималась Мария.

Парень усмехнулся, затем взял под воображаемый козырек и отчеканил:

— Честь имею!

Против такого у Марии не нашлось аргументов. Приходилось верить.

* * *

Мария просто падала с ног от усталости. Нагрузив пакет продуктами в ближайшем от дома магазине, она побрела к своему дому. Ключ мягко повернулся в притертой уключине, и дверь родной квартиры распахнулась навстречу желанию быстрее плюхнуться в кресло перед телевизором с тревожными новостями.

— Мама, это ты? — послышался голос сына из комнаты, которую раньше называли детской. Но дети вырастают, а комнаты остаются прежних размеров, причем все в тех же квартирах, доставшихся от советской власти. Взрослый сын вышел из комнаты. Мария поняла — значит, голодный, и сразу пошла готовить ужин.

— Ты где была так долго? — спросил сын, хватая немытое яблоко.

— Хм-м... А то не знаешь. На митинге. Мыть!

— Сколько себя помню, ты все на митингах... Не надоело?

— Надоело. А что делать? Кто-то же должен проявлять активную гражданскую позицию. Иначе — вроде бы народ всем доволен и «делай с ним что хошь». Вот если бы вы со своими друзьями туда на площадь подтянулись, то я бы со спокойной совестью себя в ветераны народно-освободительного движения по объединению Украины с Россией зачислила, и смотрела бы на происходящее в телевизор. А так, молодежь по барам, а старики — воюют.

— Боевики, прям. Представляю, прихожу к своим и говорю, сегодня гуляем на митинге. Не смехи...

— Вот и я о том же: видно, смены не дожидаться... А ведь все идет к тому, что война разгорается.

— Не, мам, я лучше в «Контр-страйк», чем в ваши войны поиграю.

— Так и страну проиграть недолго. Зови отца, — тяжело вздохнула мать и подала сыну ужин.

* * *

6 апреля 2014 года. Очередной митинг. Все как всегда: ругают «евромайдан», читают резолюцию. Мария пошла в сторону остановки, но вдруг увидела, что люди стали выстраиваться в колонну и пошли в сторону ОГА.

«Неужели братья решили?» — всколыхнулась мысль.

Она уже подбегала к колонне, когда увидела, что демонстрация перед памятником Ленину поворачивает в сторону улицы Оборонной.

— Не, не на ОГА, на СБУ идем, — услышала она ответ на свой еще не произнесенный вопрос, видимо, для многих в колонне это также стало новостью.

Решившиеся на борьбу плотным кольцом вставали на защиту захваченного здания СБУ, благо сам захват прошел практически мирно, без кровопролития, значит, смогли договориться с силовиками. Но за этим должна была последовать ответная реакция хунты. И она последовала. Первые танки люди встречали со смехом. Они были в ужасном состоянии. Грязных, уставших и голодных солдат кормили жители, обстирывали, как своих детей,

понимая, что не они виноваты в том, что Турчинов отдал приказ «АТУ на АТО».

К моменту захвата СБУ в городе Счастье уже скопилась военная техника, которая легко могла справиться с несколькими тысячами отчаянных сопотивленцев. Над ними нависла большая угроза штурма со стороны Украины. Мария находилась снаружи, в толпе, окружившей СБУ со всех сторон. О самой угрозе там старались не говорить. Те, кто был внутри СБУ, через микрофон, установленный около входа в это одиозное здание, старались успокоить тех, кто был снаружи, говоря, что слухи о штурме ВСУ — это только провокации, чтобы запугать луганчан. Но люди всё равно понимали, что реальная угроза существует. И когда в ночь с седьмого на восьмое прозвучало новое объявление об угрозе штурма, у людей возник тот смертельный страх, с которым каждому предстояло справиться самостоятельно.

На помощь пришли верующие люди и православные батюшки. Чтобы укрепить ополченцев и защитников, чтобы остановить этот штурм, было решено поставить церковные палатки впереди баррикад. Группа воцерковленных людей в тот день получила благословение на то, что если пойдут танки со стороны Счастья, встретить их с иконами. И когда брали они это благословение, внутренне готовы были стоять насмерть там, что бы ни произошло.

Но время шло, а украинская армия так и не решилась на штурм.

* * *

— Мама, представляешь, трое друзей беженцами подались. И еще один собирается. А вы с отцом не собираетесь бежать?

— А что, похоже, что мы собираемся? Куда отца большого везти? А бабушку старенькую? А если не выдержат дороги?

— Ладно, не наседай. Понял.

— Да пока еще не очень понял. Если все убегут, кто в их домах жить будет?

— А если здесь оставаться, то как прожить? С работой — все. Нет ее.

— Насчет себя — решай сам. Взрослый уже.

— Да понятно, но если мне оставаться, то только с автоматом в руках... — Сергей замолчал, напряженно подбирая слова.

— Ты «белобилетчик», тебе не обязательно.

— Да при чем здесь это? Убивать не хочется... Понимаешь?

— Понимаю.

Мария обняла сына. Когда он ушел к себе в комнату, она, глядя на привычный пейзаж в окне, перекрестилась и мысленно произнесла то, что не смогла сказать вслух: «Благословляю».

* * *

В начале войны, пока еще в Луганске выходили газеты, Мария работала корреспондентом, подрабатывая сторожем в Свято-Вознесенском храме города Александровска (в черте Луганска).

Она как раз заступила на двое суток дежурства, когда позвонил сын и сказал:

— Все, мам, я в «Избушке».

Она даже не сразу сообразила, что это за лубяная или какая другая избушка, но, к сожалению, так называли здание СБУ.

— А что ты там делаешь? — спросила она, боясь услышать ответ.

— Записываюсь в ополчение.

В «Избушке» сыну сказали, что сначала обучат военному делу, а потом уже отправят на боевые действия. Но почему-то уже вечером того же дня он оказался на блокпосту в Металлисте. Это была самая горячая точка в те дни.

Мария привыкла рисковать своей жизнью, но сына... Ей впервые стало по-настоящему страшно. Молитва помогла справиться с волнением. Когда стемнело, она позвонила ему из храмовой сторожки, чтобы поддержать морально.

— Сереженька, как ты?

— Нормально.

— Форму выдали?

— Нет пока. Не звони только часто. Нельзя.

— Не буду, но там же холодина какая...

— Мне дали плащ военный на время дежурства. Он теплый. Все нормально.

— А автомат дали?
— Дали. Хм... И всего восемь патронов в рожке. Смех, да и только.
— А ты стрелять-то умеешь?
— Нет. Где б я научился?
— И попробовать выстрелить не дали?
— Ты что! «Ответка» прилетит.
— А много их там? В смысле «нациков».
— Тысячи полторы, говорят.
— Ох... А вас? Сколько вас на блокпосту?
— Человек сто будет... На десять автоматов... Ладно, мам, не переживай... Все будет хорошо. Завтра на полигон повезут, там стрелять научат.
— Сыночек, ты тоже не переживай, я в святом месте, я молюсь за тебя... Все будет хорошо.
На какое-то время Мария все-таки засыпала, но потом просыпалась и снова начинала молиться. Утро было не за го-рами...

* * *

Интенсивность обстрелов с каждым днем возрастала. Как-то приехал сын домой и говорит:
— Собирайтесь все, я вас утром на свою базу отвезу.
Все — это восьмидесятипятилетняя бабушка, муж — инвалид второй группы, и сама Мария.
Бабуля сразу отрезала:
— Никуда я не поеду, пусть хоть сколько бомбят.
Мария растерялась, не зная, что и ответить:
— Сереженька, да куда мы поедем? Молиться буду, чтобы дом цел остался, и за тебя...
Но сын перебил:
— Ты не понимаешь. Сейчас решается: или-или. Если не удержим Луганск, придется в Россию уходить. Ты же у нас «засвеченная» — не пощадят. А если еще кто-то капнет, что сын — ополченец, и вообще... Мне спокойнее будет, если вы эти несколько дней побудете рядом.

Так Мария с мужем попали на одну из баз ополченцев под названием «Горизонт». Мария с первого дня самоопределилась помогать поварам, двум Ольгам, на кухне. Мужу, несмотря на его плохое состояние здоровья, доверили автомат, и он в паре с кем-то из ополченцев сидел «на тумбочке». Бабуля, сколько ни уговаривали, осталась дома.

Еще в первые дни дежурства по кухне Мария обратила внимание на невысокого парнишку — Малого, — который, для его лет, довольно взвешенно рассуждал, давая оценку ситуации вокруг того, что происходит на Донбассе. Оказалось, что он из поселка Хрящеватое Луганской области, ему — двадцать три года. До войны он работал на шахте Свердловска электриком. Когда в соседский дом упала мина, не раздумывая, пошел защищать Родину. Малой был во взводе Всадника, уезжал со своей группой на боевые дежурства, затем возвращался на базу, делился впечатлениями, кто в кого, сколько раз и из чего стрелял и, отдохнув, снова отбывал на свой блокпост.

Время шло. В черед «приходящих» и «исходящих» проходило раскаленное засушливое лето (без воды в водопроводе). К его исходу с большим трудом армии ЛНР удалось отвоевать Луганский аэропорт. На очереди были поселки Георгиевка, Хрящеватое и Новосветловка. Украинский батальон «Азов» там так успел окопаться, что без больших потерь освободить эти важные в стратегическом отношении поселки (дорога жизни на Изварино!), не представлялось возможным. Но ради луганчан, оказавшихся в кольце блокады, это было сделать архиважно, жизненно важно, это нужно было сделать любой ценой.

То спонтанное совещание ротных накануне наступления на Георгиевку возникло прямо в столовой во время обеда. Поэтому и только поэтому Мария стала свидетелем жарких обсуждений. Где-то наверху какой-то Морпех из высоких чинов планировал впереди пустить пехоту, а затем уже танки и БТРы. Батальон Лешего вместе с батальоном «Заря» под командованием Коммуниста должен был принимать участие в этой операции: идти с автоматами впереди техники на укрепрайоны.

Ротные в один голос говорили, что по всем законам стратегии сначала должна отработать артиллерия, затем — танки, и под прикрытием танков и БТРов уже вступать в бой пехота. А так — ребята просто пошлют «на мясо». Обсуждение было очень бурное. В воздухе витали крепкие словечки, среди которых можно было услышать и «предательство», и «отказ», и «долг». Но что могли ротные сделать против приказа высокого командования? Только еще раз поехать к Лешему и еще раз вместе с ним попробовать надавить на Морпеха.

Кто был прав в этом споре, судить специалистам, но на следующий день Мария узнала, что давление на Морпеха принесло результат. Было принято решение, что пехота поедет частично внутри брони, частично — на броне танков и БТРов, затем десантируется и вступит в бой под прикрытием «железных коней». Это известие несколько снизило накал страстей, но понимание того, что потерь все равно может быть много, угнетающе висело в воздухе. Наступление было запланировано на четыре утра, выезд с базы — на два часа раньше.

Многие из солдат, собираясь с духом, допоздна сидели в столовой, за разговорами цедея чай и кофе. Мария прилегла в комнате сына, но заснуть так и не смогла. Волнение бойцов передалось и ей. Когда голоса смолкли, она пошла в столовую, чтобы навести там порядок. Электричество в то время добывалось электрогенератором, который на ночь выключали. Но если бы оно даже было, свет в ночное время был под запретом. Нельзя было включать даже маленькие фонарики на лестничных маршах и в тех помещениях, окна которых выходили на улицу, чтобы не демаскировать базу ополченцев. Коридор и столовая тускло освещались садовыми светильниками на солнечных батареях там, где было можно.

В отсутствие воды и освещения требовать от ополченцев, чтобы они мыли за собой посуду, не приходилось, поэтому она не удивилась, в полутьме увидев на столе батарею чашек. Мать сполоснула одну из них, налила себе минералки и только тут заметила, что не одна. В торце сдвинутых столов, привалившись к стене, сидел Малой.

— Что, не спится? — сочувственно спросила она.

— Угу... Вы простите, мы тут беспорядок устроили.

— Ладно, не привыкать. До времени «Ч» пару часов осталось, может, попробуешь заснуть?

— Вряд ли...

И тут женщина услышала такое, что заставило ее оцепенеть:

— Мне только одного жаль — с мамкой не успел попрощаться. Связи ж нет...

— Стоп. Это что еще за пессимизм? Не впервой же... — попыталась она приободрить Малого.

— До сих пор мы оборонялись, а теперь вот... наступаем. Это разные вещи.

— Ты в Бога веришь?

— Ну, так... немного.

— А веришь, что сколько вы будете в бою, столько я буду молиться Ему о тебе и о всех наших ребятах?

Он не ответил, но в его взгляде появился тот спасительный росток надежды, который способен вывести героя из плена страха смерти. Расчувствовавшись, Мария обняла паренька, прижала к себе, поцеловала, как родного сына и сказала:

— Сегодня — я буду твоей мамой. Ты мне позволишь? Молитва матери чудеса делает. Я буду тебя держать молитвой. Все будет хорошо! Ты вернешься. Обязательно вернешься...

* * *

Непредвиденные слабые места в плане наступательной операции дали о себе знать в реальном бою. Сначала на пути атакующих сил препятствием стало (только представьте!), стадо баранов, которое мирно паслось в это раннее утро на своем пастбище в высокой траве. Ополченцы подумали, что это засада ДРГ, и открыли по ним огонь. Пока разгоняли обезумевших от страха баранов, потеряли скорость и время. Затем вступили в бой с нацбатальоном «Азов». Часть пехотинцев десантировалась, отработала стрельбой и пошла за танками, но танки ехали быстрее, не дожидаясь ополченцев. Огня укрофашисты не жалели, поливая ополченцев из всего, что у них было.

Операцией на месте командовал Коммунист из батальона «Заря». Ополченцы смогли продвинуться до середины Георгиевки,

укрыться в жилом секторе, но, в целом, атака захлебнулась под непрерывным огнем противника, не принеся больших успехов армии ЛНР. Причиной тому стал взорванный мост. Вся техника в единый миг встала, как вкопанная. На этом сюрпризы от «укропов» не закончились. В воздух поднялись два вертолета и с ходу стали утюжить наступающих. Наши — тоже оказались не промах, в долгу не остались. Благо, «иглы» были под рукой. Оба вертолета тут же были сбиты, но вот досада, один из них успел подбить наш трофейный танк. Он горящим факелом со скоростью слетел с горы и сгорел буквально за три минуты.

Потом, чего никак не ожидали, появился и третий вертолет, причем с символикой ООН. Шел он очень низко, поэтому его не сразу заметили ополченцы, да и все внимание было направлено на танкистов, которые в это время выпрыгивали из горящего танка. Слава Богу, весь экипаж выжил, вот только у водителя сильно обгорели руки, потому что он попытался спасти еще и свой автомат. Не получилось... Вертолет противника, тем временем, выпустил по ополченцам реактивные снаряды. От их взрыва контузило сразу несколько ополченцев, но, к большой радости, никого не убило. И этот вертолет был также подбит, он задымился, но смог улететь к своим.

Больше испытывать судьбу не стали. «Коробочки» развернули и спрятали в «зеленке». Коммунист приказал пехоте укрыться под мостом, а разведгруппе из четырех человек пройти вперед и посмотреть, что делается на мосту. Добровольцами в довольно опасную разведку вызвались идти, опять же, командир Коммунист, Снабженец, ротный Всадник и еще один боец из «Зари». Без прикрытия они пошли по направлению к поселку Георгиевка, поднялись на мост, откуда хорошо был виден догорающий украинский блокпост, следствие нашей атаки.

На мосту разведчики нашли упавший флаг Российской Федерации. Они с удовольствием подняли его, закрепив там, где он развевался раньше. Вот тут-то разведгруппа и обратила на себя внимание, по ним тут же был открыт огонь из гранатометов. Но уходить без трофеев, любезно оставленных для армии ЛНР разбегающимися боевиками ВСУ, было не по-спортивному. Забрав кучу трофейного оружия, сколько смогли унести на себе четверо

здоровых мужика, они благополучно отступили за линию досягаемости огня.

Но на базу вернулись не все. Не досчитались тогда одиннадцать человек. Среди них был и Малой. Снабженец, Всадник и еще несколько человек их разыскивали, но нашли только личные вещи кого-то из списка пропавших ребят. С упавшим сердцем Мария уезжала домой, но не ехать к старенькой матери было нельзя. Стараясь отгонять подальше мысли о том, что их уже может не быть в живых, она продолжала молиться о здравии Малого, Бачи, Караса и других пропавших ребят.

* * *

На следующий день, приехав на базу, она узнала, что пропавшие нашлись, все были живы-здоровы. Радости не было предела. Оказалось, у одного из наших БТРов возникла проблема с двигателем, и он поехал в сторону квартала Заречный для ее устранения, а эта группа ребят, не поняв маневра, пошла по его следу. Они не смогли догнать его, чтобы выяснить, в чем дело, и отклонились от маршрута основной колонны. Долго шли, да оказалось, не туда. Потом стали возвращаться к месту боя, но бой почему-то быстро кончился. Все стихло. Когда они дошли до бетонки, у взорванного моста уже никого не было. Снабженец и Всадник, вторично выехавшие на их поиск, все же смогли вызвать их по рации. Обнаружив пропажу, забрали всех на базу.

Говорили, что всего в этом бою погибло до двухсот человек. Командованию понадобилось доказательство того факта, что трофейный танк был подбит с вертолета. Для этого на следующий день Снабженец со своим сыном Кириллом снова ездили к сгоревшему танку под нос к «укропам». Им удалось добыть неоспоримые улики, подтверждающие, что танк был сбит именно с вертолета с символикой ООН. На память об этом факте осталось фотография, где Снабженец держит в руках остатки реактивного снаряда.

Мария подумала: «Как хорошо, что родная мать Малого не знала подробностей, которые пришлось пережить мне в страхе за жизнь ребят. С тех пор — все они мои дети. И молодые, и постарше, пусть даже и старше моего возраста».

* * *

За первой, не совсем удачной операцией, последовали другие, принесшие более ощутимый результат: Георгиевка, Хрящеватое и Новосветловка, наконец, перешли под контроль армии ЛНР. Дорога Жизни была освобождена и спасла многие тысячи луганчан.

В одном из следующих боев за Георгиевку Малой снова случайно попал не туда. В результате — им был найден исправный брошенный танк ВСУ, который был торжественно доставлен в нашу «Избушку» и вручен Лешему. Ох, дети-дети... Сыны Отечества!

* * *

В войну многие неверующие уверовали в Бога, уповая в молитвах на Его милость. Все мы стали привыкать к вооруженным людям на улицах города. Вид автомата, а для кого-то и миномета, стал привычной деталью то ли пейзажа, то ли натюрморта, то ли портрета, в зависимости от обстоятельств. Сюрреализм мира стал реальностью войны. Но обычного для человека страха не было, вместо него, в состоянии «постоянно начеку» автоматически включился инстинкт самосохранения. Мы легко определяли, куда и откуда летит снаряд, и пора или не пора искать укрытие. Слава Богу, все они пока были мимо. Но все равно... как же нам всем хотелось вернуть мир! Жажда мира была невыносимой, тем невыносимее, чем дольше не было воды в кранах. День, неделя, месяц... Высохли резервуары водораспределительной пожарной станции. Жара невероятная, засуха... Два месяца прошло, а воду так еще и не включили... За водой приходилось ходить за целый километр.

Что в ноше той, что ты упрямо прешь,
От тяжести и зноя изнывая?
Поймешь все сам, то правда или ложь:
В котомках жизнь — вода в них питьевая.

Не одна Мария после ежедневных походов за водой и стояния в очередях по пять часов под палящим солнцем стали хромать,

другие жаловались на головную боль, сердце... Все доступные по цене обезболивающие стали дефицитом.

Поражало общее состояние духа общества, народа, людей, соседей — все были приветливы, внимательны друг к другу. Не верится? Да, бывали срывы, бывали... Но и сострадание к тем, кто сорвался, было рядом... Всегда находился тот, кто волевым уговором возвращал сорвавшегося в строй, а точнее — в общенастрой.

Бог был всегда рядом и поддерживал тех, кто обращался к нему за помощью... И верующих, и не до конца верующих.

Настал момент, когда в Луганске был включен свет. Первыми зажглись светофоры. Люди глазам своим не могли поверить: транспорта по-прежнему мало ездило по дорогам Луганска, а светофоры зажглись, чтобы регулировать движение! Наглядеться не могли на эти трехцветные огоньки.

Как только дали свет на восточных кварталах, Мария стала корреспондентом единственной в городе газеты в ЛНР «XXI век».

СОЛЬ ЗЕМЛИ

Это был конец июня 2014 года, и война уже шла полным ходом. Я плохо помню те дни. Пospать удавалось не более нескольких часов. Потом мы поднимались по тревоге и мчались куда-то на нашей безумной повозке — микроавтобусе «газель», боковая дверь которой держалась на проволоке, поэтому её приходилось держать руками, чтобы не выпасть на ходу. Возвращаясь в расположение, я наскоро, как будто сдавал норматив, ел и мылся, после чего сразу валился спать. Однажды мою опустевшую оболочку в очередной раз разбудили, заставили собраться и отправили под краматорский аэропорт, где, как я узнал по дороге, уже находились несколько бойцов нашего отделения.

Когда мы подходили к передовой напротив аэропорта, с меня мигом слетел сон. Впереди, прямо на дороге, стояло несколько наших «красавцев», вольготно покуривая и опираясь на оружие. Стояли на открытом месте, как на ладони. Большого примера слабоумия и отваги я ни разу не видел — они, наверное, совсем одурели от кофе и недосыпа — как будто морок нашёл. Мы приблизились к товарищам и я, от греха подальше, сразу нырнул в кювет, находившийся где-то на метр ниже уровня дороги.

Начальник отделения только успел распределить, кто и куда должен идти и что там делать, как упали первые мины. Я растянулся под деревом и ждал, пока всё не стихло. Как только смолк омерзительный шорох осколков, секущих ветви деревьев, командир дал приказ стрелять. Я выполз со своим ПТР на уровень дороги, прицелился и открыл огонь по позициям врага. Мой заряжающий куда-то пропал вместе с моим автоматом, и где-то на периферии сознания меня сильно беспокоила возможность потерять автомат, если парня убьют или что-то в этом роде.

Я стрелял как автомат. Сначала старался как можно быстрее вставить патрон. Потом усердно целился и жал на курок, всем

сердцем откликаясь на рывкающие выкрики ружья. Потом максимально быстро старался выбросить патронник, чтобы не застряла гильза, и всё повторялось. Бил по окнам диспетчерской вышки и вообще по всему, что казалось мне похожим на укрытие неприятеля. Кажется, кроме меня стрелял только пулемётчик, но я не уверен, так как ПТРД чертовски шумная штука. Не знаю, сколько времени это продолжалось, и сколько выстрелов я сделал, прежде чем услышал, что командуют отступление.

Затем началось самое интересное. Я пятился в густой и жёсткой траве. Разгрузка сбилась к груди и уже через минуту живот и грудь изорвали камни и стебли растений. Из её карманов высккивала начинка — рожки, аптечка, патроны для ПТР, и я был вынужден раз за разом возвращаться, чтобы подбирать имущество.

Продираясь сквозь траву, я тащил за собой своё ружьё, которое вспахивало степь как плуг, и тяжёлый рюкзак с патронами. При этом всё я старался двигаться незаметно, потому что по нам палили из всех стволов. Работал снайпер и, скорее всего, БТР из капонира. Периодически рядом с нами рвались мины. В эти минуты я вжимался в землю, а потом осторожно пытался ползти дальше — рывок всем телом назад, потом подтянуть рюкзак, потом ПТРД, путающееся сошками в траве и взрывающее землю. Даже если бы не было никакой опасности, это всё равно была бы самая тяжёлая работёнка в моей жизни.

Место было просто отвратительное. Мы очутились в чистом поле, вокруг не было ни одного деревца, за которым можно было бы спрятаться и передохнуть. Слева от нас была асфальтированная дорога. Справа — относительная безопасность под густыми акациями и невысокой кладбищенской оградой. Однако, добравшись до этого спасительного оазиса можно было, лишь перебежав через достаточно широкую асфальтированную дорогу. Позже я выяснил, что сзади нас находилась грунтовка.

Выбрать место хуже было невозможно. Буквально в двухстах метрах левее были густые заросли маслин, но моих товарищей почему-то потянуло именно на открытое место. Откровенно говоря, я вообще до сих пор не пойму, в чём был сакральный смысл всей этой чудо-операции. С тем оружием, которое у нас было, мы

абсолютно ничего не могли сделать — разве что вызвать огонь на себя, — и это было столь же глупо, как если бы кто-то напал на льва, пёрнув в него. Пока я полз, я обратил внимание, что кое-где на высоких стволах каких-то растений повязаны белые тряпицы — ориентиры для снайперов. Значит — территория была полностью пристреляна.

Солнце нещадно палило. Камни и трава рвали мне кожу, но я лишь сильнее вжимался в землю и лежал, лежал уткнувшись лицом в сплетения трав и комки почвы. Вдыхал их запах и слушал противный треск разрывающихся мин. Шелест осколков был повсюду. Один впился в землю у меня между ног, сантиметров за двадцать до причинного места. Было не страшно умереть, но страшно остаться калекой. Каким-то бесполезным обрубком. А ещё меня переполняла какая-то смертельная тоска и злость. Думаю, все экзистенциалисты Франции вместе взятые никогда не чувствовали столь пронзительных и тошнотворных переживаний.

Затем один из стрелков, находившийся возле дороги, отделявшей степь от кладбищенской ограды, вскочил и перебежал туда. Естественно, вооружённый одним лишь автоматом, он вполне мог себе это позволить. Но при этом наплевал на нас — своих товарищей, которые выбивались из сил, таща за собой пулемётные ленты, выстрелы к гранатомёту, РПГ и прочую амуницию. Как только он вскочил и метнулся в укрытие, по этому участку начали колотить, как мухобойкой. Теперь я видел нескольких бойцов — мы лежали, вжавшись всем телом в землю. и чувствовал её на губах.

В глаз давил камень, саднил изодранный живот. Кто-то рядом вскрикнул от боли — видимо, попал осколок. Проверить, что случилось с моим товарищем, не было никакой возможности. Вокруг всё свистело и громыхало; осколки и пули причёсывали густую растительность — наше единственное укрытие.

Тело само собой вжималось в землю. В какой-то момент я утратил связь с окружающей реальностью и полностью растворился в странном, тревожном переживании. Перед глазами кипела жизнь — десятки муравьёв суетились среди стволов растений. Из земли, как крот, выглянул иссиня-чёрный жук, некоторое время скептически осознал мир вокруг себя, а затем вновь зарылся в грунт.

Всё, что я чувствовал в тот момент рядом с собой — вся эта бьющая ключом жизнь, — было великолепно. Ещё не успевшие высохнуть травы прямо благоухали дождём и степью. Налетал прохладный добрый ветерок, приносящий столь любимый мною аромат цветущего разнотравья. Но лучше всего пахла земля — я понял, что чувствую этот запах столь отчётливо впервые с раннего детства. Он напоминал мне о родных местах; о счастливых временах, когда мои родители, ещё такие молодые и счастливые, осваивали полученный дачный участок, а я часами напролёт барахтался в котловане, вырытом под будущий домик.

Земля была вокруг меня и на мне, и даже у меня во рту. Я чувствовал её вкус, осознал всю её прекрасную силу, дарующую тёплую жизнеутверждающую волю к жизни. Мне было ужасно обидно от мысли, что вполне возможно, я больше никогда не смогу вот так нырнуть в объятия степного моря и чувствовать на губах это счастье — соль земли.

Как только перестали работать миномёты, я постепенно стал приходить в себя. Собрав все оставшиеся силы, начал методично продвигаться к грунтовой дороге, находившейся метрах в пятнадцати позади. Место там было скверное — перед дорогой была пропелшина длиной в несколько метров — абсолютно лысая и каменная. А сразу за дорогой был пригорок — также лишённый растительности. Преодолеть этот участок, при этом не став мишенью для снайпера, казалась невозможным.

Я пропахивал густую траву как культиватор. На голом участке, лишённый прикрытия растительности, я как черепаха работал лапами и тянул свою окаянную рельсу и боекомплект — бросить оружие и боекомплект я считал ниже своего достоинства. Каким-то чудом я целым перелез через проклятый холмик и, задыхаясь, некоторое время лежал в ложбинке, уткнувшись в противную, пахнущую болотом траву. Затем я пополз дальше по неглубокой траншее, вероятно, служившей когда-то для орошения.

Там меня догнал мой заряжающий — молодец, сохранил мой автомат. Мы с ним вяло переговаривались, отдыхая, когда слева, за дорогой, среди маслин выбежали бойцы второго отделения, которых прислали нам на подмогу. Отряд морских

свинок-самоубийц — иначе этих парней не назвать, хотя порыв их был прекрасен и благороден. Кто-то позвонил Святому, и они, особо не разобравшись в обстоятельствах, ринулись выручать нас. Вот только они ничего не знали о том, что их ждёт. Вооружённые стрелковым оружием, они кавалерийским наскоком ринулись на верную смерть. Правда, как только по ним начали работать миномёты, ребята всё поняли, попадали в траву и уползли к деревьям. Помню, я видел из своего убежища их вначале весёлые, а потом озадаченные и помрачневшие лица.

В канаве ползти было ещё тяжелее. Земля была влажная, а трава густая. К тому же, повсюду лежали крупные булыжники, битые бутылки и всякий мусор. Я отчаянно дёргал противотанковое ружьё, но оно совсем запуталось в траве и не поддавалось. Дальше так двигаться было нельзя. Я убедился, что рядом с нами никого нет, и сказал заряжающему, что нам надо рискнуть и перебраться через дорогу, которая была уже совсем рядом. Я освободил ружьё, мы приготовились, сосчитали до трёх и ринулись под деревья у кладбищенской ограды. Моему товарищу это удалось достаточно просто. А я, нагруженный оружием и боеприпасами (в общей сложности мой скарб весил около 40 килограммов), в любую минуту ожидая пули или осколка, проплясал несколько нелепых антраша и рухнул в зелёнку.

Потом мы долго и осторожно выбирались в сторону гаражей. Уже находясь рядом с ними, мы снова были вынуждены упасть — откуда-то сбоку пришли мины. Видимо, стреляли с другой точки, пытаясь достать наш транспорт, спрятанный в гаражах. Тем не менее, мы выбрались и благополучно добрались до безопасного места, где в нетерпении приплясывал Святой. Вскоре там собрались все наши бойцы. Самое смешное, что никто из нас не получил серьёзных ранений. Меня, Стикса и кого-то ещё контузило; несколько человек получили мелкие осколки в мягкие ткани. Неожиданно я уже сидел возле «газели» и, давясь от спазмов, вливал в выжженную глотку холодную газировку.

СВОЙ

Парень рядом сказал:

— Нас окружают.

И сразу Илья услышал то, на что не обращал внимания.

Вкрадчиво хрустели ветки. Словно подавая сигналы.

Лес, высоченной чернотой обступавший просеку, был полон нехорошего движения.

Это была даже не просека, где они стояли, а разбитая колея с окаменелыми комьями земли, а слева и справа кто-то с треском приближался.

Хряск, хряск...

— Окружают, — сказал парень виновато. — Лучше посижу, — он быстро опустился на землю: призрак человека с призраком автомата.

Хряск, хряск...

— Окружают, — неслоь от одного к другому.

— Тишина! — отрывистый приказ. — Заткнулись!

Илья замер, остановив дыхание, разом прикинувшись неживым. Хруст перестал, значит, и в лесу тоже замерли, и от этого стало жутко. Ночь густела — еще чуть-чуть, и можно мять ее, как пластилин.

Он ссутулился, чувствуя горб рюкзака и неловкий черепаший панцирь бронжилета, нянча двумя руками автомат, ставший липким и почему-то лишним.

— Я слышал рации, — пылкий шепот.

Успокоительно:

— Здесь зверей много.

За деревьями размашисто зашуршало, как будто протянули тяжелую тушу.

Илья повесил автомат на плечо, снял каску, душившую горло ремешком и накрывавшую слух, опустил на землю.

Ведь всех сейчас уложат, двенадцать человек. Уложат... Вряд ли плен. Просто всех уложат...

В небе навстречу его молниеносному взгляду пролетела лучистая строчка. Следом еще одна. Звездопад. В эту ночь был настоящий звездопад. Звездная собачья свадьба. Их было непривычно много, и они там в своей тоскливой серебристой вышине клубились, грызлись, метались — наверно, лаяли. Откуда еще увидишь такое небо? Мы уже пересекли границу? Сказали: да...

Удивительно — конец мая, но здесь ни одного комара.

По сухим комьям дороги заиграли яркие лучи фонарей.

Людские фигуры шатнулись, выпуская к лесу двоих. Илья споткнулся и, выпрямившись, в каком-то инстинктивном танце проскользнул к машине, бронированной белой газели с облупленной зеленой полосой на борту. Влез внутрь — было черно и пусто — пробрался на последнее сиденье, к бойнице, откинулся, поставив автомат между ног, и закрыл глаза.

Сколько времени? Время в телефоне, телефон приказали сдать еще давно, чтобы не засекали.

Уснул в минуту — отрубила опасность...

Разбудил грохот. Что-то ползло мимо. Вылез, увидел грузовик, который встал с погашенными фарами.

Позади газели темнело плотное стадо, грузовик к грузовику.

Наскочил старшой, с силой хлопнул чье-то плечо, протараторил в возбуждении:

— «КамАЗ» полетел!

— Как?

— Застрял! — глаза, хорошо различимые в темноте, казалось, светились, проясняя бешеное лицо с клочковатой бородой.

Илья почувствовал бодрость: есть подмога, окружения нет... Прислушался. Хруст, вроде еще звучал, но нестрашный, уже жалобный. Может, и правда звери, но ничего, много нас, охотников. Или это сами деревья приветствуют освободителей скрипом.

Пошел навстречу грузовикам. На дороге теснилась молчаливая толпа, он продирался сквозь нее — разбирали автоматы, натягивали броники и каски.

А там, куда поднималась зябкая дымка, там по-прежнему сверкал звездопад...

Возле одного «КамАЗа» было пусто, но из черной пасти открытого кузова доносился гуд. Словно бы улей инопланетных пчел. Непрерывные голоса сливались в сладко-гортанное прожорливое урчание. Неужели демоны ночные? Может, их прислал звездопад?

— Братан, кто там? — окликнул первого встречного.

— Чего?

— Это че за гундеж?

— А... Чечены!

— А...

— Погнали! По машинам! Быстро! — раздались крики.

Он прошел кромкой леса и, поняв, что возвращаться к своим поздно, приблизившись к случайному грузовику, запрокинул голову:

— Ребят, сюда можно?

— Мест нет!

— Да ладно, лезь!

Он ухватился за крепкую камуфляжную руку и вскарабкался туда, где было битком. Захлопнулись. Засел на дне, верхом на «шмеле», круглой трубе, на которой с первой минуты больно стало подскакивать, но и держаться оказалось не за что... Встал на колени, протиснувшись к боковому борту и вцепившись в его железо, и теперь так и ехал — с автоматом на плече, на коленях около пулемета, а сверху кто-то сказал ласково:

— Я когда стрелять начну, ты головушку нагни...

Грузовик помчал. Молчали напряженно. Дорога сузилась. Ветка хлестнула по кузову, как выстрел, боец справа в ответ лягнул затвором, неотступно уставившись в лес.

Начало светать, среди смутно-сизой дымки лес обретал насыщенно-летние тона, и проступали те, кто был в кузове. Илья посматривал на них, пятнистых и крупных... Рожи славянские... На руках кожаные перчатки без пальцев, некоторые в вязаных масках...

— Ты с каких мест? — спросил все тот же ласковый голос.

Илья покосился вверх — человек не прятал лицо, добродушное и спокойное: голубые глаза под оранжевыми бровями, полные щеки повара тряслись, красноватые, как будто распарились у плиты.

— Москва...

— Ых!

Этот насмешливый вдох перекинулся на весь кузов, но тут их мощно подбросило, и раздался общий выдох ругани.

— А вы откуда? — крикнул Илья, перекрывая ветер и скорость.

Вырвались из леса на голое пространство степи.

— Беркута! — почему-то этот хлипкоголосый слышен был отчетливо. — Я с Харькова. Да кто откуда...

Въехали на пригорок — привстав и глянув назад, Илья увидел петляющую между полей и рощиц дорогу, по которой, вздымая пыль и рассеивая рассветную мглу, слепя фарами, гнали вперед и вверх грузовики.

А наверное, весело сейчас разбомбить этот караван...

Машина опять взлетела. Мина? Их швырнуло друг на друга и перемешало — валясь с ног, стучаясь автоматами, они неразборчиво заорали все вместе, возмущенно, но и восторженно, как будто в порыве братания. Илья зажмурился, цепляясь за уплывавший ящик, укатывавший огнемёт и чьи-то шнурованные ботинки.

По крыше гулко застучали кулаки.

— Шумахер хренов!

— Эй, козел! Слышь, не газуй!

— Как приедем, шофера сразу к стенке, — заржал казак с пушисто-седыми усами, в синем мундире и синей фуражке с красным околышем, чем-то похожий на букет полевых цветов.

— А правда, почему он так гонит? — выпалил Илья.

— Когда быстро, попасть сложнее... — объяснил пулеметчик.

— Откуда?

— Да откуда... Хоть с земли, хоть с неба... Думаешь, они не знают, что мы едем? Вчера бой был... Три машины сожгли...

— Два «двухсотых», шесть «трехсотых», — готовной скороговоркой отозвался кто-то справа.

Илья всматривался в рассветную местность: где затаилась засада — за тем аккуратным, точно подстриженным кустом или в той голубоватой траве?.. Как он умудрился посеять каску? Какая завидная, наверное, мишень его голова, которая крутится

и подпрыгивает над железным бортом... Точно, ее первой разобьют!..

Колени болезненно ходили ходуном, ему хотелось нагнуться в поклоне, спрятаться хоть за какой-то заслон, но этого унижения он не мог допустить.

Левое плечо тяготил и мотал автомат: «Доброволец. Ты — доброволец».

Поднял глаза на пулеметчика:

— Победим?

Тот неожиданно по-родственному сощурился:

— Сто процентов!

Вдали то ли туман, то ли привязанная коза...

«В эту ночь решили самураи перейти границу у реки, — песня из детства, зачем-то он пытался расшифровать ее, иногда зависая на словах, как в молитве. — Так... Перейти границу... И я тоже — через границу, ночью... Но разведка доложила точно... И летели наземь... Значит, если нас встретят сталью и огнем, мы полетим наземь... Но это как? Сразу смерть? Или можно упасть, уползти, затаиться под кустом? И лет-е... наземь самура-а...»

Он стал себя развоплощать, готовить к смерти, подумал о друге Иване по фамилии Пушкин, который не узнает про эту войну. Отчаянный гуляка, поэт, блондин. Он часто шутил о смерти. Однажды позвал гостей на день рождения ровно к девяти вечера — «и ни минутой позже». Дверь была открыта, они прошли в комнату, где хозяин лежал, сложив руки крестом на груди, а неизвестный снимал с него гипсовую маску. Такой розыгрыш. Маску Иван повесил над диваном. А год назад, в конце мая, его нашли в Филевском парке с проводом на шее. То ли повесился, пьяный, то ли повесили... Он лежал в гробу, похожий на себя тогдашнего на диване, весь похожий на слово «поэт», с лисьей большой усмешкой... И вот сейчас лететь в неизвестность по извилистой дороге — это была как бы сопричастность другу... Он как бы летел по его мертвой улыбке... «Я рискую головой, чтоб тебе там было не так обидно... Ну если что, стану, как ты».

А вот о девушке Полине и о матери почему-то ничего не подумалось... Наверное, из жалости к ним.

Полина, с которой недавно стали жить. Длинношея. Девочка-мерзлячка. Кожа гусиная на лебяжьих косточках.

— Держись, Москва! — кто-то, оскалившись многочисленными стальными зубами из прорези в черной маске, поднял перчатку с торчащим вверх голым большим пальцем. — Мы все теперь москали!

Опять тряхануло — затормозили...

И тут же, как остальные, Илья посмотрел в небо, пытаясь разглядеть вертолет, стрекочущий в сизо-белесом облаке.

Зачертыхались.

Позади один за другим, гася фары, останавливались грузовики. Из кабины выскочил мужичок в ватнике и крикнул, задрав мелкое детское лицо:

— Наземь! — И после паузы: — Приказ Хорвата! — Он потрясал хрипящей рацией с толстой антенной, словно какой-то игрушкой вроде танчика.

Илья, как все, снял автомат с плеча, перекинул ногу через борт, потом вторую — оттолкнувшись, прыгнул.

Позади и спереди тоже прыгали.

— Ложись! — прозвучало уверенное, и он немедленно растянулся рядом с человеком в маске, как и он, выдвинув автомат вперед себя.

Они залегли на краю дороги в жесткой траве, позыркивая друг на друга и вверх, где под настырный механический стрекот выплывало огромное красное солнце.

Солнце юга заливало все собой.

Стрекот слабел, таял, пока не исчез.

Утреннее тепло стелилось по степи.

Илья легко и радостно вскарабкался со всеми в грузовик, и пускай ехал по-прежнему на коленях, но высунувшись по бронжилетную грудь, точно бы вырос. Избежали окружения, избежали боя. Неужели так все и будет — ни одного выстрела? Видно, в этом особые чары войны — не сам бой, а постоянная его угроза. Автомат он сообразил снять с плеча и придерживал рядом со стволом пулемета.

Черный остов выгоревшего грузовика, кругом по траве барахло, наверно, из рюкзаков. Боец справа с чувством рявкнул,

Илья не расслышал, но на всякий случай кивнул. Террикон, величественный, как усыпальница дракона. Распаханное серое поле, ноздреватое, как хлеб. Мазанки, похожие на большие куски каменной соли. Старушка, издалека похожая на беззаботную, даже веселенькую тряпичную куклу.

Машина пошла медленнее. Блокпост. Трехцветный флаг воткнут между сложенных стопкой шин. Мальчишеские фигуры, озорные окрики, машущие загребущие руки...

И был город, и площадка возле какого-то армейского здания — широкие бело-голубые плакаты из недавнего прошлого требовали «Захист Вітчизни». Все прибывшие плотно кучковались, как бы робея, стараясь не стоять поодиночке.

Зато по центру площадки разминались чеченцы, каждый — видный, подарочный. С хрустом играли плечами, опирались на автоматы, как на костыли, посмеивались, черно-, рыже- и седобородые. Они перед кем-то рисовались. Обернувшись, Илья увидел заброшенный недострой, бетонные блоки с оконной пустотой — хорошенькое место для снайпера. А чеченцам будто бы и нравилось — дразнить темноту квадратных провалов...

Когда началось, все время читал новости... Подумывал ехать в Крым. Одессу не давал Полине смотреть, и сам отворачивался. Он и Донбасс не мог смотреть. Из жалости. И не мог не смотреть. И так хотелось прорваться через линзу телевизора. Через границу.

— Ты даже в армии не служил.

— Стрелять я умею. Я в тире всегда круто бью.

Прошлым летом были с ней в Одессе недельку, поливали линомом барабульку в кафе на Ланжероне, и ничто, как говорится, не предвещало.

На войну подбил Серега, приятель со студенчества. Свел с движением добровольцев. Тоже собирался. В последний момент не смог. А Пушкин бы поехал, Иван, обязательно, несомненно, по любасу бы, но этот друг в земле. Уже скелет, наверное.

Илья, никого не предупредив, однажды майским утром собрал рюкзак, улетел в Ростов.

Полине сказал, что в Вологду, по делам издательства. Поверила: у него случались командировки.

И вот он здесь.

— Купол, — статный лысый мужчина, задержав, взвешивал рукопожатие.

— Вампир. Туман. Элвис Пресли, — звучало негромкое. — Ангел. Пятерочка. Самурай.

— Веселые клички, — паренек-новичок, дергая узким плечом, подтягивал автомат.

— Клички у собак, — хмуро-привычно поправил Купол.

Точно: голова как купол, круглая и нагая.

— А ты кто будешь?

— Не знаю...

— Незнайка, что ли?

— Позывной каждому нужен, — участливо объяснил старшой бородач, с которым пересекали границу. — Я Батон, можно Батя. Давай соображай: какой твой позывной?

— Ой, мне без разницы, — Илья растерянно заулыбался. — Любой подойдет... Не, ну серьезно, любой...

— Нормальный позывной, — разрешил лысый. — Пусть так и будет.

— Как?

— Теперь ты Любой.

— Почти любовь, — определил старшой.

Он лежал на матрасе в большом подвале после риса с тушеной. Электрический свет из коридора тек в открытую дверь. Слева всхрапывал какой-то богатырь. Справа переговаривались. Один шептал настойчиво, немного шепеляво, будто шуршал целлофаном (Илья сразу дал ему позывной Целлофан), другой отвечал в голос, но приглушенно, смутно, как в бутылку:

— Пионер... У него в Краматорске правосек друга зарезал. Ну, он к нам.

— Зря он жестит. А все же надежный. Мало таких... Молодежь не идет...

— Есть, но мало.

— Только те, кто в Союзе жили... Они понимают, что почем. Вот меня возьми. Я гроз четвертого разряда. Сечешь? Так-то. Отец гроз и дед гроз. У нас забой да забой. А у молодежи что? Забей да забей...

— Давно войны народ не нюхал!

— И ты заметь, все эти годы — мир и покой, а люди звереют! Раньше про собак говорили: сука, кобель. А теперь как? Мальчик, девочка... А сами звери!..

Илья усмехнулся сквозь побеждавшую дрему. Перед закрытыми глазами сверкал звездопад.

Ему снилось что-то детское. Он бесконечно тонул в мягком свете, качаясь в гамаке, тонул и качался, и дальше тонул. Повернувшись набок, сквозь слипшиеся веки увидел бронжилет, автомат, берцы, сначала размыто-сказочные, но стремительно обретавшие неотвратимую жесткость.

В тех же грузовиках прикатили к площади, полной народа, и выстроились с краю. На площади люди кричали хором, по складам, просительно, жарко, запрокидываясь и высоко размахивая флагами. Они кричали: «Россия!».

Женщины побежали к грузовикам, наперегонки, с цветами. Возле Ильи у бокового борта стояли все в масках и хватали стебли перчатками. Илье достался махонький и невинный, с закрытым розовым бутонем мак, похожий на мышонка. Его протягивала не первой молодости тетка с красиво-горемычным, как бы вспухшим лицом, большим влажным ртом и большой грудью, взбудораженно гулявшей под синим платьем. Распущенные волосы ее были светлыми, но пока она тянула цветок, Илья увидел взлипшую подмышку с темными водорослями и подумал, что голова крашенная.

Побросали цветы на дно, по команде подняли вверх автоматы, перевели на одиночные и начали стрелять — залп, два, три... Это он умел.

Женщины отбежали обратно в толпу, которая перестала кричать и бессвязно бормотала. Салют по мертвым. Илья, дергаясь щекой на грохот, давил на гашетку и опять вспомнил друга, найденного в Филевском парке у тополя в первом пуху в петле из провода.

«Вот и пострелял», — подумал, нагибаясь за цветком, и обжег пальцы о дымившуюся гильзу.

На рассвете отправили в аэропорт.

Батон шутовским жестом протянул к дверям автомат, двери услужливо разъехались, и Илья вошел вместе со всей группой.

Те, кто проник раньше, казались пассажирами, ждущими ранний рейс. Слонялись, отражаясь во внутренних стеклянных конструкциях и промытых витринах, за которыми было еще темно, вчитывались в электрические икринки табло, сидели на рюкзаках, правда, все были вооружены, а некоторые курили назло табличкам на украинском и английском.

Пустые стойки... Ни милиционера, ни уборщицы...

Длинный тип в черной пиратской косынке подошел к стене с высоким серо-стальным барельефом (приветный старик в очках) и продекламировал нараспев:

— Композитор Сергей Сергеевич Прокофьев.

Батон иронично икнул куда-то в ключья бороды.

— Му-му-мум-му-му-му! — вдруг запел длинный. — Му-му-му-му-у-у! — И торжественно возгласил: — Любовь к трем апельсинам!

— Не слышал о таком извращении, — Батон отечески осалил его по плечу. — Короче, обстановка, — он понизил голос, притягивая к себе группу. — Там, в том терминале... — перчатка показала в отточено-полированную даль, — спецназ кировоградский. Они нам на фиг не нужны. Пускай в Киев улетают на своем литаке... А они и не против. Все будет хорошо.

— Да мы даже не сомневаемся! — громко сказал Илья, и его поддержало несколько хохотков.

Время текло вяло и сонно, но когда солнце засветило вовсю, началась движуха. Купол, зашуршав какими-то картами, подозвал Батона, и тот стремглав повел отряд за собой.

Пробежав несколько пролетов вверх, Илья вынырнул из люка под слепящее пекло.

И тут они были не первыми — на широкой крыше расположилось человек двадцать автоматчиков.

— Загораем, пацаны, — Батон поймал в кулак бороду, будто сейчас сорвет, как ненужную в этих краях шерстяную вещь.

Метров за сто на такой же башне копошились вражеские фигурки, передвигали железки...

— Знаете, чем мы отличаемся? — засипел, садясь на корточки, седовласый мужик в тельнике. — Мы идейные, а они по приказу.

— Среди укропов идейных хватает, — опроверг Батон. — Под Волновахой одного взяли, плачет, сопли утирает, а все долдонит: «Я прав»...

Длинный в косынке (Илья забыл его позывной) раскачивался на джинсовой ноге и пел в телефон:

— Мамуль, я дома. Где-где? В Ялте! Это я симку сменил, старый сломался, мамуль! На днях заеду! А? Мамуль, ты их не таскай! Приеду, вместе на рынок ходим! А? Чего ты, мамуль?

— Эй, упадешь! — окликнул его осетин, мохнатый шар (позывной Гром), напряженно занявший место возле станка с гранатометом.

Тот приложил острый палец к губам и так же на одной ноге сделал несколько скачков от края.

— Мать в Мисхоре, — объяснил жалобно, — думает, троллейбус вожу. А может, и не верит. Мамку никогда не обманешь.

— Извини, — вспомнил Илья важное, — дашь позвонить? Я коротко!

Полина подошла с первого гудка.

— Привет, — сказал он, и неожиданно для себя выдавил: — Я на Д. Почему-то так произошло.

— Где?

— На Д., — сказал он тверже, и замолчал. — Мне нельзя здесь много разговаривать.

— Что ты молчишь?

— Смотри про нас в новостях, — и разъединился.

Подошвы скрипели гравием, обильно покрывавшим крышу. Голову пекло, по лицу струился пот, следовавший дальше, по шее, по ключицам. Дебильное солнце! Если разуться, наверняка этот гравий будет жечь, как угольки.

— Твоя! — длинный протянул трубку.

— Сбрось, — Илья замахал руками, — не подходи...

— Минометы, снайперки, ПЗРК... — Батон изучал вражескую сторону, приложив к глазам здоровенный, как две сложенные гири, бинокль. — Ниче, мы повыше ихнего сидим!

— А выше нас никого? — надтреснуто спросил человек в защитной гимнастерке (позывной Кобра, а Илья дал бы Вобла),

заветренный видок доходяги и свежая георгиевская лента бантом на рукаве.

— Сверху только Бог, — отмерил Батон рассудительным тоном бармена.

— Это понятно... Я ж не про то... — Кобра засмутился. — А сверху-то нас не того?.. Сверху-то, а?..

— Разве ворона прилетит... Так если пометит — это к славе! — Батон мягко пошел к нему, переложив автомат из правой в левую, приноравливаясь хлопнуть по плечу. — Аэропорт новенький. Столько бабок вбухали... Кому надо такое добро ломать?

— Внимание! Друзья! А мы ведь толком не познакомились! Предлагаю на этом вынужденном пляжу... пляже... — Длинный, сияя, обводил всех острым пальцем. — Вот ты! Откуда?

— С Макеевки, — буркнул Кобра, но вскинул глаза: лицо на миг оживилось, пополнило.

— Кем работаешь?

— Сталеваром.

Батон опять приложился к биноклю, направляя его куда-то вверх, в безоблачную температурную синь.

— Что же привело вас на наш холостяцкий пляж? — Длинный играл своим указательным в микрофон.

— Как шо? — Кобра вновь проглотил щеки. — Затрахали. Всю жизнь мозги трахают вместе с языком. Хоть дети отдохнут.

— Слыхал анекдот? — неизвестно кого спросил осетин. — Встретились в пустыне лев, козел, лис и спорят: кто главнее. Нет, погоди, не козел, перепутал. Лев, лис... И кто? Погоди!

— А что здесь забыл москвич? — неугомонный палец целил в Илью.

— Он не москвич, он Любой, — зевотно сообщил седовласый мужик в тельнике, все сидевший на корточках.

— Точно! Любой! — Палец дрыгнулся. — Прикольное погоняло!

— Да, я любой, — сказал Илья отдельно. — На моем месте мог быть любой... Любой русский человек...

Длинный выхватил телефон из кармана:

— Алло! Мамуля, не звони, я за рулем! Осторожно, двери закрываются! Я сам перезвоню!

А Батон как выпал из трепа, так и молчал, не отрываясь от бинокля и водя им по небу, словно в поисках малейшего облачка.

И вот что-то серое показалось в синеве.

— О! — возликовал осетин. — Слушай сюда! Лев, осел и лис! Осел такой...

Вертолет наполнил небо рокотом. За вертолетом шел серебристый штурмовик. Зарычали, забранились, и сразу стало не до слов.

Вспышка. Подкинуло, оглушило, повалило, осыпало острым гравием, все заволокло черным дымом, рокотало небо, новая вспышка, таранный удар потряс основания башни...

Он ринулся в люк и покотился вниз за остальными. Там все горело, и орало, и дергались тела... И кто-то палил зачем-то в остатки стекла, которые осыпались, и выбегал, и падал, потому что лупили отовсюду — и снайперы, и минометчики, а самолет, и вертолет, и еще один вертолет заходили на новые круги...

Он никого не узнавал и плохо понимал:

— Пушкой...

— Нурсами...

— Летит, летит, летит обратно!

— Десант сажают... ПЗРК сюда!

— Нету... Не взяли!

— Миномет давай!..

— Нет взрывателей...

— Любой! Ты чего не отвечаешь? — Батон, безумный, в кроваво-дымящейся одежде, с опаленной бородой, таранился на него. — Марш на крышу! Раненых забирать! Любой! Я тебя прикончу!

— Что? — очнулся Илья.

— Ты что? Как тебя зовут? Любой!

— Я — свой! Свой я!

— Ты — Любой!

Но до крыши им не дал добраться новый удар...

Потом, доползая по осколкам в конец зала, он помогал чеченцам крушить стойки, отчаянно и стремительно, не зная для чего, потом запалили костер («Маскировка дымом!» — закричал кто-то, и это объяснение надеждой застучало в висках). Обжигаясь,

тащили горящие куски пластика к проемам и кидали наружу. Потом бежали к грузовику.

Его ударило в ногу, выше колена, он упал, и стало смеркаться, и было спокойно, только услышал как бы сквозь нараставшую воду:

— Режь штанину.

— Не до этого... Тащи.

— В яйца метил.

Очнулся, трясло. Рядом с забинтованной головой лежал щекастый повар, розовый пузырь качался на губах. Глянул мутным глазом, подмигнул. Теснота от тел.

Илья не знал, что несется в грузовике, доверху груженном ранеными, а через минуту накроют огнем.

И тогда он окончательно забудет, как его зовут.

ОДИН ДЕНЬ

Быть строителем дома — значит
быть в состоянии строить дом.

Аристотель

Будильник изобрели садисты. Андрей всегда был в этом уверен, а в последнее время ещё раз убеждался каждое утро. И немудрено — он забыл, что такое ранний подъём, немало лет проработав на дому, где рабочее место было в двух шагах от спального — какой тут мог быть будильник? Никогда в жизни. Проснулся, глазки раскрыл, поднялся, нажал на кнопку и пошёл умываться. Вернулся, а компьютер уже загрузился — всё, вот ты и работаешь. А в последние недели всё сломалось. В город пришла война.

Сначала эту войну лицемерно называли АТО. Антитеррористическая операция. И в первые дни это казалось нелепым и смешным. Все говорили: ну какие здесь террористы? Хотят их найти — пусть поищут, побегают по полям и успокоятся. И действительно, пришедшие войска поначалу бегали по полям. А потом стали заходить в города. На первый раз люди вышли навстречу танкам, встали у них на пути и остановили. И разжалобились при виде голодных, грязных и уставших пацанов. Накормили их, напоили и отправили назад, в расположение. То же повторилось и на второй раз. А в третий раз по мирным людям был открыт огонь. И в одночасье пришло понимание того, что это уже не игрушки, что это уже война. Гражданская война.

Пару недель Андрей изумлённо смотрел по сторонам, впитывая в память всё происходящее, а потом сказал себе, что когда начинают убивать твоих друзей и земляков, нельзя оставаться в стороне. Нужно что-то делать. И с этим он пришёл в здание исполкома, ставшее штабом народного ополчения. Пришёл просто

так, без каких-то конкретных предложений, на общих основаниях. А войдя в кабинет коменданта города, оторопел — за столом сидел человек, которого он называл другом детства, с которым учился в одной школе. И ещё со школьных лет этот человек имел репутацию надёжного и справедливого мужика.

«О как, — сказал себе Андрей. — Хорошие люди здесь обожались. И главное, свои. А всякие козлы в интернете кричат во всю глотку, что здесь исключительно заезжие российские наёмники. Засланные казачки. Пограбить приехали. А здесь свои. Будем знать».

В действительности, Андрей давно не верил ни интернету, ни городским слухам. Сказать, что они были сильно преувеличены, значило ничего не сказать. Поскромничать. Он верил только своим глазам, и призывал к этому всех окружающих. К примеру, буквально за пару дней до прихода в штаб, услышав сплетню о том, что по здешнему базару ходили чеченцы с автоматами, он насмешливо спросил говорившую:

— А что, у них было на лбу написано, что они чеченцы? Или ты их об этом спрашивала?

Вразумительного ответа не последовало, и тема была закрыта.

Поздоровавшись с комендантом как со старым товарищем, Андрей сказал:

— Я не знаю, чем я могу быть здесь полезен. У меня болят ноги, поэтому я не боец. На войне быстро гибнет тот, кто медленно бежит. Но тем не менее... вот моя визитка с перечнем всех моих специальностей. Посмотри и скажи — нужен я тебе или нет.

Комендант заглянул в визитку и тут же ответил:

— Так ты помимо всего и компьютерщик? Конечно нужен!

— И что от меня будет требоваться?

— Как что? Работа в штабе. Штаб, дорогой мой, это прежде всего куча бумаг. Очень важных и не очень важных. Но все они — нужные. Вот и будешь заниматься делопроизводством за компьютером. Здесь собрались сплошные бойцы, а мне нужен штатский человек, который отвечал бы за документацию. Никакой военной романтики, обычная рутина. К такой работе ты готов?

— А я что, так похож на романтика? — хмыкнул Андрей.

— Ну тогда завтра к девяти утра жду тебя здесь.

— Буду, — согласился Андрей и шагнул к двери.

— Постой, — задержал его комендант. — Давай определимся сразу с твоим позывным.

— А что определяться... Погремуху нужно принять?

— Это на зоне погремухи, — заметил комендант. — В войсках позывные. Говори, как называть тебя будем.

— А что меня называть, — не задумываясь, произнёс Андрей. — Вы тут все бойцы, военные, а я штатский. Вот тебе и позывной — Штатский. Как Шостакович. Он тоже форму не носил.

— Годится, — одобрил комендант. — Моё имя тоже можешь забыть. Здесь я Якут.

— Очень приятно, — ехидно хмыкнул Андрей. — Похож... Значит, до завтра?

— Да, к девяти добирайся.

Вот тут Андрей поневоле завёл на утро будильник. Впервые за много лет.

Будильник действительно изобрели садисты. Оторвавшись от сна в непривычную рань, Андрей умылся (спасибо, что опять появилась вода), оделся, наскоро выпил кружку чая и вышел на улицу.

Улица была пугающе пустынной — транспорт который день подряд не ходил, да и частники предпочитали лишний раз не выезжать. После нескольких попаданий снарядов в маршрутки люди старались не высовываться из домов без дела. На работу — и с работы. Если была работа.

Не проявляя никаких эмоций, Андрей зашагал по проезжей части в нужном ему направлении.

Через несколько минут за спиной послушался шум одинокого мотора. Андрей не отвернул в сторону и не обернулся — машина остановилась сама.

— Куда идёшь, браток? — слышался вопрос водителя.

— На площадь, к исполкому.

— Заходи, подвезу.

Андрей сел в салон и спросил водителя:

— Что нового?

— Да ничего. С утра тихо, а ночью — сам слышал.

— Да уж слышал...

Дорога за беседой обо всём и ни о чём заняла минут пятнадцать. Выходя из машины, Андрей сунул было руку в карман, спросив, сколько с него причитается, и услышал в ответ:

— Ничего мне не нужно. Остайся жив.

Это могло бы показаться странным или невероятным только тому, кто не видел войны. В осаждённом городе произошло смещение ценностей. И на первом месте оказалась ценность человеческой жизни. А деньги... да что деньги. самого ценного на них не купишь. Так стоит ли пытаться урвать лишнюю копейку? У великого русского поэта Геннадия Жукова была строчка, как будто к этому времени и написанная:

А сколько скопить нужно денег, чтоб выстелить гроб?

Я не думаю, чтоб эта строчка была прочитана всеми жителями осаждённого города, но люди жили именно по такому принципу. Это война.

Зайдя в кабинет, Андрей поздоровался с комендантом здания штаба, носившим позывной Шериф, с которым они делили кабинет на двоих, и спросил:

— Что хорошего?

— Да всё то же, — ответил Шериф. — Задержанных всех успеешь оформить?

— Много принято? — поинтересовался Андрей.

— Достаточно, — вздохнул Шериф с огорчением.

Его огорчение можно было понять. До войны он работал в милиции, имел звание капитана, а во время осады пришёл в штаб ополчения и сказал: «Большая часть моих ребят уже здесь, и мне без дела сидеть негоже. Я к вам». И был назначен комендантом здания штаба. У него было множество обязанностей, и одна из них — содержание арестованных. А это непросто даже на первый взгляд, ибо каждый арестованный — как дитя малое. Каждому

нужно отвести место, каждого нужно накормить, напоить, вывести на работу, встретить с работы, пересчитать и не дать возможности скрыться или улизнуть от исполнения наказания. Каждый задержанный становился его личной головной болью. Не говоря уже о том, что он отвечал за жизнь и здоровье каждого. Это работа нелёгкая и неблагодарная. Андрей мог только посочувствовать ему, что он мысленно и сделал, после чего включил компьютер и занялся первоочередными делами.

Одной из обязанностей Андрея было составление реестра арестованных. А их прибывало каждый день. В самом начале осады в ополчении был организован отдел военной полиции, и первое, что было ими сделано, — люди с оружием пришли в милицкий горотдел и сказали, что все их функции они берут на себя. Задача милиционеров — сидеть в дежурной части и переадресовывать все звонки и сообщения во вновь образованный отдел. Затем в городе были жёстко прикрыты все известные по милицейской картотеке наркопритоны и самогонные точки. После чего такие же люди с оружием прошли по всем значным местам — кафе, ресторанам, пивнякам, крупным магазинам, — оставили там свои визитные карточки и попросили в случае любых нарушений порядка звонить по указанным там телефонам, пообещав реагировать на звонки незамедлительно. И в самом деле, работали оперативно. Нарушители задерживались и доставлялись в штаб. Не помогали ни угрозы, ни посулы, ни попытки откупиться. Все ночевали в штабе, а утром представляли пред ясны очи коменданта, который единолично творил суд и расправу. Суд был скорым, приговоры не отличались разнообразием — пять суток общественно-полезных работ. В эту категорию работ входило всё: рытьё окопов, подметание улиц, уборка помещений в штабе, да и мало ли что ещё могло понадобиться. И это действовало — попробуй порыть окопы под обстрелами хотя бы день, больше не захочешь. И это было справедливо — каждый, каким бы статусом он ни обладал, отвечал сполна за свои проступки. И так было нужно. Как ни крути, а политика, не подтвержденная хорошей полицейской службой, — это миф. И по каждому случаю задержания обязательно поднимались реестры. И если

обнаруживалось, что кто-либо задержан не впервые, к нему уже было другое отношение, да и срок работ ему давался побольше. Вот потому-то в городе, несмотря на тяжелейшее осадное положение, было спокойно. До того спокойно, что юные девицы не боялись гулять в одиночку по ночам. И что за этим стояло? Постоянная готовность военной полиции выехать в любую точку города и кропотливая учётная работа штабных. Рутина.

Сводка была составлена быстро и вовремя — к приезду коменданта в штаб. Пока Шериф отчитывался перед комендантом, Андрей успел втихомолку покурить в открытое окошко. Хоть курение в штабе и было запрещено, Андрей предпочитал не бегать лишний раз с четвёртого этажа на улицу и обратно. Это был единственный запрет, который он нарушал. Запрет на употребление алкоголя он соблюдал свято с тех пор, как однажды на его глазах комендант на подворье перед входом в штаб подошёл к ополченцу и спросил:

— Ты почему нетрезв? — и, не слушая оправданий, добавил: — Немедленно сдай оружие и иди под арест, завтра будем с тобой разбираться.

Боец попытался было возразить. Напрасно он это сделал, ибо тут же получил хлёсткий удар по печени, а автомат его словно сам собой оказался в руках коменданта. После чего Якут так же негромко приказал:

— Бегом в кутузку — и до утра. Сам, добровольно. Если я отведу — хуже будет.

Боец взглянул коменданту в глаза, и увидел в них такое, что у него моментально опустились руки. Он произнёс: «Понял», — развернулся и отправился под арест. Добровольно, как и было приказано.

Андрей это увидел, услышал и взял на заметку. С тех пор у него даже в помыслах не было выпить на рабочем месте или прийти с утра с запахом перегара. На войне не злоупотребляют.

Перекурив, Андрей вернулся за стол к компьютеру — и совершенно вовремя. У дверей в кабинет уже стояли освобождённые, и Андрею нужно было поставить в электронном реестре отметки

об освобождении и вернуть каждому изъятые при задержании личные вещи. Все — начиная от сигарет и зажигалок, заканчивая деньгами, документами и ключами от машины. Рутина...

Можно было бы сказать: зачем эту рутину описывать? Кому это интересно? Но только те, кто не видел этой рутины, смеют заявлять, что ополчение грабит простых людей, «отжимает» (словечко-то какое подленькое придумали) у них машины, квартиры, бизнес и всё на свете. Конечно, этим товарищам из Киева виднее, что на Донбассе происходит. Они всё знают. А Андрей видел, видел ежедневно, как всё изъятое возвращается владельцам. Он прекрасно знал, что те же машины могут использоваться на нужды ополчения в то время, как их хозяева, задержанные пьяными за рулём, проходят трудотерапию. Но на момент освобождения их машины стоят на пяточке возле штаба, заправленные, целые и невредимые, и ждут своих хозяев. И это справедливо. И об этом нужно говорить. Имеющий уши да услышит. Хотя кроме ушей нужно иметь ещё и *желание* услышать, а оно есть не у каждого.

Покончив с преступным прошлым освобождённых, Андрей поднялся и таки вышел покурить на улицу — не столько соблюдая запрет на курение, сколько потому, что возле входа в штаб в лобое время дня был горячий чай. Для всех. А это стимул.

На подворье его увидел комендант, подозвал к себе и спросил: — Штатский, ты почему так легко одет?

Действительно, на улице сегодня было не жарко, дул довольно сильный ветер, а Андрей спросонья выскочил из дома в одной лишь лёгкой футболке, а когда понял, что одет не по погоде, попросту не стал возвращаться. Ни слова не говоря, он молча развёл руками.

— Простудиться хочешь? — ехидно поинтересовался комендант. — А оно тебе надо?

— Да как сказать... — вздохнул Андрей.

— Никак не сказать, — последовал ответ. — Оно *мне* не надо. Вы все нужны мне живыми и по возможности здоровыми.

С этими словами комендант снял со своих плеч куртку, набросил её на плечи Андрея и сказал:

— Сегодня ходи в моей куртке, а завтра чтоб я видел тебя нормально одетым. Понял?

— Так точно, — ответил Андрей, вспомнив армейский устав.

— Свободен. Занимайся делами.

Андрей был даже не впечатлён — он был просто ошарашен. Таких командиров, так заботящихся о своих подчинённых, он никогда ещё не встречал. На службе в армии таких не было. Впрочем, армией службу Андрея можно было назвать весьма условно — стройбат. И командиры там были соответствующие. Но всё же... Сегодня Андрей увидел совершенно новую схему взаимоотношений. Это было что-то из будущего. Это нужно было хорошо обдумать и осмыслить.

С этими раздумьями Андрей поднялся к себе наверх, где его уже ждали. Заплаканная женщина с двумя маленькими девочками. При виде их Андрей поневоле тяжело вздохнул. Наступила самая невесёлая из всех его обязанностей — приём заявлений от населения. От мирных людей, каким-то образом пострадавших на этой войне.

Это была уже *его* головная боль. Такая же, как и у Шерифа за арестантов. И непонятно, кому было больнее. Каждый день в штаб приходили люди. В слезах или без слёз, замкнувшиеся в молчании или, наоборот, быстро лепечущие что-то невнятное, каждый со своим горем — с радостью сюда не приходили. Не то место. И всё их горе проходило перед Андреем. Во всей красе. И взахлёб, давясь слезами, пришедшие рассказывали ему о своих бедах. Чаще всего о бесследно пропавших людях. И это не удивительно — под прикрытием войны происходит много страшного. Сводятся счёты, припоминаются какие-то обиды, и люди пропадают. Или умирают. Непонятно где, как и за что. Андрей часто попросту не понимал, как пришедшие к нему люди держатся на ногах и откуда у них берутся силы обо всём рассказывать. Потому он всегда держал в столе корвалол и валидол для взрослых и конфеты для детей. Но самым неприятным было просить людей, только что рассказавших ему о своей беде, ещё раз изложить всё это на бумаге. В письменной форме. Он был бы рад этого не делать, но заявления от пострадавших должны быть

написаны собственноручно. С личной подписью на каждой странице заявления. Бюрократизм, но ничего не поделаешь. И Андрей, ежедневно пропуская через себя чужое горе, не раз ловил себя на мысли о том, что когда-нибудь ему самому понадобятся корвалол или валидол из ящика стола. И молил Бога, чтобы это случилось как можно позже. Вот и сейчас он внимательнейшим образом выслушал пришедших, дал им ручку и бумагу, принял от них написанные заявления и проводил до дверей. Заявления сложил в специальную папку. Каждый день ровно в 18:00 он относил всё, собравшееся в этой папке за день, коменданту, а тот, прочитав заявления, ставил на них резолюцию и передавал в отдел военной полиции. Рутину... Глаза бы не видели такую рутину.

Впрочем, хоть и не часто, но случались в этой работе и какие-то радостные нотки — когда решались вопросы, когда находились пропавшие люди, когда потерпевшие, уже с радостными лицами приходили и говорили спасибо. Несли деньги, несли коньяк, несли всё, что угодно. Андрей от всех подношений отказывался, отвечая благодарным людям, что не ради этого они работают, а только ради справедливости. И если сегодня она хоть немного восторжествовала, то для него это высшая награда. И люди уходили со словами благодарности.

Может быть, это и папахивало идеализмом, но Андрей не врал и не лукавил. Здесь просто невозможно было находиться без чувства сотворения справедливости. Когда Андрей это впервые понял, ему стало гораздо легче жить. И это не высокопарные слова. Это правда.

Во время очередного перекура с чаепитием на улице к посту у входа на подворье резко затормозила машина. Изнутри выскочили трое и вытащили на свет Божий ещё двоих. В наручниках. Одного с заднего сиденья, другого из багажника. Их согнули чуть ли не пополам (это называлось «упереть мордой в асфальт») и в такой позе потащили в штаб. Андрей тут же потушил сигарету и отправился было в кабинет, но на пороге его встретил Шериф.

— Штатский, — обратился он к Андрею, разминая кулак. — Погуляй с полчаса. Покури, чаю попей, или пива, чего хочешь. У меня тут беседа приватная намечается.

— С этими двумя орлами?

— Ага. Погуляй, тебе не нужно этого видеть.

А буквально через пару часов, когда Андрей уже успел вернуться, в кабинет вошли — нет, ворвались — сразу три женщины, совсем молодые, и с порога устроили групповой плач на грани истерики.

— Девушки, — растерянно произнёс Андрей, — прекратите этот сиротский вайдос и объясните толком, что произошло.

Толковых объяснений так и не последовало. Сквозь рыдания пробивались слова «арестовали», «увезли» и прочие, родственные по смыслу, но кого арестовали, куда увезли, разобрать в их речах было невозможно. И когда у Андрея всё начало путаться в голове, он решился на неординарный поступок — выглянув в коридор, попросил стоявшего там дневального:

— Кацо, сходи позови Якута. Похоже, без него здесь не разобаться. Слышишь, да? — вой какой стоит сплошной...

Комендант был человеком занятым, и его предпочитали лишний раз не беспокоить. У него могли быть более неотложные дела, но он пришёл. И понял ситуацию с порога.

Уточнив фамилии посетительниц, он кивнул головой и спросил Андрея:

— Посмотри — в реестре эти фамилии есть?

— Так точно, — ответил Андрей, бросив взгляд на монитор.

— Причина задержания?

— Шериф сказал, нарушение порядка.

— Понятно, — вздохнул комендант. — Это он мягко выразился...

После этих слов он обратился к женщинам:

— А теперь все замолчали и дружно слушаем меня. Ваши мужья задержаны за саботаж. — И Андрею: — Поправь причину задержания в реестре. — И, тщательно подбирая наиболее приличные слова, поскольку не любил матерной брани, тем более при женщинах, продолжил: — Так вот, в военное время за это

мороженым не кормят. Если вы не в курсе, то могу объяснить: под вашим посёлком наша разведка обнаружила танки. Понимаете? Мы ждём оттуда танковую атаку. Ждём в любой момент. Именно поэтому было решено на мосту через речку поставить блокпост. А как иначе? Пропустить танки в город? Спасибо, это уже было. Потом выгоняли. С кровью. Так что лучше их задерживать на подступах к городу. А ваши умные мужья испугались того, что танки начнут стрелять и дома ваши разрушат. И кинулись блокпост разбирать. От большого ума, как я понимаю. Можно подумать, что не будь на мосту блокпоста, танки бы не стреляли... Там дорога узкая, а танку дорога не нужна, они просто проехали бы сквозь ваши дома, и не было бы там ни домов ваших, ни огородов, ни вас самих! Неужели непонятно? И что теперь? Арестовали, говорите? Да, я был вынужден отдать приказ утихомирить ваших мужиков, а в случае открытого неповиновения задержать. Именно задержать, хотя по законам военного времени имел полное право приказать открыть огонь на поражение, и никто бы мне не возразил, и никто бы меня за это не осудил. Потому что это саботаж. Понятно вам? И вы сейчас плакали бы не здесь, передо мной, а дома. Над гробами. Но мне не нужны лишние гробы, тем более, гробы мирных жителей. Я сам здешний, я родился и вырос в этом городе, я отсюда ушёл в военное училище, и я категорически не хочу убивать своих земляков. Поэтому они и сидят здесь. Чтоб неповадно было. Ну что вы опять заревели? Хрен с вами, я не изверг, я их отпущу, но отпущу под вашу ответственность. Хотите, чтоб ваши мужья были живы и здоровы, — сделайте так, чтоб они ни во что больше не влезали. Хоть привязывайте их, хоть под юбку к себе прячьте. — И, опять обернувшись к Андрею, добавил: — Сделай в реестре против их фамилий особую пометку. И если они попадут к нам ещё раз, то не бегайте, не плачьте и не просите: будут под любым огнём рыть окопы бессрочно. До полной нашей победы.

— Господи... — вздохнула одна из женщин. — Будет ли она — полная победа?

— Обязательно будет, — ответил комендант. — Я вам обещаю.

Андрею повезло: он увидел своими глазами, как в военное время, невзирая ни на что, творятся справедливость и милосердие. Не каждому дано это увидеть, и тем более не каждый способен это прочувствовать.

Вот так, среди обычных рутинных дел, потихонечку подкрался и конец дня. Андрей уже подготовил и распечатал дневную сводку, открыл окно и с удовольствием закурил. Шериф тоже поднялся из-за своего стола.

— Пойду-ка я сегодня пораньше, — сказал он Андрею. — Семью собирать надо.

Куда собирать, зачем собирать — в уточнениях не нуждалось. Уже несколько дней возле входа висело объявление о том, что готовятся в отправке автобусы для эвакуации семей ополченцев. Людей должны были вывезти в Крым. Через Ростов, Краснодар — и на пароме через Керченский пролив. Дорога получалась очень длинная, автобус делал невероятный крюк, но все знали, что этот маршрут безопасен, а как известно — самая короткая дорога та, которую *знаешь*.

— Отправляешь своих?

— Конечно. У меня же трое детей. Не здесь же их оставлять, под снарядами.

— Хорошо тебе. Есть кого отправить.

— А у тебя?

— А я в разводе.

— Один живёшь?

— С мамой.

— А маму почему не отправишь?

— А мама в одной эвакуации уже была. В Великую Отечественную. И ей хватило. Так что она категорически заявила мне, что не бросит ни дом, ни кота. Спорить с ней бесполезно.

— У тебя ещё и кот?

— Что ты! Красавчик!

Шериф ушёл, а Андрей, как и положено, ровно в 18:00 положил на стол коменданта урожай сегодняшнего горя — папку с накопившимися за день заявлениями, вернул ему позаимствованную

на день куртку и уже было распрощался, но вдруг за окнами громыхнул сильный взрыв. Такой, что в окнах мелко задребезжали стёкла.

— Что-то рано сегодня, — заметил комендант, посмотрев на часы.

— Даже удивительно, — согласился с ним Андрей. — Обычно позже начинается. Часа на три позже. И на всю ночь.

— Домой как добираться будешь?

— Как всегда. Пешком, если никто не подвезёт.

— С разведкой поедешь. Они в твои края сегодня направляются.

Тут же раздался телефонный звонок. Комендант снял трубку, молча выслушал говорившего, ответил ему: «Добро, конец связи», — после чего сказал Андрею:

— Какие скоты. В магазин попали. Спасибо, что закрыт магазин был. А будь там люди — сколько трупов было бы?

Андрей увидел в глазах коменданта боль и недоумение.

— А им-то что... — заметил от в ответ. — Мочись в глаза, скажут, что Божья роса. А потом будут орать, что ополченцы в очередной раз сами себя обстреляли. По их просвещённому мнению, у нас ежедневно проходят утренний и вечерний самообстрелы. Весь интернет загадили...

— Ну а что ты хочешь, — ответил комендант. — Это информационная война. Не менее тяжёлая и важная, чем позиционная. Кстати, вот тебе и ещё одно поручение. Каждый день выходи в соцсети и пиши о том, что у нас происходит в действительности. Это важно. Это нужно. Займись.

— Да я уж занялся на днях... Было дело.

— А что за дело?

Андрей ответил, стараясь избегать бранных слов:

— Да нашёлся один... орёл, скажем так, который заявлял, якобы со ссылкой на местные источники, что наш штаб находится не там, где он находится, а на первом этаже детского дома. На втором, соответственно, живут дети, и таким образом, мы здесь прикрываемся детьми от обстрелов. Пришлось ему ответить.

— И что же ты ему ответил? — живо заинтересовался комендант.

— Ну как тебе сказать помягче, чтоб особо не ругаться... Если не учитывать непристойные выражения, характеризующие моральный облик его родителей и его совершенно нетрадиционную сексуальную ориентацию, то в сухом остатке я сожалел о личном знакомстве с ним, разрывал это знакомство и обещал, что при первой же встрече — а она состоится непременно! — вместо того, чтобы пожать ему руку, я набью ему лицо. Собственноручно. И обосновывал это тем, что мне здесь, на месте, виднее, где находится наш штаб ополчения, нежели ему из Москвы.

— Из Москвы?

— Увы, и там козлов достаточно.

— Это точно...

В коридоре послышались шаги.

— А вот и разведка, — заметил комендант, вскочил с места, открыл дверь кабинета и крикнул в коридор: — Ребята, возьмите Штатского с собой! Как раз мимо его дома проезжать будете, заодно и подвезёте.

Андрей молча пожал коменданту руку и вышел из кабинета.

Минут через двадцать Андрей уже вышел из машины возле своего дома. Домой ему сразу не хотелось — он чувствовал себя неимоверно уставшим. Не от физической работы, нет, моральная усталость гораздо хуже, и от неё так просто не избавиться. Отдых и сон здесь малоэффективны, приходится прибегать к испытанному дедовскому средству — алкоголю, при этом отдавая себе отчёт в том, что завтра утром ты должен быть на месте, абсолютно здравомыслящим и без малейшего запаха перегара. И вся сегодняшняя рутина вновь повторится. И то же будет и послезавтра, и потом, и выходных он не увидит очень долго. До полной победы.

Пройдя мимо своего подъезда, Андрей прошёл ещё метров пятьдесят к ближайшему пивняку и дошёл до стоявших на улице столиков, за которыми завсегдатаи пили пиво и по звукам недалёких разрывов довольно точно определяли, куда именно упал

снаряд — на заводы, на посёлки, или ближе к центру. Ни у кого из них и в мыслях не было устраивать панику и бежать в какое-то укрытие. Ни к чему. Они *привыкли*.

— Здравствуй, Андрюша! — радушно сказали ему. — Заходи, попей пивка.

— Зайду, — отозвался Андрей. — Но ненадолго.

— А что так?

— До Светы дойду.

Светой звали хозяйку питейного заведения, до которого нужно было пройти ещё метров тридцать. У неё в продаже была водка, потому Андрей, опрокинув в себя кружку пива, поднялся и направился туда — известно, что пивом голову не обманешь. После штабной повседневной рутины ему была просто необходима нервная разрядка. Хотя бы такая.

Заведение Светы, как всегда, было открыто, а сама хозяйка, завидев Андрея, воскликнула:

— Андрюшенька, заходи, дорогой! Выпить водочки пришёл?

— Водочки выпить, точно. И отдохнуть немного.

— Так садись за столик, отдыхай! Я тебе сейчас всё принесу — и выпить, и поесть.

— Спасибо, Света. У тебя здесь хорошо. Уютно. И я заметил — ты никогда не закрываешься раньше времени.

— А зачем мне раньше закрываться? Обстрелы? Да наплевать мне на них. Если снаряд сюда прилетит, так мне всё равно, где меня убьёт, на улице или здесь. А если другие под обстрел попадут, так они хотя бы сюда забегут, здесь укрыться смогут. А я им и водочки налью. И мне всё равно, есть у них деньги или нет. Будут живы — придут и отдадут.

Света не лукавила — она так и поступала. Да и не она одна. На этой же улице под любыми обстрелами работали и магазины, и частники — сапожная и часовая мастерские. Все работники тоже привыкли ко всему. Точно так же, как привыкли коммунальщики, ремонтировавшие электросети и водопровод под огнём, как привыкли заводские рабочие, не прекращавшие работать ни на один день, как привыкли все жители этого осаждённого города, каждый из которых ежедневно совершал свой незримый подвиг. А все

вместе эти подвиги складывались в один, единый подвиг. Подвиг города-героя. И не считайте это преувеличением.

Дома мама не спала. Увидев не совсем трезвого Андрея, она вздохнула, но никаких претензий по этому поводу не выразила — и так было ясно, что сын невероятно устал и потому позволил себе немного расслабиться

— Сынок, — сказала мама Андрею с порога. — Нам бы с тобой все документы в одно место сложить надо.

— Зачем?

— Как зачем? Ну а вдруг нас разбомбят? Так хоть документы под рукой будут.

Трудно было с этим не согласиться. Мама, как уже было сказано, помнила ещё Великую Отечественную и хорошо знала, что говорит. Тем более, к документам она всегда относилась с пиететом. Но Андрею, вымотанному всей дневной рутинной, было не до сборов и не до документов. Алкогольную разрядку нужно было подкрепить крепким сном, и чем скорее, тем лучше.

— Мама, — вздохнул Андрей. — Поверь мне, старому дураку: если нас с тобой разбомбят, то наши документы никому и на хрен не будут нужны.

— Что ж, может быть, ты и прав, — согласилась мама после паузы. — Есть будешь?

— Буду.

Наскоро перекусив, Андрей разделся, рухнул в постель, покосился нехорошим взглядом на изобретение садистов — будильник, — и минуту спустя уже крепко спал. Звуки обстрела ему не мешали. Он привык. Такая же рутина.

Он спал тяжело, без сновидений. Да и вообще — какие могут быть сны на войне? Самые разнообразные, могут мне ответить. Согласен. Но лучше бы их не видеть. Как и войну.

А назавтра он опять вскочил по будильнику — и всё повторилось. С небольшими вариациями.

Андрей не носил военную форму, не брал в руки оружие и не воевал на передовой. Но он и ему подобные люди делали не менее

важное дело, чем бойцы ополчения, вышедшие против карателей с оружием в руках. Ведь именно там, в считанных сотнях метров от окопов, люди героически пытались воплотить в жизнь мечту Томмазо Кампанеллы — Город Солнца. Город справедливости. Конечно же, вокруг было достаточно грязи и крови — даже с избытком. В этой грязи невозможно не запачкаться. Конечно же, они и сами были не ангелами — на войне ангелов не бывает. Но по крайней мере, они *попытались*. Может быть, что-то у них плохо получалось, может быть, они в чём-то и ошибались, но у них не было времени на повторную попытку — они строили свою жизнь сразу набело.

А сейчас этот город находится под оккупацией. Так случилось, что ополчение было вынуждено отступить. Пришли каратели. Город Солнца был разрушен, не успев до конца достроиться. Но очень хотелось бы туда вернуться и довести начатое до конца. И я на это надеюсь.

РЕВИЗИЯ

Лежал в кровати, вспоминал свой 2015 год. Январь. Донецк, остановка на улице Боссе, трупы валяются, куда ни посмотри, рваные. Привозят «киборга», у него такая же флисовая куртка как у меня — «Милтек». Борзый. Спрашивают его, показывая на трупы: «Кто это сделал?». Отвечает: «Артиллеристы». Киборга сразу начинает пиздить женщина, только что, на глазах, ставшая безумной старухой — у нее дочь лежит ничком на газоне.

Аэропорт, большая помойка. Трупы, трупы. У одного на груди картонная иконка с 90-м псалмом, у меня такая же, щупаю ее в кармане. На лестнице, ведущей в подвал, сапер снимает мину МОН. Поднимаюсь на пролет выше, перекидываю камеру в левую руку. Думаю: «Хуй с ней, с левой рукой» — и снимаю. Голову убрал, кошу глазом на монитор. Сапер отключает мину и говорит удивленно: «О! А тут еще сейсмодатчик стоит». Мудило.

На аэропорт начинают падать минометки, и Сема Пегов, как строевой конь, услышавший сигнальный рожок, начинает ломиться из подземелья на улицу. Крепко хватаю его за куртку. Мимо входа, на уровне груди, пролетают красные трассеры, бьют куда-то в туман с «позиции Пореченкова».

Горловка. Открываем дверь из подъезда и сразу закрываем — во двор падает мина. Сидим два часа, как бомжи, под первым лестничным пролетом — единственное место в «хрущобе», где можно укрыться полноценно. Потом как крыса мечусь по улице, не могу найти вход в подвальный магазин, а рядом падает и падает. Выписываю такие забавные антраша на гололеде. Попадает в трапезную кафедрального собора. В подвале самого храма прячутся дети, улицы пусты. Манекены, выброшенные взрывом из витрины модного бутика, валяются на тротуаре, как трупы. Ударная волна раздела манекены, как раздевает людей. На стеклах стоит и рыдает

женщина, хозяйка магазина, муж гладит ее по голове, как маленькую. Ближе к вечеру опять начинается обстрел центра, бросаем сумки в машину и мчим из Горловки прочь, но по пути встречаем Моторолу с Вохой, останавливаемся и цепляемся языками, как ни в чем не бывало. От них веет заразным спокойствием. Они едут в Углегорск. Углегорск будут брать.

Улица частного сектора, слева укропы и справа укропы. Танк выкатывается, стреляет и вкатывается. Сидим под забором в снегу. Трусит куда-то по улице большой белый алабай с батоном в зубах. Двух мальчишек-медиков инструктируют, как объехать обстреливаемый изгиб дороги. Через час их сожгут вместе с грузовой машиной, набитой ранеными.

Берут Логвиново — затыкают горловину Дебальцевского котла. Мы идем по полю к передовым позициям. Слева, в пятидесяти метрах от нас, падает минометка. Колпачок у нее не сняли специально — чтобы рвать перекрытые ямы. Поэтому мы не получаем ни ударной волны, ни осколков. Просто в желто-белом поле образуется черный дымящийся круг метров десять в диаметре. Саша Коц комментирует мультипликационным голосом: «Ой-ой-ой». Ополченец, идущий сзади, толкает меня в спину и говорит: «Браток, поспеши». Пропускаю его вперед. На гребне холма — сгоревшая броня, гребень пристрелян. Спешить-то особо некуда, только в гости к Богу.

С окраины Дебальцево возвращаюсь, сидя в багажнике машины, видел в 2008 году, так драпали грузины из Гори, по трое в багажник усаживались. Лицо запорошено адской смесью — снегом и угольной пылью. Только что были на сдаче почти сотни укровояк. Видел, как несли в плен труп в плащ-палатке, труп был без головы. В вагончике медпункта, на рассыпанных порнографических игральными картах еще один труп — судя по штанцмаркам, стреляли в упор в лицо. Желтый, как лимон. Кто стрелял, чей труп? Даже сейчас не интересно. Только жутко, стыдно и неприятно вспоминать.

Пробили два колеса в Дебальцево, роюсь в разграбленном автосервисе, на бензозаправке, в багажниках брошенных машин — ищу запаску. Три раза за день чуть не пристрелили свои. В одной из машин нахожу платформу с каким-то мощным обезболивающим, и

рачительно прибираю в карман. И почти сразу начинают болеть зубы, причем все. Карма! Платформа с обезболивающим улетает за два дня...

Из Дебальцево не выехать, дорогу обкладывают, стремительно темнеет. Едем через поселок Октябрь, прямо по насыпям железной дороги, рискуя нарваться на остаточные группы окруженцев. По пустой улице Октября нам навстречу двигается серая толпа, огромная толпа — старики и старухи, которых на время боев вывезли в Луганск.

В Москву еду с уколом кетанова в шею. Погибаю почти две недели, разваливаясь на куски — вместе с войной из меня выдернули стержень, на котором держалось все. Ночью в Фейсбук мне пишет вдова убитого украинского солдата, труп которого я снял на видео в Логвиново. Его записали в «без вести пропавшие», как могу, помогаю вдове. Она мне пишет иногда, но я боюсь читать ее письма. Пишет, что молится за меня, и я боюсь ее молитв...

Светлый и теплый май, в Донецк ко мне приезжает моя Юлька. На розовом «Матизе». На границе фурор, находится множество галантных провожатых, но я ее встречаю с «донецкой стороны». Не хочет уезжать от меня, с хитростью особо опасной сумасшедшей выдумывая множество причин. «Хочет увидеть войну». Я с Юлей на войне — последнее, что я хочу увидеть в этой жизни. Провожу ее по трассе от Донецка до Красного партизана, узнает место из нашего видео, где лежала куча трупов, накрытых украинским флагом. Трупов уже нет давным-давно, я снимал, как батюшка-униат грузил их в машину и никто не хотел ему помогать. А вот надпись на стене угловой хаты, где жили трупы — «Здесь был Квася» — осталась, и детские рисунки на стенах — «украинским воинам от украинских детей», «возвращайся живым». Юле достаточно войны.

Вывозим из Саханки, из-под обстрелов, контуженную и невменяемую восьмилетнюю девочку Настю. Уже в Новоазовске мать ее признается, что у Насти порок сердца, собирались ехать на операцию в Киев, но Киев пришел сам в Саханку. До администрации Новоазовска Настя держит меня за руку. Самая теплая ладошка в этом году. Может быть, потому, что у меня в шлице бронежилета сидит мишка, которого я отжал у дочки? Мишка располагает.

Вечер, сумерки, едем зигзагами в Широкино, видим, как стартует ПТУР — как ракета-шутиха, с таким огненным хвостом, но коротким хвостом. ПТУР летит воистину черт знает куда! Бьют по отдельным машинам, но в нашу не попадают. Попадут только через две недели, и нашего пожилого водителя-Харона тяжело ранят. Просыпаемся от стонов. Раненый в шею говорит: «А хорошо, что не в голову! Единственное хорошее в это утро». Идем к морю, на передовую. Падает мина, лежим вдоль забора. Сема Пегов с Мелом и ополченцем метрах в двадцати от нас. Жмурю глаза, представляя, как тут сейчас все будет мести осколками. Но мина не срабатывает, и мы идем дальше. А кто больше не может идти — идет сзади.

Август, самый мирный месяц на Донбассе в моей жизни. Прокатились на «машине времени», съездили к староверам в Ольховатку. Приняли как родных, ели в трапезной все из одной посуды. Оказалось, осенью мы вывезли из Никишино женщину и мальчика Никитку, они были старой веры. В общине узнали про это, и читали нас всю зиму, весну и лето.

Ночь в Горловке на шахте 6/17, тишина... Война все? Нет. У нас началась старая война.

Душный Дамаск, октябрь +35. Воздух пахнет ацетоном. Ночью звоню Юльке с крыши нашего дома и получаю по глазам лазером. В одной из высоток, в пентхаузе, ночная пятничная дискотека. С горы Карачун каждые 30 минут бьет «сторожевая пушка». Типа «спите спокойно, жители Дамаска». Прямо над высоткой с дискотекой пролетают снаряды и падают почти у границ Старого города, в районе Джобар. Какой знакомый расклад...

Мы над Джобаром, на 15-м этаже. Без броников — думали, лифт не работает, а спуститься за ними уже некогда — идет штурм. В соседней комнате зенитка К61 образца 1937 года бьет одиночными. Каждый выстрел — как удар в темя молотом и одновременно — ладошами по ушам. Но камера в руках не дрожит, на съемке все ровно.

Горы Латакии, Сальма. Вершина горного хребта. Какой-то генерал с чуть подрагивающими губами говорит, что все его войны только что съебались с позиций — кто-то кому-то сказал, что

сейчас по нашему хребту влупят «градами». И все дали по тапкам. Действительно. Оглядываюсь по сторонам и прихожу в изумление — еще 15 минут тут была толпа сирийцев — в каждой яме варили матэ и покуривали сигаретки.

Какой-то городок под Идлибом, выставил камеру в окно машины — вышло чистых 12 минут разрушенных домов и ни одного человека. Просто серые развалины, промытые редкими дождями.

Авиабаза «Хмеймим», на драном вертолете летим разбрасывать листовки над игиловцами. Мучаюсь трусливой дилеммой — каску оставить на голове или сесть на нее попой? Каску оставляю где была. Горжусь собой. Мужик, кремь!

Наши самолеты садятся и взлетают каждые пять минут, «Воздушный цирк Монти Пайтона». Забываю в гостинице кепку и получаю на башке страшный солнечный ожог. Больше ничего интересного — армия свято хранит свои тайны.

Опять позиции под Сальмой — едем без тормозов по серпантину, не касаясь педали, которая зажжет предательские красные лампочки. Дорога тыловая, но на участке в полтора километра простреливается метров с пятисот.

Хараста — фантастическое зрелище — ДШК лупит в темень трассерами. Спим на слое бетонной пыли, грязные до омерзения. Туалет в комнатах ниже этажом — выбирай любую. Воруем белые гранаты из-за забора брошенного дома. Вкус года. Набиваю чемодан подарками. Три кило молотого кофе — 700 рублей. Детская военная форма для Женьки — 500 руб. Четыре блока «Житана» — 100 мм, три тысячи рублей. Оставляем в Дамаске каски и бронежилеты, как якоря на грунте. Для Новороссии у нас есть еще по комплекту. В крайний день в Сирии мне в Фейсбук пишет ополченец. В мае 2014 года я подарил ему очки «Полароид», которые купил в 2013 в дьюти-фри «Домодедово», улетая в Дамаск. Мы ждали тогда бесполетной зоны, удара крылатыми ракетами и штурма древнего города. Ополченец жив, здоров, только ранен. Круг замкнулся.

ВОЛЧЬЕ БРЮХО И СЫН ВОЗНИЦЫ

Самая смешная за всю войну история приключилась с местными кришнаитами. Кришнаиты — милая и малочисленная религиозная организация (кто сказал секта?). На все тридцать миллионов гражданского населения бывшей единой Украины кришнаитов было едва три тысячи, считая сочувствующих и неопределившихся. Примерно то же и в России. «Левада-центр» (ой ты Левада-степь, краля, баштан, вареник — помните?) опрашивал население относительно религиозной ориентации. Более тридцати процентов заявили себя православными, второе место осталось за атеистами с их двадцатью с хвостиком (и рожками) процентами, далее мусульмане-суниты, коих идентифицировалось около пятнадцати процентов. Индуисты с их ноль-точка-восемь процентом оказались ближе к концу списка, между иудеями (ноль-точка-шесть) и католиками (один-точка-два). И то, на самом деле, очень много. Потому что иудеев — всего ноль-точка-шесть. А включишь телевизор, или там газету откроешь, и так не скажешь. Может быть, они спрятались в других категориях, среди мусульман-шиитов, например. Но во всём мире примерно так же. Индуистов не много, за исключением мест компактного проживания: например, в районе Уэмбли города Лондон индуистов ощутимо больше, чем в среднем по графству Йорк. И в Индии тоже нет-нет да и встретишь индуиста. А ещё ведь не все индуисты — кришнаиты. Среди индуистов встречаются и шиваиты, и йоги-аёнгара, и трансцендентальные медитаторы. В общем, мало их, мало на нашей грешной планете. Тем более забавно и удивительно, что так совпало. О чём далее.

Когда началась война на Донбассе, большинство кришнаитов Украины отнеслись к этому событию философически. Потому что согласно учению «Бхагавад-гиты» каждый из нас полностью духовен, а хохол или, там, кацап — это чисто телесные определения. По

поводу принадлежности земли и границ государства вспоминали слова Свами Прабхупады: некоторые люди понавтыкают в землю палок, назовут их «границы», сидят и лают друг на друга: «это моё! и то моё!». В следующей жизни такие государственники и патриоты рождаются собаками. Будут сидеть на цепи и облаивать прохожих, идущих мимо забора. Относительно «Крым наш» или не наш фундаментальные кришнаиты пожимали плечами: понятно же, что Крым не наш и не ваш. Крым — Кришны. Как и всё остальное.

Однако была малая часть кришнаитов, которые приняли сторону, одну или другую. Их было ещё меньше, чем всех вообще кришнаитов и индуистов, но они вели себя очень активно. Понятно, почему. Фундаментальный индуист должен три раза в день прочитать мантру «гаятри», повторить на чётках сто тысяч имён Вишну, помолиться у алтаря и почитать литературу на санскрите. И это всё после того, как отстоял смену на заводе, или в шахте отработал, или хотя бы просидел восемь часов в офисе. К вечеру едва остаются силы для того, чтобы с женой заняться разрешённым сексом (исключительно для зачатия благочестивого потомства). И вот, опять в фейсбук зайти не успел! Ладно, может быть, завтра.

Так что тематические сайты и форумы, равно как группы и ленты в социальных сетях были временно оккупированны не фундаментальными, но политически мыслящими адептами индийской религии. И вместо «ом», «шанти», «намасте» и «Харе Кришна» контент переполнился призывами к взаимному истреблению, ожесточёнными спорами и беспощадной контрбатарейной борьбой. Каждая сторона в обоснование своей позиции приводила цитаты из санскритской литературы (одни и те же цитаты), мнения великих гуру прошлого (высказанные когда-то давно по совершенно иным поводам) и собственные мистические озарения. Кришнаиты даже влились во всеобщую «готскую полемику» (она же гуннская, она же готско-гуннская, или, сокращённо, ГТ). Поскольку готы — арии, а Веды — арийские священные писания, и Бхагавад-гита рассказывает о битве великих ариев и излагает учение арийского Бога, то принадлежность к готам как бы автоматически означает божественное сознание и правоту. Враги же ариев — дикари, варвары, йёху, и должны быть покорены, а лучше — физически уничтожены.

Естественно, что каждая сторона заявляла себя ариями и готами, а противоположную — дикарями. Обе при этом ссылались на некие «славяно-арийские Веды», которых, как оказывалось при более внимательном рассмотрении вопроса, никто не видел, не читал, и которые, вероятно, были сочинены тем же предприимчивым человеком, что в Америке составил «Книгу Мормона».

Но это всё разговоры. В так называемой «блогосфере» много было разговоров, но из виртуальных «моджахедов» мало кто взял в руки настоящее, металлическое оружие. Мало было таких среди нормальных людей, а среди кришнаитов — ещё меньше. В живой жизни телесные кришнаиты сохраняли нейтралитет; часто, как и все, покидали поле телесной битвы, транспортируя свои тела в места, более для тел комфортные и безопасные. Центральный молельный дом Луганского «общества сознания Кришны» находился по адресу улица Ленина 10, в домике бывшего детского сада. Седьмого июня молельный дом был закрыт. Кришнаиты разъехались или затаились.

И только редкие, редкие единицы вступили в войска той или иной стороны. Так мало их было, что, задумай та или иная сторона собрать тематическое подразделение, то не хватило бы ни у кого на батальон. И на роту. Даже взвода «Кришна» не составилось бы ни на той, ни на другой стороне. Поэтому воевали редкие единицы вооружённых кришнаитов в общих с православными, католиками, мусульманами и язычниками батальонах. Условный фронт войны был обширен, войска исчислялись тысячами и совпадение в одном месте редких птиц было почти что исключено. И, тем не менее, состоялось. Наверное, у Кришны есть чувство юмора. Своеобразное.

Однажды после короткой стычки с не туда заехавшей на автобусе группой боевиков Готского батальона в руках ополченцев оказался пленный «гот». Он был слегка контужен от близкого разрыва гранаты, но осколками его не задело, от контузии отошёл быстро, но поздно — осознал себя связанным проволокой и болтающимся, как свинья в мешке, между недружественными ногами на жёстком ребристом полу «уазика» типа «батон». Привезли на окраину городка и выгрузили в подвал полуразрушенного дома. Закрыли тяжёлую ржавую железную дверь. Сказали: посидишь тут до утра. Утром разберёмся.

Эта простая фраза была, в действительности, постановкой невыполнимой задачи в неопределённых условиях. Дисциплинированный гот пытался сесть. Но так был перетянут проволокой, что сесть ему никак не удавалось, даже прислонившись к стене, до которой он докатился, переворачиваясь. Посидеть он не мог. И оставалось только полежать, время от времени меняя одну неудобную позу на другую. Потом, утро. Когда оно? На часы пленник посмотреть не мог. А окон в подвале не было. Вдруг утро уже наступило?

Думал пленник и о том, что его этим неопределённым утром ждёт. Определённо, ничего хорошего. Солдат-срочников ополченцы отдавали в руки мам и невест, взяв подписку, что они (солдаты, а не невесты) больше не пойдут воевать. Но добровольцев из добровольческих батальонов невестам не отдавали. Ходили слухи, что их пытаются и убивают зверскими способами. Рассказывали и про способы. Но пленник заставил себя не думать про способы. В конце концов, какая разница. Лишь бы быстрее. Иногда добровольцев обменивали на пленных ополченцев. Но редко. Потому что украинская СБУ никого не соглашалась отдавать, как её ни упрашивали командиры и родственники пленных. Обмены, если происходили, то сразу, быстро — пока Киев не наложил руку, пока сепаратистов не увезли в центральные изоляторы. А ополченцы, ещё они могли держать пленных добровольцев в подвалах, долго держать. И вынуждать давать «признательные показания» на видео, хаять собственную власть и командование. Потом такие записи выкладывали в интернет, и сам уже не захочешь, чтобы СБУ тебя выменяло. Самая лучшая судьба для пленного добровольца, это, как говорили, в Славянске — под огнём собственной артиллерии и под дулами пулемётов сепаратистов строить для сепаратистов укрепления. Там если смерть, то быстрая. Правда, не с оружием в руках. С ломом или лопатой. Интересно, в Вальхалле лом или лопату приравняют к оружию?

Гот вспомнил о том, что он кришнаит. И должен мечтать не о Вальхалле, а об освобождении. На поле битвы Курукшетра все воины, с обеих сторон, получили освобождение (по другой версии — вознеслись в рай, что хуже, но тоже хорошо). Потому что

они сражались в личном присутствии Бога. И по Его замыслу, по Его плану. Гот подумал: а с ним что? Присутствовал ли Бог, был ли рядом, когда сепаратисты окружили заблудившийся автобус и начали расстреливать? В этом ли состоял план Кришны? Гот признал: планы Бога трудно понять обычному человеку. И стал шептать молитвы. Всё равно, недолго уже осталось.

Вскоре дверь открылась и в подвал зашли трое. Они зажгли свет (под потолком висела мутная лампочка). Стали раскручивать проволоку на теле гота, заодно обыскивая. Вытащили всё из карманов, куртку содрали, даже майку, обнаружили деревянные бусы на шее и шнур на левом плече.

«Э! Да он удавиться может», — сказал один. «Или ударит кого-нибудь», — мрачно поддержал другой. Достал широкий армейский нож и поднёс к горлу гота. Гот почувствовал кожей холодную сталь. Сепаратист задержал нож у горла чуть дольше, чем было нужно. Видимо, наслаждаясь производимым психологическим эффектом. Потом по-доброму так, от души захохотал и срезал нитку бус. Деревянные бусы рассыпались по бетонному полу подвала. Вторым движением сепаратист разрезал шнур. Снял шнур и остатки бус. Посмотрел. Подумал. «Где-то я такие же штуки видел». Третий, молчавший до этого, подошёл и сказал: «А то ж! Пошли, покажем. Я знаю, кому».

Гота почти что освободили (оставили скрученными только руки за спиной). Дали попить воды из пластиковой бутылки. Усадили к стене. И ушли, забрав одежду, шнур, нитку с редкими остатками бус.

Менее чем через час ржавая дверь снова загрохотала, открываясь. В подвал ввалился новый сепаратист, толстый и шумный, видимо, по природе. Он даже дышал как-то громко. За его спиной маячила пара из давешних распутьвателей. Толстый подошёл к готу. В левой руке толстый держал срезанный белый шнурок и рваные бусы. В правой — фонарь. Не церемонясь, он включённым фонарём поднял подбородок гота. И взгляделся.

— Где-то я тебя видел, — сказал толстый.

Гот усмехнулся и пробормотал разбитыми губами:

— В Киеве. На фестивале в прошлом году.

— Точно, — сказал толстый и хлопнул себя по лбу левой рукой, той, в которой были бусы и шнур. — И как там тебя звали?... — толстый силился вспомнить.

— Карна, — ответил гот. — Карна дас. А ты — Бхима. Я тебя знаю.

Бхима засмеялся как-то тонко, по-девичьи:

— О, Карна! Помнишь, как ты обещал мне на форуме ката-точка-орг... что ты там мне обещал оторвать?

Гот погрустнел:

— Ты тоже обещал мне кое-что отрезать, Бхима.

Толстый стал серьёзным и сказал:

— Ну, я-то, положим, могу обещанное исполнить. Видишь, как Кришна распорядился...

Гот сказал:

— Планы Господа непостижимы.

Потом помолчал и добавил:

— Давай уже скорее покончим с этим.

Толстый убрал фонарь в один карман. В другой карман убрал шнур и бусы гота. Расстегнул свою рубашку. На его мощной шее красовались несколько рядов таких же деревянных бус. Толстый снял с себя одну нитку и надел готу на шею, прямо через голову. Круг бус был широк, худую шею гота можно было обмотать дважды.

— Извини, свой шнур дать не могу. Нет у меня шнура. Я же не брахман, — сказал толстый.

Гот произнёс:

— И что же ты? Не брахман. Убьёшь меня, брахмана?

Толстый ответил:

— А что мне с тобой сделать? Срезать с твоей головы драгоценный камень? Как Арджуна у Ашватхамы? Так на твоей голове его нет. Только на шевроне «чёрное солнце», знак Готского батальона. Его срезать и отпустить?

— Убийство брахмана — большой грех, — саркастически сказал гот.

— Ничего. Я вокруг туласи обойду. Знаешь песенку: брахма-хатья дикани ча?

Оба кришнаита засмеялись. Толстый Бхима смеялся тонко, а худой Карна беззвучно. Потом Карна сказал:

— Я — Карна. Ты — Бхима. А эти двое, за твоей спиной, они кто? Накула и Сахадева?

Новый приступ смеха. Карна продолжил:

— Где же Арджуна? Это он срезал с меня шнур и бусы?

Ещё один приступ смеха.

Чем дальше, тем разговор двух старых знакомых становился для остальных — сиречь, двух ополченцев, стоявших у дверей, а также и тебя, читатель — всё более непонятным. И это было ещё только начало. Бхима притащил из угла два стула, на один сам присел, на второй усадил Карну. «Накула» и «Сахадева» курили и наблюдали за беседой с удивлением и интересом.

Бхима сказал:

— Вот ответь мне, Карна, почему ты ввязался в такую угра-карму, фашистскую форму на себя надел, совершаешь все виды греховной деятельности. И ведь принципы, наверное, нарушаешь? А сам — брахман.

Карна сказал:

— Это не угра-карма, Бхима. Это дхарма. Защищать свою родину. От бандитов и сепаратистов. От агрессоров. А принципы я не нарушаю. Не курю, не пью. Разве что чай. А ты тут наверняка русскую тушёнку трескаешь!

Бхима сказал:

— И от каких агрессоров, Карна, ты защищаешь свою родину? Это женщины, дети, старики. Вчера под обстрелом вашего батальона ребёнок погиб. Девять лет было девочке. Это она была агрессор, от неё ты свою Руину защищал? А тушёнку я не ем, ни свинину, ни, тем более, говядину. Я вообще мяса не ем. Бывает, что ничего, кроме мяса, нет. Так я и не ем ничего. Или только хлеб. А как у вас в Готском батальоне с садханой? Небось, в четыре утра встаёте джапу читать? Ага.

Карна сказал:

— Девочку жалко. Очень жалко. Но это война. Это вы виноваты. Сложите оружие, сдавайтесь, и мы не будем никого убивать. Вы же в городах и сёлах свои отряды держите, прикрываетесь

мирным населением. А с садханой у меня всё ровно. У нас не разоспишься. Вы же, черти, стреляете по ночам. А утром, когда самый сон, приползают от вас чечены и дозорам головы отрезают. Я сам видел мёртвых парней, что уснули на посту, да так и не проснулись. Поэтому у нас, если хочешь остаться жив — не спи. В брахма-мухурту теперь весь батальон в повышенной боевой готовности, на ногах. Ну а я пользуюсь, мантру читаю. Ты же, наверное, к заутренне ходишь в православную церковь? Или с мусульманами молишься? За вас же мусульмане. У вас Аллах-акбар. Кришну-то позабыл небось!

Бхима сказал:

— Это мы черти? Это мы виноваты? Мы — агрессоры? Кто к кому пришёл-то свои порядки устанавливать? Вот ты, Карна, с какой ятры? Со львовской? Так и сидел бы у себя во Львове, ходил бы в храм, пел киртаны, ягьи проводил, коли брахман. Чего ты припёрся к нам под Луганск? Мы тебя звали? Я тебя звал? Хочешь жить под Киевом, нехай, может, вы с фашистами унию подпишете. Будете один раз «Кришна» говорить, один раз «Гитлер». Харя Гитлер, Харя Бандера, Бандера Бандера, Гитлер Гитлер. Мурти Яценюка себе поставите вместо Прабхупады. И этого, Ляшко своим гуру сделаете. И Харе с вами. Но нас не трогайте. А тронете — мало не покажется. Мы защищаться будем. Это наша дхарма, Карна!

Долго они ещё говорили. Но дальше я пересказывать не буду. Потому что я и сам уже половины не понимаю, о чём они спорят. Выйду сразу к финалу этой истории. Вернее, к полуфиналу.

Следующим вечером гота, одетого в штатское, четверо ополченцев, среди них толстый, отвезли далеко в поле. «Шестёрочка» остановилась на обочине у мало приметной тропинки. Встал толстый с переднего сиденья, встали «Накула» и «Сахадева» с заднего сиденья, вылез прижатый ими посередке Карна. Бхима показал тропинку и сказал:

— Там твоя Краина. Давай, звездуй по-хорошему.

— Пранипат, махарадж, — сказал Карна.

— Надеюсь, я тебя больше никогда не увижу, — сказал Бхима.

— Может быть в Киеве. На фестивале. В следующем году, — улыбнулся Карна.

— Лучше уж вы к нам, — хмуро ответил Бхима.

Финал этой истории случился через два месяца. Разведка ополченцев попала в засаду добровольческого батальона. Один ополченец, грузный, не успел отползти и скрыться в зелёнке. Убивать его не стали, накинулись и скрутили. Долго смеялись: совсем у вас, у сепаров, плохи дела. Никого получше не осталось, таких кабанов отправляете в разведку. Или, может, ты не кабан? Да нет! Ты же панда! Панда кун-фу, да?

Готы натужно веселились, но были злы. Недавно такая же разведгруппа уничтожила блокпост. Шестеро добровольцев были убиты. Трупы сложили замысловатой фигурой, которая, видимо, должна была представлять символ Готского батальона — «чёрное солнце». Толстый пленный сепаратист показался готам подарком судьбы. Начались дебаты о том, как именно его казнить. Предлагали раскрасить в цвета колорадского жука и зажарить. Или выпотрошить. Заснять казнь на видео. И так далее. Говорили при пленном, и его вытошнило.

Бросили в холодный снятый с грузовика кунг — карцер. Споры продолжались за тонкой железной стенкой, Бхима всё слышал. Тоскливо было. Ныло сердце и сводило низ живота. И когда отчаяние дошло до предела, Бхима вдруг, неожиданно для самого себя, крикнул: «Кришна!» Он думал, что кричит только в уме: «Кришна! Спаси меня! Или сделай как Ты хочешь. На всё Твоя воля». Но имя вырвалось, громко: «Кришна». За железной стеной стихли, зашумели. Разошлись.

Скоро дверь кунга открылась. Худая фигура заслонила свет.

— Это ты, Бхима?, — спросил Карна.

— А, Карна. Вот он твой... фестиваль. Твои повара уже готовят воскресный пир. Обсуждают, как лучше меня зажарить. И чем посыпать: кориандром или асафетидой.

Карна сказал:

— Бхима. Я в долгу перед тобой. Но я не могу тебя отпустить. Не могу сделать так, как ты — договориться с товарищами, вывезти тебя по пустынной дороге, поставить на тропу и сказать: иди, там твоя Новороссия. Я бы хотел так. Но не могу. Не могу.

Бхима сказал:

— Я знаю.

Карна сказал:

— Не хочу сказать про вас ничего плохого. Вы тоже по-своему военные люди. И у вас тоже есть какая-то дисциплина. Не то чтобы совсем махновщина. Но всё же больше свободы. А у нас тут — армия. Настоящая армия, Бхима. Хоть и добровольческий батальон.

Бхима сказал:

— Я вижу.

Карна сказал:

— И ещё, полно стукачей. Если я с ребятами и договорился бы, сразу настучат командиру, настучат в СБУ. Это уголовная статья, Бхима. Да и до статьи не доведут — прямо тут к стенке поставят и прикопают рядом с тобой. Никак не могу я, Бхима, никак.

Бхима сказал:

— Не волнуйся, Карна. Я тебя прощаю. Официально прощаю тебя за всё. Заранее. Тебе не придётся из-за меня идти в ад. Да и кто я такой, чтобы из-за меня кто-то пошёл в ад? Я даже не брахман.

Бхима засмеялся. И Карна засмеялся. Они смеялись несколько минут. И вдруг прекратили, как по команде. Бхима продолжил:

— У меня только одна просьба. Если всё это начнётся, выстрели мне прямо в голову. Чтобы быстро. Боюсь, что у меня не хватит выдержки. Не смогу терпеть боль, начну плакать. Оползю и ополченцев Новороссии, и верующих в Господа нашего, Кришну. Убей меня быстро, Карна! И ещё, пусть не снимают с меня кханти-малу. Ты же знаешь, нельзя умирать без кханти-малы. Если умираешь без кханти-малы, тебя могут забрать ямадуты. А с кханти-малой, может быть, ямадуты не тронут меня. А может, за мной придут вишнудуты, как в истории с Аджамилой.

Карна сказал:

— Нет, нет, Бхима! О чём ты говоришь! Никто не будет тебя здесь убивать. Я не допущу. Я сам сейчас везде начну стучать, в СБУ сообщу. Тебя заберут в СБУ, увезут на следствие, в Киев... по-крайней мере, я постараюсь...

Карна опустил голову. За стеной кунга снова послышался шум.

Карна ушёл. Больше никто не приходил. Бхиму не развязали. Не давали ни есть, ни пить. Не водили в туалет: ополченец

несколько раз мочился под себя, его штаны были мокрые. Глубокой ночью, уже под утро, в кунг завалились люди, несколько раз пнули Бхиму ботинками в рёбра. Запах штанов Бхимы им не понравился, поэтому они срезали с Бхимы штаны и оставили его почти голым. Грубо, тычками поставили Бхиму на ноги. Вытолкнули из кунга. Бхима упал на землю. Опять подняли, пинками и матом. Повели, затолкнули в какой-то автомобиль, похожий на «скорую помощь», но с решётками на окнах. Кажется, на переднем сиденьи был даже человек в белом халате. А может, показалось. Поехали куда-то, быстро и нервно.

Солнце ещё не встало над горизонтом, но первые лучи, провозвестники зари, уже подсвечивали туманную атмосферу. Боги рассвета, Ашвины, на розовой колеснице выезжали расстилать дорогу для Савитара. День обещал быть ясным.

Подул сильный ветер. Ударил в стёкла «скорой помощи». Ввизгнув тормозами, машина остановилась. Дорогу преграждал БТР. Выскочил человек в белом халате. Кричал: вы кто такие? Показывал удостоверение. Высыпали на обочину охранники, с автоматами от бедра. Людей из БТР было раза в два больше. К тому же, на БТР стоял пулемёт «утёс», держа на мушке «скорую помощь» и всех «санитаров». Поэтому, когда вышедший на встречу «доктору» боец в униформе как бы нечаянно, переворачивая автомат, прикладом выбил белому халату челюсть и уронил его на асфальт дороги, охрана благоразумно не стала жать на курки; никто не спешил стать мёртвым героем.

Бойцы были в балаклавах, лиц не видно. Номер БТР — конечно, замазан. На шевронах были знаки, похожие на «чёрное солнце» Готского батальона, но, если присмотреться, то это было не «чёрное солнце», а чакра — колесо с шестью спицами и язычками пламени. А внизу ещё был топор. Или секира. И если бы кто-то в предрассветной темноте мог прочесть мелкие буквы, то они складывались в слова «vzvod Rama». Почему-то так. Латиницей.

Бойцы разоружили охрану, сняли с сиденья, обыскали и раздели водителя, быстро достали широкий скотч и примотали «санитаров» друг к другу, а водителя — к «доктору». Командир взвода вытащил Бхиму, развязал. Бхиму одели в вещи шофёра. Тесновато, но влез.

- Ты как? — спросил командир Бхиму.
— Нормально, — ответил Бхима.
— За руль можешь? — спросил командир.
— Могу, — сказал Бхима.
— Поедешь за нами, — сказал командир.

Бхиму усадили за руль «скорой помощи». БТР взревел и, объехав «скорую» по обочине, покатил в обратном направлении. Бхима развернулся и поехал за ним. Солнце яркое, тёплое, живое, встало над дорогой, прямо по курсу. Бхима зажмурился на секунду и снова поднял веки; глаза привыкли к свету. Бхима не выпускал руль. БТР вёл его на восток.

Проехали какие-то придорожные укрепления, наверное, блок-посты. Через несколько километров, у развилки, БТР остановился. Бхима тоже нажал на тормоз. Командир взвода спрыгнул с брони, подошёл к Бхиме. Бхима вышел, немного шатаясь, из машины. Они обнялись. Потом поклонились друг другу. Командир сказал: «Пранипат, махарадж». Бхима сказал: «Спаси тебя Бог, Карна». Карна сказал: «Скоро увидимся». Бхима сказал: «Джая». Они расстались. БТР свернул влево, а «скорая помощь» продолжила путь на восток, к солнцу.

Таков был финал этой забавной истории. Настоящие имена, адреса, названия местности и подразделений мне известны. Но я намеренно всё запутал и перепутал. Так что не ищите совпадений с реальностью и не смущайтесь противоречиями в деталях. Так и задумано. Потому что оба героя совершили поступки, с точки зрения их государств предосудительные и наказуемые. И, поскольку это реальные люди, хоть и кришнаиты, я не хотел бы подводить их под военные трибуналы.

Да, таков был финал. Но у этой истории было развитие. Суперфинал. Зимой, когда положение с продовольствием в Луганске стало катастрофическим, когда Киев начал экономическую блокаду, когда больные люди и пенсионеры, которым некуда было уехать из города и о которых некому было заботиться здесь, стали умирать от голода и холода, в домике по адресу улица Ленина 10, в бывшем детском садике, снова зажёгся свет. Сняли кресты досок с дверей, с окон. Протоптали дорожки. Из кухоньки повалил

пар. Если бы мы заглянули через запотевшее окно, то увидели бы громадного мужчину с обнажённым обширным торсом, с новеньким белым шнурком на левом плече. Он орудовал поварёшками и мешалками, приготовляя еду в больших кастрюлях. Рядом суетились его помощники, все со смешными косичками на затылках. Кастрюли выгружали в бидоны, бидоны ставили в уазик типа «батон», и «батон» выезжал со двора «детского садика», катался по городу, мальчики с косичками ходили по квартирам стариков и больных — кормили. Раз в неделю на маленьком грузовичке к детскому садiku приезжал другой человек, худой, и выгружал мешки с мукой и крупой. То ли с востока привёз, то ли с запада. Толстый выходил встречать худого и говорил: отдай свои серьги, сын возницы. А худой отвечал: верни мои ладду, волчье брюхо.

И я опять ни черта не понимаю, о чём они говорят.

РОДНОЙ БРАТ

Полы никак не мылись: Ирина долго переставляла вазочки на серванте, вытерла на полках с книгами пыль, всё ходила по комнате, как потерянная, и никак не могла успокоиться. Всё лежало, стояло не так и не там, где надо, а пора бы уже закончить уборку, вымыть полы и идти к подруге, у которой обещала быть к трём часам дня, а она не могла успокоиться, всё думала и думала о брате. О своём единственном родном брате Владьке.

У неё много братьев: четырнадцать, а из них родной только он, остальные — двоюродные. У мамы было три брата и одна сестра, все рожали только мальчиков! А ещё в родне отца тоже было три сына. Вот так она и стала сестрой четырнадцати братьев. Правда, и их ряды поредели, пятерых нет, унесли болезни... Да и раскиданы все по области, собирались очень редко — на свадьбы или похороны. Но Владька! Он же родной, он живет в каких-то двадцати километрах от неё...

Ему пятьдесят шесть, она старше на пять лет. Роднее его, казалось, никого нет. Брат, конечно, не сестра, на взаимную сильную связь не приходится рассчитывать, но он есть, здесь, рядом, за двадцать километров. А теперь? Что думать ей сейчас, после того, что он учудил? Сколько ей, старшей сестре — няньке! — приходилось из-за него плакать! Сколько раз её поколачивал отец из-за него: то в куклы под забором с подругой заигралась, а он незаметно ушёл к соседям; то он измазался, а она не увидела; то тарелку разбил, а она не доглядела; то палец стёклышком порезал — и снова она виновата!

Так и хотелось крикнуть в прошлое: «Владька, ты что, не помнишь, как мы любили с тобой в детстве ужинать на пороге нашего дома картошкой в мундирах, мамиными солёными огурчиками и хлебом из нашей местной пекарни — вкусным, ароматным, даже пекари, что шли вечером с работы мимо нашей калитки домой, тоже пахли этим вкуснящим, душистым хлебом!»

Ирина бросила уборку, села снова за компьютер, перешла на страницу «Гости». Он там ещё недавно был... Но только там! Вычеркнул её из своих друзей! Вычеркнул из своей жизни...

Вот так! Была у него сестра и — нету... А ведь нас двое было! Всего двое у мамы. Хорошо, что она не узнала об этом при жизни, у неё бы сердце разорвалось!

Владька, ну какой из тебя политик? Борец? Всегда был рабочим человеком, да и сердце у тебя слабое, из-за этого вывели из шахты, а ты так любил свой коллектив! Неужели ты не понимаешь, что политику делают другие — там, наверху, далеко в Киеве! Жизнь страны — вон за сто лет — столько раз менялась, но семьи, близкие люди жили и живут по-прежнему, не рвут родственные связи! А ты сегодня решил, что для тебя важнее всё же голос киевских молодчиков с битами, кричащих на площадях неприличные лозунги, носящих свастики на рукавах, а не единственная родная душа?.. Это всё пройдёт! Пройдёт... Наш с тобой дед Василь во время Великой Отечественной войны жизнь свою отдал за наше будущее, он дошёл до Польши... А теперь новые власти отменяют праздник 9 Мая! Отменяют День Победы! И ты с этим согласен? Кто вложил тебе в голову, что Россия нам враг? Ну не мальчишка же ты, который следует за толпой! Тебе уже пятьдесят шесть лет! Да и дочки твои, зятя, они тоже не понимают тебя — резкого, категоричного! Они тоже не в счёт? Владька, ты не прав!

...Нет, не услышит. Его уже не переубедить. Это его выбор. Он так решил...

Ещё в марте, возвращаясь из Москвы, его друг завёз ей его лишние вещи, чтобы полежали до его возвращения из России. Он чувствовал, что скоро уедет оттуда, где за шесть лет был много раз, зарабатывая деньги для учёбы младшей дочери в институте, знал, что необходимо увозить всё, что нажил за эти годы, что, скорее всего, уже не вернётся туда, так как в Украине назрели серьёзные изменения...

О своём приезде не сообщил, и она думала, что он ещё там... В апреле, на Пасху, неожиданно встретившись на кладбище, на могиле отца (мама умерла позже и похоронена в другом месте),

он как-то поёжился, опустил глаза и сказал, что ему некогда было сообщить ей о своём приезде из России... Ей было неловко, почти стыдно выслушивать объяснения, но ничего не возразила — рядом были чужие люди, лишь поняла: врёт, не договаривает. А может, что-то от жены скрыть хочет? А что? Пропустила мимо ушей его неловкий, скомканный лепет, оправдывая его мужской, неучтивый и забывчивый ум.

Потом он приехал через две недели, чтобы забрать те, привезённые другом вещи. Он всегда приезжал в гости к ней с печеньем или тортом и вином, а в этот раз словно забежал на минуту: пришёл с пустыми руками... Да ладно, что у неё, нечего поесть? Она накрыла по-быстрому стол, поставила и бутылочку домашней.

Говорили о детях, о работе, о том, чем думает заниматься теперь — ведь на пенсии времени у него много. Владька жаловался, что жена не любит огород, которого на его усадьбе, после дома и прочих построек, осталось сотки две-три, не более. Сам посадил на днях картошку, в субботу выйдет на рынок, купит рассаду помидоров и капусты.

А в это время на экране её телевизора шли новости, в который раз рассказывали о трагедии в Одессе... Второго мая там, в Доме профсоюзов, погибло много людей, многие сгорели заживо...

— Бедные люди, — сказала она тихо. — Какой ужас!

И вдруг:

— Меня там не было! Их бы больше было! — твёрдо произнёс он.

— Ты что? — не поверила она своим ушам.

— Да, нечего страну делить. Предатели! — услышала она в ответ.

— Что они делили? Просто — протест, несогласие с новой политикой, расстрелами на Майдане. Они ничего не делали, разбили на площади палатки, повесили лозунги, не кричали, не стреляли... За это — убить сколько людей? — она с тревогой смотрела на хмурое лицо брата.

— Выдумали, что Одесса — это Новороссия, и носятся с этой идеей. — Взгляд его был суров.

— Владь, что ты говоришь? Там же столько молодёжи было! А если бы ты там был? Представляешь?

— Меня бы они не тронули! Можешь это запомнить, я — бандеровец.

Ирина вздрогнула — этого она никак не ожидала. С чего бы это вдруг такое умозаключение?

— Насмотрелся я на этих русских! Всё! Ненавижу! Каждый себя мнит пупом земли!

— Ты шесть лет ездил туда зарабатывать деньги. Ты не поехал в свой любимый Киев, где таких богатеньких, как в Рузе, с дачами, полно, мог бы и здесь зарабатывать. Чего в Россию мотаться? — она хотела сказать «таскаться», но подумала, что это слово оскорбит его. Ненавидеть, и ездить туда, где платят!

Они сидели молча, почти не смотрели друг на друга. Наконец она спросила его:

— Может, тебя обидел кто? Так люди разные бывают...

— Нет, это всё твой Янукович, ворюга!

— Почему — мой? Он мне не кум, не сват и не любовник. Я у него на шухере не стояла, когда он воровал! Да и видела только на экране. И голосовала на прошлых выборах за Тигипко, хотя знала, что восток Украины отдаст голоса больше за Януковича, чем за Ющенко.

— Сколько наворовал! — горячился брат.

— Да не бывает нищих президентов, и нищих депутатов не бывает, они все там не с дырявыми карманами. Когда в 2004 году Янукович стал премьер-министром — отдал все задолженности по пенсиям и зарплатам. И ты, кстати, тоже получил всё сполна! А став президентом, всё время добавлял и к пенсиям, и к стипендиям, и к зарплатам! Вон выйди на улицу, посмотри: люди пластиковые окна поставили, металлические двери, в каждом доме новые холодильники, стиралки-автоматы, люди ездят на отдых в Турцию и Таиланд, а на рынок — на утреннюю сходку пенсионеров — идут в лучших одеждах, словно на праздник. Это не я, а один дедок на рынке сказал. Ему едва не захопало!

— Янукович — ворога! Дал вам по сто гривен, вы и замолкли.

— Ладно, не будем о нём. Зачем он нам нужен: я не его любовница, а ты не его прислуга. Он нам нужен? Давай лучше ещё по единой, наливай!

Владислав молча налил, чокнулись, выпили. Он смотрел в тарелку, усердно жевал и, видно, всё ещё не мог отойти от обговариваемой темы.

— В гости к тётке Кате в Любар поедешь в этом году? Ты там уже года три не был, она ждёт, стареет, болеет.

— Если дети захотят, Тоня и Люда. Сам не поеду, скучно там у них, работают, как ишаки!

— Земли у них много, у каждого — по гектару, с того и живут.

— Всё Янукович виноват!

— Чем? Совхозы не он разрушил, до него, за двадцать лет успели растащить...

Тут он посмотрел на будильник, стоящий на книжном шкафу, и сказал:

— Собираться мне пора, пока дойду до дизеля...

Ирина принесла из спальни его большую сумку, достала из холодильника шоколадку, завернула её в газету и протянула брату:

— Внуке от меня. Уже в школу пойдёт?

— Да, уже и читать умеет, — наконец его лицо посветлело, он вышел в коридор, нашёл свои туфли.

Больше они с ним не виделись. Несколько раз переписывались по электронной связи — по компьютеру, да и то — по необходимости. Первый — он просил адресе двоюродной сестры, что живёт в Житомире, а второй — уточнял расписание поезда до Киева, и чем ехать дальше, дизелем или маршруткой, чтобы без хлопот добраться до села тёти Кати.

Она поняла, раз началась война на востоке Украины, бои идут не только на территории Луганской и Донецкой областей, а и в самом Луганске, значит, ему, бандеровцу, по его заключению, необходимо срочно уезжать в глубь страны... Она на стала тогда приставать к нему с расспросами, лишь сообщила расписание транспорта, так как была там в прошлом году и ещё помнила его, решила — придёт время, всё узнает и так, а он больше месяца не выходил в интернет.

И вот десятого октября, открыв свою страничку в интернете, обрадовалась, что он снова в сети. Значит, сейчас будет сообщение! Хоть что-то расскажет о себе! Но через пару минут он отключился, и до конца вечера уже не появлялся.

«Странно, — подумала она. — Что же случилось?»

На второй день сама решила зайти на его страницу, и вдруг обнаружила, что его нет в списках её друзей. Не поверила! Проверила снова. Нету! Он убрал её из своих друзей! Он вычеркнул её из своей жизни! Она для него больше не существует...

Ирина откинулась на спинку стула, задумалась. Грустно смотрела на монитор: и что теперь? Может, всё же съездить к нему, поговорить?

Её размышления прервал звонок одноклассницы, такой же пенсионерки, как и она, продолжающей жить в том же родном посёлке с больной матерью.

— Привет, Иришка. У меня не очень хорошие новости... Вчера нас снова обстреляла нацгвардия. Чем только не пуляли по нас! Попали и в железнодорожный вокзал, там покорёжены пути — согнулись, как пластилиновые! Разрушено здание старой школы, хозяйственный магазин, профотдел, детский сад, несколько частных домов, два — сгорели, как свечи — дотла!

— О Господи! А вы там как с тётей Шурой?

— Мы... живы. У мамы на нервной почве отнялась рука... Врач приходила, купили лекарство, теперь пьёт их и лежит, всё-таки ей уже восемьдесят четыре года. Но я о другом...

— Что ещё? — Сердце сжалось от предчувствия.

— Вчера хоронили соседку нашу, что справа от меня жила, снаряд попал в её двор, а она как раз бежала в подвал... Не добежала. Наняли машину, хоть один человек на «газели» согласился под обстрелами отвезти её на кладбище, и так два дня лежала в доме, не могли похоронить, некому было даже яму выкопать... Довезли до кладбища, а тут снова начался обстрел! Мы машину отпустили, она ещё может пригодиться другим — беречь её надо. Потасили гроб на руках к могиле, мужики-копальщики сказали, чтобы мы, женщины, всё бросали и поскорее убежали, а они уж сами как-то похоронят. Мы побежали, нас и было-то шесть человек, а вокруг снова бухали... Я пригнулась и оглянулась в ту сторону, где стоит памятник твоей мамы — там упал снаряд как раз — и не увидела его ... Кажется, её памятник разбит...

— Точно?! — вскрикнула Ирина.

— Три снаряда попали по кладбищу. Там много памятников упало. Точно ничего не могу сказать, мы бежали и молились. Страшно было, снаряды падали и в посадку, и на дорогу...

— А сегодня бомбят?

— Целую неделю не дают нам покоя. Сегодня периодически стреляют, намного реже. Снаряды падают ближе к реке, к большому мосту. Раньше перестрелка была лишь днём, сейчас и ночью. Людей в Сентяновке осталось очень мало — считай, одни старики.

Слёзы градом лились из глаз Ирины. Казалось, что сейчас второй раз умерла её любимая мамочка...

Убили, сволочи! Сволочи! Сволочи!

Эх ты, Владька! Они же не жалеют ни живых, ни мёртвых, а ты причисляешь себя к ним, к этим извергам!

Чёрная мышка компьютера дрогнула под влажной рукою Ирины, она подвела курсор к фото брата и резко нажала на клавишу...

Всё! Заблокировано! Раз нет у тебя сестры, то и брата у меня тоже нету! А уедешь ты жить в глубь Украины — в случае отделения ЛНР от всей Украины — или нет, это уже не играет роли. Решение принял ты. И вероятно, давно, ещё там, в Подмосковию, где ты провёл последние полтора года, работая в городе Руза, у бизнесмена на даче.

Время нас рассудит.

Драматургия

О ГЕРОЯХ И БОГАХ

сцена-монолог в одном действии

Действующие лица:

Иван Иванович Селин, сторож гаражного кооператива «Светофор», что в километре от аэропорта; бывший психиатр, месяц назад уволившийся после конфликта с заведующей, вернувшейся из Украины.

Пять собак, самых разношёрстных, одна с перевязанной лапой.

В центре сцены сторожка с зияющим дверным проёмом, закрытым грязной марлей с камешками по углам. Слева от него, под маленьким, невымытым окном с решёткой, оплетённой паутиной, ряд старых деревянных кресел с тремя целыми, одним отсутствующим откидными сиденьями, стол, блюдо с лимоном, вилка. Справа от сторожки распахнутые ворота. В глубине сцены: справа — ржавый кузов без колёс и сидений, автомобильный хлам, слева — собачья будка с привязанной большой чёрной собакой. То отдалённо, то близко слышны пушечные выстрелы, взрывы, автоматные и пулемётные очереди. После близких прилётов — по крыше, столу, кузову барабанят осколки, с тополя, растущего за сторожкой, падают листья и веточки. Две ветви тополя перебиты и висят, как сломанные руки.

С е л и н (*выходит с ложкой в руке, собаки встают и, упруго махая хвостами, бегут навстречу*). Ну, что вы, сепаратисты и террористы, жрать хотите? Шарик (*осторожно отодвигает ногой пегого кобеля*), ты, свинья, где голубую краску нашёл? (*Шарик опирается передними лапами на Селина.*) Ну, ты настоящий укроп: наглый, жадный, ленивый и с жёлто-голубым хвостом. (*Селин гладит Шарика.*) Пошёл вон. Сейчас остынет, всех накормлю, а тебя в последнюю очередь...

Сухой, оглушающий треск, звяканье стёкол. Селин вздрагивает, собаки поджимают хвосты, Найда, с перевязанной передней лапой, припадает к земле и скулит. Шарик забегает в сторожку, по крыше которой и по кузову стучат осколки. На сцену падают сбитые листья и ветки. Селин поворачивается к Шарiku.

Бздливый ты, как рагуль. Тебе бы только на блокпостах женщин с детьми грабить. Раненая Найда залегла и выругалась. Так она под обстрел попала, а ты... *(Пауза.)* Бьют, суки, по Донецку каждый день, а эти придурки перемирие соблюдают. Я с вашего позволения глоточек сделаю? *(Достаёт из кармана флагу.)* Напиток, признаюсь, не слабоалкогольный, но и жизнь у нас не слабая. Коньячный аперитив. Спиться не боюсь. Прилети эта дрянь метров на сто ближе и ни меня, ни вас, ни коньячку. Если б мне отвели время на спиться, я б счастлив был. *(Пьёт, закусывает лимоном, заходит в сторожку, возвращается.)* Ещё минут пятнадцать.

Шарик сидит и преданно смотрит на него то прямо, то поворачивая голову набок. Две собаки положили скучающие морды на лапы и терпеливо ждут. Рыжий, бздошный кобелёк Сеня, отведя лапу, полирует себя языком. Лохматая Найда с репьем на серповидном хвосте медленно, на трёх ногах идёт к лежбищу под кузовом машины. Селин обращается к Шарiku.

Что ты смотришь, как Украина на МВФ? Сказал пятнадцать минут, значит, пятнадцать. Иди, отдыхай. *(Шарик просяще гавкает.)* Не скануди. Могу рассказать, как меня кинули, чтоб ты не идеализировал людей, тем более ветеринаров. Начальники — это такие жирные коты, постоянно жрущие из тарелок подчинённых, считая их собственными. Чем больше начальник, тем большее количество подчинённых он обжирает. Порядочных и честных начальников нет. Это закон. На пути к креслу и для последующей его защиты нужны иные добродетели. Даже ум и знания не входят в число их. Поэтому, когда хвалят президента, я смеюсь, ибо президент — самый большой начальник в стране. Заведующие в психиатрии — это пятое, усиленно жрущее колесо в телеге. Они вообще не нужны, ибо принцип независимости

врача-психиатра требует единоличного, а не колхозного психиатрического хозяйства. Чё ты башкой вертишь, про психов не интересно?

Шарик, поймав взглядом глаза Селина, скулит и, приподняв зад, нетерпеливо пританцовывает на полусогнутых задних.

Вес не возьму, не проси. А горячего, если не терпится, налью.

Уходит в сторожку и выносит голубую эмалированную кастрюлю с отбитой по краям эмалью. Собаки подбегают. Чёрная собака рвётся с привязи, громко лает и, звеня цепью, вертит головой, стараясь вытащить её из ошейника. Селин наливает ей, потом остальным. Собаки, каждая у своей миски, жадно чавкают. Селин тоже ест. Слышны автоматные, пулемётные очереди, выстрелы, взрывы, постукивание ложки, затихающее чавканье и негромкое предупреждающее рычание. Поев, собаки разбредаются по сцене. Трёхногая Найда — под кузов, Шарик — под стол. Убрал со стола, Селин садится и, вытянув ноги, толкает Шарика.

Извини, не хотел. (*Поджимает ноги.*) Я люблю медицину. Это самое лучшее в мире образование. Меньше всего благоглупостей сказали врачи-писатели. Чехова я могу читать день и ночь. Обсасывая каждое слово, каждую букву, как косточку. Но врачи... Я только вам и могу рассказать, сколько среди них ублюдков... И я, Найда, первый. Всё принёс и забыл за обстрелами.

Уходит в сторожку и возвращается с бинтом, ватой, перекисью и левомиколью.

Иди сюда. (*Делает перевязку, во время которой Найда лижет ему руки.*) Зажило, как на собаке. Больше в аэропорт не бегай. Дом разбомбило, хозяева уехали, если живы, вернутся. Запомнила? Слушай сюда... (*Берёт её голову в руки. Она вырывается, но он крепко держит и внушает.*) Они уехали — дом твой сейчас здесь — туда не бегай — погибнешь, верная ты моя. (*Чмокает губами, словно целуя, садится.*) О чём я говорил? О верности собак и о предательстве людей? Собачью верность Найда демонстрирует. Завтра опять туда

побежит. А предательством мы сыты. Киев, Крым, Кремль... Три буквы «К»... *(Усмехается.)* Случайно или Бог шельму метит? Говорить о них под коньячок — всё равно, что дерьмом закусывать. Бог им судья. Лучше о медицине. Она устроена так, что все своекорыстные червяки, залезая в неё, чтобы жрать, вынуждены приносить пользу. Они, конечно, избегают, как моя бывшая заведующая, трудоёмких и безопасных методов лечения, предпочитая лёгкие и высокооплачиваемые; они разводят больных и наваривают везде, где могут, втюхивая ненужные лекарства и обследования; они даже с «Реквием» сотрудничают. Но, повторяю, медицина построена так, что собственные шкурные интересы врачи вынуждены удовлетворять, заботясь даже о тех, к кому чувствуют отвращение! Можно, конечно, их осуждать, но они продукт общества потребления. Точно такие же в школах и на заводах. Странами такие руководят! Нас уже второй год обстреливают. Убили сотню детей... *(Вспомнив.)* Царство небесное всем невинно убиенным, погибшим за други своя! Земля им пухом! *(Делает большой глоток.)* Тысячи домов разрушили, людей по чужбине размели... И что? Как реагирует на кровавый маразм Донбасса общество потребления? Да никак. Бойтся, что его доходы снизятся. Духовный рост, к которому звали отцы русского мира, подменили ростом способов получения денег. Не к духовному подвигу сейчас зовут людей, а к подвигу стяжания, ибо, чем больше денег, тем больше потребить может человек. Современный российский взрослый — это ребёнок, стоящий перед витриной игрушечного магазина. Мама Россия держит его за руку, а он брыкается, плюёт на неё, ругает, потому что нет у неё таких красивых игрушек, как на Западе, и она не позволяет ему теребить половые органы, ковыряться в попе и носу за столом. На Западе это считается неотъемлемым правом человека. И мил ему Запад, потому что ублажает его низменные потребности и постоянно сокращает их список. Стишки — крошка сын к отцу пришёл, и сказала кроха: «Пися в писю — хорошо! Пися в попу — плохо!» — уже отстой. *(Говорит голосом политика, вещающего с трибуны)* Они не отражают стремление народа к прогрессу

и демократии. Лет через двадцать сын будет дрючить маму, а ещё лучше папу. Это будет считаться грамотным воспитанием подрастающего поколения. К термину «гомофоб» добавят термин «инцестифоб» и будут клеймить ими ретроградов. (*Говорит тем же лживым трибунным тоном.*) Дети должны проходить сексуальную инициацию в лоне семьи. Да здравствует всемирная духовная инфантилизация и примитивизация! Извращенцы всех стран, соединяйтесь! Уже сейчас, чем больше игрушек и развлечений, чем они дороже, тем более счастлив человек. Добавили в телефон новую кнопочку и взрослый мужик — несчастлив, купил — и счастлив. А ведь дитю — полтинник! Шкурные интересы на Западе не только выше духовных, но духовные — обслуживают их. Люди лезут по ступеням потребления, видят в этом жизни цель, с самомнением дебилов гордятся своими девайсами и презирают тех, у кого их нет. Декларируют толерантность, многополярность, демократию и визжат: мы вернём себе Крым и Донбасс. Как вы вернёте, если люди против? Вы их убьёте?

Вой мины, сухой треск, стук осколков по крыше сторожки и кузову. Селин, не шелохнувшись, прикрыл глаза. Шарик вскочил. На йда, лежавшая под кузовом, села. На стол упал осколок. Селин поднимает его и тут же бросает.

Горячий, зараза! (*Дует на пальцы.*) Западная демократия и права человека (*усмехается*) пришли, наконец, в Донецк. (*Смахивает со стола сбитые листья.*) У нас сейчас общество выживания, а не потребления. Киев, сам того не понимая, отодвинул нас от Европы на поколение или два. Не может человек получить кайф от денег и покупок перед смертью! Это вы из-за новой мобилы раком встанете, а мы — нет. Мы с пёсиками получаем удовольствие от того, что поели и осколки летят мимо нас. Пока. А мне после трёхсот грамм на вашу войну плевать. (*Болтает флягой возле уха и ставит на стол.*) Грамм двести осталось. Пожожу чуток. Правда, Шарик?

Наклоняется и, не глядя, гладит его по голове, чешет за ухом.

Собачье общество потребления, скажу я тебе, гораздо честнее человеческого. ДНР — это Эрэфия. Я не о государстве и границах, а о политике циничного жертвоприношения окраин. Даже если они захлебнутся в слезах и крови, Эрэфия будет «последовательно придерживаться...» и придерживать ДНР, вынуждая наблюдать, как окраины стирают с земли. Что для москвича Курилы, а тем более Донбасс? Ну и что, что Русский мир и полит русской кровью? Есть опыт Аляски. Донбассу надо понять это. (*Говорит разными голосами.*) «Вы разве не хотите умереть за интересы России?» «В роли кого?» «В роли граждан единой и неделимой Украины». (*Делает глоток из фляги.*) Мы, конечно, умираем, но к хозяевам Кремля у меня есть вопросы... К Ах-сезон-сорвали — тоже... Замечали ли вы, мои дорогие пёсики, что тыловые районы Донецка недолюбливают фронтовые? Почему? Потому, что фронтовой Донецк тыловому — портит всю малину, мешает быть героями. Так и с Крымом. Хотят они верить, что «крымчане — народ победитель»; хотят носить футболку с надписью: «Русские своих не бросают»; хотят пить из чашки с надписью: «Путин — самый вежливый из людей». Но русская кровь Донбасса заливает эти гордые и красивые, но пустозвонные слова, вызывает даже у самых отможенных банковским счётом россиян чувство неловкости, портит им праздник. Из этой ситуёвины надо выбираться. И скачут расейские скоморохи слова и пера, вещают, что Донбасс генетически неполноценный, сам во всём виноват и прочее. (*Пьёт.*) В прошлом году галичанские кукушата, последними посаженные советской рукой в украинское гнездо, стали, с помощью Запада, выталкивать из страны всё русское и советское, создавать под боком России русофобское государство. Право русских на веками обжитое малорусское гнездо растоптали. Крым с городом-героем Севастополем — гордостью русского флота! — бежал, сверкая пятками и винтами. Одесса, ещё один город-герой, встала раком! Ты удивлён? Я нет. Курортные города кормятся тем, что уступают в сезон свои жилища и терпят неудобства. Это проститутки жилья, развращённые лёгким заработком, готовые на любое паскудство. Поэтому Донбасс очутился один на один с бандеровскими

ордами, которым Запад сказал «фас!» и закрыл глаза. *(Пьёт.)* Я понимаю, что история не знает сослагательного наклонения, но если бы Крым не сбежал, то на Украине было бы два законных русских фронта! Пёсики мои дорогие, а два фронта — это не один. А там, может, и Одесса раздуплилась бы... И Харьков... Кто сподличал: Крым (сбежавший) или Эрэфия (одного принявшая, а перед десятью дверь захлопнувшая)? Кто предал Донбасс, я вас спрашиваю? Я согласен, что не отличаю государственную мудрость от хитрожопости, но, господа Сезон-удался, к маме сбежать в начале драки — это как ни верти... Может, крымский папа вас за это хвалил, а меня мой донецкий бил. Если б вы не смылись с подожжённой Украины, не спрятались за спину российской армии, а вступили в бой, то, возможно, всё бы кончилось прошлым летом. Ваше здоровье! *(Пьёт.)* Я на трусов и дураков не обижаюсь. Я ж психиатр. Надеюсь, сезон удался, и вы неплохо заработали? Не надо бла-бла. *(И-ик.)* Донбасс всегда будет для вас кровавым укором. Как для тыловых районов Донецка — фронтовые. Они мешают им, ничем не жертвуя, кланяться на сцене под аплодисменты! Обойтись этим летом без клубники, нового купальника и считать себя героиней Донецка! Поднять за сезон на тыщёнку меньше и попасть в герои России! Но эти, сдуру потерявшие дома и близких, мешают дешёвкам Донецка и Крыма! Щас допью и расскажу вам о героизме такое, что вы коктейлями своими донецкими подавитесь, с лежаков своих крымских попадаете.

Гладит Шарика, который лижет ему руку. Выливает остатки коньяка в рот. Поднимает флягу и, прикрыв левый глаз, заглядывает в горлышко. Капля падает на щёку, чуть ниже глаза. Стирает большим пальцем и нюхает.

Хороший был коньяк, Царство ему Небесное. Кстати, профессиональные знания даже при делирии утрачиваются в последнюю очередь. Это я вам, псины, говорю на случай, если вы скажите, что он пьян и гонит. Триста грамм хорошего коньяка мою профессиональную чуйку только обосряют, то есть, обосря... обос-т-ряют. Твою мать, уже как Брежнев говорю. Речь у

меня чуть смазана, как и положено, на подходе к средней степени алкогольного опьянения, но мысль нет. Мысль моя пронзает... Пьяный проспится, дурак никогда. Это вы должны знать. Что я ещё хотел сказать? Чтоб уже всем сёстрам... А! (*Поднимает указательный палец.*) Кемпинский писал о доминировании в польском обществе истерических и психастенических черт. У россиян истеричность сочетается с мазохизмом. Любит Русь юродивых! Не может без смердяковых и корейш! Без мазохистов и предателей! Сколько заплесневевших актёров, певцов, политиков стремясь, как и положено истерикам, в центр внимания, ругают Россию? Стаями рыщут по стране в поисках грязи. Не чтобы очистить, а чтобы на телеэкраны попасть. На одну кучу русского дерьма — сотня голосащих копрофагов! За тысячу километров от украинской кровавой каши, даже не пробуя её, не слушая тех, кто живёт в ней с детьми, бухаются на колени и каются. Им картинка нужна! За неё платят. А мы её, Шарик, портим. И потому нас тут нет. Есть московская старуха, похожая на крысу, снискавшая известность лицедейством или художественным враньём... есть еврей, пятым браком женатый... есть певец, с тонким шрамом на жопе... Их видят и слышат. Они кривляются на подмостках Москвы и, никогда не быв в Донецке, лучше нас знают, кто по ком стреляет, кто на кого напал и что нам выгодно. Живут, суки, по принципу: «Хоть плюйте, но помните. Хоть кляните, но платите», — и парку в кровавую баню Донбасса поддают, свои сребреники получая. Не-на-ви-жу! Сдо...

Сухой, оглушительный треск. Шарик, вскакивая, бьётся головой о ножку стола. Селин смеётся. Осколки сыплются на крышу, барабанят по кузову машины, по столу. Срубленная ветка с зелёными листьями падает на стол.

Селин (*смахивая с головы осколок*). Да, пошли вы...

Занавес

ПЕСКИ

история одной семьи

драма в шести действиях

Я мог бы выразить свою ненависть прямо сейчас. Это я умею. Но всему своё время. А пока я буду рассказывать. И расскажу такое, что со всех концов света они придут только для того, чтобы меня убить. Тогда с этим будет покончено, и я буду удовлетворён.

Селин Л.-Ф. Смерть в кредит

Действующие лица:

Зорина, крупная тридцатилетняя женщина с узкой талией и широким тазом, учитель русского языка и литературы.

Зорин, её муж, 36 лет, высокий, худощавый инженер-программист, типичный ботаник в очках.

Петя, восьмилетний сын Зориных.

Даша, пятилетняя дочь Зориных.

Василий Сергеевич, отец Зорина, ГРОЗ на пенсии.

Марченко, мать Зориной, учитель младших классов.

Селин Иван Иванович, полный пожилой психиатр, с небритой бородой и усами.

Петров Андрей Павлович, молодой психиатр.

Жадобина Галина Наумовна, заведующая психиатрическим отделением, старая, толстая, на ухо туговатая.

Лавренко Евдокия Степановна, старшая медсестра с излишне громким голосом.

Яна и Снежана, молодые женщины в оправе из драгоценных металлов и камней.

Анжела, шестилетняя дочь Яны, в красивом красном платье с рюшами.

Бойцы батальона ДУК «Правый сектор».

Бойцы батальона «Айдар».

Боец ВСУ.

Журналист, молодая женщина с микрофоном «5 канала» в руке и фальшивой доброжелательностью в голосе.

Оператор, с кинокамерой на плече.

Медсёстры и санитарки.

Гуляющая публика.

Подростки.

Дети.

Действие первое

Частный дом в посёлке Пески, занятом украинской армией. Слева — двор с закрытыми воротами, две берёзы с перебитыми, висящими ветками. В центре и справа — дом с прихожей, кухней, гостиной и детской. Возле рампы дорога, по которой проезжает военная техника.

Военные в ней, не обращая внимания на действие, смеются, кричат, поют пьяными голосами украинские песни.

Петя бросает в них камни из-за забора. Зорин выходит из дома.

Зорин. Петя!

Петя. Что?

Зорин (*подходит к нему*). Сколько раз тебе говорить, чтоб не бросал камни в военных?

Петя (*исподлобья*). Это не камни.

Зорин. А что?

Петя. Гранаты.

Зорин (*невольно улыбаясь*). Час от часу не легче! Гранаты тем более нельзя.

Петя. Почему?

Зорин. Если увидят, у нас будут неприятности.

Петя. Не увидят. Я из-за забора.

Зорин. За забором они не видят, что бросает мальчик и могут выстрелить.

Петя. Ну и пусть выстрелят.

Зорин. Петя! (*Смотрит укоризненно.*)

Петя (*со слезами в голосе*). А почему они Асёну убили? Она маленькая была, ласковая и никого не кусала.

Зорин (*гладит его по голове*). Асёну мы с мамой тоже любили, но камни в военных не бросаем.

Петя. А почему они...

Зорин (*обнимает его, целует сверху в голову*). Петя, давай без почему. Я тебя очень прошу: не бросай камни.

Петя (*смотря в сторону*). Я когда вырасту, куплю себе автомат или танк...

Зорин. Хорошо. А пока камни выбрось. (*Петя нехотя выбрасывает камни.*) Пообещай мне, что ты не будешь бросать камни, в военных. (*Пауза.*) Не слышу.

Заходят в дом. Ко двору подъезжает машина, ворота распахиваются, военные с чёрно-красными нарукавными нашивками вкатывают во двор миномёт «василёк», за ними идут журналист и оператор в касках, бронежилетах с надписями «Рррррррр». Зорин и Петя проходят в детскую. Завидев их, Зорина уходит на кухню. Зорин, ероша волосы на голове Пети, подталкивает его к Даше.

Зорин. Поиграй с Дашей, пока мы с мамой обед приготовим.

Петя. А можно я костёр распалю?

Зорин. Конечно. Когда мама скажет, я тебя позову.

Действие идёт одновременно в четырёх местах: во дворе военные устанавливают миномёт; 1-й военный разговаривает в гостиной с Зориным; 2-й — осматривает кухню и детскую. В кухне — Зорина режет ножом морковь, оттопырив перевязанный большой палец правой руки. В детской — Даша сидит на полу и с улыбкой наблюдает за Петей, который гудит и, объезжая её ножки машинкой, умышленно цепляет их. Реплики актёры произносят, не мешая друг другу.

1-й военный. Хозяин?

Зорин. Да.

1-й военный. Кто в доме?

Зорин. Жена, двое детей и я.

1-й военный. Чужих нет?

Зорин. Нет.

2-й военный (*тихо подходит и гладит Зорину по заду*). Жіночка яка файна!

Зорина (*резко поворачивается с ножом в руке*). Руки при себе держите.

1-й военный. Оружия нет?
Зорин. Нет.

2-й военный (*угрожая автоматом*). Ножа залиш. Ты диви яка цаца...

Берёт со стола яблоко и, кусая его, идёт детскую.

1-й военный. Сейчас посмотрим. (*Зорин поворачивается на плач Даши.*) Стоять. (*Угрожает автоматом.*)

Завидев чужого дядю с автоматом, Да ша плачет, Пет я бычится.

2-й военный, не обращая на них внимания, заглядывает в шкаф, под кровать и молча выходит в гостиную.

1-й военный. Что там?

2-й военный (*грызя яблоко*). Жинка і діти.

В комнату вбегает заряжающий. Смотрит по сторонам.

1-й военный. Тебе чего?

Заряжающий. Треба щось таке... (*Шарит глазами по комнате.*) Мабуть це...

Хватает покрывало с дивана, убегает.

1-й военный (*Зорину*). Всем в подвал и после того как мы отработаем, час не высовываться, если жить хотите.

Военные идут к выходу.

2-й военный (*приятно удивлённый*). Баба там з вот такою сракой. (*Показывает руками.*) Я б с задоволенням заїхав...

1-й военный. Щас гляну. (*Заходит в кухню.*) Всё нормально, хозяйка? (*Зорина поворачивается. 1-й военный бесцеремонно разглядывает её.*) Всё на месте. Очень хорошо. (*Возвращается ко 2-му военному.*) Бабец знатный! Возьми на заметку. Не пропадать же добру?

Уходят, плеснув цинично смехом. Зорин и Зорина идут в детскую. Да ша, завидев родителей, плачет ещё громче. Зорина обнимает её.

Зорин. В подвал приказали лезть.

Зорина. Слышала. Костёр разжёт?

Зорин. Нет.

Петя. Я буду распаливать.

Зорина. Разжигать, а не распаливать.

Петя. А папа говорит распаливать.

Журналист (*входит в дом, кричит*). Хозяева! Алло! Где вы? (*Входит в детскую.*) Здравствуйте. (*Старшие Зорины молча кивают, Петя смотрит исподлобья, Даша отвернулась, обняв маму.*) О, у вас тут вся семья в сборе!

Заходит оператор.

Готов? (*Тот кивает.*) Начали. (*Поворачивается к Зориным.*) Я бы хотела задать вам несколько вопросов. Что вы думаете о российской агрессии на Украине? Что вы видели своими глазами?

Зорин. Я своими глазами видел, что украинская армия стреляет по Донецку.

Журналист. К сожалению, без помощи армии нельзя изгнать российских агрессоров из Донбасса.

Зорин. А кто вам сказал, что российские агрессоры находятся в Донецке?

Журналист. Это общепризнанно.

Зорин. А вы лично видели?

Журналист. Я в Донецке не была.

Зорин. А мнение жителей Донецка вас не интересует?

Журналист. Если бы не интересовало, я бы с вами не разговаривала. Международное сообщество считает, что Россия оккупировала Крым, а теперь Донбасс.

Зорин. Крым провёл референдум о присоединении к России...

Журналист. Никто не признал этот референдум...

Зорин. Сделав Украину тюрьмой для русских...

Зорина (*громко*). Серёжа!

Зорин. Что Серёжа? Хіба ревуть воли, як ясла повні?

Зорина (*журналисту*). Извините, мы третий месяц под обстрелом, без света, телевизора. Нервы у мужа на пределе.

Журналист. Я очень сожалею, что вы так живёте, но Президент Порошенко делает всё возможное, чтобы изгнать российских оккупантов с Украины.

Зорин. До прихода украинской армии мы жили нормально.
Журналист. Я надеюсь, скоро всё наладится и Донбасс будет опять украинским. Спасибо за интервью. До свиданья. (*Оператору.*) Пойдём.

Выходят из детской.

Голос оператора. Всё получилось?

Голос журналиста. Даже лучше, чем хотела.

Зорин. Сейчас начнут.

Зорина. Может, к отцу перебежим?

Зорин. Бери детей и беги. Я останусь: без нас последнее вынесут. (*Очень громкий выстрел. Все вздрагивают. В прихожей вылетают стёкла.*) Поздно.

Петя. Это от нас?

Зорин. Пока от нас. Давайте — в погреб. (*Идёт в прихожую, открывает лаз.*)

Зорина с детьми спускаются в погреб.

Голос Зориной. Серёжа!

Зорин. Стёкла уберу и спущусь.

Сметает под стену стёкла и смотрит во двор. «Василёк» установлен дулом в левую часть зрительного зала. Рядом с ним лежит покрывало, на котором пять кассет с минами. Сзади миномёта тренога с кинокамерой, оператор и журналист. Миномётчики, выполняя свою работу, часто оглядываются на кинокамеру и ведут себя как плохие актёры.

Командир (*весело, в кинокамеру*). Ну, что, друзья, зашлём сепарам подарок.

Заряжающий (*вставляя кассету в миномёт*). Аллах акбар!

Командир. Кассета! Огонь!

Наводчик стреляет. Через пять секунд слышны четыре отдалённых взрыва.

Заряжающий (*поворачивается, удовлетворённо объясняет в кинокамеру*). Взриви пішли! Їм там, мля, не сладко.

Командир (*заряжающему*). Давай следующую.

Заряжающий вставляет кассету. Наводчик крутит ручку, ствол миномёта движется в центр зрительного зала.

Командир. Кассета! Огонь!

Наводчик нажимает ручку, четыре выстрела. Командир с заряжающим отворачиваются, закрывая уши. Отдалённые взрывы.

Наводчик быстро крутит ручку и целится уже в левую часть зала.

Командир (*заряжающему*). Олежа, отойди, всё кино за-слонил. (*Смееётся.*)

Заряжающий неловко вертится и, оглядываясь на камеру, отходит. Быстро, уже без разговоров отстреливают кассету и, бросив миномёт, убегают со сцены. Взрывы. После паузы миномётчики, журналист и оператор возвращаются.

Командир (*с досадой*). Грёбаные сепары, не клюнули! Повторим?

Журналист. Зачем? Вас мы сняли, видео с разбитыми домами у нас есть, мужчина в доме сказал, что своими глазами видел российских агрессоров в Донецке...

Командир. Не может быть! Как вы такое из сепара выдавили? Нас тут даже дети ненавидят.

Журналист. Если мне заказывают материал о российской агрессии на Донбассе, то я его делаю.

Командир. Вы не только красивы, но и умны. Значит, передача уже готова?

Журналист. Если бы пришла ответка, то была бы бомба, а так... (*Разводит руками.*)

Командир. Мы старались.

Журналист. Плохо старались. Вы мне пару слов скажите: как защищаете жителей Донбасса от российских оккупантов?

Командир. В обмен на ваш телефон.

Журналист (*кокетливо улыбаясь*). Я подумаю.

Командир. Миномёт нужен?

Журналист. Нет.

Командир (*кричит*). Сворачиваемся, парни.

Миномётчики переводят миномёт в походное положение, цепляют к машине и уезжают с журналистами. Зорина и дети вылезают из погребя. Из дома, озираясь, выходит Зорин. Поднимает покрывало, трусит и быстро возвращается в дом.

Зорина. Ты бы хоть меня пожалел.

Зорин. Что такое?

Зорина. Почему я должна переживать ещё и за тебя?

Зорин. Пришла бы ответка, я бы спрятался.

Петя. И я больше не полезу в погреб.

Даша. И я.

К дому, оглядываясь, подходит украинский военный. Одет плохо, рюкзак на спине.

Военный (*негромко*). Хозяйка.

Зорин (*выглядывая в окно*). Иди, твой пришёл.

Зорина (*улыбаясь, торопливо выходит на крыльцо*).
Здравствуйте! Рада вас видеть.

Военный. Я тут дітям приніс, мабуть, в останній раз. (*Зорина вопросительно смотрит.*) Ротация.

Зорина (*огорчённо*). Жаль. Точнее, я рада, что вы уезжаете, но вы нам стали как родной. И не только из-за хлеба и сгущёнки...

Военный (*снимает рюкзак*). Тіки ви скажіть своїм, щоб мовчали, бо це не дуже... У нас теж різні люди є...

Выкладывает под дверь банки консервов, даёт в руки Зориной две буханки хлеба.

Зорина. Нет-нет. Мы никому не скажем. Дай вам Бог здоровья и счастья. Не знаю, как и благодарить. Приезжайте к нам потом. Наш дом всегда — ваш.

Военный. Тікайте звідси. Це не місце для жінок та дітей. (*Уходит.*)

Зорина (*в спину*). Прощай. Храни тебя Господь.

Смотрит вслед, прижимая две буханки хлеба к груди. Когда военный скрывается за воротами, заходит в дом.

Зорин. Ну, что наш кормилец?

Зорина. Кончился наш кормилец.

Зорин. Что так?

Зорина. Ротация.

Зорин. Я так и не понял, почему он тебе хлеб со сгущёнкой таскал?

Зорина. Не мне, а детям.

Зорин. Благодетель, мать его!

Зорина. Зря ты так. Сельский пацан, из-под Миргорода, рыжий, беззубый, добрый. Мне его по-человечески жаль.

Зорин. А мне нет. Пришёл в мой дом, разбил детский сад, школу, куда мои дети ходили.

Зорина. Не он же лично.

Зорин. Какая разница? Даже если он снаряды подавал или кашу варил — он на той стороне.

Зорина. Как бы то ни было, а благодаря ему наши дети хлеб ели.

Зорин. И что, мне ему в ножки поклониться?

Зорина. Как знаешь, а я поклонилась и пригласила к нам в гости после войны.

Зорин. Ещё чего?..

Входят три бойца батальона «Айдар» в полной экипировке.

Два с автоматами Калашникова на груди, один с пулемётом.

Дети прячутся в детскую.

1-й боец (*руки на автомате*). Кто хозяин?

Зорин (*устало*). Я.

1-й боец. Кто в доме?

Зорин. Жена и двое детей.

1-й боец. Чужих нет?

Зорин. Нет.

Зорина. Извините, но ваши только что были. Сколько раз в день можно проверить?

1-й боец. Сколько надо, столько и будем. Прикажут: обшмонаем и хату и тебя. (*С ухмылкой.*) Тебя ж сегодня не шмонали?

Зорина. Нет.

1-й боец (*играя татуированными пальцами на автомате, демонстративно осматривает Зорину с ног до головы*). А следовало бы. Мало ли что ты заныкала и куда. (*Цинично улыбается.*)

Зорин делает шаг к жене.

Боец с пулемётом (*упирая ствол в грудь Зорина*). Ну, ты, не рыпайся.

1-й боец (*поворачивая голову с сторону Зорина*). Мужик, ты чем-то недоволен?

Зорина (*миролюбиво*). У нас посторонних нет, и не было уже три месяца.

1-й боец. Я тя не спрашиваю. Базарить будешь, когда разрешу. (*Зорину.*) У тя, мужик, проблемы? (*Зорин молчит.*) Отвечай, когда старшие спрашивают.

Зорин (*тихо*). Нет.

1-й боец. Нэ чую. Как на митингах орать, так голос есть, а как за базары отвечать — нет. В глаза мне смотри. (*Зорин смотрит ему в глаза, играя желваками.*) Вы, тупые кроты, которые мешают нам жить хорошо. Правительство приказало очистить Украину от совка и ваты. Европа и Штаты нас крышуют. Ты меня понял, урод? (*Зорин молчит.*)

Зорина (*заискивающе*). Мы вас поняли. Мы тоже граждане Украины.

1-й боец. Во как! А скажи мне, сладенькая, как настоящие граждане Украины выражают любовь к своей стране?

Смотрит насмешливо на Зорину. Она — в сторону. Он поворачивает к себе её лицо за подбородок. Зорин хочет подойти к жене.

Боец с пулемётом (*толкает Зорина дулом в грудь*). Стояти, Зорька.

1-й боец. Вы тут в Донецке забыли, в каком государстве живёте. Мы здесь, чтобы вам напомнить. (*Поворачивается к Зорину.*) Иди сюда, становись рядом с ней. (*Зорин подходит, обнимает жену за плечи.*) Хорошо. А теперь хором поёте гимн Украины. С вами никто его не разучивал? (*Молчание.*) Не слышу ответа.

Зорина (*еле слышно*). Нет.

1-й боец. Вот и разучим. А ты говорила, что мы без дела шляемся, а у нас тут работы (*цинично улыбаётся ей*) непочатый край, с тобой особенно. Ну, я слушаю. (*Молчание.*) Я з вами не шуткую. Гімн співайте... (*Передёргивает затвор автомата и наводит на Зорина.*)

Зорина (*тихо, дрожащим голосом*). Ще не вмерла Україна...
1-й боец (*Зорину*). А ты чё, слов гимна страны, которая тебя кормит, не знаешь? Гімна рідної країни?

Зорин (*смотрит в глаза*). Моя Родина — СССР.

1-й боец не спеша убирает автомат за спину и бьёт Зорина кулаком в живот. Зорин резко наклоняется, хватаясь руками за живот, очки падают, разбиваются. Зорина, склоняясь к мужу, что-то шепчет ему на ухо.

1-й боец. Счита́й, что отделался лёгким телесным предупреждением. Нет такой страны, и не было. Ты родился на Украине. Запомнил?

Зорина. Не надо его бить. Мы сейчас споём. Он знает слова, только петь не умеет. Давай, Серёжа, споём.

Зорин разгибается. Они нестройно поют гимн Украины. Солдаты, улыбаясь, подыгрывая старшему, становятся по стойке смирно, кладут правую ладонь на левую половину груди и подпевают. 1-й боец перебивает всех после первого куплета.

1-й боец. Отлично! А яким гаслом треба закінчити гімн? (*Молчание.*) У вас в Донецке все такие тупые или только вы? Треба кричате: Слава України! Героям слава! Ще раз гімн и гасло.

Зорины ещё раз поют первый куплет. Солдаты скучают.

1-й боец. А гасло?

Зорины (*нестройно*). Слава Украине, героям слава.

1-й боец. Вы прямо-таки на глазах становитесь гражданами Украины. Теперь я могу спокойно оставить вас на священной украинской земле, право жить на которой вы ещё не заслужили. (*Бойцам.*) Уходим. (*Зориным.*) Завтра опять придём, и если не встретите гимном Украины то... (*Передёргивает затвор автомата.*) Зрозуміли?

Зорина. Да.

1-й боец. Вот и ладушки.

Уходят. Зорин обнимает жену. Из детской выбегают дети и обнимают родителей.

Зорин. Не надо было вам на это смотреть.

Петя. Я вырасту и всех их убью.
Даша. А я лопаткой ударю.

Занавес

Действие второе

Поздний вечер этого же дня. Свежепобеленный погреб, слишком низкий для Зорина. Ключья уцелевшей паутины свисают с потолка. За лестницей стоит, прислонясь к стене, столик для завтрака в постель.

По стенам полки с консервацией. Слева двухэтажная самодельная кровать, под ней настил из досок, два свёрнутых матраса. Справа — мешки с картошкой, кучка песка. Посреди погреба — табурет с горящей самодельной свечой, свет которой дрожит и не дотягивается до углов. Отдалённые и близкие выстрелы, взрывы. От близких взрывов пламя свечи вздрагивает, с потолка сыплется песок и побелка. Зорина с повязкой на большом пальце сидит на детском стульчике возле кровати с детьми. Взрыв над самой головой.

Петя (*протягивая руку ладонью вверх*). Смотри, Даша, дождь идёт.

Даша протягивает ладошку и смотрит вверх.

Зорина. Даша, не смотри вверх, глаза засыплет. Когда взрывы слышите, глаза закрывайте.

Даша. Почему?

Зорина. Чтоб в глаза не попало. Поиграйтесь в машинки или в песке что-нибудь постройте. (*Смотрит с тревогой на ляду.*) И где наш папа забурился?

Петя. На огоньки смотрит. Можно мне к нему?

Зорина. Сиди. Не хватало ещё.

Петя. А почему папе можно, а мне нельзя?

Зорина. Он большой.

Даша (*озорным, весёлым голосом, прыгая перед мамой*). И я хочу огоньки смотреть.

Зорина (*усаживая Дашу на кровать*). У меня за огоньки сейчас и папа получит и вы. (*Прислушивается.*) Вроде, притихли.

Петя. Можно я папу позову?

Зорина. Из погреба покричи.

Петя (*открывает ляду, кричит*). Па-а-а! Можно к тебе?

Голос Зорина. Давай.

Зорина. Куда?

Голос Зорина. Всё нормально, Тань. Пусть лезет.

Петя быстро вылезает.

Даша. И я хочу.

Зорина. Дашуль, у мужчин свои дела, а у нас свои. Ты Настёну покормила?

Даша. Да.

Зорина. На горшок посадила?

Даша. Она в погребе не хочет.

Громкие, частые выстрелы.

Зорина. А ты ей скажи, что наверху обстрел. (*Быстро поднимается по лестнице до плеч, испуганно зовёт.*) Петя! Серёжа!

Голос Пети (*спокойно*). Мам, мы тут.

Зорина. Ну, что вы, ей-Богу, как маленькие!

Голос Зорина. Пойдём, чтобы мама не волновалась.

Спускаются в погреб, оживлённые. Петя залезает на кровать.

Зорин стоит возле лестницы.

Петя. А правда, мам, там красиво! Наши Карлсона укроповского сбили. Не того, Даш, не из мультика, а самолёта...

Зорин. Не самолёт, а беспилотник.

Петя. Да, беспилотника. Двумя такими цветными линиями в белую точку, будто звезда. А потом ещё светящиеся стрелы, фить-фить. Папа сказал, что это «град». Красиво и не страшно, правда, пап?

Зорин. Да. (*Зориной.*) Укры Донецк «градом» обработали.

Зорина. Бедные люди, Бог ты мой. А куда, не знаешь?

Зорин. По направлению Куйбышевский и Кировский районы.

Зорина. Надо Светке, когда связь восстановится, позвонить. Интересно, как они? (*Пауза.*) Далеко от нас?

Зорин. Километров пять.

Зорина. Значит, ответка не к нам. Как там мама?

Зорин. В её сторону не стреляли. Да туда и не долетит. Она Петю в школу записала?

Зорина. Угу.

Зорин. Что у нас на ужин?

Зорина. Сначала картошка с огурцами и помидорами, а потом хлеб со сгущёнкой и горячим чаем.

Зорин. Ух ты! А я думал, ты чай не успела. *(Ставит перед кроватью столик для завтрака в постель, переносит на него свечу и садится возле столика на табурет.)*

Зорина. Дрова сухие, ветра не было... *(Накрывает стол.)*

Даша *(хлопает в ладоши)*. Ура! Сгущёнка!

Петя. Это тот дядька принёс?

Зорина. Да, а ты в них камни бросаешь.

Петя. Я не в него, а в других.

Зорина. Ни в кого нельзя. Они все одинаковые.

Петя. Не все. Сгущёнку приносит дядька в зелёной одежде, Асёну убили — в чёрной, а папу ударил — с птицей на рукаве. За что он?

Зорин. Война, Петя.

Петя. Значит, они наши враги?

Зорин. Ты ещё маленький и у тебя нет врагов.

Петя. А у тебя?

Зорин. И у меня нет.

Петя. А тот дядька, что тебя ударил?

Зорин. Петя, давай завтра об этом поговорим.

Зорина. Всё, между прочим, стынет, а разогреть не на чем.

Даша. Я много хлеба со сгущёнкой хочу.

Зорина. Картошку доедите и намажу.

Петя. Я хлеб со сгущёнкой не буду.

Зорина. Почему?

Петя. Это дядька принёс, что на украше говорит.

Зорина. Ну, и что?

Петя. Он плохой.

Зорина. Он-то, Петя, как раз — хороший.

Петя. Плохой. Почему они Асёну убили? Она ласковая была, а они стреляли в неё и смеялись, когда она плакала.

Зорина. Нам тоже жалко Асёну.

Петя. Ты сама говорила, что маленьких обижать нельзя. Асёна меньше всех была и никого не кусала.

Зорина. Ешь.

Петя. А почему папа не ест?

Зорина. Он вам оставляет.

Петя. Я без него не буду.

Зорин молча берёт хлеб, ложку, зачерпывает из банки сгущённое молоко и, неся ложку над хлебом, отправляет в рот.

Зорин (*с полным ртом*). А чайник принесли?

Зорина. Забыли.

Зорин. Сейчас схожу...

Ляда открывается и появляется голова Василия Сергеевича.

Василий Сергеевич (*весело*). А, вот вы где окопались!

Зорин. Что случилось?

Василий Сергеевич. Да ничего. (*Спускается по лестнице.*) У баушки нашей давление скакануло, а пилюли кончились. Может у Тани есть?

Зорина. Давление какое?

Василий Сергеевич. Сто восемьдесят.

Зорина. А как вы пришли?

Василий Сергеевич. Как обычно.

Зорина. Так темно уже, снайперы с тепловизорами...

Василий Сергеевич. Ну, и что? Не умирать же.

Зорина. Серёж, принеси, пожалуйста, коробку с лекарствами.

Зорин зажигает свечу и осторожно поднимается по лестнице.

Зорина. Кушать будете?

Василий Сергеевич. Нет, спасибо. (*Осматривает стол.*) А вы по-богатому: хлеб, сгущёнка! Носит? Свои не пристрелили ещё?

Зорина. Сегодня последний раз принёс.

Василий Сергеевич. Что так?

Зорина. Ротация.

Василий Сергеевич. Жалко. Но малышню чуток подкормил, и за то спасибо. (*Зорина отрезает хлеб, поливает сгущёнкой, подаёт Василию Сергеевичу.*) Не, дочка, спасибо. Если дашь, то отнесу, скажу, подарок от невестки. Она с удовольствием, а я обойдусь.

Из ляды показывается рука с коробкой.

Зорин. Эта?

Зорина. Да. (*Зорин спускается, отдаёт коробку.*) Так. (*Подносит коробку к свече и роется в ней.*) Не то, не то. Вот. (*Даёт лепесток с таблетками.*) По полтаблетки три раза в день.

Василий Сергеевич (*берёт таблетки*). Спасибо. А то наша баушка занемогла. Побегу, в темноте без меня боится.

Зорина. А что, у вас свечки нет?

Василий Сергеевич. Есть, но ночью, особенно при обстрелах, и со свечой страшно. Я-то к темноте привыкший. (*Поднимается по лестнице.*) Спокойной ночи.

Дети (*вразнойбой*). Спокойной ночи, дедушка.

Зорина. Спокойной ночи. А хлеб?

Василий Сергеевич. Забыл. (*Протягивает с лестницы руку.*)

Зорина. Сейчас заверну. (*Заворачивает хлеб в полиэтиленовый кулёк и передаёт Зорину.*)

Зорин отдаёт хлеб отцу и становится на лестницу.

Зорина. А ты куда?

Зорин. Провожу и чайник на обратной дороге захвачу.

Зорина. Какой провожу! Что вы, ей-Богу, как маленькие!

Голос Василия Сергеевича. Серёж, да ты что? Сам дойду.

Голос Зорина. Я у вас с рассветом буду.

Голос Василия Сергеевича. Хорошо.

Голос Зорина. Спокойной, па.

Шаги Зорина удаляются, приближаются,
и он опускается с чайником.

Зорин (*детям*). Продолжим пир?

Даша (*со слезами в голосе*). А баушка Надя не умрёт?

Зорина (*целуя её в голову*). Нет, Дашульчик, с чего ты взяла?

Даша. Правда, мам?

Зорина. Правда. Вы завтра с папой к баушке ходите, если хочешь.

Петя. И я пойду.

Зорина. Хорошо. А сейчас кушать и спать.

Дети весело жуют.

Петя (*Даше*). А по тебе течёт. (*Даша смотрит на руку и переворачивает хлеб.*)

Зорина (*Даше*). Осторожно, хлеб не переворачивай. Петя тебя дразнит. Кушай спокойно, не обращай на него внимания.

Петя. А я всё равно чище её.

Зорина. Не чище, а чище.

Петя. Чище.

Даша. И не чище.

Зорина. Молодец, Даша, надо правильно говорить. (*Гладит её по ноге.*) Добавки хотите?

Петя. Я завтра.

Даша. А я вчера.

Петя (*назидательно*). Вчера — это, что было, а завтра — что будет.

Зорина. Всё, дети, писать и спать.

Петя. Я в ведро при Дашке не буду.

Даша. И я.

Зорина. Хорошо. Если не стреляют, папа сводит вас в туалет.

Прислушиваются.

Даша. Не стреляют.

Петя. Бах! (*Толкает Дашу в бок.*)

Даша. Ха-ха! И не страшно. Я смелая, правда, мам?

Зорина. Вы оба молодцы.

Зорин. Смелые и отважные, вперёд. Сначала я, потом Даша и Петя. (*Зажигает свечу*).

Даша (*маме*). А Кису в погреб возьмём?

Зорина. Киса погреб не любит.

Даша. А её не убьют, как Асёну?

Зорина. Киса прятаться умеет. Давай, Дашульчик, пока не стреляют, дело сделай, а потом о Кисе поговорим.

Зорин вылезает. За ним — Даша. Через время Даша спускается, вылезает Петя. Зорина помогает детям подниматься и спускаться по лестнице.

Петя (*спускаясь*). Ма, не мешай.

Зорина (*поднимая руки*). Всё-всё, сам. (*Спускается Зорин.*) Ну, слава Богу, справились! (*Зорину тихо, с улыбкой.*) Больше всего боюсь обстрела в туалете и душе.

Зорин (*хмыкает*). Да, не геройская смерть.

Зорина (*тихо*). Некрасивая.

Даша. Нечестно, мамочка, папе сказку рассказывать, а нам нет.

Зорина. Ложитесь, и вам расскажу.

Петя залезает наверх, Даша ложится вниз. Зорин раскатывает матрасы и задувает свечу.

Зорина. Жила-была в посёлке Пески маленькая девочка. Все любили её сильно-сильно. И папа, и мама, и старший братик, и дедушка и бабушка. Ко дню рождения подарила бабушка, то есть, баушка внучке серебряное колечко. С тех пор девочка постоянно носила на своём красивом маленьком пальчике колечко...

Петя (*смеясь*). ... и горько плакала, когда теряла его.

Даша. И неправда, я всегда лишь один раз потеряла.

Зорина. Девочка из сказки своё колечко не теряла. Если бы теряла, то соседи звали бы её Даша-растеряша, а так её звали Серебряное Колечко. Как-то раз испекла мама пирожок и сказала дочке: «Сходи-ка, Серебряное Колечко, к баушке, снеси ей пирожок и горшочек масла, но только никуда с дороги не сворачивай, никакие верёвочки не дёргай, чужие игрушки и незнакомые предметы не поднимай и камни в военных не бросай». Собралась девочка и пошла. Была она послушной девочкой, никуда с дороги не сворачивала, верёвочки не дёргала, игрушки, даже самые красивые, не поднимала...

Даша. А почему нельзя игрушки поднимать?

Петя. Потому что взорвёшься.

Даша. Правда, мам?

Зорина. Правда. Сейчас ничего нельзя поднимать и футболить. И к бабушке самим нельзя бегать.

Петя. И в огород нельзя ходить. Там растяжки, правда, пап?

Даша. Сама знаю. Растяжки — это верёвочки, которые дёргать нельзя. А подходить к ним, ма, можно?

Зорина. Лучше не подходить. Ну, что, дети, давайте спать, пока не стреляют.

Петя. У них патроны кончились...

Даша. А сказку?

Зорина. Серебряное Колечко была очень послушной девочкой и потому благополучно пришла к баушке. Баушка обрадовалась внученьке, дала ей кулёк конфет, хлеба со сгущёнкой и подарила красивую куклу. Вот и сказке конец, а кто слушал, молодец.

Даша. Ещё расскажи.

Зорина. Завтра, Даша, а сейчас спокойной ночи.

Даша. А Кису почему не взяли?

Зорина. Киса уже спит. Завтра будешь с ней играть. Спокойной ночи и приятных снов моим послушным детям.

Даша (*сонной скороговоркой*). Спокойной ночи, мамочка-папочка, спокойной ночи, Петя, спокойной ночи, баушка-дедушка и Настя и Киса.

Зорин, Петя (*вместе*). Спокойной ночи, Даша.

Пауза до появления спокойного сопения детей.

Зорина (*тихо*). Угомонились вроде.

Зорин (*шёпотом*). Похоже.

Зорина. Петя сетку поднял?

Зорин. Сейчас посмотрю. (*Поднимает сетку.*) Забыл.

Зорина. У меня сна ни в одном глазу.

Зорин. И у меня. Приучили, сволочи, по ночам не спать.

Зорина. Помню, ты убеждал меня, что они из «градов» не будут стрелять по мирным жителям. Это когда ещё к Славянску подходили.

Зорин. Я и 26 мая, когда вертолёты летели к аэропорту, думал, что пугают. В голову не влезало, чтобы своя армия...

Зорина. Своя, да не для нас.

Зорин. Надо было в апреле в ополчение идти.
Зорина. Чтобы ты там делал со своим зрением?
Зорин. Снаряды подавал, оружие чистил, картошку.
Зорина. А нас куда?
Зорин. В Донецк, к маме.
Зорина. А если Донецк возьмут?
Зорин. Как они его возьмут, если я подаю снаряды и картошку чищу? У них шансов нет. Я лучший чистильщик земляных яблок.
Зорина. И самый колючий.
Зорин. Извини, не побрился.
Зорина. Знаешь, что меня больше всего удивляет?
Зорин. Что, моё солнце?
Зорина. Что мы никому не нужны.
Зорин. Ты мне нужна.
Зорина. Это понятно, но остальные... Они даже детей наших списали со счёта, вычеркнули из списка живых. *(Зорин гладит её по голове, целует.)*
Зорин. А меня бесит бессилие.
Зорина. Ты прекращай так с ними говорить.
Зорин. Но я действительно родился в СССР.
Зорина. Оставь. Разве не видишь, что происходит?
Зорин. Не равняться же мне на них!
Зорина. Если мы живём в сумасшедшем доме...
Зорин. Я лучше буду спать в погребке, чем презирать себя в спальне.
Зорина. А дети? Почему они должны спать в погребке? *(Пауза.)* Даша уже моргает и заикается, Петя камни в военных бросает. Рано или поздно нарвётся на дурака с автоматом, и что мы будем делать? Похороним как Верочку?
Зорин. Уезжать тебе с детьми надо.
Зорина. А ты?
Зорин. Я их не брошу. Если с ними что-то случится, я себе не прощу.
Зорина. Уговори.
Зорин. Нереально. Он рогом упёрся: «Я этот дом своими руками строил и так далее». Он даже в погреб не прячется. Месяц

назад я пришёл к ним, а он к обушку новую ручку вытёсывает. «За-чем?» — спрашиваю. А он мне: «Я, сына, просто так жизнь свою не отдам. Хоть одного, но уделаю, в случае чего».

Зорина. Пусть остаются, а мы уедем.

Зорин. Поезжайте. Пете в школу надо...

Взрыв. Погреб вздрагивает, что-то падает на ляду.

Зорина (*испугано, тихо*). Не завалит?

Зорин (*спокойно, тихо*). Отроемся.

Ещё взрыв. Даша плачет.

Зорина (*спокойным, домашним тоном*). Дашенька, мы здесь. Сейчас папа свечку зажжёт. Петя, ты как?

Петя (*недовольно*). В сетке вашей запутался.

Взрывы отдаляются.

Зорина. Серёж, что со светом?

Зорин. Спички не могу найти.

Петя. У меня есть.

Зорин. Давай. (*Зажигает свечу. Даша ещё громче плачет. Зорина обнимает её.*)

Зорина. Всё, Дашуль. Все на месте, всё будет хорошо.

Даша (*плача*). А Киса?

Зорина. Киса маленькая, она ж, ты знаешь, умная и прятать-ся умеет так, что её никто не найдёт.

Даша. Никто-никто?

Зорина. Никто-никто. Она под шкаф или под стол.

Даша (*тревожно*). А под столом её лапку не оторвёт?

Зорина. Нет, моя маленькая. Кисы, может, и в доме нет. Где-нибудь гуляет наш маленький неслух.

Зорин. Затихло, вроде?

Зорина. Сколько времени?

Зорин. Три.

Зорина. Ну, что, дети, чуть-чуть поговорили и дальше спаточки.

Даша (*хныча*). Дай ручку. Посиди со мной.

Зорина (*садится рядом, берёт за руку, гладит по голове, поёт на мотив колыбельной*). Я с тобою посижу, все несчастья разгоню, от обстрелов защи...

Близкий взрыв. Что-то снова падает на ляду,
с потолка сыплется песок, побелка.

Даша (*вскрикивает, вскакивает с постели, прижимается к груди Зориной*). Mamочка, я боюсь.

Зорина. Не бойся, моё солнышко, мама с тобой...

Подходит Зорин. Одной рукой обнимает жену с дочкой, другой — сына. Петя обвивает руками шею папы, не слезая с постели. Снова взрыв, ещё один, ещё...

Занавес

Действие третье

Двухкомнатная квартира Марченко, расположенная в тыловом районе Донецка. Слева — прихожая с дверью в общий коридор. К прихожей примыкает кухня, туалет и ванная. Справа — две смежных комнаты: маленькая и крошечная.

1

Три дня после побега из Песок. Позднее утро. Зорина в мамином халате, неумытая, нечёсанная сидит в крошечной комнатке перед компьютером, прижав плечом к уху телефон. Входит Марченко.

Марченко. Ты детьми заниматься будешь?

Зорина (*не поворачиваясь*). Сейчас.

Марченко. Сейчас — через час... Уже одиннадцать часов.

Зорина. Мне надо...

Марченко. Тебе надо за детьми смотреть.

Зорина (*берёт телефон в руку и поворачивается с упрёком*). Я до Серёжи целое утро дозвониться не могу.

Марченко (*подчёркнуто спокойно*). Связь плохая.

Зорина. Дай-то Бог. *(Пауза.)* Господи, когда они этот аэропорт возьмут!

Марченко. Извини, Таня, но вы третий день у меня, а с утра до вечера на телефоне и за компьютером. Серёже ты не сможешь, а детям мать нужна.

Зорина. Дети вне опасности. К тому же у детей есть любящая бабушка...

Марченко *(улыбается в ответ)*. А Серёжа твой: в родной стране, в родном доме, рядом с родителями.

Зорина *(внимательно смотрит)*. Ты не понимаешь, что происходит?

Марченко. Объясни, если такая умная.

Зорина. Извини, мам. *(Пауза.)* Мне кажется, что я его предала и бросила.

Марченко. Ты детей из-под обстрела увезла. Пете в школу надо, Даше в садик. С садиком мне обещали помочь. *(Пауза.)* Я тебя, Таня, не узнаю: за три дня ты даже не заикнулась о школе, о садике, словно это неважно. Целый день этого Басурина слушаешь и ждёшь наступления. Что с тобой?

Зорина. Война, мама, со мной война.

Марченко. И у нас война, но мы на работу ходим и дела родительские не забрасываем.

Зорина. Ты не жила под бандерами.

Марченко. Свои всё же.

Зорина. Что с нами эти «свои» делали, я тебе потом расскажу. Что-то дети притихли?

Идёт в соседнюю комнату. Петя с Дашей собирают мозаику на полу.

Зорина обнимает, целует детей и садится на колени рядом с ними.

Петя *(недовольно отстраняет её, вытирая щёку)*. Ма, не мешай.

Даша *(обиженно)*. Ну, вот, мамочка, на мозаёнку, которую я искала-искала, села ты.

Зорина. Извини, солнышко, сейчас найдём. *(Встаёт, ищет мозаику.)*

Петя *(смеётся)*. И не найдёшь.

Зорина. Помоги маме.

Петя. Ты сама её коленкой прилепила.

Зорина, смеясь, снимает с колена часть мозаики, отдаёт Даше.

Звонит телефон.

Зорина (*бежит в крошечную комнату*). Папа звонит!

Дети (*хором*). Папа! Папа! (*Бегут следом.*)

Зорина (*берёт телефон, разочаровано детям*). Тётя Лида. Да... да... в воскресенье приехали... это долгая история... там остался... (*Дети возвращаются к мозаике, за которую уже села бабушка.*) Свёкор категорически против... она тоже... Говорят, только вперёд ногами... Лид, кошмар... Умножь на десять все ужасы, о которых слышала... Сама не знаю как... Наших ждали как манну небесную... Я тоже соскучилась... Обязательно приходи... Пока. (*Возвращается в маленькую комнату, где бабушка с Дашей уже шепчутся.*)

Марченко (*хитро улыбнувшись Даше*). Танюш, может, ты нам что-нибудь вкусенькое испечёшь.

Даша (*хлопая в ладоши*). Тортика, мамулечка, тортика мы хотим.

Зорина (*улыбаясь*). Кто это мы?

Даша. Я, баушка и Петя.

Петя (*не поднимая глаз от мозаики, серьёзно*). Я — последняя буква в алфавите.

Даша. Ты тортика не хочешь?

Петя. Мама сама знает, что ей делать.

Марченко (*треплет его по голове*). Какой серьёзный мальчик! Дети, Танюша, так повзрослели.

Зорина. Им досталось.

Марченко. Слава Богу, всё позади.

Зорина. Пока ещё нет... (*Отворачивается.*)

Марченко (*нарочито бодро*). Давай о хорошем. Кухня в твоём распоряжении. Что хочешь, бери, а мы пока мозаику поскладываем. Правда, дети?

Даша. Я тортика с соком хочу.

Зорина. Сначала покушаем, а потом тортик будем печь.

Даша. Чур я крем мажу.

Зорина. Хорошо. (*Уходит на кухню.*)

Марченко (*держит в руке часть мозаики и выискивая глазами место, куда её вставить*). Расскажите, как вы без бабушки жили. Я вас последний раз полгода назад видела.

Даша. Ты мне Таню тогда подарила.

Марченко (*целует Дашу*). Помнит, сладенькая, бабушку.

Даша. А сейчас мне что подаришь?

Петя. Побирушка-хрюшка.

Даша. И не побирушка, правда, баушка?

Марченко. Нет, конечно. Завтра пойдём в магазин и купим подарки тебе и Пете.

Даша. А потом в Пески поедем.

Марченко. А тебе у бабушки плохо?

Даша. Нет, у тебя хорошо: не стреляют, гулять на улице можно, мультики смотреть и в погреб не надо прятаться.

Марченко. Так живите у меня. В тесноте, да не в обиде. За чем вам Пески?

Даша. Смешная ты баушка. Там моя кровать, мои игрушки. Понимаешь? Я к папе хочу, к баушке Наде, к дедушке Васе. Там Киса и Настя.

Марченко. А Настя кто такая?

Даша. Кукла моя. Она кушает и сказки рассказывает. Я её на горшок сажаю и наказываю, когда вредничает.

Марченко. А часто она вредничает?

Даша. Нет, она хорошая, слухняная.

Марченко. Послушная, ты хотела сказать?

Даша. Нет, слухняная.

Марченко. Правильно послушная.

Даша. А баушка Надя говорит слухняная.

Марченко. Хорошо, пусть будет слухняная. Расскажи, как вы жили?

Даша (*степенно*). Мы, баушка, хорошо жили, пока укроты не пришли...

Петя (*не отрываясь от мозаики*). Укропы.

Даша. Ну, и ладно. ...а потом стало никуда нельзя ходить. Даже в детский садик. Вера в огород пошла и взорвалась. Ей ручку оторвало и ножку.

Марченко. Кто это?

Даша. Подружка моя, из садика. Она хорошая была, не жадная. Со Светой своей давала играть, а потом мне Настю купили.

Петя. Дура она малая! Ей сказали, в огород не ходи, а она попёрлась.

Даша (*весело*). А ты камни в солдат бросал.

Марченко. В каких солдат?

Даша (*смотрит на Петю*). В укротовских.

Марченко. Петя, разве так можно?

Петя. А почему они Асёну убили и велик мой сломали?

Марченко. И что тебе мама сказала?

Петя. Мама ничего, а папа сказал, что если увидят, то всех нас убьют. А я, бабушка, из-за забора бросал, не видно.

Марченко. Деточки мои родные... (*Обнимает детей, но Петя отстраняется.*)

Даша. Баушка, не плачь. Я же камни не бросала.

Марченко (*целует Дашу*). Умница ты моя. (*Петя смотрит насупившись.*) И Петя у нас молодец! Настоящий герой! Хотя папу с мамой надо слушать.

Зорина (*зовёт из кухни*). Дети, кушать.

Бабушка и дети переходят в кухню и рассаживаются за столом, с трудом помещаясь.

Марченко (*вставая*). Тесно. Покорми детей, я потом. (*Отходит к окну и смотрит, как внуки кушают.*)

Даша (*хвастаясь*). А нам, баушка, дядя военный хлеб со сгущёнкой приносил.

Марченко. У вас хлеба не было?

Даша (*весело*). Мама лепёшки вкусные делала...

Зорина. Жарила, Даша.

Даша. А я, баушка, костёр научилась распаливать...

Зорина. Разжигать.

Даша (*не обращая внимания*). А Петя патроны и осколки собирал и в сарае прятал...

Марченко. Ты на костре готовила?

Зорина. Да.

Петя (*Даше*). Трепло!

Даша. А ещё...

Петя. Ма, а почему Даша разговаривает, когда ест?

Зорина. Даша, кушай быстрее, бабушка тоже хочет.

Марченко (*торопливо*). Не спешите, я успею.

Зорина. Молча, дети.

Пауза, во время которой Даша показательно стучит ложкой,
а Петя довольно поглядывает на замолчавшую сестру.

Даша (*маме*). А я первая.

Зорина. Молодец!

Петя (*вылизывая тарелку*). А у меня тарелка чище!

Даша начинает вылизывать тарелку.

Зорина. Тарелки здесь можно не вылизывать. Поели? Что
нужно сказать?

Дети (хором). Спасибо.

Даша. Спасибо, баушка.

Марченко (*обнимая Дашу*). Моя внученька золотая!

Петя молча уходит. Даша, вырываясь из объятий бабушки,
догоняет его.

Даша. А ты поиграешь со мной в школу?

Петя. Я мозаику буду складывать.

Даша (*обиженно*). Противная мозаика! (*Толкает мозаику
ногой.*)

Петя (*строго*). Щас по жопе дам.

Даша. Я сама тебе дам.

Даша бьёт Петю. Петя перехватывает её руку,
разворачивает Дашу и бьёт по попе. Даша хнычет.

Зорина (*из кухни*). Что там у вас?

Петя. Дашка мою мозаику разбросала.

Даша (*громче хныча*). А он меня ударил.

Петя. Сначала она мозаику разбросала.

Даша. А он со мной играть не хочешь.

Зорина. Даша, поиграй сама. Мы сейчас с бабушкой покушаем, и в магазин с тобой ходим. *(Садятся с Марченко за стол.)*

Даша *(идёт в кухню)*. А киндер-сюрприз купишь?

Зорина. Не слипнется? Каждый день по киндеру.

Марченко. Я деньги дам, купи. *(Гладит Дашу по голове. Даша обнимает бабушку.)*

Зорина *(с ласковым осуждением)*. Вот лиса Алиса!

Марченко. Бабушка Дашу любит...

Даша. А Петя плохой, он со мной играть не хочет.

Марченко. Я с тобой поиграю. *(Кричит.)* Петя, тебе что купить?

Петя. Ничего.

Марченко. Почему?

Петя. Я не побирושка.

Даша. И я не побирושка, правда, баушка?

Марченко *(гладит её по голове)*. Нет, конечно, моя внученька. Бабушка сама рада что-нибудь вам купить.

Зорина. Даша, не мешай бабушке, дай поесть спокойно.

Марченко. Она мне не мешает. *(Даша залезает бабушке на колени.)*

Зорина. Вот ещё вздумала! Слезь с коленей.

Марченко. Пусть сидит.

Зорина *(строго)*. Кому говорю? *(Даша нехотя слезает.)* Иди к Пете и подожди пять минут. *(Даша уходит. Зорина тихо.)* Не балуй её. На голову сядет.

Марченко *(тихо)*. Ты заметила, что она моргает?

Зорина. Около двух месяцев. И заикается, когда волнуется. *(Пауза.)* После первого обстрела появилось. Она тогда сильно испугалась. Я её валерьянкой поила, а когда валерьянка кончилась, пустырник заваривала.

Марченко. Надо её к врачу сводить. У меня есть знакомая...

Звонок в дверь.

Зорина. Сиди, ма, я открою. *(Идёт в прихожую, открывает дверь.)*

Женщина *(лет 35 на вид)*. Вы Таня?

Зорина *(удивлённо)*. Да.

Женщина. Вашему мальчику — восемь, а девочке — шесть?
Зорина. Девочке — пять.

Женщина (*ставит на пол два кулька с одеждой*). Мы тут собрали... выберете, что нужно. Не обижайтесь. От чистого сердца. Извините, если что. (*Быстро уходит.*)

Зорина (*растерянно*). Подождите, а вы кто?

Голос женщины. Соседи. Берегите себя и детей.

Зорина стоит возле раскрытой в подъезд двери.

Подходит Марченко, закрывает дверь.

Зорина (*растеряно*). Mamочка, мы же не нищие... Я же... (*Всхлипывает.*)

Марченко. Успокойся, Танюша. Люди от чистого сердца. Не для обиды.

Занавес

2

Поздний вечер этого дня. Зорина и Марченко сидят на кухне за небраным столом. Дети спят в соседней комнате.

Марченко. Я всё же хочу, чтобы ты мне рассказала...

Зорина (*улыбаясь*). У тебя валидол есть?

Марченко. Есть.

Зорина. А водка?

Марченко (*удивлённо*). А водка зачем?

Зорина. Пить, мама.

Марченко. Ты водку стала пить?

Зорина. И самогон. Без них мы бы с ума сошли.

Марченко. В шкафчике стоит, для компресса брала, самую дешёвую.

Зорина. Сойдёт. (*Берёт из шкафчика бутылку, наливает себе рюмку, пьёт, закусывает.*) Мы с Серёжей пили почти каждый день. Детей уложим, рюмочку перед сном — и на душе полегче. Много нельзя, чтобы вовремя сориентироваться. Они днём спят, а ночью стреляют.

Марченко. Спиться не боялись?

Зорина (*смеётся, обнимает мать*). Моя золотая! Чтобы спиться, надо время, а у нас его не было. Я бы счастлива была, если бы знала, что нам с Серёжей дали время на спиться. Соседская девочка, одноклассница Даши, месяц назад на растяжке подорвалась. Ножку оторвало и ручку. Мне её обмывать пришлось. Мою, а сама реву: Даша мерещится, из-за слёз ничего не вижу, палец большой наколола об её косточки. Ручку ровно, как ножом, отрезало, по самой плечико, а ножку раздробило, торчат, как иголочки...

Марченко. А трупный яд?

Зорина. Не знаю. Руки с хозяйским мылом вымыла, вату с сагоном приложила, и как на собаке зажило. Готовить, правда, неделю мешал.

Марченко. Лучше б зелёной.

Зорина (*усмехается*). Ни зелёнки, ни аптек, ни врачей, ни гробов, ни кладбищ. В огороде Верочку похоронили. У неё платье красивое было. Я Даше хотела такое же купить. Лежит в этом платьишке будто ангелочек, с бантом, но в одной тужельке и с одной ручкой. Личико слегка посечено, правое ушко оторвано, свечечка в уцелевшей ручке, игрушки любимые рядом, кукла Света, о которой Даша все уши прожужжала... Лежит, солнышко, не дышит, не говорит... А я смотрю на неё и плачу: завтра, может, и наша очередь...

Марченко (*вытирая слёзы, обнимая дочь*). Тише. Детей разбудишь. Что за растяжки такие?

Зорина. Проволока — к гранате или мине. Зацепил ногой и всё. Они их вокруг домов и огородов наставили, а дети бегают и взрываются.

Марченко. И в вашем огороде такие были?

Зорина. Да, но мои после Верочки, слава Богу, в огород боялись ходить. (*Устало*). Пошли, мамульчик, спать.

Марченко. А ты заснёшь?

Зорина. Я под обстрелами спала, а в тишине... Ещё рюмочку и на боковую.

Марченко. Не много?

Зорина. В самый раз. (*Пьёт.*) Иди спать. Я уберу, посижу и тоже.

Через два месяца после побега из Песок. Зорина в халате, с полотенцем вокруг головы на кухне. Марченко, одетая для улицы, входит в кухню.

Марченко. У тебя ещё голова мокрая! Опоздаешь.

Зорина. Я детям обещала печенье.

Марченко (*с осторожным упрёком*). Балуешь ты их и закармливаешь. Дашенька уже слишком располнела.

Зорина. Извини. Всё понимаю, но просящие глаза Даши переносить не могу. Как вспомню, что они пережили, так начинаю готовить всё, чего они были лишены. Прости, мамочка. (*Целует её.*) Они тебе всю квартиру и мебель испортили. Все обои разрисовали.

Марченко. Пусть это будет самое большое наше горе. Я и представить не могла, что ты с детьми пережила. Поначалу даже не верила, что в родной стране... Теперь мне кажется, что недобитые в ту войну бандеровцы ожили и захватили власть в Киеве.

Зорина (*обнимает мать*). Я тебе так благодарна! До войны я и не знала, какая у меня хорошая мать. То есть, знала, что ты самая лучшая, но не понимала насколько. Даша даже домой перестала проситься.

Марченко (*довольно улыбаясь*). А я сначала не знала, что с ней делать. Каждый вечер слёзы: хочу к папе, к бабушке. Говорит, ну и что, что война, вызывайте вертолёт, я туда сама поеду, там мои игрушки, кровать, там мой дом, там моя Настенька плачет, боится...

Забегает Даша.

Даша. А почему вы без меня о моей Настеньке говорите?

Зорина. Мы Даша о другой Настеньке, о настоящей.

Даша. Моя, мамочка, самая-самая настоящая.

Зорина. Мы о живой девочке. Когда будем говорить о твоей Настеньке, позовём тебя. Иди к Пете, поиграй с ним тихо.

Даша. А скоро печенье будет?

Зорина. Как только, так сразу.

Даша убегает.

Марченко (*задумчиво*). Моргает, вроде бы, меньше.

Зорина. Когда волнуется, то больше.

Марченко. Дай Бог, чтобы прошло.

Зорина. Проходит, вроде бы. Я, мама, уже ничего не хочу. Ни наступления, ни победы. Мне всё равно, чья будет. Новости уже месяц не смотрю. Раньше ждала Басурина, как Бога, а теперь... (*Машет рукой.*) Теперь мира хочу. Хочу от кошмаров освободиться и сны нормальные видеть. Хочу, чтобы Даша перестала моргать и заикаться, чтобы Серёжа вернулся, чтобы дети были здоровы и учились хорошо. Нормальной жизни хочу: с работой, спокойствием, с поездками за город и на море. И чтобы не слышать никогда об Украине. Жаль, что нет кладбищ для государств. Я бы пришла и плюнула на её могилу.

Занавес

Между третьим и четвёртым действием проходит три месяца.

Действие четвёртое

Ординаторская отделения неврозов. Три письменных стола, шкаф для одежды, диван. По стенам книжные полки, грамоты, сертификаты врачей, в углу — икона. За двумя дальними столами, с аквариумом между ними, доктора сидят лицом к залу, за ближним — вполоборота.

1

Утренняя оперативка. За дальним столом Жадобина листает узловатым пальцем фото на айфоне. На лице её восторг бабушки сменяется старческим умилением. Слева от неё, на диване, боком к залу, сидят сотрудницы. Справа — Лавренко и пишущий Петров. Ближний стол пуст.

Дежурная медсестра. Зорина после разговора с мужем по телефону тревожна, суетлива...

Жадобина (*бормоча под нос*). Телефон бы у неё забрать.

Дежурная медсестра. Что? Не расслышала.

Жадобина (*не отрывая взгляд от айфона*). Ничего. Продолжай.

Дежурная медсестра. ...жалуется на сниженное настроение, головную боль, онемение лица, каждый час меряет давление. Ночь спала хорошо. Давление сто на семьдесят. (*Смотрит на Жадобину. Пауза.*)

Жадобина (*любуясь фото*). Дети всё же красивые.

Лавренко. У вас новые фото Андрюши появились?

Жадобина (*оживляясь*). А я тебе не показывала?

Лавренко. Нет. (*Подсаживается ближе, тянет шею, заглядывая в айфон.*) Ой, какой костюмчик красивый!

Жадобина. Кирюша специально в Мариуполь ездил. Там дешевле.

Лавренко. А через блокпосты как?

Жадобина. Наши без проблем, а для украинских — они Андрюшу берут.

Лавренко. Дочка моей соседки целые сутки с месячным ребёнком на блокпосту просидела. Просила пропустить, ей ответили, нечего ребёнком спекулировать.

Жадобина. С ребёнком полбеды, моя знакомая с трупом народного депутата Украины на блокпосту ночевала.

Лавренко. Что вы говорите!

Жадобина. Да, муж в Киеве умер, везла в Донецк хоронить и до закрытия не успела. Двадцать народных депутатов звонили, просили пропустить, а им: «Не можна».

Лавренко. Представляю, что они с обычными людьми творят!

Петров. Грабят, Евдокия Степановна. Раньше, вымогая деньги, утюг на живот ставили, а теперь блокпосты создали.

Жадобина (*рассматривая фото*). Детское питание, Дуся, и на Украине дорогое. У них по сравнению с прошлым годом раза в три всё подорожало.

Лавренко. Ваши-то хоть продуктов накупили?

Дежурная медсестра (*на ухо санитарке*). Не успеем. До вечера будут цены обсуждать и фотки рассматривать.

Санитарка. А чё им? Две пенсии, гуманитарка и полторы ставки за просмотр фоток и болтовню по телефону. Чем не жизнь?

Дежурная медсестра. А я с ребёнком на ставку корячусь, без мужа и гуманитарки.

Санитарка (*усмехаясь*). Кто на что учился.

Лавренко (*заметив шум*). Галина Наумовна, может, вы персонал отпустите?

Жадобина (*любуюсь фото*). Да, пусть идут. (*Сотрудницы встают.*) Я вот ещё что хотела сказать... (*Приподнимает голову, пытается вспомнить.*) Внимательнее, девочки, не забываем про отработку рабочего времени, время военное, не дай Бог без работы остаться... (*Смотрит в айфон.*)

Лавренко (*громко*). Работа, Галиночка Наумовна, поставлена хорошо. Что сегодня забыли, завтра скажете. Девочки пусть идут?

Жадобина. Да.

Сотрудницы уходят.

Лавренко (*смотря в айфон, громко*). Внучок-то как вырос! Тоже врачом, небось, будет, как бабушка и мама?

Жадобина. Конечно. Я, наверное, уже не доработаю, чтоб ему заведование передать.

Лавренко. Ну, что вы, Галина Наумовна, вы ещё ого-го.

Входит запыхавшийся Селин.

Селин. Извините, трамваи не ходят.

Лавренко. Вас вчера сильно обстреляли?

Селин (*переодеваясь*). Как обычно. Рельсы разбили и женщину с ребёнком возле детского садика убили.

Жадобина (*отрываясь от айфона*). Бог ты мой, когда всё это закончится?

Селин. Когда их от Донецка отгонят.

Лавренко. А когда, Иван Иванович?

Селин (*улыбаясь*). Сначала Украина, как сказал их министр обороны, построит вокруг ДНР двести пятьдесят блокпостов стоимостью в три миллиона гривен каждый, а потом ДНР пойдёт в наступление.

Лавренко. А при чём тут блокпосты?

Селин. Украина осваивает миллиард гривен, ДНР замечает следы, а навар делят.

Петров. Вы это серьёзно?

Селин. А зачем они тратят миллиард гривен на разделение страны? Война на Донбассе и блокпосты — это путь к единой Украине?

Жадобина (*вставая*). Мальчики нас, Дуся, выкуривают политикой. Пойдём ко мне.

Уходят. В ординаторскую входит медсестра.

Медсестра. Доктора, а Зорина сейчас чья?

Врачи переглядываются.

Селин (*пожимая плечами*). Не наша.

Медсестра. Зябликов с сегодняшнего дня в отпуске.

Селин. Опять? (*Смотрит на Петрова.*) Больные его чьи?

Петров. Не знаю.

Селин. А что с Зориной?

Медсестра. С врачом хочет побеседовать.

Селин. Это та, с Песок, такая крупная?

Медсестра. Ага.

Селин. Будет ей врач. Сходи к бабке, пусть распределит. (*Медсестра уходит.*) Опять этот придурак смылся! День работает, два — гуляет!

Петров. Вы знаете, что он во время обстрелов в туалете прячется?

Селин. Поносит, что ли?

Петров. Не знаю. Медсёстры говорят, чуть что — пулей туда летит.

Стук в дверь, входит медсестра со стопкой историй болезни.

Медсестра (*Селину*). Все вам.

Селин берёт истории и ждёт, когда медсестра уйдёт.

Селин. Выходит, у него денежных больных не было?

Петров. Получается.

Селин. Не пойму, что его тут держит? Смылся бы в Киев и трубил о том, как мы обстреливаем себя. Он же в «Донецких новостях» писюкал.

Петров. Там своих бездельников и пенкоснимателей хватает.

Стук в дверь, входит медсестра.

Медсестра. Зорина тут копытом бьёт.

Селин. Что-то вы, Шуручка, не шибко её любите?

Медсестра. Сочиняет ерунду о Песках...

Селин. Что видела, то и говорит.

Медсестра. Меньше б российские каналы смотрела.

Селин. Зови. *(Медсестра уходит.)*

Петров. Вы этой укроповской Шуре почему не вставили?

Селин. Шуре я после объясню, что её взгляды не должны отражаться на работе, но так, чтобы больная не пострадала. *(В кабинете осторожно заглядывает Зорина. Селин жестом предлагает войти.)* Здравствуйте. Садитесь. *(Кивает на стул перед ним.)*

Зорина. Здравствуйте. *(Садится.)*

Селин — вполоборота, Зорина — лицом к залу.

Селин. Павел Иванович в отпуске. Я буду вашим лечащим врачом.

Зорина. Очень приятно.

Селин. Расскажите, пожалуйста, что вас привело к нам.

Зорина. Не знаю с чего начать.

Селин. Первое, что приходит в голову.

Зорина. Первое — это нереальность пережитого мною.

Селин. В чём она?

Зорина. Не знаю, как объяснить. Нас словно в фильм ужасов поместили. Я с детьми вырвалась, а муж остался. *(Пауза.)*

Селин. Лично вас, что больше всего угнетает?

Зорина. Меня угнетает, что я, как ни крути, потерпевшая, а меня никто слушать не хочет. Почему меня не спрашивают, кто по нам стрелял, и кто нас оккупировал?

Селин. Нас всех раздражает ложь, которой мы окутаны. Пережитое в Песках как-то изменило вас?

Зорина. Конечно! Я стала раздражительной, злой. Иногда видеть и слышать никого не хочу, а иногда, особенно когда накатывают воспоминания, взяла бы автомат и всех перестреляла. Больше всего боюсь воспоминаний о первом ночном обстреле, после

которого Даша заикаться стала. Я даже думаю, что это я её испугала. Но она так кричала, что я чуть с ума не сошла. Я, доктор, тогда потерялась. Если б не муж, то я бы с ней из погреба вылезла и побежала, куда глаза глядят. Он удержал. Ужас какой-то! Темнота кромешная, на голову всё сыпется, банки падают, бьются, а наверху бах и бах. А я чувствую, что сейчас попадут прямо в меня. Казалось, что они специально в нас целятся. Дашу чуть не задушила.

Селин. У вас, кажется, двое детей?

Зорина. О Пете я тогда забыла. Он молчал, а я металась. Ногу порезала и не почувствовала. Муж лампу зажжёт, я кровь увидела и сознание потеряла...

В ординаторскую заглядывает медсестра.

Медсестра. Извините, Иван Иванович, к Зориной мама с детьми пришла.

Зорина (*оживляясь*). Можно?

Селин. Даже нужно. Слёзы только вытрите.

Зорина. Извините. До свиданья. (*Вытирает слёзы, уходит.*)

Селин. Девушка, между прочим, интересная.

Петров (*поднимая голову*). Я её по докладу Шуры иначе представлял.

Селин. Шура к ней не объективна. Вы знаете, что муж Шуры с июля не выходит из дому?

Петров. Нет.

Селин. А то, что старший брат её мужа строчит о нас гадости в Киеве?

Петров. Тоже нет. А почему её муж дома сидит?

Селин. Так на улицах Донецка, как пишет его брат, людей хватают, в подвалы сажают, расстреливают...

Петров. Старший врёт в Киеве, а младший, читая его враньё, дрожит в донецком подвале, так что ли?

Селин. Да. Они ждут армию-освободительницу, а Зорина мешает им смотреть на мир через жёлто-голубые очки.

Петров. Понятно, почему она для Шуры «дура набитая». Вы считаете это нормой?

Селин. В субъективном мире человека объективная реальность всегда искажена. Психиатры занимаются людьми, у которых

искажения индивидуальны. Толпа скакунов, искажающая реальность — вне нашей компетенции. Даже если они опасны для себя и общества.

Петров. Но они под предлогом того, что Россия напала на Донбасс, убивают его жителей, протестующих против киевских госпереворотчиков.

Селин. Если они верят в мульку об агрессии России, то — дураки, а не верят и убивают — подлецы и преступники.

Петров. Их поведение напоминает поведение психически больного человека!

Селин. Дать обществу аналогию — это одно, а медикализировать дураков и подлецов, освободив их от уголовной ответственности — это другое. Когда в теле человека появляется группа клеток, которая, разрушая окружающие ткани, заставляет организм работать на себя, мы говорим о раке. А когда в государстве появляется группа людей, которая перестраивает финансовые потоки так, что они текут в их руки, мы молчим. Хотя финансовая опухоль (финома), достигая определённых размеров, метастазирует во власть, культуру, в общественное сознание и за пределы страны, давшей ей жизнь. Это общественная болезнь, которая имеет миллион аналогий с онкологией.

Петров. Вы хотите сказать, что клетки умирающего от рака украинского организма выбирали своим президентом опухоль, от которой умирают?

Селин. Блестяще! (*Аплодирует.*)

Петров. Ваши рекомендации?

Селин. Перенести опыт онкологов в социум. Финомистов, имеющих миллион баксов, ставить на диспансерный учёт, а при дальнейшем росте их кошелька — лечить. Если консервативное лечение неэффективно, лечить хирургически. Жизнь человеческая длится меньше двух миллиардов секунд. Миллиард баксов нужен человеку не для удовлетворения своих нужд, а для манипулирования людьми.

Петров. А если это их основная потребность?

Селин. Лечить таких, как людей с общественно опасной личностной патологией.

Петров (*смеётся*). Начали хорошо, а кончили социализмом.

Селин. Если первый социалистический блин вышел комом, то это не значит, что идея не жизнеспособна. Кстати, обливание социализма грязью — это симптом метастазирования финомы в общественное сознание. Если бы раковые клетки могли говорить, то они бы согласились на оперативное лечение?

Петров. Нет, возопили бы о своих правах и наняли бы журналистов для воспевания раковых благодетелей.

Селин. Финома — это метафора, которая позволяет увидеть один предмет в свете другого и применить знания и опыт одной области в другой. Маркс общество сравнил со зданием, а я — с организмом. Что мешает нам посмотреть на общество глазами онколога?

Занавес

2

На следующий день в ординаторской сидят Селин и Зорина.

Селин. Вчера вы сказали, что у вас бывают наплывы неприятных воспоминаний?

Зорина. Да. Иногда без причины, но чаще их провоцируют напоминания о войне. Я новости не смотрю, разговоров о войне избегаю. Когда же на украинском заговорят, то сразу слышу вонь изо рта того гада, который меня обыскивал. Мужа моего тогда «пикой до підлоги», а он меня над ним, простите, лапает... Бр-р-р! Можно я об этом не буду?

Селин. Конечно. Если вопросы неприятны, то отводите. Потом, когда будете готовы, их нужно будет проработать. На украинский флаг такая же реакция?

Зорина. Не только на флаг, но и людей, которые с ним бегают. Раньше Ротару любила, Макаревича слушала, а сейчас смотреть на них не могу. На Песне года увидела Ротару в жёлто-голубой одежде и заплакала. Она поёт, а я не только вспоминаю, я реально чувствую, как в погребке с детьми сижу. Ей цветы несут, а я её люто ненавижу, думаю: «Ты-то зачем меня мучаешь?» Гранату б ей без кольца подарила.

Селин. Что ещё беспокоит?

Зорина. Память хуже стала. Читаю и не могу запомнить. Такое ощущение, что поглупела.

Селин. Память не хуже. Вы просто невнимательны. Читаете, а думаете о пережитом.

Зорина. А куда от него деться? Я стараюсь забыть, а оно прилипло к мозгам, как паутина. Раздражительной из-за этого стала, агрессивной.

Селин. Пример можете привести?

Зорина. Перед больницей женщину чуть не ударила. Всю ночь снилось, что меня с детьми в погребке засыпало, я откапывалась, пальцы о стёкла порезала, ногти сорвала. Утром мужу не могла дозвониться. С вот такой головой вышла на улицу развеяться. Она же в Киеве год просидела, ей развлечение — меня послушать. Я от неё, она за мной. Я ей рассказываю, что видела, а она мне: «А я в Киеве в новостях видела...» Я вдруг налилась такой энергией и силой, что если бы взяла её за волосы, то закинула б на крышу девятиэтажного дома. Мне аж страшно стало и весело одновременно.

Селин. Окружающее хорошо в тот момент воспринимали?

Зорина. Нет, видела только её ухоженную, ненавистную рожу.

Селин. Потом слабость была, разбитость?

Зорина. Да.

Селин. Возможно, перенесли физиологический аффект.

Зорина. Это не страшно?

Селин. Нет. На крышу же не забросили?

Зорина (*улыбаясь*). Она почувствовала и смылась. Больше не лезла с расспросами.

Селин. Муж в Песках ещё?

Зорина. Да.

Селин. Геройский мужик.

Зорина. Я его одно время почти ненавидела.

Селин. За что?

Зорина. Я из Песок случайно уехала. В конце октября человек сказал: «Жить хочешь? У тебя двадцать минут на сборы». Схватила трусы, детей, села в машину и в Донецк. Потом два месяца ждала, что муж придёт к нам и освободит.

Селин. От кого?

Зорина. Понимаю, что глупое чувство, но хотелось, чтобы он пришёл и освободил меня от всего, что я пережила. Освободил бы от необходимости перебирать и перестирывать чужие вещи. Мы ведь нищие стали, чужие обноски донашиваем. Это всё не моё. *(Показывает руками на свою одежду.)*

Селин. Хорошо сидит. И цвет вам к лицу.

Зорина. Стараюсь, ушиваю, перешиваю, комбинирую, но если б вы знали, как это унижает. Был двухэтажный дом в Песках. Не полная чаша, но всё-таки... Разбили всё, разграбили. За что? Если б вы знали, как тяжело отдавать своё за просто так. Может, потому, что я устала переживать за своё добро, за жизнь детей, у меня уже в Песках появилось ощущение, что я не человек, а дешёвая кукла, из тех, что валяются среди мусора в разбитых домах. Я потеряла себя, обезличилась, смирилась, что по моему дому ходят чужие люди, обыскивают меня. Душила обида на то, что они опять пришли с Запада и сломали мою жизнь, как раньше сломали жизнь моей бабушки. Какая-то смесь ненависти и отвращения. Презрения, может быть.

Селин. Что вам ещё запомнилось в Песках?

Зорина. Такой беспомощности я никогда в жизни не переживала! Ходят по дому с автоматами и высматривают, что забрать. Когда ничего не находят, говорят: «Щось ви так бідно живете?» *(Пауза.)* И на всё один ответ: «Не нравится, валите в Рашу». А куда я с детьми поеду? И почему я должна из своего дома куда-то ехать?

Селин. Можно вас спросить?

Зорина. Вы же доктор.

Селин. Что хорошего дали вам эти ужасные события?

Зорина *(оживляясь)*. Я сама уже об этом думала. Есть две Тани, одна — до войны, другая — после. И та, что после, самое удивительное, лучше той, что до. Я поменялась в лучшую сторону. Я стала как-то шире, перестала сканудить и ругать детей по пустякам. Сейчас у мамы все обои разрисованы, мебель в мелках, а я смотрю и радуюсь, что у меня есть дети, что они живы-здоровы, руки-ноги у них целы. До войны я домашней клушей была, а теперь повзрослела. Сама принимаю решения, сама за них отвечаю. Ни на кого не надеюсь. Отношения с мамой стали лучше. Она меня

понимает и поддерживает. Мы живём на её иждивении. Я не работаю, на детей ничего не получаю. Денег нет и все довольны. Раньше каждый год отдыхать ездили, а сейчас мама с детьми путешествует.

Селин. Как это?

Зорина (*смеясь*). Садится на диван и едет с ними то в Москву, то в Петербург, то в Крым. Детям нравится. Каждый вечер пристают к ней: «А куда мы сегодня поедем?»

Селин. Молодцы! Планы на будущее какие?

Зорина. Мужа дожидаться, детей растить. До суда хочу дожить. Мне иногда снится, как я стою за судебной трибуной и, положив руку на сердце, рассказываю о том, что пережила.

Занавес

Между четвёртым и пятым действием проходит два месяца.

Действие пятое

В квартире Марченко.

1

День приезда Зорина. Полночь. Зорины сидят на кухне за крошечным кухонным столом друг против друга. На столе тарелки с закуской, бутылка водки, рюмки. В крошечной комнате скрипит кресло-кровать Марченко. В маленькой комнате: Даша лежит на диване, Петя — на полу.

Петя. Ага! А я с папой буду спать!

Даша. И я хочу!

Петя. А ты — с мамой. (*Даша хнычет.*)

Зорина (*слегка поворачивая голову на плач*). Даша, что опять случилось?

Даша (*сквозь слёзы*). А почему Петька, а не я с папой спит?

Зорина (*гладит лежащие на столе руки мужа и шёпотом говорит в сторону комнаты*). Это я, Даша, должна плакать, что

Петя с папой спит. (*Зорину.*) Видишь, как дети за тобой соскучились. А я без тебя вообще... (*Даша плачет.*) Пойду, успокою.

Встаёт, целует мужа в щёку, медлит, но уходит в комнату, где садится на край дивана, гладит Дашу по голове и тихо плачет вместе с ней.

Д а ш а. Мамочка, ты тоже с папой спать хочешь?

З о р и н а. Нет, Дашенька, мы с тобой будем спать.

Д а ш а. А плачешь тогда почему?

З о р и н а (*улыбаясь в темноте*). От радости, что папа вернулся.

Д а ш а. А баушка с дедушкой когда приедут?

З о р и н а. Скоро.

Д а ш а. Когда?

З о р и н а. Не знаю.

Д а ш а (*капризно*). Я домой хочу. Там игрушки мои, кровать, там Настя моя боится, когда стреляют, писается и глазками моргает.

З о р и н наливает рюмку водки, пьёт.

З о р и н а (*обнимая, шепчет*). Спи, моя золотая. Настю твоя уже спит. Завтра проснёмся и гулять пойдём все вместе — ты, Петя, бабушка, папа и я — всей семьёй.

Д а ш а (*громко, по-детски шепчет в ответ*). А дед Вася и баушка?

З о р и н а. Когда приедут, то вместе с нами пойдут.

Д а ш а. А укроты их не убьют?

З о р и н а. Кто тебе такую глупость сказал?

Д а ш а. Петя.

З о р и н а. Ох, и Петя! Задам я завтра ему, чтоб сестричку не пугал. Спи, моя маленькая. (*Нараспев.*) Глазки, Даша, закрывай, Даша, быстро засыпай. Закрыла?

Д а ш а. Нет.

З о р и н а. Почему?

Д а ш а. Они не закрываются.

З о р и н а. Ну, полежи молча с открытыми. Спокойной ночи.

Д е т и (*Даша громко, Петя тихо*). Спокойной ночи, мама.

Д а ш а. Спокойной ночи, папа, спокойной ночи, все.

З о р и н а. Спите. Уже поздно. (*Возвращается в кухню, целует мужа, садится.*) перевозбудились.

Зорин (*тихо*). Ни Насти у неё, ни дедушки и баушки.

Зорина. Расскажи.

Зорин (*наливает рюмки*). Давай сперва помянём. (*Пьют, закусывают.*) Прямое попадание. Отец полночи откапывал, а я и не знал. Сначала, говорит, стонала, потом затихла. Пришёл, а она уже не отзывается. Помог ему разгрести и достать. Рельсом придавило. (*Пауза.*) И обстрел вроде бы не сильный, я даже заснул, ещё подумал, что ночь хорошая, спокойная: всего два или три прилёта. А когда к дому подходил, то словно почувствовал, всё внутри похолодело. В другом бы углу сидела, жива бы была.

Зорина. А Василий Сергеевич где был?

Зорин. Во дворе. Смотрел, кто куда стреляет.

Зорина. А он как погиб?

Зорин. Точно не знаю. На следующий день, после похорон мамы дядя Витя меня разбудил: «Серёга, сматывай удочки, батяко твой двух укропов замочил». Я у Жеки спрятался. Дядя Витя потом рассказывал, что к папе утром в летнюю кухню зачем-то человек пять укропов пришли. Трое во дворе курили, а двое внутрь зашли. Что там было, он не видел, но тот укроп, который стоял лицом к кухне, вдруг из автомата в кухню очередь дал. Потом они за носилками сбегали и своих унесли, а в кухню гранату бросили.

Зорина. Зачем?

Зорин. Не знаю. Со зла или чтобы следы замести. Жека сказал, папу не сильно порвало.

Зорина. А похоронил где?

Зорин. Я не хоронил. Жека с дядей Витей сказали: «Мы похороним. Ему уже не поможешь, а себя и нас под пули подведёшь». Рядом с мамой положили. (*Вытирает с силой лицо, глаза.*) Теперь не огород, а семейное кладбище.

Зорина. Жаль, что не простился.

Зорин. Та куда, они меня по всему посёлку искали. Получается: прощаясь с папой, маму хоронил. (*Пауза.*) Надо было забрать к себе сразу. Ну, ты ж его знаешь: упёрся. Я ему говорю: «Пошли», — а он: «Иди, я один хочу побыть». Думаю, летняя кухня цела, спать есть где, пусть погорюет. Сорок лет вместе прожили. Бутылку водки принёс, думал, выпьет, заснёт, а завтра уговорю.

Стеречь всё равно нечего, дом разбит. (*Пауза.*) Если б раньше их пришёл, то может и жив был бы...

Зорина. Если бы да кабы. Не мучь себя.

Зорин. Надо было сразу идти в ополчение.

Зорина. Давай помянём. (*Наливает водку.*) Царствие небесное рабам Божиим Василию и Надежде.

Зорин. Земля им пухом.

Пьют не чокаясь. Длинная пауза.

Зорина. А голуби у дяди Вити целы?

Зорин. Разнесло голубятню к чертям собачьим...

Зорина. И как он?

Зорин (*усмехаясь*). Топор точит. Говорит: «Голубей я им, мать-перемать, никогда не прощу!»

Зорина. Уезжать не хочет?

Зорин. Не-е.

Зорина. А Укропина ещё там?

Зорин. Укропина отгребла по полной. Сначала в сарай к ней прилетело, а потом в дом. До колена ногу оторвало.

Зорина. Жива хоть?

Зорин. Увозили, жива была.

Зорина. Поняла, наконец, кто в кого стреляет?

Зорин. Не знаю.

Зорина. Ты, смотрю, спаточки хочешь?

Зорин. Не столько спать, сколько... (*Встаёт, подходит к Зориной.*)

Зорина (*отстраняясь*). Так не заснули ещё.

Зорин. А мы тихо и печально. (*Обнимает.*)

Зорина. Война тебя не меняет.

Зорин. Я полгода об этом мечтал. (*Берёт её за руку и ведёт, слегка упирающуюся, в ванную.*)

Звук поцелуев, возня на фоне журчания воды.

Голос Зориной. А на спине что?

Голос Зорина. Зацепило.

Голос Зориной. Давно?

Голос Зорина. Недели через две после вашего отъезда из нашего двора опять Октябрьский утюжили...

Голос Зориной. Вот сволочи! Так и кошмарят население по обе стороны фронта?

Голос Зорина. Они приехали, чтоб запугать и уничтожить пророссийскую Украину. Но в тот раз ответка пришла: меня поцарапало, а у них двухсотый и четыре трёхсотых.

Голос Зориной. Хоть одних сволочей наказали! (*С тревогой*). И на ногу, смотрю.

Голос Зорина. Говорю же: в погреб не успел. (*Весело*.) Но главное место не зацепили.

Шлепок по ягодице.

Голос Зориной. Это что ли?

Голос Зорина. С другой стороны.

Голос Зориной. Не знаю, не знаю, я то место ещё не...

Звук поцелуя, возня, вздохи прерываются стуком упавшей занавески и посыпавшихся пластиковых бутылочек.

Голос Зориной (*смеётся*). Я так и знала.

Голос Зорина. Не попало?

Голос Зориной (*довольно*). Не-е.

Голос Зорина. Только хотел сказать, не держись за занавеску...

Голос Зориной. А я за неё и не держалась. Она сама мне в руку влезла.

Голос Зорина. Вредная какая! Хорошо, что после.

Голос Зориной. И после и не по голове. Должно же нам хоть в чём-то повезти?

Голос Зорина. С тобой мне уже повезло.

Голос Зориной. А мне — с тобой. Если б ты знал, как я без тебя скучала! Если б не дети, пешком бы пришла через блокпосты.

Голос Зорина. Дай поцелую и занавеску приделаю, чтоб тёща в первый же день не выгнала. (*Звук шуршащей занавески и расставляемых шампуней*.)

Голос Зориной. Залазь. (*Плеск воды*.) Не садись, дай ноги помою.

Голос Зорина. И остальное, будьте добры. *(Пауза.)* Ой!..

Голос Зориной. Извини, больно?

Голос Зорина. Уже приятно.

Голос Зориной. Разучилась. Садись. *(Плеск.)* Ручку. Вторую. Спинку.

Голос Зорина *(вздыхает)*. Как долго я об этом мечтал. Я из-за стрельбы сны перестал видеть. Один раз видел, когда дня два не стреляли, но, к сожалению, не тебя.

Голос Зориной. А кого?

Голос Зорина. Ерунда какая-то! Кто-то гнался, убить меня хотел...

Голос Зориной. А я тебя несколько раз видела. *(Плеск.)* Хотя кошмары чаще...

Голос Зорина. Я, как вы уехали, спал сначала на твоей подушке, а когда она выдохлась, духи твои нюхал и боялся, что никогда тебя уже не увижу.

Голос Зориной. Слава Богу, пережили. Чист, аки младенец. Домывайся. Я на кухню.

Идёт к плите. Через время с мокрой головой появляется Зорин.

Зорин. Сбылась мечта идиота. *(Зорина поворачивается от плиты.)* Как мало человеку для счастья надо.

Зорина. Да. Ты жив, дети в соседней комнате...

Зорин. Давай за всё хорошее. *(Наливает водку. Чокаются. Пьют.)* А вы как без меня?

Зорина. Плохо. Я когда приехала, то месяц или два из интернета не вылезала, всё ждала, что наши Пески освободят. Басурина, Соловьёва смотрела, а потом всех возненавидела. Басурин хоть в Донецке, а у тех морды откормленные, глаза весёлые, хвосты распушили, индюками ходят и бла-бла-бла, гул-гул-гул — деньги на нашем горе зарабатывают.

Зорин. Басурин — это кто?

Зорина. Да, так, голова говорящая. Я теперь мультики с Дашей смотрю.

Зорин. Моргать и заикаться она когда начала?

Зорина. За месяц до твоего приезда. Я так и не поняла, почему. Дома всё хорошо, а тут... Первый месяц она, правда, плакала

и говорила: «Хочу домой, к папе». Я ей говорю нельзя, а она: «Вызывайте вертолёт, я туда поеду, там мои игрушки, мой дом». Валерьянкой попоила, она успокоилась, на танцы отвела, ей нравится, а в апреле ни с того ни с сего заморгала.

Зорин. Ладно, солнце моё. Будем надеяться, что всё пройдёт. (*Задумчиво.*) Не верится, что за двадцать километров отсюда людей убивают, дома грабят, и никому до этого дела нет. Я в ванной с женой, а Жека с дядей Витей в погребах, с бандеровскими тварями на шее. Маразм какой-то!

Зорина. Я к этому долго не могла привыкнуть. Выхожу на улицу: кругом женщины коляски катают, дети мороженное едят, с шариками бегают. А мы словно из фильма ужаса вернулась, из кинотеатра на солнце вышли и никому не интересно, что мы там пережили! Я своими рассказами даже мешаю им, нарушаю спокойствие. Мне кажется, что если Украина даст прибавку к зарплатам, то пол-Донецка мигом забудет убитых и закричит: «Слава Украине!» Меня же за напоминание побьют и прогонят. Я здесь чужая. Меня даже мама не всегда понимает. Об остальных и не говорю, они живут по принципу: задуши ближнего — получи кредит. Хорошо, что ты приехал. (*Обнимает его.*) Вместе будем с тобой ездить.

Зорин. Куда?

Зорина. На Октябрьский. Там у меня подруга живёт. С ней и её соседями легче. Они всё понимают. И к тебе, между прочим, я там ближе была. Казалось, протяни руку и вот он ты. Добежала бы минут за десять. Смотрела в сторону Песок, а ворон чёрный каркал: «Прямо підешь — смерть знайдешь».

Зорин. Ворону этому башку мы свернём, обещаю.

Занавес

2

Через неделю после приезда. Поздний вечер. Марченко похрапывает в кресле-кровати. Дети спят. Зорины сидят на кухне за накрытым столом.

Зорина. Ты мне скажешь, куда по утрам ходишь?

Зорин. В военкомат.

Зорина. Зачем?

Зорин. В армию.

Зорина. Куда-куда? *(Пауза.)* Ты ж не служил!

Зорин. Вы прям сговорились! Там тоже: возраст, отсутствие воинской специальности, здоровье. При чём тут здоровье?

Зорина. Зачем тебе армия?

Зорин. Тань, ну, как ты не понимаешь? Я же мужик. Ради тебя и детей я всё вытерпел. Думаешь, мне легко было смотреть, как они Асёну убили, как Даша плакала, как они тебя обыскивали? Я был готов голыми руками их задушить.

Зорина. Всё уже в прошлом.

Зорин. Для вас, к счастью, да, а для меня всё только начинается.

Зорина. Что для тебя начинается?

Зорин. Всё. Я свободен от иллюзий о братском народе, о единой стране и прочей ерунде. Украина похоронила их вместе с моими родителями. Кровь за кровь, обида за обиду...

Зорина. Не надо за нас мстить.

Зорин. Мне надо. Понимаешь?

Зорина. Самоуважение можно по-другому восстановить.

Зорин. И как это?

Зорина. Пойти к психологу или психиатру.

Зорин. Отлично! Мою жену и детей выгнали из дома, родителей убили, а я пойду плакать к психологу и бить резиновой палкой по резиновой груше. Нет уж, моя дорогая. Я от чувства вины перед вами, от ненависти и презрения к убийцам родителей избавлюсь дедовскими способами. А к психиатрам и психологам пусть их матери ходят.

Зорина. Но ведь и тебя могут убить.

Зорин. Могут, но у меня есть плюсы.

Зорина. У смерти нет плюсов.

Зорин. Ошибаешься. Если меня убьют, я перестану жалеть о том, что вовремя не ушёл в ополчение, не защитил свой дом и родителей. *(Наливает рюмку, пьёт.)* Я после их смерти спать боюсь. Закрываю глаза и вижу, как мама задыхается в подвале,

а папа лежит, разорванный гранатой. Вижу во всех деталях, так чётко, будто я там был. (*Пауза.*)

Зорина. Пойдём спать. Даша рано встаёт и всех будит.

Зорин (*берёт бутылку*). Бахнешь со мной?

Зорина. Извини, голова болит.

Зорин (*наливает рюмку*). Боже, прими за лекарство. (*Пьёт.*)

Занавес

Между пятым и шестым действием проходит три месяца.

Действие шестое

Донецк. Бульвар Пушкина. На заднике нарисованы: дом, дорога, задний фасад драмтеатра. Слева — детская площадка с качелями, домиками, лесенками. Справа, через дорогу, памятник Пушкину и торговая палатка с символикой ДНР. Вдоль переднего края сцены тянется бульвар, по которому прогуливается хорошо одетый, весёлый, расслабленный люд. Перед памятником подростки катаются на скейте и роликовых коньках.

Зорина стоит возле детской площадки с Яной. Даша катает на подвесной качели Анжелу. Петя с мальчиками бегают вокруг памятника.

Яна. А вы давно в Донецке?

Зорина. С прошлой осени.

Яна. Так тогда стреляли?!

Зорина. Мы на Заперевальной живём.

Яна. Всё равно опасно. Мы в мае прошлого года уехали, а неделю назад вернулись и будто в другой мир попали. Такого издевательства я нигде не встречала. Сутки продержали на блокпосту, без туалета, с минными полями вокруг.

Зорина. Чей блокпост?

Яна. Смеяться будете, но украинский! На дэнээровском даже в багажник не заглянули. Паспорта взяли, прописку посмотрели, спросили: «Домой?» — и пожелали: «Счастливой дороги!» А на украинском только под юбку не заглянули! Разве не видно, что мы с детьми? Что у нас можно искать?

Зорина. Деньги вымогали.

Яна. Я так и поняла.

Зорина (*кричит*). Даша, девочку сильно не качай!

Яна. Не волнуйтесь. Я смотрю. (*Кричит.*) Анжела, крепче держись! (*Пауза.*) Донецк хуже стал, какой-то обшарпанный. Мы по мариупольской трассе въехали, рекламные щиты ободраны, непривычно как-то. Центр ещё ничего, а окраины...

Зорина. А вы где живёте?

Яна. Здесь недалеко. Загородный дом был в Песках, да сплыл. (*Пауза.*) Квартира в Донецке — в целости и сохранности, а дом на территории Украины — разграблен.

Зорина (*оживляясь*). А где вы в Песках жили?

Яна. На Ленина.

Зорина. Знаю.

Яна. Представьте, мы в Чехии, в холле гостиницы сидим, ждём автобус. Стасик бежит, кричит: «Мама, мама, наш дом по телевизору показывают». Подхожу, вижу: военные ходят по моему дому, в детской дулами автоматов вещи поднимают. Анжела в рёв: «А почему дядя мою Ангелу на пол бросил?» Стасик себе почемукает. Я смотрю, а на дне бассейна засохший куст бурбонских роз — лежит. Детей успокаиваю, а у самой слёзы на глазах.

Подбегает Петя.

Петя (*глубоко дышит*). Ма, можно мне морожку?

Зорина (*проводит рукой по лбу*). Ты мокрый весь.

Петя. Ну, и что?

Зорина. Простудишься.

Петя. Я тихонько.

Зорина. Хорошо. Только, чтоб Даша не видела.

Петя. Хорошо. (*Берёт деньги, убегает.*)

Яна. Хороший у вас мальчик. Сколько ему?

Зорина. Восемь.

Яна. А моему — десять.

Подходит Снежана.

Снежана (*весело*). Привет.

Яна (*удивлённо*). Привет. (*Поворачивается лицом к Снежане, боком к Зориной.*) Тебя каким ветром занесло?

Снежанна. Моему по бизнесу надо, а я за ним по приколу увязалась.

Яна. Заводы ваши работают?

Снежанна. А куда они денутся? У Алика были проблемы, но отстегнул и отстали. Бизнес, говорит, должен над схваткой стоять. Здесь он с Бузиной согласен.

Яна. Бузина плохо закончил.

Снежанна. Значит, не с Бузиной, а с другим на «бэ». Как его, чёрта?.. (*Вспоминает, потирая пальцами.*) Ну, ему ещё памятник поставили?..

Яна. С Бубкой?

Снежанна. Точно! Ты всех помнишь, а у меня на имена память плохая. Алик говорит, надо быть, как Бубка: он нигде не светится и везде зарабатывает. Чемпионский нюх, говорит, у него на бабки.

Яна. Где вы сейчас?

Снежанна. В Киеве. Туда все нормальные уехали, там море донецких.

Яна. Кто-то ж и здесь остался.

Снежанна. Ну, не знаю... Прошлась по бульвару и ни одного знакомого лица. Заглянула в Миллениум, Хинкали, а там — такие рожи! Это уже не мой любимый Донецк, а притон бомжей и наркоманов, одетых (*понижает голос*) в военную форму. Чужой город! Мне его ни капельки не жаль! Даже наоборот. А тебя как сюда занесло?

Яна. Мы неделю назад приехали.

Снежанна. А где были?

Яна. В Крыму.

Снежанна. Ну, и как там, на оккупированной территории?

Яна. С деньгами везде хорошо.

Снежанна. А когда их много, ещё лучше. Ха-ха! Ты как мой Алик? Он говорит, что деньги отсюда ушли. Теперь здесь ничего не будет. Пропал Донецк, город миллиона роз. Кстати, как твои розы?

Яна. Ни роз у меня, ни загородного дома...

Снежанна. Разбили?

Я н а. Не знаю. Нас туда не пускают.

С н е ж а н а. У моего брата в Карловке от дома одни стены остались. Даже батареи срезали.

Я н а. Кто?

С н е ж а н а. Ну, ясно кто? Гопники дэнээровские.

Я н а. В Карловке и в Песках — украинские войска.

С н е ж а н а. Они за всем не уследят. Босота дэнээровская по ночам шарится и тащит всё, что ни попадя. Алик говорит, даже если Украина сюда вернётся, деньги в Донецк уже никто вкладывать не будет. Я этим летом во Львове была. Какие там места! Всё чистенько, ухожено. А люди! Культурные, цивилизованные. Я даже украинский начала учить.

Я н а. Да ну!

С н е ж а н а. Вот те и ну. Алик меня на курсы записал. Говорит, раз мы живём на Украине, украинский надо знать. Он древнее и мелодичнее русского. Если б рашисты не душили, то он бы лучшим в Европе был. Сейчас Україна має шанс.

Я н а. Какой?

С н е ж а н а. Ну, как какой? Вступим в Европу, заживём, как люди, без совдепии, ватников...

Я н а. ...и без штанов.

С н е ж а н а. За такие речи тебя, Яночка, в Киеве по головке не погладят. (*Пауза.*) Чем вам мозги промывают? Братец мой месяц в Крыму пожил и разговаривать со мной перестал. Доказывает мне, что его дом в Карловке украинские войска разграбили. Я ему сказала: «Месяц не смотри российское телевидение, не ешь российские продукты, и с головой наладится».

Я н а. А он?

С н е ж а н а. Дурой меня назвал. А я, между прочим, как поем московских конфет, так меня от украинского телевидения тошнит.

Я н а. Меня от него и без конфет тошнит.

С н е ж а н а. Ну, так ты в Крыму какую пищу ешь?

Я н а. Ты думаешь, это от пищи?

С н е ж а н а. Сто пудов они в продукты что-то антиукраинское подмешивают. «Вечерний Киев» об этом писал и Клячко просил отказаться от российских товаров.

Яна. Ну, разве Клячко... (*Смотрит на катающихся детей.*)

Пауза.

Снежана. Пойдём, Яночка, шампусика за встречу. Алик говорит, от политики у красивых женщин морщины и геморрой с кулак.

Яна (*не оборачиваясь*). Я с Анжелой.

Снежана. Она нам не помешает. Где она?

Яна. На качелях.

Снежана (*смотрит в сторону качели*). А вижу! Анжела! Иди к тёте Снеже. (*Подбегает Анжела.*) Помнишь меня?

Анжела. Да. Ты мне Ангелу подарила.

Снежана. Правильно. Кормишь, поишь?

Анжела. Стасик её в бассейне утопил.

Снежана. Не переживай. Купим другую, которая плавать умеет.

Анжела. А есть такие?

Снежана. Найдём. Я в Берлине такую красивую куклу видела, закачаешься. Скоро и у нас будет.

Анжела. А ты мне купишь?

Снежана. Конечно. Морожки хочешь? (*Протягивает руку.*)

Анжела. Хочу. (*Берёт за руку Снежану.*)

Снежана и Анжела медленно уходят.

Снежана. Маму с собой берём?

Анжела. Берём. (*Оглядываясь.*) Mamочка, беги.

Снежана (*оборачиваясь*). Мама Яна, ты с нами?

Яна медленно идёт за ними. Зорина смотрит вслед,
по лицу её текут слёзы. Подбегает Даша.

Даша (*смотря снизу вверх*). Mamочка, не плачь. Петя говорит, что скоро лакаду снимут и дедушка Вася Настю мою привезёт. Она тебе сказку расскажет...

Занавес

ОГЛАШЕНИЕ КРАМА

драма в четырех действиях

Действующие лица:

Голос слева — Яков Левитин

Голос справа — Марк с позывным «Крам»

Тьма. Тени. Звуки. Голоса.

Действие первое

В полной темноте слышно тяжелое дыхание, прерываемое иногда надсадным кашлем. Раздается лязг открываемой металлической двери, и в темноту врываются мельтешащие блики ручных фонарей. В сполохах видны тени, волокущие по коридору безжизненное тело голого окровавленного мужчины. Они распахивают решетчатую дверь, швыряют узника в камеру. Грохот запоров. Тени исчезают. Слышны лишь стоны и хрип. Кромешная тьма.

Голос слева. Чувак... ты живой там, вообще?

Голос справа. Не знаю...

Голос слева. Шевелиться можешь?

Голос справа. Да... рукой... как больно...

Голос слева. Ну — больно. Раз больно, значит живой. Есть чему болеть... и упираться. А как ты хотел? Как хомячок: пожрать, поспать и сдохнуть? Не... такое тут не прокатит.

Голос справа. Ы-ы-ы...

Голос слева. Ты плачь, если что, не зажимайся... Тут не то, что всхлипывают, — тут в голос рыдают. Нормально это здесь...

Пауза

Голос слева. Чего замолк? Живой?

Голос справа. Можешь подойти?

Голос слева. Кто — я?! Ты шутишь, чувак?

Голос справа. Чего?

Голос слева. Не знаю... хребтину таки доби́ли, видать, когда принимали. Руки уж потом отморозил, ничего не чувствую...

Голос справа. Тепло здесь...

Голос слева. Бойлерная под нами. Трубы проходят.

Голос справа. Повезло, значит.

Голос слева. Ага... очень! Хотя... можно сказать и так.

Голос справа. Не понял? Где я?!

Голос слева. Ты точно хочешь это знать?

Голос справа. ...Наверное, уже нет...

Голос слева. Отож... Ты сам-то кто?

Голос справа. Я? Наверное, мудак... А ты?

Голос слева. Да, собственно, тоже... коль уж так слился-то по-глупому.

Голос справа. Это как?

Голос слева. Надо было своих дожидаться, а я... вот, очканул култышкиной судьбы да выползать начал.

Голос справа. Куда?

Голос слева. С места боя — выползать.

Голос справа. Ополченец что ли?

Голос слева. Ага. Хорунжий... был. В «самсоновской» сотне.

Голос справа. Хорунжий, это как ротный?

Голос слева. Угу. Как «кусок»... в смысле прапорщик. Полувзводом командовал: один пулемет, два гранатомета, семь калек и ни одного кадрового — шахтеры-пекари-токари и я один с дипломом «обработка металла давлением». Невероятно полезные на войне корочки.

Голос справа. А что за култышка?

Голос слева. Култышка? А... ну, да месяц назад, еще когда за ЦОФ на горняке бились, случай был такой неприятный. Там нацики поперли как-то в ночную. Скорее, так — разведку боем учинить. Ну, их вначале соседи из мехбата встретили — две «бехи» спалили, а БТР ихний зачадил да назад откатиться успел. Нацгадов частью сразу положили, а остатки потом уж мы, по утрае, что зайцев в пролесках гоняли, вдумчиво. Да недосмотрели, в аккурат

на стыке, меж казачками и мехбатов, в посадке один и затихарился. Зимний маскхалат спас, а может, отрубился раненый и звука не давал. Ну, наши и протопали мимо, как прочесывали. Он там потом, бедный, двое суток еще доходил на морозе.

Голос справа. Умер, что ли?

Голос слева. Да если бы... когда мы решили в обратку нациков за полужопья потискать, вот там разведка мехбата его и нашла. Дотащили до врачей, те на «скорую», да в реанимацию. Откачали, короче. Только обе ступни и кисть руки пришлось таки ампутировать.

Голос справа. А... я слышал за этот случай. Его обменяли через несколько дней. Сержант спецназа, кажется.

Голос слева. Ага, спецназер. Ему потом еще и вторую кисть оттяпали. И ногу повторно — уже до колена. Вот такая култышка от человека осталась: до конца жизни кто-то будет мотню тебе расстегивать и зад подтирать каждый раз...

Голос справа. Ну, а тебе чего?

Голос слева. Мне — ничего. Когда мне прилетело в поясницу и шесть часов в снегу пролежал под чадящей броней, любуясь на полголовы Кизимы и вывернутые кости Лосяры, то как-то решил ползти, чтобы шо тот сержантик не поморозиться. Ну и выполз... прямо к нацикам на бруствер.

Голос справа. Понятно... долго пытали?

Голос слева. Меня? А на кой?! Когда приняли, вначале не поняли, шо за нахрен... пока из-за пазухи кубанка не вывалилась. Ну, тут вместо «здрасьте» дали пару раз: берцем с носака все зубы справа вынесли да отсушили прикладом по почкам пару раз. Вот, видать, неудачно в поясницу и попали, как раз по ране. Что-то и хрустнуло там. Меня как колом раскаленным прошило от затылка до пят — никогда в жизни такой боли не испытывал — аж дугой выгнуло. Затрясло, в глазах лимонно-оранжевым взорвалось всё, а дальше помню, что на полу в бусике трясусь, и рук за спиной, в наручи забитых, уже не чую. Соляры надышался, и опять провалился. Так отрубов с десяти и довели меня сюда — в «центральный следственный».

Голос справа. Меня тоже с пакетом, вымоченным в соляре, таскали все время. Блевал прямо себе в рот, пока было чем.

Г о л о с с л е в а . Прием серьезный устроили?

Г о л о с с п р а в а . Когда задержали или здесь?

Г о л о с с л е в а . Вообще...

Г о л о с с п р а в а . Да как сказать-то? Взяли нас под Лесогоровкой, водила попёр, не зная броду, через посадку, ну и напоролись. Его почти сразу уняли. Меня уронили раз несколько, а потом пинками доволокли к их блокпосту, а уж оттуда — вонючий пакет на голову, скотчем на уровне глаз затянули и понеслось-поехало, как харей по щербню. Думал кранты, а как сюда довели, то понял, что вначале со мной бережно и заботливо цацкались.

Г о л о с с л е в а . Что с ногами?

Г о л о с с п р а в а . Здесь первые три дня молотили по пяткам каждый раз, пока не отъезжал. Отливали и снова лупили. Я глотку сорвал орать под конец...

Г о л о с с л е в а . Ну, то еще терпимо. Ходить — да, а так ничё.

Г о л о с с п р а в а . Прикалываешься?

Г о л о с с л е в а . Послушай, чувак. Я тут неделю мультики снимаю. Лежу пластом и смотрю, как других приходят.

Г о л о с с п р а в а . Раз бы прошлись по пяткам или выпороли шлангами, как меня только что — до одури, до визга поросычьего, — узнал бы... твари... оцинкованное ведро на голову надели, подвесили в наручниках за спиной на крюк и лупили по голым ляжкам с двух сторон так, что от ора собственного оглох, нафиг...

Г о л о с с л е в а . Это понятно. Но ты-то живой, разговариваешь... эмоции какие-то — соображаешь, поди. Шоб понятней было, как тут измордовать могут, я тебе расскажу... Дней несколько заволокли в камеру парня. Это левое крыло, если ты в курсе, там даже дознаватели в бушлатах и балаклавах сидят: дубарь такой, что если в камере не вповалку друг к другу всем скопом, то сам к утру околеешь. Ну, его раз раздели, отвели в пыточную, отмолотили и закинули назад. Потом опять, как оклемался. А третьего дня назад привели, как собачку на поводке, только он задом бежал и повизгивал. Пока еще соображал, сказал, что ему трубу стальную в солидоле мазаную в жопу засунули, а в трубу — пару раз сложенную колючую проволоку. Потом трубу вытащили, а жгут в заднице так и остался — вот его за эту проволоку и тягали по

коридорам так, шо он быстрее поводыря бегал — колени до кости ободрал. Когда в камеру привели, то прям у нас на глазах пучок тот выдернули... вмести с кусками кишок. За полтора суток отошел, а пока умер — свихнулся... А ты тут со своим ведром и синими ляхами. Он так выл, что в камере решали, кто его ночью душить будет. Сам, правда, отмучался, свезло нам.

Голос справа. Мрак... У нас не убивали, не видел. Рассказывал, правда, один пацан, что притащили дядечку какого-то с фиолетовой мошонкой... такой раздутой, что штаны надеть не могли. Уже в годах был, немолодой. И солидный такой, полненький. Его, говорят, как-то распластали, ноги развели и садовым шлангом по яйцам отхлестали. А неделю назад камеру выводили в полном составе в какую-то галерею без окон...

Голос слева. Это воздушка — переход между правым и левым крылом, над двором...

Голос справа. Ага. Вот туда всех и вывели, поставили рожам к оконным проемам и велели смотреть во двор, где этого мужчину привязали тросиком за ноги к «девятке» и гоняли по кругу пока от его фарша на снегу и асфальте двора красный круг не образовался. А когда все закончилось — погнали всех во двор и дали посмотреть на освежеванный труп. Обещали, что, дескать, со всеми так сделают, кто признательные не подпишет. Говорят, это где-то неделю назад было — ты должен был застать.

Голос слева. Тут такой цирк круглые сутки при полном аншлаге.

Голос справа. Круто... Но я тут дня два... или три... ну, где-то так.

Голос слева. А где сидел?

Голос справа. А я не знаю, камера человек на двадцать. Мужики, бабы, все в одно ведро в углу ходят... Сука, позорище...

Голос слева. Холодно? Лупить куда водят?

Голос справа. В общем, терпимо — стена правая теплая относительно, под ней ютились. Пыточная этажом ниже была, там догола раздевали — допрашивали и все такое. И следак там со своими бумагами. Я, например, сразу все подписал, чтоб вконец не забили. Но они все равно молотили меня круглые сутки, как в

турецкий барабан, — и днем и ночью, твари. Тащатся они с этого, что ли?

Г о л о с с л е в а. Раз правая — теплая, это, значит, и есть правое крыло. И не «следак», а «дознатель». Мы-то, по нациковским раскладам, все государственные преступники, поголовно. Нам, значит, за госизмену трибунал положен, а не суд. И соответственно, здесь делопроизводство военное. Ну, да ты, по любому, гражданский выходит — коль «правое крыло», да «бабы в камере»?

Г о л о с с п р а в а. Я? Ну, конечно! Работал в минвосстановления, а повязали, когда мы гуманитарку старикам везли да за линию фронта с переплуту выперлись, как два барана.

Г о л о с с л е в а. Кормили-то хоть?

Г о л о с с п р а в а. Раз, еще в дороге дали банку кильки в томате съесть. Но то шофер, судя по всему, от себя дал — его потом охрана выматерила за это. Здесь же ни разу не кормили, хотя один в камере говорил, что через день дают холодную кашу с землей вперемешку. Воды вообще не давали, но по углам осклизлой стены, где конденсат стекает, собирают в полиэтиленовую пленку и дают пить тем, кто после допросов.

Г о л о с с л е в а. Ну, а сюда каким боком тебя кинули?

Г о л о с с п р а в а. Сюда, это — куда?

Г о л о с с л е в а. Вот сюда. Ко мне, в темную?

Г о л о с с п р а в а. Не знаю...

Г о л о с с л е в а. Ну, как не знаю, что сказали-то? Команду какую санитарам дали?

Г о л о с с п р а в а. Никакой команды. Били-били, потом сняли с крюка и, пока я на полу обтекал, о чем-то говорили — за волонтеров речь шла. Говорят, что, мол, чистый. Тут подхватили и волоком сюда, не одеваясь.

Г о л о с с л е в а. Не «чистый» а в «чистую», в «чистяк» то бишь. Понятно... Ты как волонтер идешь у них, значит. Ну, поздравляю. Вас, говорят, уже месяц, поди, как не обменивают.

Г о л о с с п р а в а. В смысле?!

Г о л о с с л е в а. В смысле, чувак — в «чистую», мать его!

Г о л о с с п р а в а. Объясни?!

Голос слева. Ты ведь все уже понял? Ведь так? Или таки услышать хочешь?!

Голос справа. Ну, не томи!

Голос слева. Камера, где чистят. Зачищают где...

Голос справа. Ох... Расстрельная?

Голос слева. Ну да... зато тепло, не бьют, не мучают...

Голос слева. Чего завис?!

Пауза

Голос слева. Не молчи, слышишь...

Голос справа. Когда?

Голос слева. Никто не знает. Может сейчас, а может никогда. Здесь нет света, нет времени. Одна надежда. Так что ты не замолкай там, слышь! Не молчи...

Голос справа. Да...

Голос слева. Та не дакай! Как звать-то?

Голос справа. Крам...

Голос слева. Че?! Шо за имя? Не русский что ли?

Голос справа. Имя у меня Марк, а это позывной.

Голос слева. Позывной?! Гражданскому-то зачем?

Голос справа. Ну, мы же ездим... там... на передок...

Голос слева. А!.. Военная романтика. Ну и как: вздохнул полной жопой — той романтики?

Голос справа. Отвали...

Голос слева. Да ладно. Расскажи, ты кем по жизни был?

Голос справа. Пиарщиком...

Голос слева. Мляяя, да шо ж у тебя все такое... Это че, в смысле: выборы-швыборы?

Голос справа. В смысле — да, но и всякого разного хватало — реклама, продвигающие кампании. Мы до космических технологий доросли уже, а тут — война. И пошло все прахом и посыпалось, как и не было ничего.

Голос слева. Круто. Умный, наверное?

Голос справа. Да уж, не жаловался.

Голос слева. Не куксись! Просто я в этом ничего не понимаю, но подвох чую кожей.

Голос справа. Не поможет, кстати, чуйка...

Голос слева. Ну, как сказать.

Голос справа. А сам? Чем занимался?

Голос слева. Да разное-всякое. На «Проммаше» работал, потом металлоломом занимались — за малым в большие люди не выбился. Уж перед войной небольшое производство металлоконструкций с друзьями наладили — ворота, теплицы, гаражи, заборы и все такое... ну, тоже все прахом пошло.

Голос справа. А в казаки как попал? Ты ж не селянин, по ходу?

Голос слева. По-твоему, казаки — это сплошь поселковые дебилы ряженные, с нагайками за голенищами и пьяными воплями про «любу»?

Голос справа. Не без этого... или как?

Голос слева. До войны не знаю, а как началось, то по-разному. Возможно, всякое встречается, да ща и слухи разные ходят, но за наших — за «самсоновских», — никогда стыдно не было.

Голос справа. Как попал к ним?

Голос слева. Случайно, хотя можно сказать, что судьба за руку привела. Век бы так, правда, не водили. Одним словом, куда взяли по-первах, вот там и пригодился.

Голос справа. Расскажи...

Голос слева. Пока все началось, как все думал, что само рассосется. Помитинговали, побузили, постреляли чуток, но чтоб вот так, с остервенением, со зверством таким друг на дружку до кровавой пердоты! Чтоб с «градов», с танков да по городам-поселкам — никто ж не верил в такое.

Голос справа. Ага, классика: «Верхи не могут, низы не хотят». Пряма драматическое столкновение фригидности с импотенцией — и не верил никто, а оно во как вышло...

Голос слева. Отож. Ну, короче, заказ у нас свалился, на полном безрыбье неплохой можно сказать — монтировали эстакаду для приема молочки у хозяина на Коминтерна. Мужик с жинкой за лет несколько поднялись на мелком опте, — со всего Краснополя надои собирали, ну и решили развиваться чуток. Пока война, курс скачет, банки закрылись да съехали в метрополию,

чтобы, значит, наличка не пропала. Ну и нам чего — предоплата, все дела. Мы двутавры, швеллера, уголки с базы нагребли, и варим себе спокойно. Заезд на цокольный — это работы от сил дня на три с раскачкой. Но ведь август, жара невозможная, а тут еще и стычки на границах района пошли.

Голос справа. Коминтерна... в августе! Это ж, как подгадали так?!

Голос слева. И не говори! Ну, ты понял — да? Значит, гвардейцы с нацбатами сбивают с блокпостов ополчение, сминают казачков и перерезают трассу. Краснополье с самого утра оказывается в полукольце. С городом одна нитка осталась связующая, плюс грунтовки, где уже снайперские расчеты нациков шарятся. А фермеры наши-то, с ночи молоко собирают... ну, короч, в четыре с копейками уже трескотня под самым Коминтерна: трассера, крупнокалиберные, болванки летают — войнушка в полный рост. У казачков два танка полыхают — один в селе, другой на въезде. Мы залезли в цокольный и только сусликами выглядываем из-под полуподвала. Вскоре видим, летит хозяйский бусик, жопой вихляет... да не долетел. В метрах ста от фермы его насквозь прошивает сноп трассеров, ажно стекла, как пар, брызжут в стороны. А в полукилометре БТР вырывается на трассу. Он еще помолотил из КПВТ чуток для острастки по ферме, по крышам больничных корпусов да по домам окраин, и попылил от нас ко въезду. Смотрим, от бусика хозяйка к ферме бежит и руками машет. Живая! Мы к ней. Подлетаем. Она очумелая, что несет не поймешь, глаза стеклянные, а фартук весь в крови, ошметках волос, костей. Сварной наш бабу за руку и на ферму поволок, а мы со слесарями — к машине. Ну, а в бусике уже кому помогать?! Хозяин, как был пристегнут ремнем, так и сидит, скособочившись. Только от головы кусок позвоночника торчащего остался и кровавые сопли с мозгами на седой бороде. Парное молочко с пробоин струярит прямо в пыль дорожную — там все баллоны посеколо осколками. Как хозяйку не задело — ума не приложу — вообще ни царапины.

Голос справа. Мрак...

Голос слева. Тут БТР про нас опять вспомнил, чудом залечь успели да отползти. Короч, пулеметчик ихний хозяина, словно

викинга, в машине похоронил — сгорел мужик прям там. Мы его бабу к себе в легковуху и деру с Коминтерна. На окраинах «самсоновцы» стояли. Попросили раненого забрать. Ну, мы их прицепом прихватили, хоть и на головах уж сидели. У казачка из сопровождения рация трещала всю дорогу. Пока мы до клинической доперли, уже знали, что в Коминтерна еще трое «трехсотых» — два тяжелых совсем. Сопровождающим был Лось, кстати. От он на меня и посмотрел. Так, просто зыркнул молча, всего раз. Слова не сказал. И понял я, что не могу бросить их теперь, или там, отморозиться. Ну, короч, сам вызвался. Пошли второй ходкой за ранеными. Там еще было всякого, завертелось...

Голос справа. Ясно.

Голос слева. Так и зашла ко мне война. К Лосю сразу прибился. Вот же ж судьба — как началось, с тем же и закончилось...

Голос справа. Та да. У меня все с расстрелов начиналось, причем оба раза в Лесогоровке... По ходу, и концовка будет такой.

Голос слева. С расстрелов?

Голос справа. Угу... Оба раза, заметь. Вот и говорю, словно вешки по болоту, только успевай обеими ногами в топь вовремя вступать.

Голос слева. Ну, по жизни выходит так и есть: смотреть надо, что судьба с-под тебя хочет...

Голос справа. В первый раз вышло, как бы не со мной, а рядышком черкнуло. Меня знакомый к осени подписал гуманитарку таскать для Министерства восстановления. Там же быстро: таскаешь, не крысишь — молодец, работай. Да и мне нормально: надо же чем вменяемым заниматься. Пошло-поехало, таскали по всей области, в основном отвечали за Дивнозерский район и что там рядом.

Голос слева. Понятно: попали под октябрьскую раздачу в Лесогоровке...

Голос справа. Почти — уже следующим днем, как ваши нацгадов выбили, поехали мы народ эвакуировать.

Голос слева. Не, то не наши. Там казачки атамана Волчярова и мехбаткорпуса отжигали...

Голос справа. Какая разница? Мехбат держал периметр, а мы с казаками грузили народ. Ты представляешь, что там творилось? Бабы, дети, все с оклунками, мужики дубьем коров-свиней гонят в райцентр. Там коза потерялась, то девка с перепугу истерит — в погреб забилась и не лезет. Там бабу, из ума выжившую, прямо на кровати сетке несут, с образами на груди, — ор, слезы, мат в три этажа. Офицеры батальона подгоняют, мол, вот-вот врежут по селу опять с минометов. И казаки ваши свирепеют на глазах. Ну, мрак, одним словом. Дергает тут меня наш водила и говорит, что велели нам семью расстрелянного вчера селянина эвакуировать и тело забрать, да в районный морг доставить. Нас двое, вдова с тремя детьми, старшему пацану, кстати, лет так хорошо за двадцать, плюс вещи какие-никакие и труп в придачу. И все это надо загрузить в «логан», в седан. Говорю: «Свят, как ты себе это мыслишь?!» Святонравов, мужик такой... одним словом, конкретный был дядька, говорит: «Задачу нарезали, — выполняем. Мы — спереди. Тетку со старшим и двумя малыши сзади. Рухлядь в руки. Убитого — на полиэтилен и в багажник. Двадцать минут не спеша, и мы в районе». Ну, план. Пока участковый и Свят паковали батю, мамка историю свою рассказала. Дело было так... Утром они готовились выезжать с поселка, там житья уже не было с сентября. Обстрелы через день: то там мину ночью проложат точно в центр рынка, словно прозрачный намек; то в крышу кому прилетит очередь из БМПшки; то, после принятого для куража стенолаза, нацгады пару лент из АГСов небрежно уронят вдоль улиц. Батя, значит, пошел на огород курей рубать, взрослый сын у деда через улицу собирал стариков. Пока женщина со своими девками возилась, тут и нацики заскочили в нейтральное типа село. Один БТР зарулил прямо к ним под окна, и кагалом человек в пять нацики ввалились во двор. Муж только в хату заскочить успел, как во дворе бах! Бах! Бабах! — пристрелили двух собак и уже в дом входят. А те собачки, говорит, мелкие совсем, обе на цепи сидели — вторая с визгом в будку кинулась, так они ее прямо там и дострелили. Малая в крик, старшая в угол забилась, батя побелел, но молча стоял. Те зашли, потребовали документы. Родители попытались что-то объяснить, но на них сразу гаркнули, мол:

«Заткнули пасть, мрази!» Мамка говорит, что за мужика своего и не думала вначале, за старшую боялась: той шестнадцать всего, но девка уже — все при ней. Накики посмотрели паспорта, сверили с какой-то цидулькой, что у них была, и говорят мужику: «Выйдем, побазарить надо...» Вышли и свернули за дом на огород. Она попыталась два раз нос на улицу высунуть, но те лишь гаркали и загоняли в дом. Старший сын кинулся было домой, но селяне придержали, дескать: «Не ходи туда, паря! Здесь постой...» — там охотники почти все, мужики в большинстве серьезные, тормознули пацана. Спасли, можно сказать. Через несколько минут вдруг накики сваливают со двора, залазят на БТР и уезжают. Мамка во двор, нет мужа... Она на огород. Смотрит — лежит. Две дырки в голове. И выстрелов говорит, что никто не слышал.

Г о л о с с л е в а. Да с ПББСа вальнули...

Г о л о с с п р а в а. Похоже. Она говорит, что у одного автомат был необычный. Ее мужа застрелили и еще одну женщину, пенсионерку. Ту прямо в доме убили. Какую-то куртку или пальто на голову накрутили и тоже по-тихому убили.

Г о л о с с л е в а. Узнали за что?

Г о л о с с п р а в а. Да, вроде. Она — пенсионерка, бывшая работница райсовета, была инициатором проведения референдума об отделении. Мужик — водитель. Много кого возил, плюс жили они не бедно, две машины в семье. Может, и настучал кто, как жаба придушила. А может, и обидел кого, по жизни.

Г о л о с с л е в а. Ну, не без этого. Знали, поди, за кем шли...

Г о л о с с п р а в а. Ясно дело. Но вот так, походя, как собаку во дворе, отца троих детей, считай, у них на глазах завалить...

Г о л о с с л е в а. А че ты хотел?! Это ж нелюди. У каждого вместо души — батальон бесов. Не убедился еще? Бабке знаешь, за чем пальто на голову навертели?

Г о л о с с п р а в а. Да. Знаю. Свята похоже шлепнули, но не помогло...

Г о л о с с л е в а. Это водила который твой?

Г о л о с с п р а в а. Да не мой, а так получилось, что оба раза с ним в Лесогоровке попали.

Г о л о с с л е в а. Ты говорил, что заехали не туда?

Голос справа. Да... не туда. Заехал он, зато я подгонял...

Голос слева. ?..

Голос справа. Ну, хотел, чтобы побыстрее, сгрузиться и по свету вернуться, вот и пошли напрямки, через лесок, а там или свернули не туда, или ДРГ промышляла — напоролись, короче.

Голос слева. И че?

Голос справа. Хлопок взрыва, «логан» швырнуло, и пока очухались, нас уже под стволы взяли и наружу вытащили. Святу ногу распанახало, он уперся, отвязался на них. Двое подошли, рывком курку, свитер, исподнее задрали за голову, он руки стал опускать, а один сзади в упор из пистолета и выстрели ему в затылок. Только не рассчитал. Свят дернулся и давай назад заливаться, прям на нацика. Руки упали вперед, стянули одежду, и кровь такой тугой, пульсирующей струей прямо тому на разгрузку, на штаны, на руки... Тот замешкался, а он прям на него осел спиной и подмял — завалил в сугроб, перепачкал всего, конечно. Не помог трюк с курточкой...

Голос слева. Да... По-глупому попали...

Голос справа. Веришь, прям перед глазами стоит то побелевшее лицо Свята с серо-зелеными ноздрями и пустыми глазами в прорехе куртки между зависших рук. Его там прям голой спиной в сугробе оставили...

Голос слева. Мне тоже глаза Кизимы снились одно время.

Голос справа. Кизима?

Голос слева. Я ж рассказывал тебе: когда наш БТР спалили, он вместе с Лосярой погиб, а меня тогда ранило.

Голос справа. А... расскажи...

Голос слева. Та, то долгая байка...

Голос справа. Куда-то торопишься?

Голос слева. Та куда уж... Ну за ЦОФ и Горняк ты, наверняка, слыхивал?

Голос справа. Еще бы...

Голос слева. Ну, вот... как отбили, то фронт сдвинулся и стало у нациков грустно, а у нас весело. ЦОФ под нами, Шламовая гора тоже, короч, все опорные высоты наши. Встал там мехбат, артель, ну и печат болезных. Нас и пехоту выдвинули к линии

соприкосновения, и пока там переговоры, замирения, международные наблюдатели и все такое — мы с нациками бодаемся в полный рост... но на уровне разведгрупп и не более. Вот. Что за мужик был наш ротный ты, видать, уже понял?

Голос справа. Лосяра? Из тех, что БТР на скаку остановит?

Голос слева. О! Точно! В общем, решил Лось, что нацики из-под арты силы вывели, держат там посты и удара ротной группы да с броней не выдержат. Плюс место нашел, где стык был у них меж гвардией и армейцами. А там же заруба страшная меж ними. Ненависть такая, что они друг с дружкой сами постоянно рубятся.

Голос справа. Это даже я знаю...

Голос слева. Вот. Собрал, короч, Лось какой разведматериал, что-то там себе насчитал, перетер с кем мог из корпуса и пошел со всем этим делом к Бате. А надо сказать, что там-то все по уму было посчитано. Сбей мы гвардейцев с посадки, то вклинились бы меж Горняком и степью, и кроме как посреди пашни нацикам бы сидеть было негде. Откатились бы они до самой речки, а может, и на тот берег сдрыгнули. И все хорошо, да при атаке правый фланг открывается для армейцев, а там уже не гвардия — сам понимаешь. И удумали тогда отцы ударить вначале отвлекающим, причем под самый вечер, в сумерках, как бы разведку боем начать. А основной удар следом нанести уже батальонной группой, чтобы наверняка. Естественно, шо отвлекающий Лось взял на себя: решил послать туда мой полувзвод и подкрепить это дело собственной командой. Самсонов три раза спросил Лосяру — уверен ли тот, сможет ли вывести людей и броню? Но тот сказал: «Да. Сам поведу!» Заявил, дескать, беру БТР левака, и своих архаровцев — Манжулу, там, Кизиму...

Голос справа. А что за левый БТР?

Голос слева. Не «левый», а мой, «машину Левака» значит.

Голос справа. В смысле, тебя Лев звать?

Голос слева. В смысле — Яков. Яков Левитин.

Голос справа. Это позывной?

Голос слева. Зачем?! С такой-то фамилией...

Голос справа. А этот... Манжула?

Голос слева. Тоже фамилия, а вот Кизима — погремуха.

Голос справа. Та нет, я за Манжулу — это не физкультурник с Ворошиловского?

Голос слева. Не знаю, но здоровый был волкодав, смешливый такой охранник у Лося.

Голос справа. Возможно и он. Помню, работали в поселке на выборах и в школе сабантуй организовали, а после — столы для педколлектива накрывали. Так их учитель физкультуры после трех рюмах конины рассказал, как на поселке мужики соседке кабана валили. Как рассказывал — рыдала вся школа.

Голос слева. Угу. Почти, как здесь, заметь...

Голос справа. Да уж... Извини, перебил... Так, что там с Манжулой?

Голос слева. Да че, взял Лосяра своих волкодавов, залез к нам на БТР, и под сумерки поскакали мы в свою последнюю кавалеристскую атаку под бодро пукающие в голове марши да с шашками набекрень. Так оно все и началось.

Голос справа. Отказаться не мог?

Голос слева. Ты че, чувак?! Это ты себе как представляешь?

Голос справа. Так ведь вас вроде как в жертву принесли?

Голос слева. С чего это?! БТР, семь бойцов, пулемет, два граника. Выскочили, спешились, помолотили армейцев, и откатили за холм под прикрытием брони. Те бы из-за одного БТРа всерьез выкатываться не стали — не вскрыли бы свои позиции. А когда рядом батальон ударил бы, то ни у армейцев, ни у гвардии, тем паче, уже времени не было отдуплаться по-взрослому.

Голос справа. А что пошло не так?

Голос слева. Да я и сам не понял, если честно...

Голос справа. Это как?

Голос слева. Судя по звуку боя, мы свою задачу выполнили. Пока нас утюжили, самсонов таки врезал нацикам и посадку наши отбили. Точно, отбили. А вот нас казачки не вытащили... Сразу не вытащили, а я уполз...

Голос справа. Не томи, что с вами приключилось?

Голос слева. С нами? Нас со старта, как только вылетели ураганить и с курсового огонь открыли, тупо подбили. Лосяра первый заметил старт ПТУРа и заорал. Мы слетели с брони, и ПТУР

пришел в противоположный от нас левый борт. БТР встал, экипаж горел внутри машины. Двоих казачков, не успевших прыгнуть, сразу задвухсотило. И всех оставшихся на той стороне тоже положили. Манжула, по ходу, погиб сразу, а вот Кизиму Лось таки вытащил под огнем из-под БТРа.

Голос справа. Живого?

Голос слева. Ну да... вначале. У того взрывом снесло лобовину лица и нижнюю челюсть. Он стоял раком, болтал головой и мычал. Из провала, разбрызгивая кровь, извивался распотрошенный язык. Я лишь потом понял, что это такое. Не представлял, какой он длинный на самом деле... А потом он вырубился, встряв головой в снег под колесом. Лось что-то орал в рацию, потом попытался достать Манжулу, подпрыгнул вдруг, разложился шпагатом и затих. Нога в берце пяткой заскочила за затылок, а из таза, прорвав штаны, вывернуло бедренный сустав. Как я понял, то его из крупнокалиберной снайперки гахнули в плечо. Пуля прошла сквозь все тело и вышла через левое бедро. Наповал сразу, не мучаясь, отошел наш командир...

Голос справа. Тебя тоже снайпер?

Голос слева. Да откуда ж я знаю?! Минут несколько всего того боя-то было. По нам толком-то и не били, говорю же, весь огонь на Батю сразу сместился. Нас только раз шесть минометом накрыло, ну и со стрелковки чуток, для острастки. Ну, вскорости после Лося меня по пояснице, словно доской плашмя огрели, что задохнулся аж. Бронник на мне был для защиты печени и прочих органов ливера, в него раз несколько тоже прилетело, а здесь вишь как — поясницу не прикрыл. Потом отошел, стал слышать, соображать. Шевелюсь — в спине боль дикая, но ноги слушаются, цела была хребтина, значит. Кизима уже отошел к тому часу. Там, видать, и помимо лица плохо дело было. Я его перевернул когда, то вижу, что на глаза открытые щепы и глина налипла, значит, умер он сразу, еще когда повалился. И под ним словно нассано, только кровью — лужа огромная меж ногами, что твоего кабанчика кололи. Ну, да некроз гангрене не помеха — то, видать, ему еще в бедренную артерию прилетело, вот он и истек, пока мы с Лосярой на челюсть его оторванную смотрели.

Голос справа. Если в бедренную, то не спасли бы никак.

Голос слева. То понятно.

Голос справа. Ну, а сам как выбирался?

Голос слева. Да никак поначалу. Лежал, ждал. Бой то стихал, то разгорался. Уже мехбат подключился, — начал упырков утюжить с гаубиц и САУшек. Темень упала. Я к тому времени отполз метров на двадцать в канаву меж грунтовкой и отвалом. Минут в десять-двадцать нацики с «подноса» по mine ложили в наш сектор, ну а мне и без еще одного осколка в хребте было хоть волком вой... Так лежал, пару раз проваливался. Потом понял, что замерзаю вконец. Мороз не сильный был — градусов пять-семь, не больше, но лежа-то в снегу сколько выдюжишь? До полуночи держался. Переворачивался с боку на бок и качал мышцами пресса, ног, плечами, руками. А оно больно ведь, аж в испарину кидает. Тоньку свою вспомнил... брошенную... не примирённую. Зайку-Зойку малую. В школу уже пошла, а папка, пусть и с обидой на меня, но вот здесь, — вот подохнет он ща, без всякого боя. Не повинится, не обнимет. Вот так, держа баб своих перед глазами, и качал себя до согрева каждый раз. До отруба...

Голос справа. Силен...

Голос слева. Ага, неимоверно. Только потом, как выбился из сил, стал проваливаться все глубже и галюны пошли, или сны — не понял, короч. Вот тут и дошло — если не выползу, замерзну. Наши или завязли, или думают, что здесь всех положили, и нет от них помощи. Так и пополз — по метру, по два. Пистолет — в кубанку, ту за пазуху, и вперед. Прополз метров двадцать, пока не выбился из сил — кубанку на голову. Отдышался, замерз — пистолет в папаху, ее за пазуху и дальше пополз...

Голос справа. Долго?

Голос слева. До рассвета. Я несколько раз выпадал, причем конкретно так, видать, на несколько часов каждый раз. И тут пришла какая-то ясность. Причем невероятная... Со звездами разговаривал...

Голос справа. В смысле, галлюцинировал?

Голос слева. Не знаю... сейчас не знаю. Тогда казалось, что нет.

Голос справа. И что они тебе говорили?

Голос слева. Кто?

Голос справа. Звезды...

Голос слева. Я не помню. Слов не помню никаких. Но хотелось разрыдаться и просить прощения...

Голос справа. А потом?

Голос слева. Потом — стало светать. В морозном яреве, в чистоте пришла такая легкость, что, казалось, вздохни чуть глубже — и улетишь вслед за инеем, словно оторвавшийся тромб. И так страшно, так яростно захотелось жить, что я молил о каждом миге, каждом мгновении, каждом движении... и полз... последний раз получилось не слабо так, на пригорок выгреб у самой посадки, дымок почуял и последним рывком выбрался к крайнему окопу. Там меня и приняли — в звезды...

Действие второе

Там же. Те же.

Голос слева. Крам, ты говоришь, Манжулу по жизни знал?

Голос справа. Если то был ваш Манжула. И то — не «знал», а видел пару раз, когда в Ворошиловском предвыборку отработывали. Я же тебе говорил, он тогда подъел сенца и за кабана байку рассказывал.

Голос слева. Че там вообще было?

Голос справа. На выборах?

Голос слева. Нет, с кабаном...

Голос справа. А... та два придурка свинью резали. Но травил физрук знатно. Вышло у них так. Одна бабка пригласила соседа с приятелем забить хряка. Мужчины солидно приняли по стакану и — поймали свина и без затей дали ему в лоб кувалдометром. Тот закатил глазки, дрыгнул для порядка копытцами, обгадился и затих. Дело сделано — пошли мужики водочки выпить. Только налили, как хряк очнулся и стал звать на помощь, причем громко так звал, до самоизумления. Те, хлопнув по марусин пояс, хряка поймали, подвесили за задние ноги и сунули пяточку ножа под ребро. Свин пораженно затих. Решили, значит, что

всё — состоялась казнь. Послали женщину за водкой. Накатили. Начали щетину палить. Свин ожил — стал материться и снова звать соседей. Изрядно окосевшие забойщики заголили провод переноски и дали в свиней пятак двести двадцать. Кабан, подзарядив батарейки, заверещал сильнее. Когда физкультурник заглянул выяснить, что так долго делают со свиньей два поселковых придурка, то застал двух синяков, пытающихся утопить его голову в ведре с водой. Оба мокрые до нитки, злые, но решительные.

Голос слева. Теперь, наверное, оба здесь себя нашли.

Голос справа. Точно! Старшими, как ты говоришь, дознавателями...

Голос слева. Расскажи еще что-нибудь.

Голос справа. Например?

Голос слева. Ну, про выборы свои — кого-то хоть выбрали? И как ты вообще в это движение попал?

Голос справа. Да как попал... из цирка!

Голос слева. Да ты че?!

Голос справа. Ага. На самом деле совсем ничего там поработал... так, поставили несколько утренников, провели с пяток концертов да сняли пару раз бабла с народа на всяких тупых шоу. Правда, посмотрел изнутри на цирковую жизнь.

Голос слева. И шо — весело живут товарищи артисты?

Голос справа. Та мрак...

Голос слева. Че так?

Голос справа. Бухают по страшному, круче лишь в армии заливаются. Извращенцев много и вообще. Еще ужасный быт народу трэша добавляет — затрапезные гостиницы, жизнь на колесах, вонь эта вечная. Нездоровая тема в целом. Но главное, что циркачи, насколько я понял, в большинстве ущербные, как творческие люди. Это если, конечно, самых известных не считать и владельцев аттракционов — те с советских времен были узаконенными капиталистами и рабовладельцами. А в массе своей актер цирка — это переросший спортсмен, так и не ставший настоящим артистом. Отсюда такие комплексы, что круче только у актрис уездных театров и прочих опер-балетов.

Голос слева. Ну, то такое: внимание там, слава... сама проблема где? Работа, зарплата, путешествия — все есть, ну не всем же с экранов нимбом отсвечивать?!

Голос справа. Вот именно, что «такое»? Был один мастер по ремонту и созданию аксессуаров для иллюзиониста. У него с этим фокусником был невинный «голубой» роман, а иллюзионист меж тем имел кордебалет, где кобыл штук двадцать и все как на подбор — под метр восемьдесят каждая. А мастер его дико ревновал и гонял каждый раз, как нажирался, то есть строго раз в неделю, без прогулов. Тот синяки замажет гримом и на манеж. Так они и жили большим творческим коллективом. Или попроще случай из той же рапсодии. Решил как-то заезжий инспектор манежа после аншлага угостить униформу — богатым опытом поделиться. Пошли квасить к ним в раздевалку. Один мальчик, похожий на волнистого попугайчика, опоздал, и его заставили выпить штрафной стакан мадеры. Пацаны молодые, слабые на крепленое, одни как-то еще по домам разбрелись, а смазливый опоздун, не осилив забега, так и отъехал прям там. И пока проспался, коварный шпрыхсталмейстер успел воспользоваться его беспомощностью. Но главное, что потом, даже не потрудившись натянуть штаны себе и своему сладкожопому баловню, рухнул спать рядом. Скандал вышел гомерического накала. А еще застал совершенно дикий, силы мексиканских страстей, роман между атлетом живой пирамиды и молоденькой клоунессой из шоу лилипутов. Он — запойный алкоголик, она — осатанелая нимфоманка. Как они там это делали, я не хочу даже себе представлять — у него шея была шире, чем у нее плечи. Однако он от нее реально прятался, в том числе зарываясь в сено на конюшне. Первый и единственный человек в моей жизни, кто выпивал флакон «Тройного» из горлышка (оно, если помнишь, узкое). Высасывал, как младенец, бутылочку и расплывался в совершенно невероятной, блаженной улыбке. Таких баночек он мог насосать штук десять за вечер. Как тебе 750 миллилитров неразбавленного одеколона?

Голос слева. Ну, атлет, че там, где уж нам, любителям...

Голос справа. Звери — отдельная тема. Ставили шоу «масок ужасов» на хэллоин, а в цирк как раз на гастроли номер со

слонами привезли. Днем они деток развлекают, вечером мы взрослых пугаем. В это время я с Аленой сошелся. Распорядок у нас был такой: приезжаю вечером — звоню в квартиру. Она вначале открывает лоджию, потом мне. Я бегу на балкон, Алена за мной все двери закрывает. Я раздеваюсь там догола с трусами-носками и стучусь. Она открывает, и я лечу в ванную. Утром все в обратном порядке.

Голос слева. Пряма так?

Голос справа. Да. Все служебная часть цирка, от гримерных до форганга, насквозь прованивается аммиаком даже без заходов в слонятник. Одежда там за два-три часа наберет запах до такой степени, что в автобусе люди шарахаются, а у самого от наштаыря глаза слезятся.

Голос слева. Зато слоники красивые...

Голос справа. Очень. Знаешь, почему кошки — ну, там, львы, тигры — на манеже никогда не гадят?

Голос слева. Ну, кто ж хлыстом по роже хочет!

Голос справа. Там их еще до шамберьера в чувство приводят. Кошки работают, как правило, во втором акте — после антракта. Вот когда их привозят в передвижных клетках и выстраивают перед форгангом в туннель, то просовывают каждой под лапы стальные листы и колотят по железу молотками. Кошки в истерике делают все дела сразу, плюс выходят работать потом в центральную сетку манежа подавленные. Все! Простая физиология и никакой магии.

Голос слева. Ничё. Здесь бы их еще и гимн петь научили, стоя на задних лапах. Короч, ты познал в цирке, как с контингентом общаться — на людях это все испробовал?

Голос справа. Не все, но, кстати, посыл верный. Ты там кто, говорил, по образованию: инженер-технолог. Кузня, прессы, все такое, правильно?

Голос слева. Ага...

Голос справа. Вот тебе надо новую деталь, к примеру, отштамповать — какие вопросы ты будешь задавать заказчику?

Голос слева. Ну, это целый процесс запуска производства. Что делаем, кому, зачем, какими силами и на каких мощностях. Но главный вопрос, разумеется: «где здесь деньги, чуваки»?!

Голос справа. На самом деле вопросы «что?», «где?», «когда?» никакой глубины не несут. Для технолога по-настоящему важны лишь вопросы действия: «почему?» и «как это работает?» — а все остальное — зона ответственности менеджеров и финансиста. Поэтому как технолога меня интересуют только «как?»

Голос слева. Ну и как? Объясни?

Голос справа. Приходит как-то лет сто назад клиент — большое полукустарное производство: переработка собираемой макулатуры в туалетную бумагу. Бумага, кстати, конкретное говно. У клиента проблема масштабов потери бизнеса — пара рыночных оптовиков заключила прямые договоры на поставки вагонных партий туалетки от некогда всесоюзного производителя. То есть ты понял: мелкие сыграли в крупный опт. Если клиент раньше как-то мог лавировать демпингом и оперативностью, то теперь он стал стремительно терять свой рынок. Заводик на грани закрытия, склад забит, а остановить закупку равно отдать поставщиков конкурентам.

Голос слева. Наши натравили бы прокурорских, делов.

Голос справа. Это не работает. Дорога проторенная — другие операторы начнут работать вагонными партиями, а прокуратура стоит дорого, да и ну их нафиг, вообще, тех прокурорских.

Голос слева. Эт точно...

Голос справа. Мы сделали проще. Генерировали слух, и следом дали несколько публикаций, плюс один телевизионный ролик, где, не называя цель атаки и без малейшего повода для исков, этот самый слух жестко и в лоб подтвердили.

Голос слева. И что ты за молву подпустил?

Голос справа. Утечку информации о нарушениях санитарных норм столичным производителем и десятках зафиксированных случаев заболевания резистентной формой псориаза ануса и генитальной зоны после использования туалетной бумаги оппонента.

Голос слева. Млять... Как вас не отстрелили после этого?

Голос справа. За что? За слух?!

Голос слева. Не, ну, это конкретно гнусно — не находишь?

Голос справа. Кто-то пострадал? У чьих-то деток кусок хлеба отняли? Не?! Завод выжил, люди остались с работой — там, кстати, человек десять простых тружеников, помимо заказчика.

Налоги опять же, в местный, ха-ха два раза, бюджет. Монополисту вагон туда, вагон сюда — конкретно пофигу. И кому «гнусно»?

Голос слева. Да я за сам подход...

Голос справа. Мне за мораль в продажах интеллектуальной собственности втирать, что проститутке про гигиену ротовой полости. На самом деле ничего не подло — это действительно и мало-затратно. Заводику, кстати, потом еще помогли: подсказка про две банки хлора и флакон синьки в пульпу дали ослепительно белый цвет бумаги, а увеличение высоты рулона на полтора сантиметра — прекрасную отстройку от аналогов на витрине.

Голос слева. Вот честно скажи: ты сам-то ей пользовался?

Голос справа. Прикалываешься?! Нет, конечно. Ты бы видел из чего и как они ту бумагу делают...

Голос слева. Ну, я ж и говорю, что гнусненько.

Голос справа. А сама жизнь здесь? Да все эти годы, четверть века, я отсидел в этой стране, а не жил! Откусил, украл, вырвал из глотки — вот и добыл. Нет — перекусят тебя, переступят и поглумятся еще. И чем все это закончилось, посмотри?! А ты завелся за слушок — железа совести воспалилась?! Подумаешь, дали монополисту чуток ниже пояса — и что?! У тебя на заводе, к примеру, все в белом ходили, не иначе, да?

Голос слева. Да, чё там, того «Проммаша» — сколько я там проработал?! У меня на металлоломе сама жизнь началась. Вот где кузница кадров была и прикладные институты...

Голос справа. Та я слышал! За «металлистов» еще с девяностых молва ходила.

Голос слева. Ну, врать не буду, прозрачностью бизнес не грешит. Прямо скажем, достаточно криминализованная сфера деятельности. Однако, как говорится, безвинно ни одно животное не пострадало.

Голос справа. Что вообще за бизнес и где там бабки?

Голос слева. Там зарабатывают все от закупки до переработки и от перевалки до сбыта. Оптовик гонит готовый лом в порт или на завод. Там свои схемы. Вокруг тоже народ кормится. Ну и дольщики, понятно дело, — менты с прокурорскими, котлонадзоры и всякие проверяющие.

Голос справа. Чем занимался?

Голос слева. Дорос до начальника перерабатывающего участка.

Голос справа. Это как?

Голос слева. Ну, закупщик везет нам все подряд. Мы это дело сортируем, пилим в размер по госту, грузим в полувагоны и по контрактам хозяина отгружаем получателю.

Голос справа. Куда грузили?

Голос слева. Много куда. В основном в Турцию, на Измир демир гнали, из него строительную арматуру изготавливали.

Голос справа. Полноценное производство, выходит, было?

Голос слева. Конечно! У меня была автомобильная и железнодорожная весовые, два крана — РДК на площадке и мостовой в цеху, плазменная установка и шесть постов газорезки со всеми коммуникациями. Плюс одиннадцать километров подъездных путей. Одних работяг — с дюжину. Считаю, мини-заводик.

Голос справа. И долго так работал?

Голос слева. Да лет десять, считай.

Голос справа. Так ты миллионером должен быть?!

Голос слева. Ага... ща! Миллионером был хозяин. И главный принцип у него — чтоб никто под ним не забогател. Ну, и крутил-вертел всякого, пока люди окончательно не разбежались. Жаль, поздно поняли. Все надеялись, что мы в армии Чингисхана, а оказалось, что это мелкий барыга разлива «дом, машина, любовница в шубе, плюс три раза в год оттянуться в Эмиратах, в Европе и в Таиланде». На этом, как выяснилось, все амбиции его закончились. Зачем мелкому лавочнику в армии генералы? Ему и приказчик не нужен, сам со всем управится. Кстати, так и вышло — опустил потоп. Сейчас живут не бедно, но он уже не глава корпорации, а тряпочка на подхвате у жены, — та маленькое ателье держит. Водила, грузчик, розетку там починить, или кран на бачке, ну и сторож временами... А когда-то три корабля в месяц грузили всеми цехами с двух областей.

Голос справа. Яков, прости, но у нас тут в провинции девять с половиной из десяти — мандавошки, если каждого вот так, как ты — аршином судьбы мерить. В столице большинство олигархов

такие же гондоны, раздутые до размеров дирижабля. Просто сели вовремя на капитальную тему, где и насосались до неподъемных размеров. Посмотри, кто страну обрушил — они самые — точно такие же, как твой металлист. Тот хоть окружение высасывал, а эти само государство обескровили...

Голос слева. Работал с ними?

Голос справа. Со столичными олигархами практически нет, а с местными бонзами — в полный рост и на всех уровнях.

Голос слева. Ну, вот и заработал, считай. Миллионы, как я понимаю, тоже не прилипали, как собачье говно к штиблетам?

Голос справа. Там жлобы знатные, твоего железного дровосека в разы круче, не бойсь.

Голос слева. Не сомневаюсь. Но рассказывают за бешеные подьемы на выборах?

Голос справа. Деньги лежат буквально под ногами, но тут же надо воображение иметь и желание, что-то созидать, чего-то добиваться. А дровосеки хотят лишь рубить короткие, простые схемы. Давай расскажу тему. Ты знаешь, что в городе есть несколько подземных улиц?

Голос слева. В смысле «улиц»?

Голос справа. В прямом. Прямо под проезжей частью Октябрьской тянется подземная галерея метров в триста. Поперек еще несколько тоннелей. Меж ними серьезные такие бомбоубежища со всеми делами. У ряда некогда государственных зданий и всех четырех музеев есть огромные подвалы. Подземные галереи бывшего Свято-Никольского храма, о которых ректорат нынешней академии культуры похоже, не подозревает, раскинулись на три близлежащие улочки. Из ДК Железнодорожников до самой реки ведет эвакуационный подземный ход, а в бывшие следственные подвалы теперешней седьмой больницы даже днем персонал не спускается. Знаешь что-нибудь об этом?

Голос слева. Ну, какие-то слухи слышал, но так, краем уха.

Голос справа. А я занимался этим профессионально несколько лет. Под центром города есть разветвленная сеть коммуникаций, большинство из которых законсервировано или наглухо заброшено. Однако часть в нормальном рабочем состоянии, так

как это все — старый центр города, как ты мог заметить. Там только банков с пяток, и все они под вневедомственной охраной МВД. Менты и контролирует допуск на эти горизонты. Это предыстория. Теперь сама тема: во всем мире, особенно в Европе, такие коммуникации давно стали объектом системной коммерциализации. Несколько подземных объектов соединяют проходами, приводят все это в Божеский вид, электрифицируют, делают вентиляцию и так далее. Следом краеведы рисуют городские легенды, историки создают мини-музеи, мастера лепят артефакты, бизнесмены строят рестораны и кофейни, а частные предприниматели — бутики и сувенирные лавки. Туристические агентства создают маршруты, а мы ставим рекламные носители и лепим из скучных чинуш мудрых пионеров нового фронта. За год интенсивной коллективной работы город вдруг обзаводится интересным туристическим центром, а власть получает в старом центре несколько новых улиц для системного кормления. Вопрос! Сколько народных депутатов, мэров и губернаторов заинтересовалось этим проектом, когда все это не слова, а тупо видно со спутника, или проще дать команду ментам принести в кабинет карты подземных коммуникаций?

Г о л о с с л е в а. Ну, если все на самом деле так, то такой проект, конечно же, лучше не трогать...

Г о л о с с п р а в а. Чего?!

Г о л о с с л е в а. Да того! Региональные власти находятся в чутком равновесии. Такой серьезный проект в наших местечковых масштабах просто глобален, и нарушает этот паритет. Бабки ведь со старта видны сумасшедшие. И первые же реальные подвижки, ну или там аукцион, просто сорвет всех с катушек. Центры сил перекосятся, и все пойдет вразнобой. Одной новой недвижимости сколько появится?! И никто не станет считать, какое количество тонн зелени надо еще туда инвестировать. И где гарантия, что ты случайно не вложишься в чужой карман, когда все контровесы посыпались? Не, чувак, тот, кто начнет у нас строить такой Лас-Вегас, неминуемо огребет полобоймы своих честно заработанных девятимиллиметровых маслин.

Г о л о с с п р а в а. Вот об этом я и говорю: мандавошки...

Голос слева. Ты за «космические технологии» говорил — об этом речь?

Голос справа. Нет, то другое... Ты «Тёплый Тёма» знаешь?

Голос слева. Ну, конечно...

Голос справа. Приходит раз их региональный директор и заявляет нам, мол, дайте нам креативный нестандарт, чтоб всех порвать — да на весь Союз, да на всю Европу, чтобы круче всех «вааще-в-натуре!» Причем не на пальцах пришел загибать: все официально — бриф, мокрая печать, как положено. Заявляет, мол, цена — не вопрос, понравится — купим любой проект. Как скажете... подготовили предложение, расчетную смету. Предложили следующий порядок шагов. Первое. Оплачиваем в частном порядке у спецов Роскосмоса разработку искусственного спутника Земли, представляющего собой круглый пневматический каркас, и парус из полимерной пленки со светоотражающим покрытием радиусом в несколько сот метров. Посреди, на весь диаметр диска, светопоглощающая буква «Т» с точечками на ней — логотип «Тёмы». Вторым шагом заключаем договор на регистрацию и создание объекта, его упаковки, системы раскрытия и координации спутника, чтобы он висел в одном месте и, как положено, отсвечивал — виден был, откуда надо. Третьим шагом — оплата вывода спутника на геосинхронную орбиту. Даже посчитали во что конфетка обходится: десятка зелени за разработку, чуть больше за создание. Вывод на орбиту самый дорогой — три-четыре тысячи за килограмм, то есть весь проект укладывается в пределы нескольких миллионов за искусственную Луну с твоим логотипом над европейским куском северного полушария.

Голос слева. Насколько это дорого в порядковом исчислении для их обычной рекламной кампании?

Голос справа. Понты. Один борд стоит от пятисот до штуки баксов в месяц. Плюс сотка на печать постера. Чтобы накрыть город, нужно минимум тридцать, а лучше пятьдесят плоскостей. Вот перемножь все это на количество городов и число областей. Посчитал? Теперь умножь на три — получишь еще и телевизионный медиабанг. Остальные позиции бюджета просто не бери в голову — ты же на порядок цен хотел посмотреть.

Голос слева. И сколько им понадобилось времени, чтобы сказать вам «нет»?

Голос справа. Смеешься? Да они тупо отморозились...

Голос слева. Чувак, ты вообще понимаешь, что таких как ты реально надо отстреливать?

Голос справа. Жажущим придется очередь занимать.

Голос слева. Не, ну серьезно. Дай вам волю, вы все небо загадите рекламой, как эфир или улицы. Я представляю, что вы на выборах творили. Небось, покруче наведенного псориаза будет?

Голос справа. Тебе правда это интересно?

Голос слева. А че, давай, колись: где удача мимо прошмыгнула?

Голос справа. Впервые мы грянули в литавры еще на позапрошлых. Наш мальчик пошел в мэры и предсказуемо продул Андреичу, который тогда впервые впрягся в хомут презика и его камарильи.

Голос слева. Андреичу тогда продул бы любой.

Голос справа. Да. Задачи побеждать не стояло — следовало отстирать репутацию нашего мальчика, зашедшего вдруг в песочницу взрослых дядей. За ним ведь шлейф веселых приключений тянулся — мать честная. Вот и вышла у него такая себе политическая инициация. Все забыли про легендарные погромы, стрельбу в кабаках и разбитые тачки, а увидели молодого перспективного политика.

Голос слева. Стоять! Ты не за Венечку Зализняка случаем речь ведешь?

Голос справа. Ага...

Голос слева. Млять... лучше б псориаз... Ну, лады, давай — не перебиваю...

Голос справа. К следующим мэским мы пришли всерьез подготовившись. Убедили мальчика ангажировать лидера местных социалистов Серафима Епифанова — оппозиция, но не националист и, опять же, социально близок пенсионерам — нашей отборной пехоте. Следом на корню купили всех мало-мальски заметных ажурно-лиздов даже из числа партийных и коммунальных СМИ. Наши не избалованные провинциальные телевизионщики,

газетчики и интернетчики с приходом кофлы презика вообще от безнадеги желчью икали. Принципиально важно, что мы договорились с вусмерть разосравшимся с областными элитами хозяином телерадиокомпании «Итэра-ТВ», и даже с ее капризным исполнительными директоратом. Даже нациков, кстати, до кучи прикупили в пул. Ту же Яну тупо посадили на зарплату, а как она редакцию ломала, уже не наш головняк.

Голос слева. Яна?

Голос справа. Редактор «Красного поля». Прикинь — даже они работали на Серафима.

Голос слева. Боже...

Голос справа. Та ладно! Нормальная, почти не сумасшедшая баба, такой себе гибрид Красной Шапочки и Трезора. Нам важно было не столько какашками в Андреича кидаться, а чтобы против Серафима, отныне нашего с потрохами, нацики свои грандоедские говнометы не расчехлили. Ведь главная фишка была во все не в управляемом медийном поле, а в запуске впервые апробированной в городе технологии праймериз.

Голос слева. Слышь, а это слово можно произносить при милиционерах?

Голос справа. ?..

Голос слева. Ты не выпендривайся — по-русски говори.

Голос справа. Предварительные выборы. Мы создали симулятор отбора кандидатов горожанами. Как бы не партии и самовыдвиженцы идут в мэры, а город делегирует своего кандидата. Потом нашего Франкенштейна, как победителя общественного волеизъявления, выставили против Андреича, успешного за первую каденцию утомить и город, и элиты.

Голос слева. Ты хочешь сказать, что это ты придумал кампанию «Народный мэр»?

Голос справа. Да. Мы — придумали. Наш штаб. И придумали, и реализовали.

Голос слева. А палатки, урны, волонтеры — тоже ваши, выходит?

Голос справа. И разводняк в телевизоре, когда Зализняк добровольно уступил лидерство Серафиму и вошел в его

команду — тоже мы. И все газеты-интернет, и учителя-врачи, и заводчане твои любимые с «Проммаша», и даже митингующие на рынках тетки — тоже мы. За какие-то несчастные четыре месяца мы полностью переформатировали город — от медиа и лидеров мнений, до пенсионеров и мамашек на детских площадках...

Голос слева. И «Ледокол Епифанов»...

Голос справа. Да. Второй этап, перед заключительным, третьим выстрелом: «Команда Епифанова»...

Голос слева. Но вы же все равно проиграли?!

Голос справа. Кто тебе сказал?

Голос слева. Ну, как?! Епифанов проиграл, Андреич — мэр?!

Голос справа. А на каких условиях — знаешь?

Голос слева. Ну, так рассказывай — чего резину тянешь...

Голос справа. Рассказываю. Наверху расклад был такой. В партии за выборы отвечал Колунов, контролировал выборы глава президентской администрации, а сам ездил по стране: днем размахивал руками и улыбался на митингах, а по вечерам откусывал головы напортачившим донам. Мы, тем временем, выходим на финишную прямую. Все соцопросы показывают, что Андреич с партией власти в глубоком пике. Значит, скоро в город приедет сам и вырвет губеру чего не то лишнего в организме. Наступает момент истины. Зализняк идет к элитам и предлагает им сделку. Губерния посылает заигравшегося мальчика прямо по коридору и налево. Веня ночью вызывает меня к себе и говорит: «Марк, делай, что хочешь. Бюджет любой. Весь этот гадюшник взорвать в клочья! Мне пофиг, что будет. Что хочешь и как хочешь. Срок исполнения — вчера». Одним словом, команда «фас!»

Голос слева. Я весь в предвкушении запредельно радиоактивного псориаза...

Голос справа. Зря смеешься. Там реально могли приехать ребята, вывезти всем штабом в посадку и выдать на самообслуживание каждому по штыковой лопате.

Голос слева. Не перебиваю!

Голос справа. Зашли мы с двух сторон. Справа выпустили на арену местную богемку: контркультурщики, блогеры, гомосеки.

Голос слева. Даже так?!

Голос справа. Да. Написали им сценарий в формате классического акционизма, по которому они провели костюмированное действо под девизом «Геи за Андрея».

Голос слева. Я помню.

Голос справа. Провели, надо сказать, бездарно, испортили сценарий и украли часть денег. Но то не важно. Пока наши элитки тупили на голубой карнавал и пытались отдулиться, что происходит — настал день «Ч». К концу голосования они поняли, что проиграли вчистую, и подсчет голосов по беспределу был остановлен на трое суток. И вот тут в двух центральных СМИ вышла небольшая заметка о том, как губер и его команда подставили презика, забив на его процедурный указ. О нашем кризисе трубили все, однако, вовремя подоспевшая интерпретация с жирными точками над «i» вызвала настоящий взрыв — дело вышло как умышленный саботаж и шкурное самоуправство элиток к приезду Самого. Но и это — не главное. Вся фишка концентрировалась в использовании технологий мониторинга, которыми пользуется администрация президента. Им ведь надо как-то тотально отслеживать все интернет-пространство государства и сопредельных стран? Вот для этого существует определенный алгоритм мониторинга и отбора — какие из публикаций в какую очередь выдергиваются из медийного потока, с каким грифом и в каком порядке подаются на стол главы администрации. Я этот алгоритм узнал, наштапковал текст маяками и врезал со всего размаха — ломом да промеж ушей.

Голос слева. Выходит, губернатора тогда снял ты...

Голос справа. Да. Лично. Почти в одиночку. Никто этого не понял, даже наш мальчик.

Голос слева. Или сделал вид...

Голос справа. Это — возможно...

Голос слева. И дальше?

Голос справа. Когда сам уехал и местные смыли кровь с вазелином, временно исполняющему позвонил Колун, мол: «Что у вас там за шапито?» Ему доложили как есть. Он, дословно, велел: «Задрали, жлобы! Дайте пацанам, что они просят, но мэр — наш. За сутки вопрос закрыть». Господина Зализняка и господина Епифанова вежливо пригласили в «Белый дом» и к полуночи

компромисс был достигнут. Наш мальчик получил весь рынок наружной рекламы города и ключевые места для своих людей в исполкоме горсовета — реклама, транспорт, бюджет. В качестве суперприза — письменно заверенную договоренность, что через два года он идет в парламент от партии власти. Епифанов получил для городских социалистов должность секретаря городского совета, а также заверения в крепкой нерушимой дружбе со стороны нового губернатора и нашего мальчика.

Голос слева. Серафима кинули?!

Голос справа. Да.

Голос слева. Что получил ты?

Голос справа. После трехмесячных мытарств мне пообещали поднять зарплату и вручили золотой «паркер» за штуку баксов. Чувств унижения — не передать: ощущение безнадежной обиды, как вкус во рту от поцелуя пожилой шлюхи.

Голос слева. И?!

Голос справа. Ушел... Я ж ведь злопамятный, как хорек. Подумал, да ладно, сука, — оставь себе на похороны!

Голос слева. Тебя тоже кинули...

Голос справа. Да.

Голос слева. Чувак, я ждал этого с самого начала рассказа. Видишь? Достаточно одной оплеухи, чтобы всякий кураж сдуло, как нежнейшую пыльцу с крылышек бабочки. С мизантропией такой трюк не прокатит. Да... Ты спасибо мальчику-то хоть сказал?

Голос справа. За что?

Голос слева. Ну, как... Спасибо, что деньгами! Ведь тебя на самом деле не кинули, а пощадили — шанс дали. Ты вообще представляешь, в какое чудовище ты бы вырос там, в том гадюшнике?! С твоим-то стартовым капиталом и послужным списком — псоризы, «Геи за Андрея», старики небось и бабушки в расход пошли?

Голос справа. Пошли, конечно — через два года...

Голос слева. Да... Кидалово — наше все.

Голос справа. Тоже вкусил?

Голос слева. Ну, спрашиваешь?! Святое дело.

Голос справа. Знаешь, долго думал потом, мучился — где я лоханулся?

Г о л о с с л е в а. Придумал?

Г о л о с с п р а в а. Не-а... Пришел к мирному соглашению с самим собой, на тему: «С мразями работать нельзя». Самое страшно здесь в том, что я убил годы, сражаясь за будущее тех, кому, как мне кажется, лучше было засохнуть на трусах своих отцов.

Г о л о с с л е в а. Считаешь, что Зализняк — мразь?

Г о л о с с п р а в а. Как минимум, козлина неблагодарная и ничтожество.

Г о л о с с л е в а. Человек, которому удалось в провинции построить бизнес-империю в таком окружении, как наш бывший губернатор? Стать впоследствии народным депутатом и еще неизвестно, до каких высот дорости уже на государственном уровне, кабы не война — ничтожество?! Ты себя слышишь, чувак, или все еще расцарапываешь ранку былой обиды?

Г о л о с с п р а в а. Хорошо. Веня — икона стиля и праведник.

Г о л о с с л е в а. Ты не злись, слышишь. Он не праведник и не мразь, и даже не мандавошка в твоем понимании. Он человек на своем месте, в своих обстоятельствах, и в своем праве. Ты работал? Да. Мог украсть? Мог. Украл? Нет. Почему?

Г о л о с с п р а в а. Что значит «украсть»?!

Г о л о с с л е в а. Вот! Для тебя это вопрос. Не важно, почему ты не украл, хотя он же тебе прямо сказал: «Фас, чувак! Бюджет любой! Делай дело и заработай, сколько сможешь. Мне плевать на затраты — дай мне мое! Дай мне результат!» Так было?!

Г о л о с с п р а в а. Не так...

Г о л о с с л е в а. Ты сам себе не веришь. Так было, Крам, именно так. Совсем не важно, почему ты не крал: честный, брезгливый, трусливый или нерасторопный. Не суть важно. Золотая ложка с медом проплыла мимо рта и виноват в этом не какая-то запредельная козлина по имени Веня, а ты сам. Выдохни, сделай выводы, и расслабься до следующего раза, которого у тебя уже не будет.

Г о л о с с п р а в а. Спасибо...

Г о л о с с л е в а. Не за что. Я, кстати, не про нашу с тобой камеру, а про сам принцип.

Г о л о с с п р а в а. На металлоломе познал истину?

Г о л о с с л е в а. Да, представь себе.

Г о л о с с п р а в а . А как же твой дровосек?

Г о л о с с л е в а . Дровосек кинул меня один раз. Пообещал любому, кто найдет канал сбыта с приемлемой ценой, платить полтора доллара с тонны. На тех наших объемах — пять штук зелени в месяц.

Г о л о с с п р а в а . Это зарплата миллионера...

Г о л о с с л е в а . Конечно. Поэтому я убил три месяца, нашел поставщика и привез контракт на три с половиной доллара за тонну выше, чем искомая точка отсчета.

Г о л о с с п р а в а . Что тебе дали?

Г о л о с с л е в а . Ничего. Это ведь исторический круговорот ценностей в нашей природе: снизу наверх идут деньги, а сверху вниз — говно. Хозяин сказал своим ртом: «Ну, ты же на зарплате, чувак, а не на сдельщине...» — а в качестве утешительного приза выделил тяжелый фронт работ, поставили начальником производства на базовую площадку.

Г о л о с с п р а в а . И дальше?

Г о л о с с л е в а . За полгода я нашел, где лежит бабло. При переработке металлолома остается много мусора — шлам, лед, мусор, ржавчина, некондиция всякая — типа тросов и жести. В полувагон в среднем входит шестьдесят пять тонн. Я стал грузить, грубо, шестьдесят тонн переработанного лома и пять тонн мусора. Пока доедет, вся мацмала осыпается на дно. Дюжину за месяц отправил — лично тебе зашла закупочная стоимость одного вагона.

Г о л о с с п р а в а . Дровосек знал?

Г о л о с с л е в а . Конечно. И даже ругал, и даже громко. Но на словах. Ведь это и он на один вагон становился каждый месяц богаче.

Г о л о с с п р а в а . А как это все принимали?

Г о л о с с л е в а . В порту или на заводе каждый поставщик держит своего экспедитора. Ты даешь ему стоимость двух тонн с вагона. Экспедитор сдает вагоны фирмы приемщику и в случае проблем дает тому стоимость тонны. Грубо, как иллюстрация.

Г о л о с с п р а в а . Понятно. И что потом?

Г о л о с с л е в а . Как что?! Очевидно же... стал грузить десять тонн мусора на вагон...

Г о л о с с п р а в а . Силен. А лавочка чего прикрылась?

Г о л о с с л е в а. Я ж тебе рассказывал: хозяину было не в состоянии, что люди под ним вырастают. А у него жена, любовница, племянники, друзья детства, сын подрастает. Семейное предприятие по умолчанию не может быть корпорацией, там изначально демонтированы карьерные лифты. Работай хоть двадцать часов в сутки, но племянника тебе не перерасти. Но вот его при первой же возможности поставят на самое хлебное место. Разумеется, на место самого успешного, например, на твое. Они убивали предприятие всей семьей, и у них это получилось, как бы мы ни сопротивлялись. Однако, это их фирма, их выбор, и их право, согласись...

Г о л о с с п р а в а. То есть ты утер губы и ушел, даже не отомстив?

Г о л о с с л е в а. Зачем? Пусть он живет со своей гарпией до ста лет! Страшнее мести не придумать...

Г о л о с с п р а в а. Но ты не стал драться за свою песочницу...

Г о л о с с л е в а. Десять лет борьбы. Иногда устаешь, особенно когда пациент изо дня в день настойчиво желает самоубиться. А вот ты, как я понял, таки отомстил?

Г о л о с с п р а в а. Не до конца — война всерьез помешала. Однако крови попил знатно.

Г о л о с с л е в а. Это на парламентских, когда бабку инсульт хватил?

Г о л о с с п р а в а. Ага... пиарщики всего союза до сих пор мроточат от того инсульта. Вышло так. К началу выборов, где у него была заготовлена оговоренная контрактом победа, наш мальчик подошел на пике формы и даже чуток расслабил булки — на его округ из своих никто не претендовал, а чужих партия власти тогда уже не боялась, как ты понимаешь, от слова «совсем». Однако вылез джокер в лице зонтичного бренда «Лига Справедливости».

Г о л о с с л е в а. О, да помню! Невероятную пургу несли, безлезные...

Г о л о с с п р а в а. Да прям! Нормально такое предвыборное красноречие. Что они несли, неважно, обычная популистика, может, чуть более наглая и циничная, чем у оппонентов. По Вениной песочнице пошел никому не известный отставной козы полковник: на лбу броня — две пачки маргарина, но это тоже без

разницы. Важны были следующие моменты. Во-первых, «справедливцы» на каждом из своих избирательных округов задействовали оригинальную систему подкупа избирателей. Они применили стратегию сетевых структур и, стилизованные под советский военный билет, именные книжки с отрывными талонами. Спустился в собственный двор на митинг, прослушал речуган — получи 10 баксов и жди следующего раза. Каждый подъезд окучивал «десятник», дом — «сотник», потом «квартальные» и так далее. В чем фишка: они на каждом из своих избирательных округах формировали лояльное электоральное ядро размером в гарантированную победу — тридцать-тридцать пять тысяч человек. Люди от сорока пяти и старше — только активная голосующая часть населения. У каждого в кармане книжка с двадцатью талонами, а человек уже по два-три раза деньги получил и свыкся, что в кармане лежит двести баксов — две его пенсии. Второй фишкой было то, что это ядро оказалось неуязвимо для обычной контрпропаганды. Телевизор, газеты, раздатка и агитация на сетевую структуру не действуют — своего рода секта. Пойди баптистов поагитируй! И в-третьих, с командой «справедливцев» поработали профессионалы. На митингах они гнали, как ты говоришь, редкую пургу, в лоб паразитируя на советском прошлом и несправедливости нынешней жизни. Но как они это делали?! Просто заглядение. Открытые позы, жестикуляция, самонакачка харизмой — спектакль! Они каждый раз со сцены душу себе и старикам в клочья рвали.

Голос слева. И ты пошел к ним работать?

Голос справа. Нет, конечно! За кого ты меня держишь?!

Голос слева. Прости! Молчу...

Голос справа. У нас к тому времени был уже неплохой инструментарий: креативное агентство «Перо летучей мыши», неформальная «Лига черных журналистов». Но это параллельно. В основном я писал колонки в «Колонтисоол» и кормился от аналитической группы одного столичного олигарха с обширными региональными интересами. Грубо, команда фрилансеров широкого спектра со связями и возможностью быстро и качественно отстреливать вполне серьезные проекты. Про нашего мальчика, как ты понимаешь, я тоже не забывал ни на секунду.

Г о л о с с л е в а. Это понятно... Как он смотрел на «Лигу»?

Г о л о с с п р а в а. Знаешь, надо отдать должное, реакция оказалась на удивление бодрой, не дрогнул, что называется, ни одним мускулом сфинктера. Выписал толкового политтехнолога, до слез мобилизовал менеджеров своей корпорации — собрал нормальную такую рабочую группу, одним словом. Линейно они использовали админку — все достижения и работа властей в округе подавались как личные достижения Зализняка. На него работали коммунальщики и госсектор, депутаты района и города, мэрия и местные администрации. Плюс, Веня параллельно организовал подкуп пенсионеров через собственную сеть магазинов, заблаговременно переименованную в «Гастроном Советский». Раз в месяц-полтора его ядро в те же тридцать тысяч адресов стали получать весьма неплохие проднаборы.

Г о л о с с л е в а. Гречка-масло-колбаса...

Г о л о с с п р а в а. И водочка, сахар, консервы, чай, вода... нормальный был ответ у нашего мальчика. И все бы хорошо, да за должкой пришли.

Г о л о с с л е в а. Ты?

Г о л о с с п р а в а. Ага. Деталей не знаю, но через аналитическую группу нашего олигарха наконец-то пришел заказ качественно остудить Веню, но не до смерти. А у меня, как назло, заготовочка в кармане. Верить в такое совпадение?

Г о л о с с л е в а. В смысле, готовая самоубиться бабушка?

Г о л о с с п р а в а. Представь себе. Бабушку привезли из соседней области. Просто мы поставили задачу, и через пару дней она приехала. Семьдесят два года, но бодренькая и вся в образе. Театральный стаж около сорока лет, вторые-третьи роли, но школа ведь какая?!

Г о л о с с л е в а. Стоять! Бабушка была актрисой?

Г о л о с с п р а в а. Да.

Г о л о с с л е в а. А «скорая», морг, ролик этот долбаный по всем каналам?

Г о л о с с п р а в а. «Скорая» настоящая, из Дивнозерска. Номера, правда, левые, но их все равно на видео замазали. Сцена с родней у морга настоящая, но орала она не за нашу бабушку,

а за своего мужичка, машиной сбитого, и было это за неделю до нас. Проклинали Веню заходящими голосами за кадром уже потом — на переозвучке в студии. Парень, оказавшийся случайным свидетелем с любительской камерой, — профессиональный оператор, да и камера у него далеко не любительская. Истерящая деваха с айфоном — тоже не просто мимо проходила. Ролик монтировали не мы, а настоящие телевизионщики на студийном оборудовании. От меня был сценарий, режиссура и значимые детали. Помнишь тапочек бабушки с дырочкой на подошве, что возле магазина, в «скорой» и у морга так вовремя в кадр попадал? Собственноручно протер на асфальте, ага... А ладонь?! Ладонь с полузажатой пластиковой карточкой, где Венина фотка четко меж скрюченными пальцами подрагивала?! Драматургия античного размаха, а ты говоришь «бабушка»...

Голос слева. Пригодился тебе цирк, короч. Млять... Я за чистую монету принял...

Голос справа. Тю... Ты принял... Веня — поверил! Я его видел на прессухе у губернатора на следующий день: лицо отлитое из надгробного мрамора, от него в коридорах даже бюсты героев шархались. Наш мальчик первые дня два все пытался семью найти и озолотить. Представляю, каких люлей выписали гастрономовцам... Сколько сразу уличных зонтов и скамеек там появилось, а то ведь в очередях до этого по два-три часа люди стояли на солнцепеке. Охрана минералку раздавала, выдачу до девяти вечера продлили, логистику выстроили. А вежливость как зашкаливала?! На пользу урок пошел.

Голос слева. За деталями я не следил. Однако удивил, признаю. Жестоко... Но таки удержался Зализняк, с таким-то залетом. Выиграл.

Голос справа. Наши, кстати, помогли. Первый же сказал «полечить», а не «грохнуть». Там, как вышло потом: Венин политехнолог, не моргнув сопливым глазом, начал грамотно бить не столько в «справедливцев», сколько в самое лояльное ядро — по старикам. Пошли сплошным потоком черные газеты, где подставные менты и левые прокурорские доходчиво рассказывали, что на пенсионеров заведут дела за неуплату налогов и участие

в преступном сговоре. Про полковника все говно раскопали, про «Лигу». Да понятненько так разложили, доходчиво, с инфографиками для читать не умеющих. Пошли байки, что на адреса пенсионеров берут адские кредиты — книжки-то именные, с паспортными данными. Ну, фотоматериал соответствующий хлынул — интернет же большой. Потом подмяли кого-то из «тысячников», выцарапали из горла базу данных электорального ядра. Там уже стали просто бить по площадям, публикуя перетасованные списки, чтобы с лупой всю газету штудировали, а не по алфавиту себя в списке искали. Власть надавила на МВД — начались аресты «сотников» и «квартальных» — все это подсветили в СМИ, перед самыми выборами ядро дрогнуло и посыпалось.

Голос слева. Вы как-то в этом всем участвовали?

Голос справа. Да. Аналитическая группа опосредовано что-то делала, конечно.

Голос слева. Это сколько ж стариков в гроб свели инфарктами...

Голос справа. Свели, не свели — не знаю, но на валидолах, корвалолах и валерьянках, думаю, аптечная сеть поднялась в ту осень нехило. Без меня, я свою вендетку точил, как ты понимаешь, все старался хоть как-то еще разочек дотянуться...

Голос слева. Хех... плевать же говнецом — запашок изо рта!

Голос справа. Кабы не война, поквитался бы сполна — плевками не отделаешься — достал бы по любому.

Голос слева. Ну так, тот созыв же распустили. Он и без тебя вылетел из парламента?

Голос справа. И что? Распустили потому, что страна с резьбы сошла. Завтра новому парламенту выдадут медаль «За дефлорацию иллюзий», и с улюлюканьем разгонят на следующий день. В любом случае, он бы вернулся в большую политику — не лошадей же ему начинать разводить в сорок годков?

Голос слева. А он и так вернется после войны! Ни на фронт, ни в эту камеру такие не попадают. Отсидится, переобучится в который раз, выпишет еще пару технологов, скупит твоих коллег на корню, войдет во власть и станет править с мудрыми оловянными глазами...

Голос справа. То понятно. Но я бы хотел поиграть в эти шахматы.

Голос слева. Знаешь, без обид, но я впервые вижу эксперта, так самозабвенно упивающегося своим гнусными навыками.

Голос справа. Ты повторяешься...

Голос слева. Не, ну, правда. То, чем ты гордишься, на самом деле искусство манипуляций. Лжи. Наведения морока на народ. Это уже не цирк. Вы устроили страшный аттракцион обмана и массовой паранойи. В технических терминах, ты — индуктор психозов!

Голос справа. Про кровь младенцев забыл...

Голос слева. И про нее — тоже. Именно такие как ты, твои близнецы однойцевые, запустили маховик этой войны, на которой гибнут в том числе и дети. Теми же технологиями, что ты самозабвенно рожаешь, превратили половину страны в нацистов-живодеров. Как ты говорил: «За три месяца переформатировали город»? Так?!

Голос справа. За четыре...

Голос слева. Вот. А твои коллеги за пару лет — перегрузили мозги всему государству и превратили мирных граждан в кровавых душегубов.

Голос справа. Все рассказал?

Голос слева. Почти... можешь начинать оправдываться.

Голос справа. В чем?! Ты пытаешься обвинить молоток в своих отбитых пальцах. Мы — инструмент. По другую сторону фронта такие же медийные снайпера и подрывники. Вопрос здесь в вас, наших дорогих соотечественниках, отдавших четверть века уничтожению своей страны и своего дома.

Голос слева. Лично я ничего не уничтожал, а свой дом защищаю с оружием в руках.

Голос справа. Да?! Давай посчитаем, сколько металлолома ты вывез, куда вы там его гнали. Но главное здесь не «сколько», а «что». Представь себе на секундочку список шахт, заводов, пароходов, которые вы срезали под фундамент, «попилили в размер» и, разбавив мусором, отправили в порт? Давай, вспоминай!

Голос слева. Резали старое, отслужившее, недееспособное. Отправляли не только в порт, но и на отечественные заводы.

Там лом переплавляли в арматуру и строили новые города-заводы-шахты.

Голос справа. Напомни мне, за пьянством лет, сколько у нас за четверть века понастроили шахт-заводов-городов? Молчишь, потому что знаешь — ничего не построили. Турки, наши исторические и убежденные враги, этой арматурой — из бывшего нашего военно-промышленного комплекса — радостно строили Эмираты и саудитов да Китай с Индией. А здесь, на нашей земле, вы прошлись как саранча, и от бывшей советской промышленности оставили лишь несколько швейных фабрик, обшивающих по давальческим схемам ленивый Евросюз. Все остальное вырезано под корень, как, например, на моем любимом «Проммаше», где из металла скоро начнут строгие ошейники для сторожевых овчарок производить, колючую проволоку и наручники для садо-мазо. Хотя наручники — навряд ли, это уже высокие технологии. Там, кстати, в дважды краснознаменном механосборочном, давно хотят торгово-развлекательный комплекс открыть в рамках туристско-рекреационного проекта: с боулингами и ночными клубами, а главное — с гигантским танцполом, где можно будет малолеткам наркоту двигать промышленными партиями.

Голос слева. Ну...

Голос справа. Та не нукай. Если брать конкретно нас с тобой, то мы — веселые дуралеи, на полянке мухоморы и другие заветные грибочки собирали, чтоб всем весело и не больно в страну радужных «аленей» отчалить. А вот вы, железные дровосеки, с сумрачными молитвами и закопченными рожами, тем временем наш наивный, розовый лес угрюмо пилили под корешок.

Голос слева. Съезд засчитан, стрелки переведены — молодец, умный мальчик.

Голос справа. Нет уж, теперь ты без обид — сюда слушай! Я ведь не про тебя конкретно. И ты, со своими дровосеками, и мы, со своими шапито, и даже те циркачи непохмеленные, всем миром мы — граждане, словно долгоносики, точили ствол своей страны. Всем было плевать на общее, каждый жаждал лишь свое — частное. Кому флакона «Тройного» хватало, кто тачку жаждал и, чтоб руль кожей игуаны обтянут, а кому третий рынок подавай, потому

что у Вована «Центральный» все равно шире и длиннее, чем его оба два. Вот так, как крысы в колесе, на ходу покусывая друг друга, и добежали — кто до пули под БТРом, кто до колючей проволоки в жопе, а кто до «чистовой». По заслугам — награда. Каждому отсыплется полные жмени... главное, не обосраться перед тем, как последний раз всхлипнешь...

Действие третье

Там же. Те же.

Голос слева. Мы, когда за ЦОФ у Горняка бились, тоже как-то с выборами столкнулись. Выбирать пришлось, что делать с одним бараном, решившим в одиночку держать оборону — в собачьей будке путевого обходчика за ЦОФом. Ну, он тоже свой выбор сделал. Правда, мы так и не поняли, во имя чего.

Голос справа. Расскажи...

Голос слева. Да там история короткая совсем. Горняк случился на вторую неделю, как крышку Старозаводьевского котла захлопнули. Вызывает Лось к полуночи. Мы приехали, а он уже к Бате ускакал. Нам ждать велел. Слышим, у Чалого движняк, — у бункера связистов. Гитара, все дела. Подходим, так и есть — казачки наши дуркуют. Чалый по открытой линии нациков чмырит, а Кизима за хамсу струны рвет.

Голос справа. За хамсу?

Голос слева. Ну... это...

Ты меня, паскуда, взбаловала,
Все кормила хлебом и хамсой.
Маргарину ты мне не давала,
Оттого я стал такой худой...

Голос справа. Из зэков, что ли?

Голос слева. Из шахтеров. Бывший маркшейдер с «двубис». Это они с Чалым дурочку лепят, мол, у нас тут бухают. Ну, пока чайку попили, возвращается Манжула. Грит, перед рассветом нацады пойдут на прорыв. Мехбат сейчас перегруппировывается,

чтобы встретить, а мы, «самсоновцы», сидим в засаде. Как наши танкисты нациков охолодят, так мы на плечах бегунцов заходим в поселок ЦОФа. Рота Лося идет правым флангом, отрезая обогатилровку от частного сектора.

Голос справа. Говорят, там просто бойня была...

Голос слева. А кто им виноват?! Гвардия погрузилась на свои скотовозы, разбавили колонну броней и, выставив впереди танки, поперла перед рассветом, как на параде. Мехбат от удовольствия радостно крикнул со всех стволов, и от колонны только танковые катки в разные стороны полетели. Колонна врассыпную. Ну, пошло рубилово: пока они зигзагами по пашне, наши их, как в тире, на выбор лупили. Нацики тогда машины побросали и дали деру пешкодралом — полями-то, огородами. Мы шли, как каппелевцы, чуть ли не строем. Без единого выстрела прошли ЦОФ, подходим к поселку, и тут с разъезда — шарах! И следом мать-перемать, мол, не подходите. Один засел, оборону держит круговую в железнодорожной конуре. Ну, мы ему так, мол, и так, выходи-сдавайся, завтра к мамке отправим. И правда, ведь обменяли бы — их же всех после Старозаводья назад отдали. Но нет, — оно уперлось там рогом, орет про «клятых сепаров», рыдает, костерит последними словами, герой-комикадзе, короч. Ну, мы разок врезали с пятка стволов для вразумления мозгов — по окнам. На крышу и в стену пару ВОГов положили, чтоб адреналин, значит, в штанишки хлынул. Слышим, затих. Подошли поближе, увещеваем. Чалый — добрый, метров на тридцать подтянулся, напротив двери встал, басит что-то про «сын-нок, одумайся». И тут с будки — хрясь!!! Короткая очередь. Мы все на колени, кто залег. Смотрим, а Чалый наш на бок валится, только руки по автомату соскальзывают. И уже понятно, что ранен он смертельно, что все — отойдет прямо сейчас. Знаешь, так бывает, прилетит кому, и словно воздушный шарик, практически незаметно, но сдулся человек сразу. Ну, все врезали по будочке с подствольников, и пару гранат туда следом. Ухайдокали, короч, на раз, шо и вякнуть не успел. Чалый, понятно, тоже — все. Но к нему вопросов никаких. Казак за дом свой, за веру да за детей-внуков смерть принял достойную. Вот тебе и выбор. А вот этот выпердыш — гвардеец сраный — за что сам скопытился и внуков Чалого без деда оставил?

За упырей своих столичных? За вопли «Слава нации! Смерть врагам!» — что они, слюной давясь и зенки вылупив, орут друг другу в хари? За что мамка его, за пятьсот километров, теперь с ума сойдет и даже могилку не обнимет? Ради кого тот выбор он сделал?

Голос справа. Та понятно, чего там. Могилку, кстати, обнимет. Выходит, Яков, что есть у нас с тобой общий знакомец.

Голос слева. Ты о чем?

Голос справа. Так это мы того двухсотого с будочки цофовского разьезда снимали, паковали и на обмен везли. Капрал 132-й мотоманевренной бригады, фамилию не помню. Лет двадцать всего пацану — по накладной помню.

Голос слева. Понятно...

Голос справа. Работы тогда много выдалось, хорошо морозы стояли, а то под конец уже пованивать начали, особо те, что порубанные, как этот.

Голос слева. Ну, так Манжула ж небось тогда «эфку» в окошко ему запулил.

Голос справа. Не рассматривал, паковали наши эксгуматорщики и представители «миротворческого корпуса» с той стороны. Иришку с бывшего оутдора там встретил, работали вместе. Я ей как-то чуть не вдул, представляешь.

Голос слева. В обстоятельствах Старозаводья это было бы простительно.

Голос справа. Ты не понял. Еще на службе, лет пять назад, роман у нас не случился. У нее сейчас муж на той стороне, дите или двое, не спрашивал.

Голос слева. Так спросил бы, они ведь могли быть твоими детьми.

Голос справа. Могли бы, но салат «огонек» помешал.

Голос слева. ?..

Голос справа. Стыдно рассказывать.

Голос слева. Поздно, колись...

Голос справа. Новогодний корпоратив в одной из структур Зализняка — рекламном агентстве Стасяна. Сам Стас мужик ничего, но системный пьяница формата «мистер-250».

Голос слева. Это как?

Голос справа. Двести пятьдесят — норма. Как стакан вискаря накопится в организме, то бесчувственное тело валится, куда придется, и лежит одинокой заветренной тушкой, как Ильич в Мавзолее.

Голос слева. Есть такая порода счастливыхцев...

Голос справа. И не говори! Начали чопорно, как положено — поздравительный адрес от Вени, прочувствованные слова местных подхалимов, и все такое. Где-то через час-полтора вострубила третья белочка: Стасян стал напоминать очнувшегося от жизни идиота и лысина, от самого калкана до бровей, налилась пурпуром. Генерального снесли в кабинет, и пошел тут настоящий праздник. А за пару месяцев до того в отдел наружки пришла новенькая. Ну, знаешь, такая стройненькая лисичка-сестричка с персиковыми ушками. Простая, компанейская, и ни разу не тургеневская барышня. А у меня как раз с Аленой не ладилось — она хотела узаконить отношения, на пятом-то году совместной жизни — свадьба, фата, все такое. Мне же казалось, что если она мне девушкой так мозг выносит, то что будет, когда паспорта проштампуют. Одним словом, разбежались мы тогда во второй или в третий раз. Формально — свободен. Иришка мне улыбалась коренными зубами, я ей тоже знаки какие оказывал, а тут корпоратив. Сели рядом, я джентльмену из-за всех сил — шампусики там, салатики, и сам коней не гоню. Дальше танцы, кто-то воет как собака в караоке. Перекуры, туда-сюда, подхожу к туалету. Занято. А уже так нормальный зов природы — не откажешь. Жду. Открывается дверь и вылетает моя Иришка. Сконфузилась, глазами не к месту обоссавшейся собаки смазала по моей виноватой улыбке и юркнула мимо. В туалете, сквозь дезик, ощущается запахок свежего говнеца. В напольном чугунном унитазе... не помню, как называется... в трубе слива видно колечко оранжевого котяшка. И тут я вспоминаю, как подкладывал ей на старте банкета морковный салатик. Причем раз несколько передавал. Теперь салатик свернулся уютным калачиком в такой вот конфуз. Где-то на периферии сознания я понимаю, что девочки тоже неспроста в эту комнату ходят... но такая грубая реальность... не заладились у нас тогда отношения. Голос слева. Бывает. Ну, а в этот раз как пообщались?

Голос справа. Никак. О чем мне с ней общаться? Она волонтер на стороне противника. Их армия расстреливает наши города. Она — враг. Топор ей в спину, вместе с мужем, детьми и розовыми ушками!

Голос слева. С Аленой разбежались?

Голос справа. Да нет, сходились-расходились. Перед войной вроде окончательно расстались, даже наговорили друг дружке всяко разного. А когда начались обстрелы, позвонила, рыдая: «Приедь, я с ума тут схожу!» Она ведь на Герсталея, это у них тогда летом по автобусной обстановке «град» ударил — как раз у нее под окнами народ кусками пошматовало. Связь, слава Богу, еще была — весь день звонил, до «Героев Сталинграда» только вечером добрался. На нее даже смотреть было больно. Я сбегал, она что-то приготовила, посидели, то да се. Она: «Останься, прошу...». Мне ее так жалко стало. Через пару месяцев, как во дворах многоэтажек на кострах стали еду готовить и воду через весь город на велосипедах возить, ее вещи к себе домой перевез. Представляю, как ей сейчас, изрыдалась вся, наверное.

Голос слева. Дети есть?

Голос справа. Нет. Вначале она аборт сделала. Потом еще один. А когда решилась, то сразу не получилось, надо было курс лечения пройти, а тут война. Без детей пока.

Голос слева. Прости, обидеть не хочу, но то не у нее — два аборта. То у вас — два мертвых ребенка...

Голос справа. Наверное, ты прав. Да, прав. Мы думали об этом. Она потом хотела, а я... А я — дурак.

Голос слева. Зато ждет тебя, молится, поди.

Голос справа. А у тебя — семья?

Голос слева. У меня? Да бросил я свою Тоньку. И Зайка не удержала...

Голос справа. Нашел кого-то?

Голос слева. Ну, не главное. Как бы это объяснить... Твои политологи сказали бы — разошлись у нас Антониной культурные коды.

Голос справа. Это как?

Голос слева. Да как. Мы-то с Фабричного оба. Оно хоть и в городе уже полвека, а все одно поселок. Я с микрорайона, она — с Мертвоносówki...

Голос справа. Чего?!

Голос слева. Ну, с «Генерала Ватутина» — улица, что на кладбище ведет.

Голос справа. А...

Голос слева. Познакомились в промшашевском училище. Начали встречаться. Потом женились. Закончил я на отлично, завод дал направление в машинститут. Уговорились, что я заканчиваю вышку, а она работает. Потом она пойдет учиться, когда я закончу или приработок найду. Ну, пошла работа-учеба, потом Зойка родилась. Ясли-садики. Каждый раз ревела страшно, когда переводили из группы в группу. Вообще пока малая, такая резкая была. Помню, баба Христя ей под шубку в рукава резинки сделала, чтоб варежки не теряла. Ну, папка как-то раз забирал из садика, и не досмотрел, что она одну лишь варежку просунула. Вышли на улицу, и тут Зайка увидела, что за ней что-то волочится. Не поняв, испугалась и как дала деру с таким визгом, что меня самого испугала. Летит-визжит, а за ней варежка на резинке гонится, как собачонка, только что за пятки не прикусывает. Так и жили — я учился, она работала. У меня своя тусовка, свои большие проблемы. У нее коллектив, маленький дом и семья. Тогда уж стали появляться непонятки меж нами. Как-то на новогоднем утреннике в садике вышел неприятный случай. Там был мальчик по прозвищу Ваня Казюля из неблагополучной семьи. Ну, все родители сдали деньги на новогодний подарок, а его — нет. Вышел Дед Мороз со Снегуркой, все дела, стали раздавать коробки конфетные. Раз — и Зойке не хватило. Воспетка быстро сориентировалась, забрала у Вани и отдала доце. Ну, пришли мои девки домой, рассказывают. Я говорю Тоньке: «Сдурела?! Вот на фига?! Ну, отдали бы мальцу, что — бедно живем?! Я бы Зайке в два раза больше купил». Да и понял бы ребенок, даже тогда. А она вдруг уперлась: «Это чего ради я чужим голодранцам от собственного дитя отрывать должна?!» Разругались в пыль, но она так и не врубилась, из-за чего такая склока вышла.

Голос справа. А родители что?

Голос слева. А что родители? Батя у нее умер. Царствие Небесное, хороший был мужик дядь Миша. Помню, как ни придет, перед порогом прокашляется, заходит, и как ни в чем не бывало: «Ну, как вы тут, ежики?!» Долго умирал от своего силикоза грозовского, но все равно шутил. Как-то пришла медсестра клизму делать, подвесила эту грелку над кроватью, воткнула клистир, ну и ждет, пока стечет. А он загодя набрал воды полон рот из кружки и лежит — струйкой изо рта пускает. Бедную женщину чуть кондратий не хватил, как увидела тот прямоток. Баб Христя тяжело переживала его уход. И когда мы разводились, только головой качала. А была юморная. Раз привела Зойку из садика и спрашивает строго: «Воспитательница говорит, что ты целовалась с Толиком. Это — правда?» Малая обреченно кивает головой. Христя зловещим голосом: «Все! Теперь у тебя будут глисты!»

Голос справа. А твои?

Голос слева. Да моим что?! Сын — отрезанный ломоть — своей жизнью живет. Внучку любят безумно. И похоже, наш развод особо и не обсуждают. Общаются меж собой, в гости друг к дружке ходят. Зойка, небось, и сейчас уроки учит у одной из бабушек.

Голос справа. Любишь дочь...

Голос слева. Ну, так зайчонок, как иначе... Все детство дурили малую. Года четыре было, решили санки подарить и спросили — хочет ли? Ребёнок завелся. Ну, накидали договорных условий про слушаться и хорошо себя вести. Хотя никто ничего не исполнял, понятное дело, в новогоднюю ночь поставили подарок под елку. Утром слышим топот босых ног до туалета. Бах — встали ноги. Через мгновение назад, в два раза быстрее. Прыг к нам в постель, и перепуганным шёпотом, Тоньку тормоша: «Мама! Санки!!!». На следующий год весной иду — вижу, передвижной зверинец в сквере «Проммаша». Прихожу домой. Тонька: «Поди, погуляй с малой». Идем по дороге, я ей сказки рассказываю, мол: куда пойдём, чего бы ты хотела, а хочешь зверинец? Кто ж не хочет?! Ну, говорю, лады, сейчас наволшеблю тебе... Заходим за угол — бах, ребенок остолбенел. Смотрит на зверинец, на папу — глазам

не верит. Вот так, наворожил зоопарк пятилетнему ребенку — до сих пор стыдно.

Голос справа. А разошлись как?

Голос слева. Как обычно. «Проммаш» уже на ладан дышал, мы со своего ЗПК раз за разом отгружали пресс-формы и другое железо на лом. Я следом сам ушел к металлстам. Она в один из цехов при кладбище, — там вся Ватутина либо памятники делала, либо венки плела. Так и жили — Зойка то у одной бабушки, то у другой. Тонька утром бетон и крошку мраморную мешает, днем на полировальной машинке стоит, а вечером, когда уже сил нет меня ждать и любить — сериалы смотрит. А у меня служебный «фольксваген», Любаша из бухгалтерии и вообще совсем другая жизнь...

Голос справа. Со скандалом ушел?

Голос слева. Нет, практически. Последней каплей была история с Джафаром. Ну, это я его так назвал. Сосед наш Макарыч... сейчас поди за Лося ротой командует... так вот он на своей «шестёрке» как-то сбил собаку. Огромный волкодав, метис овчарки с носорогом. Сбил, значит, и привез ко мне. Выручай, дескать, макариха вместе с собакой из дому сраной метлой погонит. Рассказывал, мол, пусть пару дней перележит, а там пристроим. Ну, говорю, заноси. Приходит Тонька. Видит, лежит песик — ровно на половину прихожей хватило. А тот уже отогрелся, очухался, переломанную лапу вдоль тела вытянул и тихонько урчит на входящих. Не рычит, но понятно, что лучше ей к нему не подходить. А у нас и так отношения были уже никуда. Ну, вечер она перетерпела. Утром встает, а там лужа от двери до двери и гора — я такую из себя не выдавлю. Короч, чтобы не утомлять: приехал Макарыч и забрал нас с Джафаром к своей матушке. Так началась моя новая жизнь. А старая... а старая поломалась, как сигарета в трясущихся руках. Через полтора года началась война. Я — здесь, Тонька в ополчении кашеварит, Зайка по очереди у бабушек в фабричном.

Голос справа. Понятно... Видитесь?

Голос слева. С малой да, а с Тоней... ну, о чем нам с ней? Все ж переговорено...

Голос справа. Она живет с кем-нибудь?

Голос слева. Не знаю, не интересовался. Мы стали чужими, когда еще в одной постели спали.

Голос справа. Везучий ты, на самом деле. Дочь, любит тебя, будет помнить...

Голос слева. Как папка ее бросил? Мамка, как подрастет, подробностей расскажет про остальное.

Голос справа. А может и нет. Возможно, гордиться будет, ведь сама же воует.

Голос слева. Чувак! Ты не представляешь той обиды... Это тебе не «паркер» недостаточно золотой... Это, конечно, дар превратить любимую в мегеру, но кому я нужен такой одаренный?

Голос справа. Значит отгорело у тебя к ней.

Голос слева. Отож...

Голос справа. На фронт бабы пошли... У меня Алена пыталась в минвосстановлении работать, но не потянула.

Голос слева. Что так?

Голос справа. Нервы не выдерживали, срывалась. Раз ума хватило тайком от меня через линию фронта партию наркоты провести, ну и нарвались. Там чуток и я, конечно, накосорезил: пришел как-то и рассказал ей за бойца Ильина из артбригады. Да спросил, не подумавши, кого из наших старых знакомых можно нагнуть на той стороне — лекарств добыть. Жалко его было, как никого. Попал этот пацан под фосфорную мину — обгорел от берцев до пояса, только что хвостик спереди чудом не пострадал, хотя пропало ноги местами до костей и сухожилий. Пачка операций, пересадками кожи все руки, спину и живот с него сняли прямоугольниками. Однако вытянули наши врачи. При этом половину медикаментов «НЗ» на него израсходовали, а лечения там еще на пару месяцев, минимум. И нужны обезболивающие. Край нужны, их вообще катастрофически не хватает, и это, как ты понимаешь, не аспиринок. Они экономят, тянут, как могут, колют ему в два раза реже, чем стоило бы, а он на стены лезет. Говорит, что если бы вставал, то уже из окна выбросился. Моя это дело услышала, втихаря на ус намотала, сама выяснила в клинике все назначения. Быстро списалась с кем-то по интернету на той стороне, и бывшие коллеги-бизнесюки ей все это дело прикупили. Но главное

осталось — как доставить?! Я бы не пустил, понятное дело. Поэтому она, типа, «поехала к маме»: пристегнулась к евангелической миссии, сделала лицо попроще и рванула вместе с ними на Дивнозерский пропускной.

Голос слева. Огонь девка!

Голос справа. Ага. Туда прошли без затей. Обратное в три, потому, что в пять переход закрывается. А ей до места встречи сто километров в один конец. Она успеваешь, привозит короб лекарств, распихивает ампулы в сумку, по карманам, чуть ли не в трусы. Дом молитвы, машина волонтеров, сумки с вещами для беженцев, и вперед на родину. На одном из блокпостов в двадцати километрах от перехода их тормозят пьяные гвардейцы: «Лежать-бояться! Кто-чего-куда-какие?! Все вон! Руки на машину! Документы! Вещи к осмотру!» А у нее около ста ампул. И мы ведь знаем, что с трех ударов прикладом по пальцам она расскажет: что это, кому именно и зачем. Она тоже не хуже нас с тобой все понимает. Однако евангелисты не в первый раз тут ездили. Во-первых, никто никуда не вышел. Во-вторых, они велели! — велели, Яков! — пригласить к машине старшего. И в-третьих, сами начали петь гимны, или псалмы, что у них там положено в таких случаях петь. Нацики чуть выдохнули от такой резкости. Приходит старший. Как Алёна рассказывала, такой себе жирдяй в камуфляже. Очередной неадекватка с повернутыми во внутрь глазами. Говорит, ощущала, как внутри него клокотала дикая ненависть, и ему без разницы, на кого ее выплеснуть. Навел резкость: «Что да как?» Объяснили, показали документы. Ведь это же протестантская миссия с какими-то международными гарантиями и соответствующими бумагами как раз для таких вот бабуинов, прикрутивших себе точку на дороге. Тот с пьяных глаз еще попытался быковать, что-то пырхнул напоследок, но пастор с вежливой улыбкой патологоанатома тихо спросил: «Горя ищешь?» Нацик потупил для приличия, вернул документы и отсалютовал им напоследок: «Слава нации!» В бусике молчание. Тот набычился и снова, уже с наездом: «Слава нации!» Молчание. Он начинает звереть. Вновь подошел к машине, положил ствол в оконный проем и цедит: «Отвечать надо — слава героям! Понятно?!» Отошел от машины, гаркает: «Слава нации!» И тут

миссия, прекрасно поставленными голосами, слаженным хором в ответ: «Слава Богу!» Тот моргнул полтора раза, посмотрел на подельников на блокпосту и, махнув рукой, обреченно вымолвил: «Ну, ладно, тогда... счастливо!» Алёна по возвращении всосала залпом полбутылки конины. Потом всю ночь по очереди обнималась с унитазом и колотилась в холодном поту под двумя зимними одеялами.

Г о л о с л е в а. Спасли парня?

Г о л о с с п р а в а. Да, но ходит с двумя костылями. И не факт, что когда-нибудь пойдет без них.

Г о л о с л е в а. А девка-то твоя — огонь...

Г о л о с с п р а в а. Да кто спорит.

Г о л о с л е в а. Она у тебя боговерующая что ли?

Г о л о с с п р а в а. Кто? Алена?! Да, как обычно, пару раз в год, на праздники бегает в церковь возле дома.

Г о л о с л е в а. Ты и столько не ходишь?

Г о л о с с п р а в а. Да я по работе, обычно. Одним словом, верую, конечно, но сам.

Г о л о с л е в а. Да... понятно. И я такой. Тоже вот — не верил. Баба Христя та Зойку с детства учила. Говорит ей: «Если, что — ты, внученька, у Бога проси». Заечка ей: «Не знаю, что просить у Бога...» Та в ответ: «Попроси, внученька, чтобы молитва всегда сполнялась». — «Ты че, ба?! Какая молитва?!» — «Ну, “Отче наш”, например...»

Г о л о с с п р а в а. А что бы ты сейчас просил?

Г о л о с л е в а. Ну, дать возможность подмыться, трусы свежие, чтобы если что — в морге не краснеть перед санитарями.

Г о л о с с п р а в а. Я серьезно!

Г о л о с с п р а в а. Я — тоже. В наших условиях умереть, не обосравшись, — уже достижение.

Г о л о с л е в а. Это понятно, а по жизни?

Г о л о с л е в а. По жизни... Знаешь, наверно, чтобы Тонька поняла и простила. Не за баб моих, не за то, что бросил. Поняла, почему. Поняла, как я Зойку люблю. Чтобы зла не держала и душу себе не рвала. Хорошая она баба. Мать преданная, и жена была верная. Это я предал — не вытянул я ее вслед за собой... А не

вытянув, поменял на свою новую жизнь, где ей уже не было места. И бросил...

Голос справа. А я бы за Игорька попросил...

Голос слева. Это — кто?

Голос справа. Мальчик из первого детдома...

Голос слева. Если не хочешь — не рассказывай.

Голос справа. Да там нечего рассказывать толком. Оно где-то под небом сидело и вот только сейчас до сердца упало... Работали от министерства новогодние утренники по детдомам. Считай, меньше месяца назад. Подрядился в Дед Морозы. Алену взял снегуркой. Начали работать утренник — детвора визжит от восторга. Они все лето и осень в подвале просидели, еще не отошли толком, от хлопка дверью падают на пол и, как учили, ручками головы закрывают. Отработали здорово, вдохновенно выступили, раздаем подарки от минвосстановления. Малышня лезет на руки и обниматься. Одна девочка говорит Алёне, что та очень красивая. Моя как-то сдерживается, начинает задирать голову и ловить потекшую тушь. И тут меня, как током...

Голос слева. Ну?! Говори...

Голос справа. Мальчик. Маленький совсем, лет пять. Обнимает за ногу и вдруг, обреченно, не надеясь, говорит: «Забери меня...»

Голос слева. И дальше?..

Голос справа. И все, мы уходим. Говорим с Алёной, пьем на кухне коньяк. Опять говорим, опять пьем и... ничего не делаем. Потому что сложно. Потому что война. Потому что не знаем, что будет завтра. Потому что сегодня я уже в «чистой», а она там, рыдает на моем диване, а ребенок в детдоме и ждет дедушку Мороза, суку конченую. И звать его Игорек. И он — самый добрый и ласковый мальчик в группе — каждый день спрашивает у нянечек, найдут ли ему маму и папу. А я лично знаю всех зампредов и всех министров. А я мог в любой день подойти, объяснить и забрать пацана, минуя любые процедуры и любую волокиту. И был бы у Игорька дом, и была бы у него мама. И хрен тогда на того несостоявшегося отца, которого не сегодня-завтра грохнут, как собаку. Но я этого не сделал по тысяче убедительных «но». И уже не сделаю.

И вот я здесь. Алена без пяти минут вдова, а Игорек спрашивает, где его родители. Возможно, судьба три раза пыталась подарить мне сына. Двоих мы убили в абортарии, а от третьей попытки — отвернулись в детдоме.

Голос слева. Чувак, я тебе не судья...

Голос справа. Мне судьи не нужны, мне бы самому себя простить...

Действие четвертое

Там же. Те же. В полной темноте слышен приглушенный разговор. Голоса прерывает лязг открываемой металлической двери, и в темноту врывается чехарда вспышек ручных фонарей. Видны тени. Сквозь решетку камеры бьют сполохи автоматных очередей, раздается грохот.

Тени исчезают. Слышен затихающий хрип. Кромешная тьма.

Голос сверху. Папа! Папочка! Слышишь?! Пойдем домой...

Голос справа. Что?!

Голос сверху. Это я, папочка... Игорек...

Голос справа. Боже! Что ты тут делаешь?!

Голос сверху. Детдом разбомбили, я за тобой. Пойдем, папочка...

Голос справа. А мама?

Голос сверху. Мамочка потом придет, не волнуйся. Идем, нам пора...

Голос слева. Эй, ребята... а я?!

Голос сверху. Дядя Яша, ты же живой! Подожди. Совсем чуточку осталось...

Занавес.

*Декабрь 2015 — январь 2016.
Светлый день Рождества Христова.
Луганск, ЛНР*

СОДЕРЖАНИЕ

В единстве с правдой	3
----------------------------	---

ПОЭЗИЯ

Вера Агаркова	7
Андрей Антонов	9
Михаил Афонин	10
Денис Балин	11
Ирина Бауэр	12
Андрей Бениаминов	13
Юрий Беридзе	14
Анна Вечкасова	17
Людмила Гонтарева	18
Ирина Горбань	20
Ирина Гусева	24
Вадим Гусев	25
Дмитрий Дарин	26
Нина Дернович	27
Вадим Десятерик	28
Анна Долгарева	29
Василий Дунин	32
Григорий Егоркин	33
Сергей Жуков	37
Ольга Журавлева	38
Сергей Зарвовский	39
Елена Заславская	40
Лариса Класс	47
Сергей Кащенко	48
Павел Кравцов	49
Марина Кудимова	51
Алексей Лавров	57
Наталия Мавроди	59

Юрий Макусинский	61
Марина Матвеева.....	65
Эмма Меньшикова.....	66
Виктория Мирошниченко.....	67
Инна Михедова.....	69
Александр Морозов.....	70
Елена Настоящая	71
Марк Некрасовский	77
Иван Нечипорук	79
Виктория Полякова	80
Марина Пономарева	82
Анна Ревякина.....	84
Наталья Романова	87
Екатерина Ромащук.....	90
Светлана Сеничкина.....	91
Александр Сигида.....	94
Александр Сигида-младший	96
Владимир Скобцов.....	100
Валерий Сурненко	104
Александр Сурнин	105
Вячеслав Теркулов	107
Светлана Тишкина.....	110
Николай Тюрин	112
Ирина Черниенко	113

ПРОЗА

Алексей Ивакин	
Кальсоны	117
Дело привычное	126
Вениамин Углёв	
Репортаж.....	130
Кирилл Часовских	
Младшая сестра	166
Иван Донецкий	
Боулинг	178
Два Донецка	183
Миномётчики	193
Дмитрий Филиппов	
Яблоки.....	201

Андрей Кокоулин	
Украинские хроники	207
Виктор Плешаков	
Солнышко на сносях.....	242
Алексей Муратов	
Исполняющий обязанности.....	263
Николай Иванов	
Партер. Седьмой ряд	269
Александр Григоренко	
Взятая высота.....	275
Слово о Мангусте	282
Про животных и людей.....	291
Светлана Тишкина	
С тех пор все они мои дети	301
Юрий Ковальчук	
Соль земли.....	314
Сергей Шаргунов	
Свой.....	319
Александр Сурнин	
Один день	333
Дмитрий Стешин	
Ревизия	350
Герман Садулаев	
Волчье брюхо и Сын возницы	355
Надежда Петрова	
Родной брат	368

ДРАМАТУРГИЯ

Иван Донецкий	
О героях и богах	377
Пески.....	385
Глеб Бобров	
Оглашение Крама	439

ВРЕМЯ ДОНБАССА
литература народных республик
альманах Союза писателей ЛНР

Руководитель проекта

Г. Л. Бобров

Литературные редакторы

В. К. Олейник, А. А. Сурнин, А. А. Чернов

АС

Верстка, дизайн, пре-пресс выполнены
в лаборатории предпечатной подготовки

Александра Сурнина

alex-surnin@yandex.ru

alexander.surnin@mail.ru

Подписано в печать 08.01.2016. Формат 60×84 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 31

Заказ № 16. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Пресс-кспресс»

91034, Луганск, ул. Ватутина, 89а

Тел. (0642) 33-11-98